

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

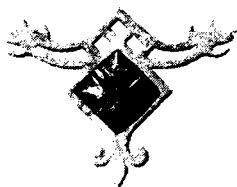

Длинные Руки —
рейхсфюрст

Ричард Длинные Руки —
рейхсфюрст

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — наладник Господа
Ригард Длинные Руки — сенъор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — троссграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркиграф
Ригард Длинные Руки — гаугграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — раугграф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрст
Ригард Длинные Руки — курфюрст
Ригард Длинные Руки — троссфюрст
Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — князь
Ригард Длинные Руки — эрцфюрст

Ригард Длинные Руки —
рейхсфюрст

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
рейхсфюрст

ЭКСМО
Москва
2012

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.

О-66 **Ричард Длинные Руки — рейхсфюрер : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2012. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).**

ISBN 978-5-699-57278-6

Окно в океан прорублено мечами, в защищенной от нападений бухте ударными темпами строятся каравеллы, каких не знало королевство Сен-Мари. Адмирал Ордоньес набирает команды и в спешке обучает работе с парусами и приемам abordaжного боя.

Священники поплывут на одних кораблях, а колдуны, маги, чародеи и алхимики — на других.

Сразу же, как только...

**УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-699-57278-6

© Орловский Г. Ю., 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2012

Во всем, что не связано с религией или моралью, опасно долгое время быть правым.

Часть первая

Глава 1

Тролли ревут дико и злобно, но острия копий остановились у моей груди, а вскинутые дубины замерли в воздухе. Маленькие злобные глазки перебрасывают острые как булавки взгляды с меня на могучую троллиху и обратно.

Я стиснул челюсти и, превозмогая себя, взял эту зеленую жабу из её рук. Фэдда заулыбалась, а я, растянув рот до ушей, вскинул над головой ребенка.

Тролли все еще потрясают копьями, острые наконечники почти касаются моей груди и лица, но теперь у меня на руках это вот самое, рядом встала мощнобедрая Фэдда с довольной рожей, смотрит поощрительно на меня и снисходительно на рычащих озлобленных сородичей.

Грозный рык и рев начали затухать медленно и неохотно. Я смотрел на отвисающие в растерянности тяжелые нижние челюсти, а в душе поднимается жгучая тоска, вот так мечтаешь о неземной любви, а получается вот такое, типичная ситуация женатого человека.

— Какой, — сказал я через силу, — чудесный у меня малыш! Вижу, хороший аппетит. В папу...

Фэдда проревела довольно:

— Жреть как не знаю хто!

— Это хорошо, — сказал я веско. — Мы, тролли, здоровый народ со здоровым аппетитом и здоровыми взглядами и потребностями! Потому мы и в лесу... Но об том в другой раз, а сейчас, милая Фэдда, пойдем в дом. Поговорим о семейных ценностях, не сильно ли скучала, какие новости, посмотрю, какой супчик у нас сегодня...

Тролли обалдело умолкли, нижние челюсти так и остались отвисшими. Троллиха повернулась и пошла обратно через сомкнувшуюся было толпу.

Я двинулся следом, у меня оправдание, что не пружу впереди: ребенок на руках, берегу свое сокровище.

Плотная масса нехотя раздалась перед нами, на оскаленные морды смотреть страшно, я опустил взгляд и не отрывал глаза от неимоверно толстого зада Фэдды, блестящего, раздутого изнутри так, что вот-вот лопнет.

Наконец толпа осталась позади, но я все еще не мог не смотреть на эти две колыхающиеся половинки, каждая как Монгольфье. А когда вспомнил, как и что я однажды с ними проделывал, в груди растеклась суровая мужская гордость, такого бегемота вот, ага, это же надо, вообще-то в самом деле я орел, когда в ударе...

...и в то же время горечь в груди, эльфяшку даже толком в руки не брал, а этого жабенка сам вот несу, показываю всем, мол, горжусь, видите, какой здоровый, и зубы уже какие, вы только посмотрите!

Дом у Фэдды не совсем дом, тролли живут огромными семьями, в этой крепости залы превращены в огромные бараки, посередине каждой расположились длинные массивные столы, а под всеми стенами тянутся широкие лежа, их настолько много, что смыкаются краями.

— Эта самец или самочка? — спросил я. — Ух ты, в самом деле самец... Крепенький такой! Тебя как зовут?

Младенец смотрел на меня желтыми глазами на зеленой харьке, а Фэдда проговорила басом:

— Еще нет имени...

— Тогда самое время ему дать, — сказал я авторитетно.

— Ну, — ответила она, — дай.

— Назовем его Растером! — сказал я с подъемом. — Это в духе взаимопонимания между народами и укрепления мира во всем толерантном и политкорректно мультикультурном.

Она переспросила:

— Растером? Почему?

— Растер, — объяснил я, — великий герой. К тому же гуманист и мультикультурист. Хотя он больше по гарпиям, но думаю, просто не видел ваших красавиц!

— По гарпиям? — переспросила она с уважением. — О, да, это герой.

Я вздрогнул, младенец ухватил крохотными лапками мой палец, потянул в рот, как все младенцы делают, а там неожиданно тяпнул так, что я охнул и попытался отдернуть руку, но он вцепился крепко и почти повис.

Я поискал взглядом колыбельку и поспешно опустил его туда, там мох и толченая сухая кора, не сразу сообразил даже, что зубов у зеленой зверюшки все еще нет, а пока только плотная роговая пластина, как у ящерицы или лягушки. Они тоже могут уцепиться пастью за палец и висеть так, совсем не больно, хотя силу челюстей гигантской лягушки чувствуешь, однажды у меня даже палец посинел.

Фэдда смотрела с любящей улыбкой.

— Какой милый ребеночек, — сказал я радостным голосом, — какой хваткий! У-тю-тю!

— И какой крепкий, — проговорила она довольно.

— Метис, — пояснил я. — Говорят, от смешанных браков дети становятся иммуннее и крепче. И вообще когда-то все расы сольются в одну большую кучу... Вот будет оргия!

— Ага, — сказала она. — Смотри, он почти не зеленый. Это не заразно?

Я сказал обидчиво:

— Я же не зеленый?

— Ты тоже крепкий, — сказала она одобрительно. — И здоровенький.

— А уж ты, — пробормотал я. — Походи еще по залу...

— Просто походить?

— Да, — ответил я. — Можешь даже не петь.

Она с удовольствием начала ходить из стороны в сторону, а я смотрел и дивился этим колыхающимся и таким тугим выпуклостям, что так и раскачиваются по мощной амплитуде. При каждом шаге обе половинки задницы сдвигаются влево на ярд, а затем на ярд идут в другую сторону.

И ничего уродливого, такие каноны прекрасного, как будто на нее смотрели наши предки, когда вырубали из камня статуэтку скифской богини красоты и плодородия.

— Ты поведешь мужчин в поход? — спросила она.

— Да, — ответил я. — Ты ходи, ходи, не останавливайся... Разве жизнь мужчин не вся в походе? Конечно, я говорю о достойных. Любителей полежать и похрюкать в расчет не беру... Какие они у тебя оттопыренные при таком-то весе!.. Мужчины должны жить в постоянной борьбе... Чего он там скалится? Ишь, зубешки какие...

— Давай его сюда, — сказала она любовно.

— Ты его еще грудью кормишь?

— Нет, уже кусается. Но на руках сидеть любит. Я его уложу, а тебе дам супа.

Я сказал поспешно:

— Да я совсем не голоден!

Она спросила в недоумении:

— Но ты сказал...

— Это я хотел остаться с тобой наедине, — объяснил я. — Ну что мне на те рожи смотреть, когда у меня есть ты, такая красавица?.. Вон какая задница, еще больше стала! И не обхватишь...

Она довольно заулыбалась, но напомнила:

— Так что суп?

— А он с лягушками? — спросил я.

Она ответила недоуменно:

— Не-ет...

— Не пойдет, — сказал я решительно. — Я ем только с лягушками. И чтоб майских жуков для приправы не меньше двух пригоршен... или одной твоей!.. Я же не простой тролль, я вождь!

Она с удовольствием хихикнула, мощные груди подпрыгнули и красиво заколыхались.

— Это хорошо... Мой ребенок от вождя!

— Еще какого, — подтвердил я, не в силах оторвать взгляд от этой колыхающейся массы. — Он далеко пойдет, обещаю. Ты сейчас займись малышом, а я сварганю обед...

Она охнула, груди пошли подпрыгивать еще сильнее.

— Обед?

Я сказал успокаивающе:

— У нас это иначе.

Никогда еще я не сосредотачивался на приготовлении обеда с таким напряжением. Куски мяса начали появляться друг за другом, я навалил на столе целую гору, ощутил озноб, перетрудившись, но нашел в себе силы сотворить чашу крепкого и сладкого кофе, хлебнул обжигаясь, и в тело начала возвращаться жизнь. Даже не представляю, как Он накормил пять тысяч человек, не считая женщин и детей, да и зачем их счи-

тать — разве они едят?.. — пятью хлебами и двумя рыбами? Да еще осталось двенадцать полных коробов! Не иначе рыбами тогда звали китов, мол, чудо-юдо рыба-кит по веревочке бежит, а хлеб пекли для соревнования между городами, когда каждый каравай весом в сто тонн и размером с три сарая...

Федда смотрела, набычившись. Между массивными скальными выступами надбровных дуг и скулами настолько узкие щели, что вытаращила она глаза или сузила, не рассмотреть, но могучие груди к моему облегчению и даже странноватому удовольствию запрыгали вверх-вниз снова.

— Ха-ха... хороший обед!

— Мясо, — заверил я, — Балшой Мясо!.. Ешь.

Она взяла крупный ломоть, обнюхала с недоверием и дала ребенку. Он ухватил обеими лапками и с рычанием впился своими роговыми пластинками.

— Правильно, — одобрил я. — Сперва на детях.

Она указала кивком на могучее ложе у стены, где медвежья шкура на полу, медвежья вместо покрывала и медвежья, свернутая в рулон, вместо подушки.

— Я сплю вот там. И лежу...

Мои плечи сами по себе передернулись, я сказал громко и с сожалением:

— Ах, как жаль, что у меня совсем нет времени!.. Нужно собрать наших воинов, чтобы помочь людям в их нелегкой войне против людёв. Не провожай, я иду говорить с мужчинами и... по-мужски.

Глава 2

Тролли народ простой и понятный, зря не умничают, да и вообще не умничают, с ними всегда уютно, вокруг крепости никаких консерваторий, а только куз-

ницы, бронницы, оружейные и еще деревья с ободранной корой, на которых молодежь разучивает удары.

Я вышел, раздвигая плечи и гордо выпятив грудь, с намекающей ухмылкой поправил штаны.

Тролли тут же побросали свои занятия и начали стягиваться ко мне, не выпуская из могучих лап кто топор, что молот, кто лопату.

Мороз пробежал у меня от затылка и до того места, где спина называется как-то иначе, никак не вспомню, там юркнул в такую-то непонятную норку, где только ее и нашел, и мне стало холодно теперь еще и внутри.

Я улыбнулся, как тролль: широко, чистосердечно и злобно, вскинул руки в красивом жесте. Тролли посмотрели на мои руки, потом на меня.

— Ну, — заявил я мощно, стараясь выглядеть и говорить, как урожденный тролль, — орлы мои зеленые, наступило новое время! Абисняю! Вы прибыли в этот дремучий лес и начали как бы жить по своим исконно-посконным правилам, традиции... можно даже с большой буквы — Традиции, ибо Традиция — спасает мир от всяких либеральных ценностей. Но глупые люди вас не поняли, а злой король Гиллеберд вообще велел вас обижать и мучить...

Они слушали внимательно и недоверчиво, но мало-помалу хмурые рожи начали проясняться, из темно-зеленых прямо на глазах становясь светло-зелеными.

Самые ближние ко мне заревели и заорали:

— Верна!

— Пральна!

— Так!

Я вскинул руку и продолжил:

— Я когда узнал, что моих кровных сородичей злой король обижает, сразу же вторгся в эти земли! Короля весьма убил за такое злодеяние и сказал, что отныне

все будет иначе... А это значит, как сами понимаете, тролли — самая мудрая раса! Великий и древний народ троллей займет свое законное и достойное место! Я, к примеру, только троллям могу доверить самое важное и ответственное в моем королевстве, что не могу поручить даже людям: дробить скалы в каменоломнях или же прокладывать путь для железной дороги, ибо никто из людей не сможет филигранно и ювелирно точно засыпать болота, делать насыпь или, напротив, прорывать глубокие и широкие каналы!

Они ревели в восторге, как от высокой оценки их качеств, так и от ошеломляющих перспектив засыпать болота и рыть каналы.

Я заметил, как из боковой двери вышел Чандлер, помахал ему рукой. Верховный шаман нахмурился, но пошел в нашу сторону.

— Дорогой друг, — сказал я патетически и возвышенно, — готовь отряд лучших из лучших воинов! Таких, которые не посрамят высокое и даже, не побоюсь этого глубинного значения слова, высочайшее имя троллей!

Чандлер протиснулся ближе, глаза все еще зыркают с недоверием и злобной подозрительностью.

— Зачем?

Рыкающий голос вождя прогремел подобно грому. Я в ответ широко заулыбался и развел передними конечностями в широком жесте искреннего троллизма.

— Дорогой друг! Разве это не бытовая поговорка троллей, что мы рождаемся для битв и славной гибели?

Он рыкнул:

— Ну?

— Они отправятся, — заявил я торжественно, — в великий поход бок о бок с моими лучшими воинами из людского племени! Я есть хоть и тролль, но еще и человек, так что правлю людским королевством мудро

и справедливо, как умеем только мы, благородные тролли, соль и мудрость этого мира!

Тролли слушают жадно и с постепенно разгорающимся огнем в маленьких глазках на широких мордах. Чандлер наблюдал за мной внимательно, мне даже показалось, что не столько вникает в слова, как читает мою мимику. Я тут же постарался говорить так искренне, как говорил бы тролль, воспитанный людьми, или человек, родившийся в племени троллей и живущий их идеями, стремлениями и чаяниями простого троллизма и всеобщей троллизации.

Чак по знаку Чандлера неохотно выскользнул из толпы и куда-то умчался. Хороший знак, дисциплинка есть, тут со знатностью рода не очень считаются. Тролли — настоящие демократы и либералы в натуре, очень хорошо.

— Говоришь, — спросил Чандлер с сильным сомнением, — это другие люди?

— Абсолютно! — заверил я.

— Не те, — уточнил он, — что нападали на моих людей?

— Нет!

— И не те, что пытались даже войти в лес?

Я замотал головой.

— Большой отряд самых отважных героев сейчас приблизился к вашему лесу и почтительно остановился на опушке, ибо это ваш лес! Входить можно только по вашему приглашению. Вот и ждут. Хотя там ваши друзья, что помогали с переселением среди зимы...

Он прорычал:

— Это кто?

— Возглавляет их сам Растер, — заявил я, — с которым вы так подружились. Ты его помнишь? Вы точно братья, раз даже твои люди не могли вас различить. Ну разве что у него морда не зеленая, но зато такая же

красная... Выйди из леса и увидь тех, кто разгромил и уничтожил мерзких и подлых людишек, нападавших на твой избранный зелеными богами народ!.. Так что теперь вы пойдете, как лю... носители общей идеи гуманизма и либеральных ценностей, а кто их не понимает, того мы будем по голове, по голове!..

Он смотрел все еще с сомнением, но вожаки отрядов уже толкают его, теребят и требуют, чтобы ответил согласием и послал их навстречу людям, что вполне могут быть теми, кто помог им перебраться из бедного леса, где жили в хижинах, в этот огромный и богатый, заселиться в мощную заброшенную крепость, в которой теперь так удобно.

— Хорошо, — сказал Чандлер все еще в раздумье, — я сам поведу отряд... Небольшой. Чтобы посмотреть, кто там... и те ли самые люди...

— Отлично, — одобрил я, стараясь не показывать, что все время еще трусливо сжимался, вдруг не поверят, а зубы у них вон какие. — Просто как бы замечательно!.. Ты принял мудрое решение, вождь, потому что тролли — самые умные и глубокомыслящие существа во всем этом громадном лесу!

Тролли одобрительно проревели. Чандлер кивнул.

— Ну... да, а как же?

— Я сейчас же выезжаю, — сказал я торопливо, — и предупрежу всех там, чтобы встретили вас с почтением!.. Зайчик!.. Ты где, морда?

Но первым прибежал Бобик, бока раздутые, словно сожрал целое стадо породистых коров холмогорской породы. Тролли, как и все нормальные мужчины, любят крупных собак, а это значит, что эту хитрую псыку кормили, чесали и баловали.

Зайчик примчался, волоча за собой столб коновязи и полсарая. Тролли ржали, как огромные зеленые кони, тыкали пальцами в бегущих следом испуганных и

обескураженных конюхов-троллей и ржали, похрюкивая от восторга.

Я бодро вскочил на арбогстра, поднял его на дыбы и вскинул руку в красивом салюте. Наконец-то научился так делать, скоро можно будет и перед дамами выпендриваться, а пока на троллях потренируюсь.

Я неся к выходу из леса, пока там сэр Растер не вздумал переть за мной следом, в голове стукались лбами мудрые и просто удивительно замечательные мысли и новые идеи, рожденные обстоятельствами, как вот, к примеру, предложить это вот зеленое в супруги принцу Рудольфингу, в ответ на предложение династического брака между нашими кровавыми режимами.

Ах да, там же самчик, ну и это ладно, что-нить придумаем, у меня идей много, все не менее умные, у меня всегда так: яркость и необычность — главное, а как воплотить — потом разберемся. Я — сюзерен, стратегией занимаюсь, у меня еще много идей, я творец, а не инженер.

Зайчик ломился, как бронированный слон, ломая молодые деревца. Жаль, тролли не видят, сейчас бы одобрительно ревели вслед, вождь должен быть сильным, а я умело демонстрирую это при каждом удобном случае, а при неудобном тоже — каждым.

Бобик первым выметнулся на опушку, часовые шахранулись, а он промчался и прыгнул на грудь сэра Растера, только тот и устоит перед таким напором, за что Бобик его уважает больше всех.

Мы с Зайчиком показались следом, оба собранные и деловые, у меня на лице соответствующая моменту строгость и государственная мудрость во всем незаурядном облике политика и дипломата.

Часовые подбежали и ухватили брошенный конец повода, а я помахал рукой и крикнул державно:

— Сэр Растер!

Он развернулся ко мне, все еще обнимая стоящего у него на плечах передними лапами Бобика.

— Сэр Ричард?

— К нам на помощь, — сказал я твердо и возвышенно, — спешат со всех зеленых ног союзники! То же, кстати, зеленые.

Он спросил тупо:

— Это... что? Откуда у нас тут союзники?

Я посмотрел на него с укором:

— Сэр Растер, мы же христиане! Мы должны видеть или хотя бы стараться видеть во всех встречных, хоть они и все сволочи, добрых людей. Все созданы Господом, даже придурки и последние... гм... а если Господь их создал, значит, зачем-то нужны?

Он смотрел с непониманием:

— Сэр Ричард... о чем вы?

— Как всегда, — сказал я с досадой, — как только начну о высоком, вы тут же хватаете за нижние лапы и стаскиваете на землю! А так поумничать хочется!.. В общем, сюда идут тролли.

Он охнул.

— Тролли?.. Эй, отряд, слушай мою команду-у-у-у...

— Отставить, — прервал я. — Было мелкое недоразумение. Тролли не знали, что власть в Турнедо переменилась.

Подбежал виконт Штаренберг из Фезензака, вслушиваясь жадно, спросил дрогнувшим голосом:

— А что, нас как-то различают?

Я фыркнул:

— Это тролли, с их высокими духовными запросами?.. Вы сейчас увидите, как они воздадут почести сэру Растеру!

Он обратил вопрошающие глаза на сэра Растера:

— Правда?

— Ну, — пробормотал Растер приглушенно, словно взрывал из берлоги, — вообще-то у нас как бы так... Вы, сэр Ричард, все уладили?

— Мигом, — заверил я, — всех поставил... я имею в виду на свои места, не улыбайтесь, сэр Штаренберг, все вам гарпии сэра Растера мерещатся!

Штаренберг заулыбался еще шире, только сам Растер смотрит непонимающе, один он еще не догадывается, при чем тут гарпии, все рыцарство по обе стороны Большого Хребта уже знает и чтит его за такое умение, только он не догадывается, насколько велик и популярен у героев битв и сражений.

— Они, — переспросил он озабоченно, — пойдут с нами?

— Какой вы догадливый, — похвалил я. — Вы стратег, доблестный сэр Растер.

Он польщенно улыбнулся.

— Да, я такой. Но тролли... они как, тоже будут сражаться? Не против нас, а с нами плечо к плечу?

— Абсолютно верно, — подтвердил я. — Если будет сражение, вы их в самое пекло, они это любят. Помните, народ они простой и даже очень простой, значит — дисциплинированный и любит подраться.

Штаренберг тихонько улыбается, а я, глядя на него, лишний раз убедился, как создаются легенды и расходятся слухи. Насчет гарпий как-то промелькнула шуточка, но сэр Растер очень даже характерная фигура, о его скрупулезном следовании традициям рыцарства и воинских обычаев знают многие, так что сперва шутя приписали изнасилование по праву победителя пойманной гарпии, а потом уже и всех гарпий, а также ведьм, и русалок, и единорогов. Уже и другими остро-словами начали создаваться анекдоты, а старые пере-лицовываться и группироваться вокруг такой знаковой личности.

И вот уже слава сэра Растера, который специалист по изнасилованию гарпий, ширится по всему Сен-Мари, вышла на ту сторону Большого Хребта и пошла по северным королевствам.

— Кстати, — сказал я быстро, — сэр Растер, не забудьте принести сэру... тьфу, верховному шаману Чандлеру соболезнования.

Он спросил гулко:

— А что с ним?

— Его брат, вождь племени, погиб.

— Эх, — сказал Растер, — жаль, здоровый был мужик...

— Теперь Чандлер, — объяснил я, — что стал верховным шаманом, во главе отряда...

Из леса начал доноситься шум, треск кустарника. Воины благоразумно отступили, ощерившись копьями, встали плотной стеной, прикрылись щитами.

Сэр Растер, громадный и массивный в своей уникальной броне из толстых стальных плит, выдвинулся вперед и смотрел, набывчившись, в лес, где между деревьями показались могучие зеленые тела. Оруженосец за его спиной держит обеими руками шлем своего господина, в ужасе смотрит то в сторону леса, то на каменное лицо блюстителя рыцарских законов и обычаев.

Воины отступили еще дальше, тролли выходят не просто огромные, а пугающе огромные. Похоже, Чандлер в передовой отряд отобрал лучших и сильнейших, то ли на всякий случай, то ли именно для совместного похода.

Тролли раскрыли рты, завидя сэра Растера, и опустили дубины. Чандлер с окованной железом громадной дубиной на поясе шел впереди, он бросился к Растеру, на морде надежда и ликование, но всмотрелся, тяжело вздохнул.

Сэр Растер шагнул вперед, железо на нем гроыхнуло, словно в небе гроза, обнял Чандлера.

— Приветствую, брат мой...

Наши воины, что вообще впервые видят троллей, тарасили в изумлении глаза, начали замечать удивительное сходство между их предводителем и вожаком троллей.

— И я тебя, брат мой, — ответил Чандлер и вздохнул.

Растер отстранился, похлопал его по плечу.

— Дружище, — прорычал он почти таким же могучим голосом, — разве мы рождаемся не для битв и подвигов?.. Твой брат, а мой друг, погиб красиво, в бою!.. Пусть и нас постигнет та же участь, а то я видел, как умирают от старости... бр-р-р!

Чандлер прорычал низким голосом:

— Ты прав, наш брат.

Тролли потрясали окованными железом огромными дубинами, воинственно орали. Рыцари смотрели в их сторону с отвращением и застывшими лицами, простые воины вздыхали, пожимали плечами, переглядывались.

У всех выражение безнадёги, но против господской воли не попрешь, к тому же вовремя прокатился слух, что тролли пойдут впереди и примут основной удар на себя, а у простолюдинов отношение к жизни несколько иное, чем у рыцарей: лучше все-таки умереть от старости в постели дома, чем красиво в кровавом и жестоком бою.

Штаренберг спросил меня шепотом:

— Он кто?

— Великий шаман, — пояснил я уважительно. — Он не просто решил сопровождать воинов в опасный и непредсказуемый поход, но и сам стал его вожаком!

— Да, — проговорил Штаренберг, — значит, и для них воинская слава важнее всего на свете?

Я изумился:

— А как же? Это разве что умным она не нужна, но кто с ними считается?

Чандлер повернулся к своим воинам, что-то проревел, но понял разве что один Растер, а тролли вперили взгляды в Растера и трижды ударили в землю дубинами.

— Ага, — сказал я, — это они подтверждают, что признают сэра Растера не только вождем похода, но и... гм...

— Кем-кем? — спросил Штаренберг. — А то не расслышал.

— Я и не говорил, — огрызнулся я. — О некоторых вещах нужно просто догадываться, так они проскальзывают незаметнее. А если назвать вслух, то надо как бы принять меры, пресечь, воспрепятствовать...

— А-а-а, — сказал Штаренберг понимающе, — они его признали троллем?

— Ш-ш-ш, — прошипел я. — Троль Растер, насилующий гарпий... это уже перебор.

Он вскинул брови:

— Почему?

— Перебор, — объяснил я. — Если у вас нет чувства прекрасного, то обзаведитесь бритвой Оккама и отрежьте себе все лишнее, чтобы танцевать не мешало. Либо тролль, либо насилователь гарпий. А то и другое, это уже нарушает целостность образа, а мы ж эстеты, мать вашу!

Он подумал, пожал плечами.

— Вам виднее. Я понимаю, когда вижу. А вы можете заранее, это здорово!

— Да, — согласился я, — это талант, можно сказать. Чувство меры. Правда, во всем остальном у меня его нет, но как эстета... меня и сравнить не с кем. Так что теперь у вас усиленное контингентом троллей вой-

ско, дорогой друг!.. Двигайтесь вон в том направлении... чтоб не заморачиваться со всякими там картами — какие их умники придумали? — я вам, как умный человек такому же умному, просто пальцем показываю.

Он посмотрел на мой палец, потом на то место над горизонтом, куда я его упер и поскреб там ногтем, царапая небосвод.

— Ага, — сказал он с удовольствием, — до чего же вы все понятно объясняете, сэр Ричард! А то все умничают, умничают.. А что толку? Ни богаче не становятся, ни счастливее.

— А там ждите приказа, — велел я. — Я матерый гуманист, все обожаю решать мирным путем в нашу пользу, но демократию приходится поддерживать, а то и насаждать, грубой моральной силой с помощью высокоцивилизованного оружия в виде дубин и мечей.

Он сказал бодро:

— Насадим! Так насадим, что не сорвется!..

— Надо еще, — сказал я строго, — не просто насадить, а чтобы те не особенно брыкались, но еще и удовольствие начали получать!

— Получат, — заверил он. — Если умело связать...

— Это мы сделаем, — пообещал я. — Умело свяжем кабальными договорами, концессиями, участием в союзах, совместных проектах, всякого рода сомнительных начинаниях... В общем, это уже мое дело. Вы делайте свое, я свое. С богом, сэр Штаренберг!.. Попрощайтесь за меня с сэром Растером, не хочу его отрывать от дружеской беседы с великим шаманом.

Он кивнул.

— Да, сложно найти родственную душу, я их обоих понимаю.

Я красиво вскинул руку в эффектном прощании, как же я себе нравлюсь в таком жесте, особенно когда

и последнее слово за мной, вообще обалденно, что еще нужно для счастья, если стараться не думать, что везет в мелочах, но не в любви.

Бобик пошел вперед крупными прыжками.

Глава 3

Мимо замелькали кусты, осыпанные мелкими розовыми цветами так густо, что кажутся окутанными туманом, весна в разгаре, пчелы проносятся с ревом, как шмели, гудят надсадно и сипло, каждая тащит в дом ведро с пылью и медом.

Солнце по-весеннему горячее, жжет голову и плечи, но воздух еще холодный, а при такой скорости вонзает в тело мелкие острые сосульки. В низинах кое-где клубится настоящий туман, будто утром, но там земля прогревается намного дольше.

Наконец впереди показался наш лагерь, я торопливо замедлил Зайчика, здесь ничего не изменилось, только костров стало чуть больше.

На меня уставились с изумлением, а испуганный Палант выбежал навстречу и спросил испуганно:

— Что-то стряслось, ваше высочество?

Я удивился:

— Чего так решили?

Он пробормотал в обеспокоенности:

— Но вы вернулись... с полдороги.

— А-а-а, — протянул я, — вот вы о чем. Это я показываю, как нужно работать. Я догнал сэра Растера, переговорил, решил все проблемы... даже те, которые решать и не следовало, теперь его отряд удвоился, если не больше, за счет зеленых.

— Ваше высочество?

— Троллей, — повторил я раздельно. — Зеленых таких... впервые слышите? Между прочим, великолеп-

ные бойцы. Здоровенные, выносливые, неприхотливые. Ничего, потом сами увидите.

Он отшатнулся в испуге.

— Тролли? В нашем войске?

— У нас будет интернациональная бригада, — сказал я строго. — А так как у нас разные народы и даже расы, могу претендовать на титул генералиссимуса. Ну, ладно, звание... Хотя это потом, подумаем. Вы на сэра Растера равняйтесь в данном случае!

Палант вздрогнул.

— В каком... смысле?

Я сказал с укоризной:

— Что за молодежь пошла и куда? О чем думает? Что из нее, смысле, из вас, сэр Палант, вырастет?.. О Родине нужно, как вон сэр Растер, что с троллями общается и все об Отечестве родимом думает и думает! И снова думает. А вовсе не о гарпиях.

Он сказал виновато:

— Да я что, я ничего...

— А надо, — сказал я сурово. — Как бы и вообще! Мы ведь кто? Правильно, соль и цвет всего прогрессивного человечества! Потому мы должны, несмотря ни на что!.. В общем, ждите опаздывающих. Поезд поездом, но сюда топают пешком и армия в пятьдесят тысяч человек под руководством графа Клемента Фицджеральда...

Он сказал быстро:

— Да-да, ждем!

Я сказал с досадой:

— До чего же все медленные... Ладно, за то время побываю в Варт Генце и Скарляндах... надо, чтоб их военачальники выехали навстречу.

— Ваше высочество?

Я повторил раздельно:

— Мы мчимся к нашим друзьям в Варт Генц и Скарланды, это значит — Зайчик, Бобик и я, если они, конечно, меня берут с собой. А вы, дождавшись сэра Фицджеральда, топаете в составе его армии. Растера с троллями не забудьте захватить!..

Я снова поднял Зайчика на дыбы, вскинул руку в эффектной прощании. Да, скоро можно будет вот так и перед дамами.

Дороги нам не нужны, даже Бобик проносится, ломая не только кустарник, но и мелкие деревца, а Зайчику, думаю, просто не хочется биться о толстые деревья, но если другого пути не будет, то что ж, он же пару раз, желая сократить дорогу, сразу шел на мой зов, не обращая особого внимания, что его от меня отделяет толстая каменная стена конюшни и народ разбегается в панике.

Солнце совсем почти летнее, напекает плечи и спину, а голову не так уж, я пригибаюсь перед встречным ветром, и ее прикрывает роскошная грива арбогастра.

Уже на землях Варта Генца, как я понимаю, впереди выросла стена леса, загораживая дорогу. Края уходят далеко вправо и влево до самого горизонта. В прошлый раз я объезжал, а сейчас почему-то ощутил, что лес идет узкой полосой, а недавний рейд по такому же почти воодушевил, Зайчик тогда шел, как кабан через высохший камыш, с хрустом ломая молодые деревья.

Бобик все понял, сразу понесся черной стрелой к стене лесных великанов, спеша вломиться первым и погонять там зверей раньше нас.

Деревья стоят могучие на краю, здесь мы протиснулись, дальше Зайчик шел бодро, как на прогулке, за спиной что-то сламывается со смачным треском, я то и дело увертываюсь от падающих стволов, но, к сча-

стью, все обрушиваются далеко позади, Зайчика не остановить такой ерундой, это всего лишь лес, то ли дело — горы...

Хотя в горах я с ним еще не бывал, мелькнула мысль. Кто знает, что он может выкинуть...

Шириной лес оказался в четверть мили, а то и меньше, мы пронеслись сквозь него, как гигантские стрелы, вылетели на простор, Бобик помчался в сторону, подпрыгивая и хватая на лету бабочек, я похлопал Зайчика по шее, предлагая нарастить скорость, как вдруг увидел скачущего в нашу сторону всадника.

Мне он показался крупноватым, а когда приблизился, я понял, что он не уступает по росту мне, а его огненно-красный конь — Зайчику. За его спиной сидит женщина в плотно повязанном платке, что укрывает голову и шею, даже лоб, оставляя открытым только лицо. У всадника поверх шлема такой же платок, однако широчайшие концы распушены, укрывая плечи и спину, словно тут частые песчаные бури.

Он смотрел на меня с таким же изумлением, лицо красивое, но жестокое, властное, и когда заговорил, в его хриплом голосе прозвучала откровенная неприязнь:

— Кто ты, посмевший вторгнуться в мои владения?

Я ответил мирно:

— Просто еду по своим делам. Напрямик. Если чем-то нарушил ваши права, приношу извинения. Я не нарочно.

Он нахмурился, голос стал резче:

— Никаких извинений! Обнажай оружие, или я срублю тебе голову.

— Безоружному? — спросил я.

Он фыркнул:

— У тебя есть оружие!

— А если я не стану вынимать меч из ножен? — спросил я.

— Тогда ты трус, — заявил он, — а трусам не место на земле!

Я сказал медленно:

— Логично. Но и слишком задиристым... тоже.

Он заорал люто:

— Что ты сказал?

— Общество нужно выпалывать как от дураков, — объяснил я, народ нужно просвещать хотя бы базово, — так и тех, кто в нем не уживается.

Я вытащил меч из ножен, всадник хищно улыбнулся, в одно движение ссадил женщину на землю. Она отошла торопливо и враждебно уставилась на меня крупными чернящими глазами навывкате.

Всадник выхватил меч, длинный и красиво загнутый на конце, даже расширенный, чем-то похожий на ятаган.

— Скажи твое имя, — потребовал он.

— Зачем тебе?

— Чтобы я знал, — сказал он мощно, — кого отправил к джаханнам.

— Ты не отправишь, — сообщил я, — а я твое имя не спрашиваю.

— Почему?

Я пожал плечами:

— Нужно запоминать имена мудрецов, а не дураков.

Он заорал и, резко вскинув меч над головой, послал в грохоте копыт коня вскачь. Я ждал, стараясь разогреть в себе злость, но получается плохо, слишком уж все обычно, а этот дурак не виноват, что он дурак, и как петух, защищая своих кур, бросается на все, что вторгается, как он считает, на его территорию, как же, вот прямо щас мечтаю все отнять и захватить.

В нужный момент я сам вскинул меч и, отклонившись от его удара, ударил сильно и точно. Лезвие меча захватило кончик платка на шлеме, а всадник промчался мимо, сдерживая коня, быстро развернул и тут же ринулся снова.

В его черных глазах я видел ярость пополам с удивлением, мне он тоже показался противником не простым, быстр настолько, что нужно драться, выкладываясь по полной.

Мы сшиблись, снова разошлись. В третий раз он остановил коня, мы некоторое время фехтовали, не сдвигаясь с мест. У меня рука заныла, удержать его тяжелые и точные удары очень непросто, он еще и силен чудовищно вдобавок к его скорости.

Зайчик, ощутив себя оскорбленным ростом и статью огненного красавца, с силой ударил грудью, а тот сдуру не отступил, а попытался ударить в ответ, раздался их слитный жеребьячий рев, похожий на женский визг, и красный конь опрокинулся на спину.

Всадник в последний момент успел соскочить, отпрыгнул, гибкий и быстрый, несмотря на рост и размеры.

Я удержал коня и крикнул:

— Ну? На этом закончим?

Его просто перекосило в ярости.

— Трус! — заорал он. — Конь всегда за тебя выигрывает схватки?

Я тоже, как и он, бросил взгляд на женщину. Закутанная в длинный платок и в платье, что укрывает лодыжки, она застыла столбиком и только наблюдает за нами большими серьезными глазами.

Не будь ее здесь, этот петух, возможно, не стал бы так на меня бросаться. Увы, присутствие женщины всегда разжигает огонь соперничества, но я все-таки могу вложить меч в ножны и уйти, а вот он не может...

— Погоди, — сказал я. — Это твоя невеста?

— Жена, — прорычал он. — Она видела, как я сражал и посильнее тебя... И увидит сейчас!

— Лучше посади ее снова за спину, — посоветовал я, — и езжай, куда ехал. А я поеду по своим делам.

Он бросился ко мне, раздувая ноздри.

— Думаешь, если ты все еще на коне...

Я сказал с досадой:

— Да ты в самом деле дурак.

Он отпрыгнул, когда я соскочил на землю, но тут же снова двинулся с поднятым для удара мечом. С долгую минуту мы фехтовали, оба одинаковые в скорости и силе, я видел на его вспотевшем лице изумление и начинающую проступать тревогу, явно предыдущие поединки заканчивались быстрее, затем он выкрикнул некое заклятие, как понимаю, движения ускорились, а удары стали тяжелее.

Но я уже разогрелся, злость и чувство опасности обострили все чувства, я начал двигаться тоже быстрее, еще быстрее, бил сверху, снизу, с боков, наносил косые и обманные удары, наконец он допустил крохотную ошибку, кончик моего меча задел его шею сбоку, кровь из рассеченной артерии ударила тугой красной струей.

Он покачнулся, выронил меч и попытался ухватиться за рану, но кровь мощно била тонкими струйками и между пальцами.

— Ты меня убил, — прохрипел с ненавистью, — тебе повезло...

— Не я, — буркнул я все еще со злостью, — тебя убила твоя дурость.

Он упал на колени, затем завалился на бок. Кровь все еще хлещет из такой небольшой ранки, сильно оттопыривая вздутые края, но слабее и слабее с каждым мгновением.

Я вытер лезвие меча о его одежду и сунул в ножны. Женщина подбежала и упала с плачем на его тело.

Чувствуя себя виноватым, я буркнул:

— Садись на его коня и возвращайся.

Она не слушала, рыдала, я вяло подумал, что надо бы помочь ей похоронить убитого мужа, все-таки не весьма вот так все оставить, но не вожу же с собой лопату, да и на его красном коне только дорожный мешок, там не видать торчащего черенка.

— Слушай, — сказал я женщине, — а он, может быть, огнепоклонник? Ну, в душе?.. Тогда его лучше оставить так вот...

Она коротко и с ненавистью взглянула на меня и снова опустила голову ему на грудь.

Я развел руками:

— Ну, как знаешь. Самое большое, что могу для тебя сделать — это оттащить его вон в ту яму и завалить камнями, чтобы звери не добрались.

Она не ответила, я посмотрел на красного коня с опустевшим седлом, на своего Зайчика и внимательно наблюдающего за нами Бобика.

— Как скажешь, — проронил я, — могу помочь тебе взобраться в седло, а то ваш конь как-то великоват.

Она наконец подняла голову, лицо страдальческое, но на губах проступила печальная улыбка. Медленно подняла мертвую руку мужа, поцеловала ее и сняла с пальца тонкое кольцо с небольшим красным камешком.

— Ты мог спастись, — проговорила она ему с укором едва слышно, в ее голосе чувствовались слезы, — почему не сделал?

Я отвернулся, не желая мешать прощанию, она еще хорошо держится, нет бурных рыданий, истерических воплей, чувствуется достоинство в каждом движении и жесте.

Выждав немного, я сказал снова:

— Мне надо ехать. Тебе тоже не стоит тут оставаться. Иди сюда!

Она вздрогнула от повелительного голоса, покорно поднялась и так же медленно приблизилась, опустив голову. Я подошел медленно к красному коню, он все отводил морду, но я поймал за повод и подвел к женщине:

— Садись.

Она посмотрела на меня исподлобья. Глаза крупные, навывкате, черные с огромной радужкой, ресницы густые, длинные и тоже чернящие, как верхние, так и нижние.

Не спеша нагнулась, сняла с шеи мужа политый его кровью платок, повязала себе на шею, как я понимаю, в знак скорби или траура, медленно подошла к своему коню.

Судя по тому, как хватается за седло, ездить сама умеет не очень, я поддержал ее под задницу, тугую, как отполированный и покрытый лаком орех.

Наконец она уселась, очень неумело и по-мужски, ухватила повод обеими руками.

Я отступил и сказал с облегчением:

— Ну вот... как бы так...

Зайчик подставил бок, я поднялся в седло, разобрал повод и повернул его в сторону Варт Генца.

Бобик ринулся вперед, Зайчик пошел следом, но я услышал за спиной стук копыт, торопливо оглянулся, одновременно нащупывая рукоять меча.

За нами на красном коне неумело скачет эта женщина, полы темного платья трепещут по ветру, ноги оголились весьма непристойно.

Я остановил Зайчика, они настигли нас и тоже остановились. Бобик подошел к ним и сердито уставился на красавца коня, тот мелко задрожал, но не отступил.

Женщина ответила мне прямым взглядом, но промолчала, неподвижная в седле, укрытая платком по

самые брови, что изначально придавало ей скорбный вид, а сейчас и вовсе выглядит сироткой.

— И что? — спросил я. — Чего ты едешь за мной?

Она впервые разомкнула губы, я услышал низкий приглушенный голос, исполненный кроткой печали:

— А как иначе?

Я пробормотал:

— Ты о чем?

Она смотрела на меня в упор.

— Но разве я не должна следовать за тобой?

— Почему? — спросил я настороженно. — С какой стати?

Она проговорила мертвым голосом:

— Ты победил. Теперь у меня нет мужа.

Я охнул:

— И что? Я, что ли, должен о тебе заботиться? Ничего себе обычай... Распространить бы его на весь мир, сразу бы все войны прекратились!.. Или это у тебя такие шуточки?

Сказал и устыдился, какие шуточки могут быть, если только что убил ее мужчину, бесчувственная свинья, совсем огрубел, но слово не воробей, уже вылетело.

Она ответила очень серьезно:

— Но ты же убил моего мужа!.. Ты обязан это сделать... Таков Великий Закон!

— Чего-чего?

— Взять меня, — сообщила она мрачно. — По закону, убив мужа, ты забираешь его жен в наложницы, так как нельзя оставлять женщину одну.

Глава 4

Я окинул ее долгим взглядом, явно не горит желанием стать моей наложницей, но готова подчиниться обычаю или закону, что-то помню насчет этого в два-

дцать шестой суре, но я другого вероисповедания, я всегда другого, с каким бы ни столкнулся, а вообще-то, если честно, хотя этого никому не брякну даже спьяну, верую только в себя, да и то очень даже редко.

— Дорогуша, — сказал я, — я тебя доставлю до ближайшего селения, хорошо? А там либо езжай, либо устраивайся на жизнь, либо топай ножками в поисках лучшей жизни. Я не могу решать проблемы всех людей на свете! Не надо было выходить замуж за такого буйного дурака!.

Она ответила с чувством достоинства:

— Брак заключается родителями, я впервые увидела своего мужа только на брачном ложе.

— Ах да, — сказал я, — брак по договоренности! Скоро я стану специалистом по видам брака... Так что же с тобой делать?

Она в удивлении вскинула брови.

— Как что? Вези меня к своим женам. Надеюсь, ты человек закона, и у тебя их не больше четырех? А я буду наложницей... У тебя много наложниц?

Я сказал сердито:

— К счастью, у меня даже жены нет.

Она охнула:

— Да как же... Что с тобой не так?.. Ты настолько бедный? Даже одну не можешь купить? Ну ладно, наложницы — почти то же самое, что и жены, у них те же права, только у нас нет прав на совместно нажитое и на детей, если ты вздумаешь расторгнуть наши отношения.

Я сказал саркастически:

— А, так ты прям законница!..

Она фыркнула:

— А как иначе? Женщина должна помнить о своих правах.

— Ты говоришь, — сказал я с надеждой, — могу и расторгнуть?

— Да, — ответила она, — но только ты сперва должен войти в права господина и овладеть мной. А потом достаточно трижды сказать «Талак», и брак разорван.

Я почесал нос, задумался. Бобик тоже посматривал на нас по очереди в задумчивости и веселом удивлении.

Она все так же смотрит с непониманием, я пробормотал:

— Да как-то не по мне овладевать против воли.

— Но я — твоя собственность!

— Да, — согласился я, — раз уж я убил твоего мужа и тем самым взял его обязанности на себя... но все-таки... ладно, кто я таков, чтобы идти против Закона?.. Лучше пересядь ко мне, я отвезу тебя в твой домик. Или ты живешь в норе?

Она спросила обидчиво:

— Почему это в норе?

— Дикая какая-то, — сообщил я. — Если не в норе, то на дереве? У тебя там гнездо?

Она ответила с достоинством:

— У нас настоящий замок, хоть и... не совсем большой. Нет, я поеду на этом нашем коне.

— Твоем, — уточнил я.

Она вздохнула и поправила меня:

— Нашем.

Я умолк пристыженно, сообразив наконец, что она вкладывает в слово «наше» совсем другой смысл, чем я по своей привычной заторможенности и остроумии на лестнице.

— Тебя как зовут? — спросил я наконец.

— Алвима, господин.

— А меня Ричард.

— Просто Ричард?

— Просто, — сказал я сердито. — Без всяких там... разных.

Она сказала невесело:

— Тогда ты совсем бедный... но ничего, ты сильный воин.

— Ладно, — сказал я в раздражении, — поехали.

— Только держись рядом, — предупредила она. — Если напрямик, то придется ехать через земли Мурд-раза.

— Чем-то опасные?

Она поморщилась:

— Только хозяевами.

— Старая вражда?

— Очень старая, — ответила она мертвым голосом. — Если увидят, что со мной нет моего мужа... Мурдраз обязательно нападет.

— Ого, — сказал я, — придется драться?

Она повернула голову и смерила меня недоверчиво-презрительным взглядом.

— А ты уже готов уклониться?

— Я всегда готов, — ответил я с постыдной для взрослого человека мальчишечьей бравадой, но что делать, в присутствии женщин мы все втягиваем животы и топорщим перья.

— А вот они не готовы, — сказала она.

Некоторое время мы ехали рядом, затем я поинтересовался:

— А другой дороги нет?

Она снова посмотрела на меня со странным выражением.

— Только через земли Нахимда. Но они еще опаснее.

— Ну и порядки у вас, — сказал я с сердцем. — Как пауки в банке.

Она проговорила медленно:

— Наверное, ты очень издалека.

— Очень, — согласился я. — Ты, значит, принадлежишь мне по тетравленду?

— Что такое тетравленд?

Я отмахнулся:

— Да та же забота о женщине, чтобы вы всегда были под защитой мужчин и покровительством. Как вижу, даже самые разные религии приходят к одним и тем же законам... Постой, вот там далеко не те люди Мурдраза, что с вами во вражде?

Она всмотрелась, лицо омрачилось.

— Они. Сражайся хорошо, мне очень не хочется стать наложницей у Мурдраза. У него их десятки, а тех, кто ему надоедает, передает, в нарушение закона, своим сыновьям.

— Какой мерзавец, — сказал я. — Вообще-то я всегда защищаю закон, каким бы тот... интересным ни был. Ты сойдешь на землю?

— Зачем?

— Твой конь не понесет?

— Он привык к схваткам, — сообщила она.

— А я вот нет, — ответил я со вздохом. — Уже и перерос вроде бы, а все равно... да и привыкну ли?

Всадники сперва неслись во весь опор, а когда увидели, что мы и не пытаемся убежать, перешли на рысь и приближались, не скрывая торжествующих усмешек.

Впереди рослый мужчина, очень сухой, с резкими чертами лица, такими я почему-то всегда представляю фанатиков, со злым и неприятным выражением, а трое с ним просто воины, по всему видно, что привыкли бахвалиться силой и глумиться над более слабыми.

Алвима хмуро молчит, я ждал, а передний всадник крикнул с жестокой веселостью:

— Что случилось? Почему прелестная Алвима едет через мои земли в сопровождении незнакомца?

И хотя он смотрит на меня в упор, но вопрос вроде бы адресован Алвима, потому я смолчал, а она, видя, что я не открываю рот, ответила с неожиданным для меня достоинством:

— Мой бывший муж убит в честном поединке сэром Ричардом. Теперь он мой муж, и я не нарушаю обета чести, когда еду с ним.

Всадники начали переглядываться, на меня смотрят заинтересованно, а вожак заявил в удивлении:

— Как Торадз мог погибнуть?.. Этот не выглядит сильным бойцом.

Меня задело «этот», но смолчал, пусть, это поможет разозлиться, без злости я почти чеховец, даже буддист, а когда получаю по роже, да еще желательно не один раз, то могу и озвереть, и в благородном негодовании могу и перегнуть, что весьма полезно и крайне нужно, но как бы нехорошо.

Алвима сказала ровным голосом:

— А вот ты выглядишь сильным бойцом.

Он не понял скрытый смысл, даже издевку, гордо приосанился, а я бросил на нее удивленный взгляд, до этого момента она казалась просто покорной овцой.

Вожак велел:

— Слезайте с коней!.. Курл, свяжи им руки и надень петли на шею. Погоним к себе... Нет, Алвима пусть остается, но руки свяжи за спиной, а ноги под брюхом ее уродливой лошади. Поведешь в поводу... Эй, ты, чего застыл? Ты слышал?

Я ответил мирно:

— Почему ты такой грубый?.. У тебя ничего не болит?

Он зло засверкал глазами.

— Что?.. Ты смеешь противиться?

— Обязан, — ответил я совсем кротко. — Если пойду долиной мрачной смерти, не убоюсь зла, пото-

му что Ты со мною... Ты приготовил передо мною трапезу в виду врагов моих... Это я о вас, придурки деревенские!

Вожак подъехал ко мне вплотную и занес меч для удара. Я, уже взвинтив метаболизм, выхватил меч с такой скоростью, что сам едва заметил, как он блеснул в моей руке.

Сверкающее лезвие сверкающей полосой прошло через плечо вожака, руку сильно трянуло. Зайчик, все поняв, в один прыжок оказался среди опешивших воинов. Я ударил направо, развернулся и ударил налево. Третий начал в страхе поворачивать коня, мой клинок рассек ему череп сзади, дураков можно и в спину.

Я поспешно оглянулся на вожака, но тот раскачивается в седле и воет, как волк с перебитыми лапами, глядя на упавшую на землю отрубленную руку с зажатой в кулаке рукоятью меча.

Алвима смотрит вытаращенными глазами, я быстро подъехал к вожаку и торопливо, пока еще кипит злость, рубанул его прямо в лицо.

Он запрокинулся на круп, в горле заклокотала кровь. Я не стал смотреть, как он рухнет, повернулся к Алвиме.

— Он бы все равно не выжил, — сказал я виновато. — Это акт милосердия.

Она медленно проговорила:

— Да, конечно... Но как ты...

— Пришлось, — ответил я невесело. — Вот из-за такой вот ерунды и принят закон, что у нас называется тетравленд, а у вас...

Она сказала что-то совсем тихо, я не расслышал из-за бешено ревушей крови в ушах, а я нагнулся с коня и вытер лезвие о павшего. Алвима тем временем слезла с коня достаточно уверенно, подошла к вожаку

и, наклонившись, начала снимать с его руки кольца и перстни.

Я помалкивал, вдруг там тоже что-то магическое, но она сняла с трупа и перевязь с пустыми ножнами, выдрала из вцепившихся пальцев рукоять меча.

— Да стоит ли? — спросил я вяло.

— Это именной меч, — ответила она просто. — Его все знают.

— Много он ему помог, — пробормотал я.

Она сунула клинок в ножны, зацепила перевязь на крюк седла своего красного коня, но когда направилась к другим еще теплым трупам, я запротестовал:

— Они же в таком рванье.. Так и мародерничать нечего.

Она буркнула, не оглядываясь:

— Но кони у них хорошие.

— Ну, разве что кони, — пробормотал я.

Те пытались отбежать, дичились, но мы с Зайчиком переловили всех, я связал поводья и зацепил веревку за седло Зайчика.

Она с моей помощью взобралась в седло и поехала впереди, даже не оглядываясь, но я чувствовал по ее прямой фигуре, что настороженно ловит стук конских копыт за спиной.

Лес постепенно отодвигался все дальше, а впереди поднялись скалы, дорога ведет туда, а когда и те отъехали в сторону, я с дрожью в груди увидел черноту пропасти.

Глубокая трещина в земле, десятки ярдов, не меньше, а на той стороне чуть приподнятая скала со срезанной вершиной, где высится замок. Небольшой, компактный, вокруг не погуляешь, стены от самого края пропасти, зубчатые, одна башня высится рядом с домом.

Я пригляделся, с этой стороны через пропасть перекинут подвесной мост, однако настолько легкий,

что в первые мгновения я его даже не заметил, таращась на замок по ту сторону бездны.

— А как кони? — спросил я.

— Мой привык, — ответила она. — А твой... может и сорваться.

— Ну, спасибо, — сказал я сварливо.

Она подумала, посмотрела на моего коня внимательно.

— Пожалуй, я попробую его провести.

— Нет уж, — сказал я. — Двигай вперед, вдруг да тебе, как хозяйке, ворота откроют? А как с трофейными конями?

— Пока оставим здесь, — сообщила она.

— Зачем?

— За ними придут, — сказала она. — Ну, ты готов?

— Я на все готов, — огрызнулся я. — Даже на хорошие и прекрасные деяния во имя, так сказать!.. Давно, кстати, готов. Как-нибудь даже и совершу, если будет возможность.

Она посмотрела на меня внимательно:

— Не было?

Я фыркнул:

— На мелочи не размениваюсь! Вот если все человечество спасти... Злая Звезда Маркус, говорят, все ближе.

Она, не слезая с коня, направила его на раскачивающийся под ветром мостик. Как только копыта ступили на доски, тот злорадно пошел из стороны в сторону, как оживший маятник.

Я сказал с тоской:

— Коню я глаза завяжу... а кто завяжет мне?

Зайчик посмотрел в удивлении, что это еще за шуточки, а я подумал, что в самом деле коням тут надо завязывать глаза, да еще и проверять, чтоб не подгля-

дывали, а то сойдут с ума, когда обнаружат себя идущими над бездонной пропастью.

Зайчик пошел за красным конем уверенно, словно у него в пузе гироскоп, а я сцепил зубы и задираю морду, чтобы не видеть дощечки внизу даже краем глаза, там дальше вообще зияет бездна...

Мостик раскачивало только сперва, как маятник, а потом уже сильнее качелей, которые пытаются заставить сделать полный оборот вместе с усевшейся туда душой.

Зайчик всхрапывал, но шел медленно и осторожно, чувствуя мою, скажем так, крепкую дрожащую руку настоящего мужчины и властелина.

Когда мостик уже заканчивался, на воротах замка появились несколько бородатых морд.

Встревоженный голос прокричал сверху:

— Госпожа, а где господин Торадз?

Алвима ответила с печалью:

— Погиб. Герст, встречайте моего нового мужа.

Там переговорили быстро, один ринулся вниз, надсадно закричали цепи, ворота открылись, а в глубине начала подниматься металлическая решетка из толстых прутьев.

Я въехал с осторожностью, нас окружили пятеро мужчин, все держат копыа наготове. Слезть и помочь женщине я не успел, она соскочила сама, опершись на руку старшего из стражей, крупного и чернобородого, похожего на разбойника.

Он буравил меня недобрым взглядом, Алвина уже на земле сказала:

— Герст, этого воина зовут Ричард. Это он убил Торадза.

Герст спросил хриплым от ярости голосом:

— Был ли наш господин убит честно?

— Да, — ответила она. — Он напал... ну, как обычно. А когда понял, что в простой одежде может ока-

заться герой, что держится спокойно и никому не угрожает, было поздно.

Герст смерил меня злым взглядом.

— А почему господин не вернулся?

— Не знаю, — ответила она сердито. — Он мог, но... сам не захотел. Позаботься о конях. Кстати, на обратном пути на нас напали люди Мурдраза. Их было четверо.

Герст спросил быстро:

— Молниеносный Гаганша был с ними?

— Да.

— И...

— Он там и остался, — ответила она просто, но мне показалось, что в ее голосе слышалась тщательно скрываемая гордость. — И остальные трое. Коней я забрала, пойдите заберите на той стороне ущелья. А вот меч Гаганши.

Герст бережно принял меч, я вспомнил, что меч мужа она так и оставила с его трупом, а вот клинок вожака противника захватила.

Герст спросил глухо:

— А господин...

— Возьми людей, — прервала она, — похорони. Не думаю, что Мурдраз пошлет кого-то еще, пока не вернулись его люди с Гаганшем. Все успеешь, но делай быстро.

Он кивнул:

— Да, госпожа. Все будет сделано, госпожа.

Глава 5

Он стегнул по мне недобрым взглядом, в котором, однако, уже читается уважение к более могучему воину, быстро собрал несколько человек.

Они побежали довольно ловко по мосту на ту сторону, а женщина повернулась ко мне.

— Сэр Ричард, — сказала она тем же ровным голосом, — позвольте показать наш... теперь уже ваш замок. Не знаю, насколько наши обычаи отличаются от ваших, мы здесь живем очень уединенно, но мы... хорошие люди...

Я наконец покинул седло, хотел бросить повод Бобику, но тогда его уже никто не возьмет, сунул в руки одного из слуг.

У дверей донжона двое стражей, нехотя и явно делая над собой огромное усилие, поклонились.

Алвима сказала мне громко:

— В вашем распоряжении замок, люди и я, мой господин. Но не сейчас...

Я буркнул настороженно:

— А что...

Она прервала странно смиренным голосом:

— Прошу позволения, господин, но позволь мне пойти впереди. Замок пока тебя еще не признает и не впустит.

Я сказал беспечно:

— Зачем спрашиваешь? Просто иди.

Она покосилась снова с удивлением.

— Ты совсем из дальних земель, господин. Женщина должна идти в двух шагах позади мужчины.

— Гм, — сказал я, — почему?

— Так велено Законом, — ответила она лаконично. — Мир полон опасностей, женщина должна быть за спиной мужчины.

Все верно, подумал я кисло. Женщина — основа выживания, ее нужно беречь как зеницу ока. И если гибнет муж, опеку над нею и ее детьми должен принимать либо брат мужа, либо тот, кто его убил.

— Наверное, — пробормотал я услышанное в детстве, — когда Закон писали, дороги еще не минировали... Хорошо, иди впереди!

Она кивнула и пошла вперед, я двинулся в двух шагах позади. Под сапогами позвякивает хрустящий пол из темных и серых плиток мрамора, не мелких и не крупных, цветовая гамма не раздражает глаз, справа и слева изящные тонкие колонны, а за ними этот же зал, только рисунок на полу чуть темнее.

В коридорах светло, но я не заметил ни свечей, ни светильников, а двери перед нами распахиваются сами. Вернее, перед Алвимой, а я смиренно тащусь сзади.

Она на ходу бросила одному из встреченных слуг:

— Обед подать в личные покои. На двоих.

Он поклонился, зыркнул на меня исподлобья, исчез. Я проводил его взглядом, Алвима остановилась и посмотрела на меня серьезно.

— Мой господин...

— Слушаю, — буркнул я с чувством неловкости и вины, — говори, ты же хозяйка.

— Теперь хозяин вы, мой повелитель.

— Понимаю, — сказал я, — тоже стараюсь на кого-то сложить все обязанности, если удастся. Пойдем в твои покои, там поговорим.

— Ваши покои, — поправила она.

Я смолчал, покои оказались хорошо обставленной комнатой, просторной, но, к счастью, не залом, чьи гигантские размеры тяготят в Сен-Мари и Савуази. Хорошо подобранная мебель, очень простая, но удобная, медная и серебряная посуда на столе. Не богато, но чисто и уютно.

Она прошла мимо крохотного столика, где висится вытянутый узкогорлый медный кувшин, повела над ним ладонью, из отверстия поднялась струйка света и

начала подниматься, изгибаясь во все стороны, к потолку.

Я смотрел, оцепенев, в самом деле луч света, но впервые вижу, чтобы шел не идеально прямо, а вот так грациозно изгибался в стороны, словно ползущая по воздуху, как по песку, крупная светящаяся змея...

Она взглянула в мою сторону чуточку обеспокоенно.

— Что-то не так?

Я указал взглядом на кувшин:

— Интересная у тебя вещь.

Она все еще печально, но с некоторым самодовольством усмехнулась и покачала головой:

— У вас таких нет? Вижу по вашему лицу, мой повелитель.

— Нет, — признался я. — Вообще не думал, что такое возможно.

— Когда-то их было много, — ответила она. — Когда нашли пещеру с такими вот... Но одни разбились, другие перестали давать свет. Я этим пользуюсь только в торжественных случаях.

— Польщен, — сказал я. — Но погаси, не трать энергию. В смысле, там тоже может масло кончиться, выгореть, тогда и погаснет.

Она покачала головой и сказала мягко:

— Нет, пусть эту ночь горит. Особый случай.

— Пусть, — согласился и я. — Красиво.

Она церемонно ждала, когда я сяду, а сама опустилась в кресло только по моему жесту.

Я спросил хмуро, все еще чувствуя себя как слон в посудной лавке, что потоптал и своих, и соседей:

— Введи меня в курс. Я чем-то нарушил равновесие сил? Кто ваши соседи? С кем дружите, с кем... не совсем?

Она посмотрела с недоумением:

— С кем дружим? С тем, с кем в родстве. Наших, ибаншитов, всего семьсот человек, но гешитов и юнашитов почти по три тысячи, у них хорошие и бесстрашные воины, это наша родня по линии Турганлая... а те, от кого мой муж защищал наши земли, это древний род Хашимлая, могущественный и захвативший огромные земли. Его маги владеют многими мрачными тайнами, им служат призрачные всадники...

Я зябко повел плечами:

— Какой ужас! Они и сюда могут прикопытить?

Она покачала головой, удивление во взгляде росло.

— Замки у нас всех защищены. Но отдельному человеку, да еще скачущему на быстром коне, защититься очень трудно.

— Да это понятно, — сказал я добро. — Стационарные установки громоздки, а портативные маломощны. А что у нас на ужин?

Она провела ладонью по лицу.

— Ах да, прости, мой господин. За сегодня так много чего стряслось... Я сейчас все приготовлю.

Это ты прости, хотел я сказать, но смолчал, здесь такие слова могут счесть признаком слабости, что на самом деле так и есть, но кто же в таком признается.

Слуги здесь достаточно проворные, пока одни готовят обед, другие тем временем на другом конце комнаты таскают ведрами горячую воду и наполняют не деревянную бадью с теплой водой, как я ожидал, а настоящий небольшой водоемчик из камня на троих, есть углубления для спин, а на широком бортике предусмотрено углубление для мочалки, пемзы и мыла.

От воды поднимается пар, я потыкал пальцем, терпимо, разделся, появилась Алвима и застыла в двух шагах, скромно опустив ресницы.

Как я понимаю, слуги слугами, а мне обязана прислуживать сама, как у нас королям прислуживают гер-

цоги и прочие высшие лорды, считая для себя честью стоять с подносом в руках, чтобы в нужный момент сменить его величеству грязную тарелку на чистую.

Она выждала, пока я влезаю и устраиваюсь в ванне, затем приблизилась и целомудренно принялась тереть мне плечи и спину, разминать мышцы, почесывать, сдирать грязь и шелушащуюся кожу.

Я в конце концов заставил себя расслабиться, даже похрюкивал довольно, мужчины и свиньи обожают, когда их чешут, позволил себе отдых, хотя в никогда не засыпающих мозгах то и дело всплывают разные вопросы, но вялые, дохловатые, ленивые, похожие на ленивых толстых карасей, роющихся в иле.

— Мой господин, — проговорила она тихо, — прошу вас приподняться... или лечь.

— Лучше лягу, — сказал я.

Она повела мочалкой по груди и животу, я в блаженстве засопел, глаза начали закрываться в истоме, но растопырил их и всмотрелся в ее лицо. Очень спокойное и умиротворенное, все снова встало на свои места: мужчина в доме, крепость защищена, я беру под защиту как ее, так и ее детей, если они у нее есть, а также всех домочадцев, слуг и прочих-прочих, а у воинов буду, естественно, старшим.

— Влезай ко мне, — предложил я.

Она покачала головой:

— Нельзя.

— Почему?

— Не в этот раз, — пояснила она.

— А-а, — сказал я, — купание ритуальное?

— Да...

— Хорошо, — сказал я. — Больше ничего от меня особого не надо? Ну там циркумцизио, хари-хатха или еще какая-нить традиция или обряд вроде бар-мицвы или даже бат-мицвы...

Она покачала головой:

— Для первой вы опоздали, мой повелитель, а до второй еще лет шестьдесят скакать на быстром коне. Приподнимитесь... вот так... теперь можете выкарабкаться.

Она взяла полотенце, и едва я вылез, начала тщательно убирать все капли с моего размолевшего в теплой воде тела. Я послушно поднял руки и наслаждался домашним покоем.

Ужинали вдвоем, никто из слуг не появился, она сама подала на стол, а потом всякий раз замирала смиренно, пока я не догадывался велеть сесть и не выеживаться с традициями.

Еще когда подала баранью похлебку, в распахнутое окно влетел дракончик, чуть крупнее воробья, красно-головый и с зелеными крыльями, в то время как толстое пузо ярко-желтое, как у канарейки.

Сделав круг, он по-свойски сел на край стола, подалее от меня. Коготки впились в доску, я заметил там множество царапин, покосился на меня бусинками глаз и начал бочком-боком подбираться к куску сыра.

Она сказала извиняющимся голосом:

— Это дочкин любимец...

— Милая ящерица, — сказал я безучастно. — Это взрослый? Или еще вырастет?

Она мягко улыбнулась:

— Молодой еще, но уже не вырастет. Говорят, где-то бывают с барана, но в наших землях не крупнее курицы.

— Такой много не уворует, — сказал я. — Разве что стаей.

— Они в стаи не сбиваются, — пояснила она.

— Ну да, — согласился я, — холонокровные... Подай-ка тот хрен. Или это пастернак?

— Хрен, — сказала она, — только очень острый.

— Ничего, я сам не шибко сладкий.

Дракончик ухватил ломоть сыра и, опасливо косясь на меня, оттащил подальше по столу, а там, не в силах поднять и унести, начал жадно жрать крохотной пащечкой.

Через некоторое время на подоконник сел еще один, но весь стильно зеленый, крылья как у летучей мыши, тонкие и с перепонками, чешуя крупная, словно от особи побольше, от этого кажется рыцарем неведомого драконьего мира.

Я протянул ему на вытянутой руке кусок сыра, дракончик смотрел недоверчиво, глаза у него хоть как у птицы, по обе стороны головы, но настолько крупные и выпуклые, что ему не надо поворачивать голову направо и налево, чтобы рассмотреть обеими.

— Ну, — сказал я ласково, — бери, дурашка, а то сам съем, долго уговаривать не буду.

Он спикировал с подоконника, широко распахнул крылья, пронесся над полом, я даже наклонил голову, чтобы проследить за ним, однако вдруг резко ринулся вверх, выхватил из моих пальцев сыр и, натужно хлопая крыльями, вернулся на подоконник.

Я видел, что трусит, однако и ринуться отсюда наружу стремно: другие могут отнять по дороге, и он, переведя дыхание, принялся лопать прямо там на месте, не сводя с меня недоверчивого взгляда по-детски крупных глаз.

Алвима пораженно перевела взгляд на меня.

— Раньше он никогда так, — прошептала она. — Дальше подоконника не решался...

— Я внушаю доверие, — сказал я скромно. — Я такой вот внушитель. Внушитель даже, если говорить без лишних, так сказать, а прямо в глаза. Или в лоб.

В конце ужина я не утерпел и создал кофе прямо в серебряной чашке. Алвима сразу насторожилась, начала принюхиваться, я сосредоточился и сделал для нее нежнейший пломбир с орешками.

Пока она осторожно пробовала, я осушил кофе, сделал себе еще одну и пил уже мелкими глотками, наслаждаясь и смакуя. Мне кофе спать не мешает, все-таки не интеллигент я, наверное, или не совсем нервный интеллигент, а так, умеренный, со здоровой психикой, хотя если со здоровой, то вроде бы уже и не интеллигент.

Потом она разделась и легла в постель нагая, свободно и просто, не стесняясь и не кокетничая, просто один мужчина сменился другим, это совсем немного в сравнении с тем, что все обязанности остались на ней в полном объеме, как в доме и за пределами, так и в постели.

Это я чувствовал себя немножко скованно, а она прислушивалась ко мне и выполняла послушно и безропотно все, что мне, по ее мнению, желалось, хотя я и рот не открывал, но, впрочем, не протестовал, еще как не протестовал.

Я все ждал, что заговорит хотя бы потом о сложностях, что вот возникли, однако она тихо и смиренно молчала, в полутьме влажно поблескивали ее крупные агатовые глаза.

На рассвете я проснулся, нащупал ее теплое нежное тело, подгреб к себе поплотнее и, накрыв рукой, заснул снова, на редкость счастливо и безмятежно.

Когда снова открыл глаза, уже позднее утро, рядом пусто, хоть смятое ложе еще хранит ее тепло и женский аромат чистого здорового тела.

Поспешно поднялся, разбросанная вчера одежда аккуратно разложена рядом на лавке, торопливо оделся, а за спиной вдруг качнулся воздух.

Я моментально обернулся, готовый отшатыряться от удара, отпрыгивать, хвататься за рукоять меча, но это на окно, небрежно перечеркнутое металлическими прутьями, уселся небольшой дракончик, напоминающий петуха в миниатюре, с такой же горделиво выпяченной грудью, красным гребнем на голове и шее, на таких же петушиных ногах с растопыренными когтистыми пальцами.

Если не ошибаюсь в своих детских впечатлениях, у бабушкиного петуха на его толстых растопыренных лапах даже не перья, а настоящая чешуя, как напоминание, что птицы произошли от таких вот ящеров.

Здесь, как понимаю, произошли точно так же, но часть ящеров все-таки приспособились, пойдя параллельной дорогой, и вот такие милые летуны, что сильно уступают птицам в полете, живут и в лесу, и в полях, на болотах, а часть приспособилась даже в городах.

Мясо их для еды непригодно, а они для предупреждения о своей ядовитости обзавелись яркой окраской и теперь, как попугаи, летают над домами, садятся на подоконники и просят дать им хоть какой-нибудь еды.

Подкармливают их не только дети тайком от родителей, но и взрослые преисполняются жалостью к этим хоть и ненужным, но таким красивым существам, я же помню, как Франсуаза, дочь Беатрисы, носилась с дракончиком, не выпуская то уродливое и толстое чудовище из рук...

Во многих домах эти существа обосновались настолько, что выют там гнезда, высиживают таких же крохотных дракончиков, с которыми обожают играть дети, и потом бегают с ними по улице, обвешанные этими пока еще бескрылыми ящерицами, те умеют вцепляться в одежду так, что не отдерешь.

Наконец, перекинув через плечо перевязь меча, я вышел из спальни, чувствуя, как не оставляет стран-

ное чувство покоя, будто вернулся в свою семью, хотя на самом деле должен быть постоянно настороже: неужели у прежнего хозяина нет преданных и лояльных слуг, кто просто как бы обязан по преданности и лояльности сунуть нож под ребро?

Надо ехать дальше, мелькнула трезвая мысль. И вечный бой! Покой нам только снится... Сквозь кровь и пыль летит, летит степная кобылица и мнет ковыль... Сейчас попрощаюсь и двину дальше. Если Бобика отыщу, что-то он даже не ночевал со мной в одной спальне, такого давно не было.

По длинному коридору прошел не больше десятка шагов, как из одной комнаты выскочил с воплем мальчишка, за ним выметнулась девчушка чуть постарше, лет семи.

На ее плече прижался пузом и уцепился когтями в курточку крупный дракончик с сердито разинутой пастью и красными от ярости глазами.

— Эй-эй, — сказал я строго, — не драться!..

Девчушка остановилась, пробежав еще чуть по инерции, оглянулась с вытаращенными глазами. Дракончик тоже уставился на меня точно так же, копируя хозяйку.

Мальчишка отбежал на безопасное расстояние и там повернулся ко мне.

— А ты кто? — спросила девчушка тоненьким голоском.

А мальчишка добавил пискляво:

— И почему выходишь из папиной спальни?

Я сказал приветливо:

— Какие умные и наблюдательные!.. Молодцы... Ваш отец отбыл по зову высших сил на небеса. Там тоже надо работать, а рук не хватает, вот и позвали, вас же поручил мне. Так что если будете себя плохо вести, я буду таскать за уши и пороть.

Девочка сказала быстро:

— Нас никогда не порол!

— Да, — поддержал мальчишка и потрогал уши. — И за уши не таскал.

— Правда? — изумился я. — Что за странное воспитание! Хорошо, я проверю, и если это правда, то пороть не буду.

— И за уши, — добавил мальчишка, быстро смелея.

— И за уши, — согласился я. — Чем-нибудь заменим. Например, буду подвешивать за ноги над муравейником. Или сажать на него связанными.

Они ахнули и уставились на меня расширенными глазами, а я приблизился и осторожно погладил их по головам. Похоже, отец, как и большинство мужчин, совсем не уделял им ни времени, ни ласки, занятый охраной своих земель, набегами на соседей, сколачиванием союзов, а эти двое уже наверняка помолвлены с детьми из могущественных кланов.

— Ты теперь будешь спать в папиной? — спросила девчушка серьезно.

Я кивнул:

— Да. Но я тоже, как и ваш предыдущий отец, буду отлучаться часто... может быть, даже чаще, чем он. У мужчин много обязанностей в этом мире. А теперь бегите, играйтесь... тьфу, что за дурное слово, играйте и не деритесь.

Глава 6

В замке пусто, людей увидел только во дворе. Мне кланяются, величают господином. Свой статус я доказал, сразив в честном бою их хозяина, а потом еще в одиночку одолел Гаганша, лучшего бойца их соперничающего лорда.

Похоже, последнее расценивают вообще как подвиг, такому великому воину служить выгодно, их не дам в обиду и соседям буду в острастку.

Неспешно, все еще настороженный, я вышел в зал. Очень светлый, из белого камня солнечного цвета пол, свод и стены, а колонны непривычно тонкие, изящные, без громоздких барельефов, собирающих пыль, идеально прямые. А ближе к потолку вдруг распускающийся, как крону, широкий каменный веер, поддерживающий свод.

Ноздри уловили слабый запах, несколько непривычный, что я невольно пошел в ту сторону. Из-под дальней двери просачивается нечто такое, что я назвал бы не самым приятным ароматом хлора.

Не спрашивая разрешения, я толкнул дверь, заперто.

— Эй, — сказал я громко. — Что случилось? Немедленно отпереть!

По ту сторону долго никто не отвечал, только слышится шепуршание и скрип мебели.

Рассердившись, я сказал грозно:

— А вот сейчас я вышибу эту хлипкую дверь так, что и стену там напротив разнесет...

Юношеский голос испуганно спросил:

— Кто там?

— Хозяин! — ответил я громко. — Ты уже знаешь, что хозяин сменился? А ждать я не люблю.

За дверью голос жалобно прокричал:

— Я только сейчас приберусь!

— Открывай, — велел я. — Кто смеет держать господина перед запертой дверью?

Послышался жалобный вскрик, шаги, скрежещущий звук отодвигаемой щеколды.

Дверь отворилась, с той стороны отступил довольно высокий худой парень в помятой и перепачканной рубашке. Длинные волосы неопрятными сосульками

падают на плечи, штаны в пятнах, башмаки настолько растоптанные, что понятно: ходит только здесь по комнате.

Я окинул взглядом комнату. Не слишком просторная, но странно уютная, несмотря на переполняющий хлам, что к тому же и свален в беспорядке. Нет, это на первый взгляд, все же чувствуется, что время от времени, когда ищут что-то, одну кучу перекалдывают на другую.

На раскрытой посредине толстой важной книге устроилась чаша, я покосился на нее, и чем-то родным пахло, захотелось сделать кофе, но сдержал свои искренние порывы.

— Понятно, — сказал я с отвращением, — колдун!.. Эликсир бессмертия ищешь... Философский камень...

Он сказал виновато:

— А кто его не ищет?

— Ну и как? — спросил я. — Нашел?

Он так же виновато улыбнулся.

— Я и не искал. Магией у нас занимался хозяин, я только помощник. Подай-принеси, вскипяти, добудь, вот здесь поддержи, здесь опусти...

— Хозяин был сильным магом? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Судя по тому, что здесь вы, а не он... не слишком.

— Разумно, — сказал я. — А вдруг он решил драться честно?

Он снова пожал плечами:

— С чего бы? Главное — победа. А уж как...

Я поинтересовался:

— А как же идеалы? Мораль?.. Праведная жизнь, благородное оружие...

— Это ушло, — ответил он, — когда церковь... отступила.

Я всмотрелся в него внимательно.

— Ого, ты не совсем деревенский хвостокрутильщик. Что знаешь, говори.

Он пробормотал:

— Я слышал, вы из дальних краев... Но... в самом деле не знаете?

— Я знаю много чего другого, — ответил я резко. — Потому правлю здесь я, а также задаю вопросы тоже я.

Он испуганно втянул голову в плечи. Я по-хозяйски смахнул с ближайшей табуретки скатанные в тугие рулоны грамоты, сел и уставился на него требовательными глазами.

Ему, понятно, сесть не предложил, хотя душа интеллигента и требует, но нужно дать понять, что и в этой лаборатории хозяин я, а он всего лишь нанятое помогать и даже что-то делать самостоятельно существо.

Из его рассказа, сбивчивого, но достаточно грамотного, выяснилось, что армия Карла в разгроме церкви ни при чем, та проиграла битву за души еще раньше, когда здесь местные взялись слишком рьяно строить Царство Небесное. И драгоценности швыряли в огонь, и украшения, со слезами давая обеты жить бедно и праведно, как завещал Христос, но энтузиазм проходит, через несколько то ли лет, то ли десятилетий бедности и праведности переели настолько, что маятник качнулся в другую сторону.

Ярость людей, посчитавших себя обманутыми, была так велика, что убили всех священников, кому не удалось спрятаться или бежать, все церкви сперва превратили в общественные склады, а потом самые мелкие разрушили, чтоб не напоминали о позоре. Часовен теперь вообще ни одной, ибо приспособить под что-то полезное не удалось.

Потому и с Карлом, еще задолго до того, как подошли его войска, наладили контакт, и он не стал вво-

дить сюда армию, довольствуясь крупными отрядами добровольцев, влившихся в его войско.

Я выслушал, оглядел его критически. Парень хил телом, но не глуп, излагает грамотно, а главное — самое важное, опуская детали, которые как раз заинтересовали бы другого слушателя.

— Каковы успехи в колдовстве?

Он развел руками:

— Как и догадываетесь, господин, не больше, чем у других собирателей древностей.

Я бегло осмотрел помещение, прошел вдоль стен. Везде одни и те же черепа, отрубленные кисти рук, почему-то им приписывают целебные свойства, засушенные и мумифицированные тельца мелких животных, реторты, кувшины медные, чугунные и два серебряных, с десятков ступок разного размера, в некоторых еще остатки истолченной травы или растворов, перепачканные пестики, сложенные в беспорядке древние книги, почти все в медных и латунных переплетах...

— Ладно, — сказал я, — не мое это дело. Я предпочитаю мчаться на горячем коне и с плеча рубить врага.

Он посмотрел на мое гордое надменное лицо господина, покорно опустил взгляд.

— А ты, — сказал я, — смотри у меня... А это что у тебя?

Он проследил за моим взглядом, я неотрывно смотрел на некое подобие старинного пистолета. Удобная рукоять, узкий ствол с темным дулом...

— Это что? — спросил я и взял в руки.

Он вскочил поспешно.

— Только не нажимайте вон там на скобу!

— Догадываюсь, — ответил я медленно. — И чего он творит?

Его голос звучал жалко:

— Я им зажигаю огонь в тигле. И даже дрова в камине, когда холодно, очень даже удобно.

Я удивился, повертел в руках.

— Как?

Он протянул руку:

— Позвольте?

Я передал ему, он осторожно направил ствол в пустую часть комнаты и нажал на спусковую скобу. Из дула вырвалось яростное пламя в виде луча: белое у самого ствола, дальше желтое и оранжевое, а на расстоянии в два шага переходит в багровое, а дальше исчезает.

— Ого, — сказал я. — Да, зажигалка мощная. Ею, кстати, можно даже железо резать. Хорошо, ты до таких вещей пока не додумался.

Он сказал торопливо:

— Я философский камень как бы ищу! И секрет бессмертия!.. Что мне такие житейские мелочи...

— Правильно, — ободрил я. — Тайны науки неча приспособливать для огородов.

Он опустил пистолет с уже погасшим огнем на стол и посмотрел на меня вопросительно.

— Ваша светлость?

— Да это так, — ответил я высокомерно, — мудрости для особо благородных. Ладно, бди. Пока что бить не буду.

Когда вышел от него, не успел сделать и пару шагов, как из-за поворота показалась дочурка Алвимы. Она топает маленькими ножками навстречу, словно в трансе, в раскрытых ладонях трепещет желтый огонек, как показалось вначале, освещает ее лицо снизу, а так оно кажется совсем не тем, что видел час назад.

Едва не наткнулась на меня, в ладонях танцует в очень быстром темпе крохотная человеческая фигурка с крыльями, как у бабочки по форме, но прозрачными, будто стрекозыми. Я даже не рассмотрел, мальчик

или самочка, слишком быстрые движения, потому огонек трепещет быстрыми сполохами, и кажется, что по лицу ребенка снизу вверх бегут волны.

Я спросил тихонько:

— Что это у тебя?

Она прошептала:

— Мама сказала, это фея... Раньше их много было, так говорят, теперь совсем-совсем мало.

— Может, — предположил я, — она есть хочет?.. Видишь, выпрашивает...

Она прошептала, не отводя зачарованного взгляда от танцующего существа:

— Не знаю... А что они едят?

— По идее, — сказал я, — нектар и пыльцу, как и все насекомые. Или колибри. Неси на кухню.

— Далеко, — ответила она тихонько. — Улетит...

— Тогда к себе, — сказал я. — Это твоя комната?

— Моя...

Я тихонько отворил дверь, она осторожно перешагнула порог и вошла. Я быстро, пока она не смотрит, сотворил сладкого сиропа, добавил туда для заправки и аромата несколько капель ягодного сока.

Девочка подошла к столу, ее глаза широко распахнулись. Фея, увидев лакомство, выпорхнула из ее ладоней и, усевшись на край блюда, встала на четвереньки и припала хорошенькой мордочкой к сладкому напитку.

К счастью, достаточно крупненькая, поверхностное натяжение не удержит в плену, но пленка сиропа начала приподниматься по рожице к ушам, и она отрывалась от лакомства и суетливо вытирала лапками, как муха, мордочку, а потом снова пила, и я видел, как наполняется ее брюшко.

Малышка наблюдала зачарованно, даже не спросила, откуда в ее комнате это блюдо, дети не задаются

такими вопросами, только хлопала длинными темными, как у мамы, ресницами и смотрела, стараясь не дышать, чтобы не спугнуть волшебное существо.

Фея наконец оторвалась от лакомства, села на край блюдца и долго чистилась, в нашу сторону поглядывала уже не столько испуганно, сколько с явным интересом.

Я тихонько обнял девочку, она доверчиво прижалась ко мне и шепнула тихо-тихо:

— Мама говорит, они теперь только к детям прилетают...

— Странные здесь дети, — ответил я тихонько. — Даже не обрывают мухам и бабочкам крылышки, а паукам лапки?

Она сказала так же тихо:

— Другие обрывают...

Я вздохнул с облегчением:

— Ну, тогда все в порядке. А то уж подумал, мир перевернулся.

Фея закончила приводить себя в порядок, как муха, после чего поправила волосы уже чисто по-женски. Мордочка у нее хорошенькая, даже предельно изящная, чересчур кукольно красивая, женщины за такую отдали бы все, что у них есть, да и дивная фигурка выточена так умело, что только при почти полном отсутствии гравитации можно жить с такой талией и такими вот, что никогда не отвиснут.

Девочка вздрогнула и широко распахнула глаза, когда фея открыла ротик и что-то пропищала.

Я сказал ей шепотом:

— Я что-то тугой стал на ухо, скоро оглохну, как Бетховен. Кричи громче.

Она пропищала снова, но я услышал только:

— ...не могу... слишком...

— Я наклонюсь, — прошептал я, что для нее должно слышаться подобно раскатам грома, — не пугайся...

Она не ответила, я начал наклоняться к ней, но крылышки за ее спиной затрепетали. Она взвилась в воздух так быстро, словно прыгнул кузнечик.

Я замер, чувствуя потерю, но буквально через мгновение за ухо ухватились крохотные лапки, тонкий голос пропищал прямо в ушную раковину:

— А так?

— Слышу, — сказал я с облегчением.

Малышка замерла, глядя на меня счастливыми глазами, а фея прокричала:

— Ты кто?

— Не ори, — предложил я, — а то я чувствую себя вдвойне женатым человеком. Когда ты там, я слышу хорошо.

— Да? — проговорила она уже тише. — Странно, у тебя тут такие заросли, можешь в самом деле оглохнуть.

— Это чтоб непрощенные феи в уши не заползали, — объяснил я. — Когда сплю, например. А то заползут и яйца отложат! Но для тебя готов расстаться с ними, правда! Хочешь повыстригать?

— Еще чего, — ответила она оскорбленно.

— Не хочешь? — удивился я. — А у нас это высшая честь и демонстрация полного и безграничного доверия. Видишь, какие мы разные, но чувство красоты, как погляжу, универсально. Ты самая красивая из всех фей, что я видел!

В ее звеняще-пищащем голоске я уловил буйное ликование:

— Правда? Я тоже так все время думаю, а мне говорят, что я дура.

— Тем более, — сказал я убежденно, — красивая!.. Вы эндемы или ваш ареал обитания пошире?.. Водитесь ли только в местном королевстве... тьфу, для вас

эти имена ничего не значат. Много ли вас, как народа или популяции?

Она пропищала озадаченно:

— Не знаю...

— Но ты других видела?

— Да...

— И... что?

Она ответила с недоумением:

— А ничего...

— Подросток, — сказал я понимающе, — а то и во-все ребенок. Ничего, скоро захочешь и другие игры... Если, конечно, у вас период счастливого детства не затягивается лет на сто или тысячу... В общем, припархивай сюда, когда захочешь. Сладкий и свежий сироп всегда будет тебя ждать. Можем сделать и еще всякие лакомства!

Она пискнула:

— Какие?

— Всякие, — повторил я. — Разные.

Глава 7

Выходя во двор, все еще думал об этих дракончиках, крохотной фее. Такую красоту нельзя изгонять, нужно только найти, как ее встроить в наш суровый и морально чистый пуританский христианский мир, раскрывший перед человеком путь прогресса.

Когда вернусь, дам задание отцу Тибериусу, а он засадит за книги кого-нибудь из ученых монахов. Цистерцианцы — народ ушлый, где-то да отыщут намек на то, что Господь создал эти создания, чтобы освещали дивными огоньками его эдемский сад и ночью. Красотой нужно иметь возможность любоваться в любое время суток, это неотъемлемое право цивилизованно-

го человека, а Господь точно имеет в виду построение правового и в некоторой степени гуманного общества под четким и ясным наименованием Царства Небесного...

А раз они создание Господа, то их нельзя уничтожать и преследовать, вот так-то. Штраф такой-то, а за повторное деяние — каторга на каменоломнях. Убил в третий раз — казнь через повешенье с конфискацией и лишением титулов. Как за порчу особо важного имущества.

Тут, правда, есть нюансы, все-таки это не имущество... ну тогда как за издевательство над животными. В цивилизованных странах на первый раз тоже отделяются штрафом, хоть и не мелким, а потом уже и тюрьма. Только я не обещаю комфортное содержание, ибо я гуманист, а гуманист не может быть ко всем ах-ах, если к одним гуманист, то для их оппонентов выглядит лютым злодеем.

Во дворе кипит натурально-общинная или, как ее правильнее, трудовая деятельность. Я посмотрел свысока, в смысле, с высокого крыльца, мелькнула мысль, что нужное выполнил, в права вступил, можно и в Варт Генц, но свободного времени еще масса, при моей скорости могу успеть туда-обратно сотни раз, пока подойдут мои войска...

Алвима вышла из-за построек, улыбнулась сдержанно, но когда подошла ближе, я рассмотрел, как дивно сияют ее крупные черные глазищи, а пухлые губы за ночь стали еще вздутее.

— Мой господин, — сказала она смиренно, — что-нибудь изволите?

— Да, — ответил я.

— Я готова служить.

— Пойдем в дом, — сказал я, — расскажешь немного о своем крае и соседях. А то я знаю королевство Турнедо и королевство Варт Генц, но что между ними затаился и такой вот мирок, даже не догадывался.

Она ответила еще смиреннее:

— Как велишь, мой господин.

Я хотел было пропустить ее вперед, но она остановилась, я вспомнил, что в их племени женщина идет только позади, пожал плечами, но в чужой монастырь со своим уставом не хожу, вообще по монастырям как-то не вообще, прошел вперед, но в холле остановился в изумлении.

На боковой стене зеркало, которое вчера почему-то не заметил, сейчас сразу устался в туповатом изумлении. Всадник проедет, не пригибая головы и растопырив ноги, рама толстая, массивная, для таких размеров так и должно быть, однако же...

— Здорово, — сказал я, — никогда таких громадных не видел. А почему не в твоей спальне?

Она взглянула на зеркало, перевела взгляд на меня.

— Не перетаскать, — объяснила она, — вон какое громадное. И в дверь не пройдет, пришлось бы стену ломать. А самое главное, иногда я там себя не вижу.

Мое сердце подпрыгнуло и замерло в охотничьей стойке.

— Ого! А что видишь?

— Ничего, — ответила она хладнокровно. — Когда гроза, то там все зеленое и как будто крути идут по воде, а когда слишком жарко — плавают всякие пятна. Как в глазу, если надавить пальцем на глазное яблоко.

— В грозу и жару, — повторил я.

Она сказала терпеливо:

— Не только. Еще в какие-то дни, я не запоминала. Иногда все хорошо, а там вдруг ничего. Просто серо. Так что оно служит... когда само захочет.

— Как я вчера его не увидел, — пробормотал я.

— А вчера его и не было, — ответила она спокойно.

Я дернулся.

— Чего?

— Сегодня появилось, — пояснила она. — Обычно там ровная стена, но иногда это зеркало почему-то вот так...

— И часто?

— Не часто, — ответила она, — но надолго. По несколько недель. Потом снова пропадает.

Я сказал с тоской:

— Сколько загадок чудных, а я какой-то хренюю занимаюсь! Я имею в виду политикой, не обижайся.

Выходя из зала, я не утерпел и оглянулся на странное зеркало. У него даже рама выполнена в виде эдакой красивой дуги, как обрамление дверного входа. Хотя, может быть, выдаю желаемое за действительное. Столкнувшись с разрастающимися размерами земель, где пасусь, старательно ишу возможности передвигаться быстрее и без особых усилий, вот и высматриваю то, на что раньше не обращал внимания.

Из-за двери, мимо которой идем, неожиданно донеслись грохот и лязг, я услышал даже рев большого и явно опасного зверя. Алвима даже не повела бровью, а я на ходу чуть приоткрыл дверь, отпрянул.

Рыцарь в полтора моих роста, весь в железе с головы до ног так, что даже не видно глаз в прорези шлема, ожесточенно дерется с львом тоже великанских размеров. Хотя нет, не лев, только морда львиная, а тело покрыто чешуей с металлическим блеском.

Алвима остановилась дальше в коридоре и повернулась ко мне, на лице нетерпение. Я хотел сообщить такую вот новость, а то глухая, не слышит, но рыцарь и лев в схватке сдвинулись к стене, и у меня перехватило дыхание, когда рыцарь задел локтем стену и... тот

вошел в нее с легкостью, но при замахе снова появился, словно был не в плотном камне, а просто вне поля моего зрения.

Я прикрыл дверь и догнал Алвиму. Она перехватила мой встревоженный взгляд, я сделал вид, что ничего, каждый день такое вижу, привык даже.

— Призраки, — произнесла она безучастно. — Безобидные.

— Как часто?

— Раз в неделю, — ответила она. — Это недолго. Несколько минут, потом все исчезает...

— Кто побеждает?

— По-разному. Один раз откуда-то бросили букет цветов, рыцарь нагнулся за ним, а лев прыгнул сверху, повалил и растерзал...

— Но на следующий раз дрались как ни в чем не бывало?

Она взглянула на меня искоса.

— Да. Ты такие уже видел?

— Конечно, — ответил я малость свысока. — Только не обрывки, а целиком. Ладно, пойдем, нас многое старается отвлечь от наших целей. Конечно же, великих.

Она снова покосилась в мою сторону с вопросом в глазах, но промолчала.

Я пил кофе, что-то снова много пью, а она рассказывала так же искренне и просто, как и все, что говорила и делала:

— Когда-то нас была горстка, как и гешидов, но мир стал теплее или добрее к нам... и теперь у нас много людей и много отважных воинов. Правда, еще больше их у юнашитов, а тех когда-то, как помнят старики, было всего трое из всего рода..

— Стало много людей, — сказал я понимающе, — и начались войны за пастбища, за земли, за власть?

Он кивнула.

— Да. Нас меньше всех, но Торадз дрался всегда отважно. Правда, если бы замок не был защищен пропастью, то, возможно, мы бы уже погибли...

Ее лицо оставалось спокойным, а голос звучал ровно, словно говорила не о близкой гибели всего ее народа, а рассказывала, сколько шерсти собрали с овец. Никаких обид, всем нужна земля прежде всего для своего народа, они точно так же теснили бы юнашитов и гешидов, если бы тех оказалось меньше.

Ничего личного, простая дарвиновская конкуренция, выживает сильнейший. Никаких обид, никаких претензий.

— Гешиты и юнашиты, — спросил я, — в родстве?

— Да, — сказала она, — два рода от родных братьев Турганлая. Мы тоже в родстве, но ведем от двоюродного. Однако они теснят нас, скоро сотрут с лица земли...

Везде одно и то же, мелькнула мысль. Все по Дарвину. Но пора мне заменить этот звериный отбор социальным... Не для того ли я сюда и попал, чтобы прийти к этой мысли? Более сильный и многочисленный народ — не значит лучший.

— Хорошо, — сказал я и поднялся, — я пойду знакомиться с замком и людьми дальше. А ты иди... отдохай?

Она сказала смиренно:

— Мой повелитель, хозяйка должна трудиться больше слуг, чтобы служить им примером.

Я кивнул, все верно, возразить нечего, сам такой, тружусь, как деловитая пчелка, тоже все по цветочкам да по цветочкам, сладости жру, на солнышке греюсь, готовлюсь спасти мир.

Некоторое время я бродил по замку, знакомился, так объяснил Герсту и остальным, а когда убедился,

что никто меня не видит, сорвался с балкона прямо в бездну, а там уже, растопырив крылья, прошел понизу до противоположной стены и понесся вдоль нее вверх, делая вид, что я вообще тут на дне и живу.

Наверх вылетел подальше от замка, и когда поднялся в небеса повыше, убедился в который раз, что и здесь как структура племен, так и взаимоотношения зависят от географии. В древности то ли страшный жар накалил здесь земную кору так, что полопалась, то ли подземные точки раскололи, но глубокие трещины разделили поверхность на участки.

Как туда пробрались первые люди, вряд ли кто сможет ответить, но теперь это целые племена, которым становится тесно. Надо выйти по мостикам и узким переходам и обрушиться на соседей, которые тоже денно и ночно стерегут места, откуда могут напасть...

Дороги из Турнедо в Варт Генц и обратно идут в обход, даже не в обход, просто ни у Турнедо, ни у Варт Генца нет в этой части поблизости ни городов, ни рудников, потому здесь и живут эти, как горцы, отгороженные от мира.

Вот что значит ездить напрямик, мелькнуло у меня. Гласит же древняя мудрость: кто выбирает прямые дороги, тот дома не ночует...

Ага, вон там и владения грозных юнашитов, в самом деле там жизнь кипит, народу не просто больше, а все и работают с азартом, насколько удастся рассмотреть с высоты. Чувствуется победный дух, что так важно для выживания и побед...

На миг шелохнулось чувство вины, а прав ли, вмешиваясь в естественный отбор, но напомнил себе подтвержде, раз уж сам не уверен, что дарвиновская эволюция в отношении людей уже прекратилась, а мы сами ее прекратили, дали старт социальному отбору.

У вождя юнашитов не замок, а грозная и мрачная крепость на горе уступами. Выглядит твердыней из толстых каменных стен, и только вот так, с высоты, видно и зелень вокруг, и сады, и стада коров, овец, коз.

Я опустился в овраг, там без помех долго перевоплощался в самого огромного дракона, какого только сумел создать, чтобы еще и в воздух сумел поднять свою непомерно тяжелую задницу. Вылетел, прошел над замком на большой высоте, стараясь не появляться прямо над укреплением, никогда не забуду ужасающие по мощи Ледяные Иглы.

Мышцы живота и сейчас вот напряглись, сами вспомнили... а такое выныривает из памяти почему-то само, я ни при чем.

Из ворот крепости выметнулся отряд всадников, все на поджарых конях вороной масти, тут словно и коней каждое племя выращивает свою породу.

Я осторожно двигался на большой высоте, стараясь не привлекать к себе внимания, хотя во время быстрой скачки все смотрят вперед и под конские копыта, затем резко пошел вниз.

Всадники мчатся легко и беспечно, далеко впереди пасется стадо антилоп, можно попытаться догнать их до спасительного леса и подстрелить хоть одну.

Моя грозная тень прошла над ними на большой скорости, но они не обратили внимания, антилопы уже вскинули головы и насторожились, заслышав далекий стук копыт.

Я пролетел дальше, сел впереди между стадом и всадниками, едва не ткнувшись мордой в землю, и быстро развернулся.

Они уже натягивали поводья, кони поднимаются в ужасе на дыбы. Кто-то прокричал исполошенно:

— Дракон!

Какой догадливый, мелькнуло у меня язвительное, распахнул пасть и проревел:

— Всем стоять!.. Никому не двигаться!.. Я не дракон, а повелитель всех джиннов, ибн-Дауд, и могу принимать любой облик!

Они кое-как управились с конями, что хрипят и все стараются умчаться куда глаза глядят.

Самый отважный прокричал:

— Что ты хочешь, господин? Мы в твоей власти и молим о пощаде!

Я проревел страшно:

— Я нахожусь на службе своего господина Ричарда Завоевателя, который взял владения Алвимы после гибели ее мужа Торадза под свою опеку. Я могу в облике огненного дождя испепелить ваши земли так, что сто лет не будет расти даже трава! Я могу истребить всех людей, скот и все-все, как могу всего лишь вбить вашу крепость в землю, чтобы там везде стало ровно и красиво, как выструганная умелым столяром столешница.

Всадник прокричал:

— Пощади!

Я проревел страшно:

— Мой повелитель вскоре покинет эти земли, а меня оставляет исполнять повеления госпожи Алвимы. Мой господин Ричард Завоеватель милостив и не велел всех вас уничтожать, но дальше ваша судьба будет зависеть от воли госпожи Алвимы.

Всадник вскрикнул в ужасе, а двое в отчаянии схватились за волосы.

— Господин, — закричал первый тонким голосом, — она велит нас стереть с лица земли!

— Так и будет, — согласился я мощным ревом, от которого вздрагивает земля, — если не принесете ей богатые дары и не поклянетесь в полной покорности. Но если сделаете это, господин Ричард велит ей поща-

дить вас. Он советует сделать это сегодня же, пока он здесь.

— Господин!

— Так и передайте вождю, — проревел я.

Они что-то выкрикивали, я не стал слушать их крики и заверения, с силой оттолкнулся лапами, ударил крыльями по воздуху так, что тугая волна едва не сбила их с ног вместе с конями, поднялся, огромный, как дирижабль, и унесся, с каждым взмахом набирая скорость.

Народ здесь простой и простодушный, теперь в страхе сделают все, чтобы умиловить Алвиму. Это с правителем покрупнее такое бы не прошло, у него может отыскаться и Ледяная Игла, и что-то еще противодраконье. Везде, где появлялись драконы, люди вскоре придумывали, как с ними бороться. В результате люди расползаются по всем землям, осваивают уже пустыни и острова, а драконов все меньше и меньше.

Глава 8

На всякий случай я опустилсЯ за лесом, перебралсЯ в личину как можно более мелкого птеродактиля и в таком виде уже нырнул в пропасть за полмили восточнее, прошел чуть ли не по дну, а когда далеко впереди замаячила в недостижимой выси стена крепости, я резко взмыл вверх, как глубоководная рыбаина со дна океана, вынырнул из бездны и торопливо уцепилсЯ крючковатыми лапами за перила балкона.

Убедившись, что никого, быстро перевалилсЯ на ту сторону, торопливо перетек в человеческую личину и сделал вид, что вот в задумчивости созерцаю отсюда окрестности.

После обеда примчался Герст, поклонился, скрестив руки на груди, а когда вскинул голову, черные глаза горят мрачным восторгом.

— Господин!.. По ту сторону моста люди Мурдраза.

Алвима вздрогнула, напряглась, а лицо стало мертвенно-бледным. Я сказал ей мирно:

— Продолжай. А я пока пойду посмотрю, что они хотят.

Она сказала быстро:

— Умоляю, позволь пойти за тобой.

— Ну, — улыбнулся я, — если на два шага позади.

Она взглянула с вопросом в глазах, не понимая, что смешного, а я кивнул Герсту:

— Ты тоже с нами.

— Благодарю за честь, господин!

Я поднялся, отодвигая стул, а когда шагнул к выходу, Алвима торопливо задвинула его на место, видать, тоже ритуал, и поспешила за мной.

Втроем мы вышли из замка, во дворе уже весь свободный народ, а по ту сторону провала пятеро всадников с флагами из белого полотна, что везде означает либо сдачу, либо перемирие, либо приглашение на переговоры.

Я подошел к мостику, помахал рукой.

— Дорога свободна, заклятия с моста сняты. Можете проехать.

Алвима и Герст взглянули на меня в удивлении, о заклятиях слышат впервые. На той стороне передний всадник передал знамя одному из соратников, а сам осторожно пустил коня вперед, но проехал, как я ревниво отметил, спокойно и бестрепетно, гордый и прямой в седле.

Я наблюдал, такой же державно безразличный, а всадник на этой стороне покинул седло, преклонил колено и опустил голову.

Алвима замерла, глядя огромными глазами то на посланца Мурдраза, то на меня, а я после точно отмеренной паузы произнес милостиво:

— Вижу, мой покорный слуга уже передал от меня послание... а еще вижу, вы приняли верное решение.

Он поднял голову и, не вставая с колен, сказал вздрагивающим голосом:

— Мы... повинемся. Мое племя, мой народ Встречного Ветра, готов выполнять твою волю, господин.

Только я слышал, как тихонько ахнула Алвима, а Герст и высыпавшие на стену обитатели замка, напротив, лишились дара речи и только смотрят на все полягушачьи выпученными глазами.

Я снова помолчал для солидности и державности, мудрецы не говорят скороговоркой, а роняют осмысленности медленно и важно, покосился на Алвиму и ее начальника охраны замка.

— Моя воля, — проговорил я снисходительно, — чтобы все жили в мире и согласии. Мне ваши жизни, конечно же, не нужны, ибо я могу создавать и разрушать миры... Но я волей случая проезжал по этим краям в глубокой задумчивости, и тут на меня кто-то набросился. Не переставая размышлять о высоком, я как-то неловко отмахнулся, а потом увидел, что нечаянно убил человека... По-моему, это был человек, насколько помню. Или нет?.. В общем, как вы понимаете, пришлось взять вдову убитого под защиту...

Он сказал торопливо и с заметным облегчением:

— Да-да, законы Творца святы для всех!

— А раз она под моей защитой, — сказал я медленно и лениво, — то любой урон ее интересам или достоинству будет направлен и против меня... ну, вы поняли?..

Он вскрикнул:

— Да, конечно! Обязуюсь...

Я прервал мягким железным голосом:

— Конечно же, как бы я ни был занят в других частях света, я немедленно приду ей на помощь. И месть моя будет не только страшна, но и образцово-показательна. Чтобы о ней с ужасом вспоминали сотни лет и говорили о жуткой судьбе истребленного племени, имя которого устроятся называть вслух.

Он сказал дрожащим голосом:

— Да, господин, да...

— Встань, — сказал я милостиво, — иди и не греши. Я не требую, чтобы ты приносил клятву верности женщине, что под моей защитой. Просто не задевай ее интересы.

Он вскричал с огромным облегчением:

— Господин! Теперь никто не посмеет относиться к госпоже Алвиме без должного уважения!

Прошел еще день, ночью она пришла в мою постель, тихая и готовая исполнять свой долг, все это время я называл и продолжаю называть ее Алвимой, ни разу не обмолвившись, кто она мне. Все-таки и жена, и наложница — это нечто обязывающее. Женой называть не хочу, наложницей — унизительно для нее, с моей точки зрения, хотя она так не считает, ибо наложницы пользуются по закону всеми правами, что и жены, только дети от них не имеют доступа к трону или имуществу, кроме той части, что выделит отец или его жена по своей воле.

Впрочем, она могла считать себя кем угодно, это ее дело, я деликатно не влезал в это, местные реалии, этнографию, томагавки и бубны с плясками.

Герст с утра побывал со своими людьми на землях юнашитов, их везде принимали с почтением, как старших, вернулся и с восторгом доложил, что теперь все иначе.

Я подозвал Алвиму, она взглянула мне в лицо, во взгляде проступила печаль, а из груди вырвался тихий вздох.

— Уезжаете, мой господин?

— Надо, — сказал я тяжело.

Она сказала тихо:

— Я понимаю. Мужчины меняют мир.

— Стараемся, — ответил я неуклюже. — Иногда получается. Хоть на песчинку, и то хорошо.

— Это ваше предназначение, — прошептала она. — А наше... дать вам отдых и силы. Где бы мой господин ни бывал, пусть помнит, что здесь его любят и ждут.

Я привлек ее к себе, наклонился и поцеловал в губы.

— Знаю. И... благодарю. Для нас очень важно, чтобы ждали и любили.

— Это все есть у моего господина.

Она сняла с пальца кольцо и протянула мне:

— Это моему господину.

— Спасибо, — ответил я, — но в моем народе мужчины дарят женщинам всякое... такое.

Она покачала головой:

— Это не подарок.

— А что?

— Кольцо Возвращения, — пояснила она. — Где бы мой господин ни оказался, ему стоит повернуть его камешком вниз, и его немедленно доставят в этот зал.

— Ого, — сказал я. — А в какое-то другое место... может?

Она снова покачала головой.

— Нет. Только сюда. Потому и называется Кольцом Возвращения. Они с замком одно целое.

Взгляд ее затуманился, я сообразил, несмотря на свою толстокожесть, о чем подумала и что вспомнила, обнял ее и погладил по склоненной на мою грудь голове.

— Он вел себя достойно. Мог вернуться и спасти свою жизнь, но это значило оставить тебя мне... И он решил сражаться до конца. Он дрался уже не за свою честь воина... а за тебя, Алвима.

Она тяжело вздохнула мне в грудь. Вообще-то, думаю, на самом деле он просто ничего не успел сделать. Это если бы я ранил или начал бы очень сильно теснить, то, возможно, и удрал бы, однако я при равной схватке ухитрился рассечь ему артерию на шее, а в этом случае поворачивай кольцо или не поворачивай, конец один, и очень быстрый.

Я еще раз поцеловал ее крепко-крепко, прижал к себе, понимая, что вряд ли, если не случится чудо, побываю здесь еще раз. И светлая печаль окутала сердце. Сколько чистых и светлых женщин нуждаются во мне, но что я могу?

Бобик снова черной тенью скользил далеко впереди, Зайчик мчит меня сквозь рев встречного ветра, впереди Скарлянды, а в голове стучит раздраженное: ну и что, вот не сделал зигзаг, и что? Полегчало?.. Доволен и счастлив? Надо ли было останавливаться, травить душу покоем и малым, как говорится, человеческим счастьем?

Все наоборот, чувствуешь себя так, словно сунул голову под одеяло и решил, что будешь жить под ним, там тепло и уютно, а холодный и жестокий мир с государственными заботами пусть на кого-то другого. Есть же дураки, что стремятся к трону только потому, что мечтают водрузить на него свой зад и вздохнуть с облегчением: ну вот, добился главной цели в жизни!

И в самом деле для них это главная, теперь можно просто жрать, пить, пользоваться всеми бабами по праву альфа...

Неужели я в самом деле дорос до некого понимания? Я же раньше, как и все обыватели, полагал, что во власти одни жулики и воры, только хапают и наших баб имеют, ничем другим не занимаются, а страну разваливают...

Может, и разваливают, если совсем дураки. Но тогда, если в самом деле умные, возьмите власть в свои руки! Не-е-ет, либо кишка тонка, либо есть дела поинтереснее. Или и в самом деле кажутся самыми интересными, пока не попытаешься рулить огромным государственным кораблем, что на самом деле интересно, но если со стороны посмотреть — нет на свете более скучного и сковывающего движения занятия...

Бобик далеко впереди вместо того, чтобы замедлить бег, ускорил прыжки еще больше. На вершине дальнего холма, откуда хорошо видна вся долина внизу, проступили крохотные силуэты десятка всадников.

Я сосредоточился, иначе голова кружится от дико прыгающего во все стороны суженного обзора, и сумел рассмотреть во главе отряда графа Шварцкопфа.

Он увидел мой взмах руки, молодец, явно пользуется каким-то амулетом, простым глазом так далеко не увидеть, пустил коня вниз по склону, а за ним с некоторым опозданием ринулись его сопровождающие.

Мы встретились на середине долины, я остановил Зайчика, Шварцкопф придержал своего в пяти шагах, спрыгнул и преклонил колено, глядя на меня радостными глазами.

— Граф Шварцкопф, — сказал я.

— Ваше высочество!

— Граф, — сказал я, — станьте и возрадуйтесь. Начинается возрождение великой Скарляндии! Вы даже не представляете, какая несметная рать преть за моей спиной! Все во славу победы гуманизма во всем мире!

Он вскочил и воскликнул воспламененно:

— Ваше высочество! Неужто я дожил до этого дня?

— Эта могучая и боеспособная армия, — продолжал я с подъемом, — способна выполнить любые задачи тактического и стратегического назначения!.. Враг весьма пожалеет, если вступит на священные земли Скарляндии, политые кровью ее сынов, отцов, дедов, прадедов, прапрадедов, прапрапрадедов... гм... и так до Адама и Евы, которые, без всяких сомнений, именно здесь познали радость творения, а согрешили наверняка на землях Варт Генца или вообще соседних королевств, откуда всякие там с жадностью смотрят на богатство наших земель, укрытых глубоко в недрах так надежно, что даже мы сами не знаем, есть ли они на самом деле!

Глаза Шварцкопфа засияли так, что мне чуть ли не впервые стало неловко. Ну что я за свинья, обманываю же хорошего и достойного человека, зачем же еще и умничать, изгаляться... или это я над собой, потому что чувствую себя подленьким и потому подаю как бы шуточку?

— Ваше высочество!

— Все будет, — заверил я. — И от победы к победе прямо и смело в бой за скарляндское дело!

Он смотрит чисто и преданно, вот уж не думал, что я такой оратор, нет, вообще-то знаю и верю, но до чего же приятно смотреть на его залитое радостными слезами лицо, трясущиеся губы и слышать прерывающийся в радостном экстазе голос:

— Ваше высочество!.. Ваше высочество... Ах, ваше высочество!..

Его свита, робко приблизившись, слезла с коней, все преклонили колени, а я отсчитав мысленно положенное количество секунд, ибо раньше срока тоже нельзя, торопливость и величественность несовместимы, произнес державно милостиво:

— Встаньте, друзья мои! И возрадуйтесь зело.

Ханкбек прошептал дрожащим голосом:

— Что теперь, ваше высочество?

— Принимайте армию, — велел я. — Несокрушимую и легендарную, в боях познавшую радость побед... разгром варварских полчищ, прибывших из-за океана, тоже на ее счету, как и блистательное завершение войны в Гандерсгейме, пусть даже и не побывала там, это неважно в данном аксепте, ибо нечего. Мы даже стоя на коленях как бы не покорялись, а сейчас, когда на знаменах нашей армии начертаны духовность и гуманизм, пусть никто не попадаетеся на дороге! Мы страшно отомстим за все те обиды, которым нам могли бы нанести!

Они все дружно и в страстном подъеме прокричали трижды «Ура!», Шварцкопф громко рыдал и вытирал широким рукавом залитое слезами лицо.

Я похлопал по седельной сумке.

— Знаете, дорогой граф, в этом месте должны звучать трубы, хор мальчиков исполнять «Аллилуйя», а старший церемониймейстер передает верховному церемониймейстеру знаки власти верховного главнокомандующего армией Скарляндии... чтобы тот передал мне. Но мы больше воины, чем короли, верно?

Он прошептал преданно:

— Да, ваше высочество!

— Потому, — сказал я, — передаем все это вам без всяких там ужимок. Вообще-то, на взгляд мужчин, это намного достойнее, чем с прискоками и притопами.

— Да, ваше высочество! — сказал он, глядя на меня как на ангела небесного.

Я вытащил из сумки жезл главнокомандующего и парадный бунчук. Шварцкопф снова опустился на колени.

— Граф, — проговорил я властно и державно, отсчитывая про себя секунды, никак не выработаю в себе эту необходимую размеренную важность, все еще норовлю скороговоркой, — вручаю вам полную и абсолютную власть над армией великой и нерушимой Скарляндии! Отныне вы управляете этой несметной мощью, сами проводите в ней реформы, формируете новые виды войск, назначаете или смещаете военачальников, объявляете войны соседям и так же по своей воле прекращаете! Отныне никто не выше вас во всем королевстве Скарляндии... да-да, теперь можно называть королевством как вслух, так и на бумаге, в договорах и пактах о ненападении друг на друга и нападении совместно на соседей.

Я видел, каким огнем пылают лица вождей племен, что выехали встречать меня вместе со Шварцкопфом. Вообще-то моя речь больше всего на них и рассчитана.

Шварцкопф, теперь уже новый главнокомандующий, воскликнул пылко:

— Ваше высочество!

— Все правильно, — сказал я высокопарно, — все так и должно быть. Кстати, чуть не забыл упомянуть о такой малости, что почти совсем вылетело из головы, она у меня такая, но это такой пустяк, что роли не играет... да вы и сами о нем догадываетесь?

— Ваше высочество?

Я пояснил:

— Ввиду того, что год еще не миновал... вообще-то прошло всего шесть месяцев, потому до истечения срока моего княжения всей полнотой власти обладаю только я, однако это такая мелочь, что вы, понятно, и сами это помните. У вас, граф Шварцкопф, вся абсолютная полнота власти над необъятной и победоносной скарляндской армией, оваянной славой побед, а значит, над королевством. Подчиняетесь вы только

мне, больше никому. Разумеется, все перестановки в армии, смещения или перемещения, набор новых людей или увольнения, а также все прочее вы делаете по своему усмотрению и по своей воле, однако я сперва должен просмотреть и завизировать своей княжеской подписью и печатью.

По-моему, он даже не вдавался в смысл моих слов, потрясенный возможностями возвеличивания униженной, оскорбленной и попираемой Скарляндии, которая наконец-то готова дать сдачи любому агрессору.

— Ваше высочество! — воскликнул он и, бодро вскочив, жарко поцеловал мне руку с перстнем. — Только прикажите!

Я улыбнулся красиво и державно, а под этой общей улыбкой еще и моя маленькая, личная, дескать, фу, все прошло как по маслу, а я боялся, временами все еще не верится, что для успеха в жизни хватает уверенного тона и громкого голоса, а для простолюдинов вообще достаточно одной наглой морды.

— В Древоград, — скомандовал я. — Над Скарляндами восходит новая заря перемен и лучших времен!

Бобик улыбается во весь рот, мне кажется, все понимает или все чувствует, собаки — прекрасные эмпаты, уже выполняет мои приказы до того, как произнесу их вслух, и сейчас помчался в сторону Скарляндии, оглядываясь через плечо, морда веселая, хоть и страшноватая.

Шварцкопф и вожди племен выждали, когда проеду мимо, пристроились сзади. Я крепился, удерживаясь от желания послать недоумевающего Зайчика в полный карьер, это будет позором для остальных, пришлось приноровиться к их скачке, которую они считают очень быстрой.

К счастью, те выдвинулись не так уж и далеко от Древограда, я вытерпел черепашую скачку и даже улы-

бался, когда меня встретила восторженная толпа, а потом, ну конечно же, как это без него, начался шумный и бестолковый пир очень свободных и раскованных людей.

Глава 9

В резиденции Шварцкопфа, которую он настойчиво предлагал для постоянного или хотя бы временного проживания, я провел сутки, на мой взгляд и этого много, переговорил со всеми вождями, выяснил размер их земель, количество населения и, в частности, воинов, размеры стад, чего хотят и что могут, наконец сердечно распрощался и сказал твердо и ясно, что труба Господа зовет, а я, им призванный, должен и обязан!

Провожать меня вышли толпой, все вожди племен, всескарляндский, так сказать, Совет Лордов.

Я еще раз сердечно распрощался, обнял Шварцкопфа и заверил, что начинается новая жизнь, такое повторять можно много раз.

Ханкбек взмахнул дланью, из конюшни бегом вывели Зайчика, он красиво потряхивает гривой, глаза веселые, явно сожрал там что-то лакомое, может быть, железный засов на воротах.

Бобик выглянул из кухни, в глазах вопрос: что, уже едем? А я тут еще не всех объел...

— Вылезай, мироед, — сказал я ему громко и улыбнулся Шварцкопфу, — избаловали мне собачку. Раньше народ от него шарахался, а теперь его даже куры не боятся.

Он весело засмеялся, очень довольный своим гостеприимством, а я с некоторой тревожностью проследил взглядом за всадником, что влетел через ворота с

такой скоростью, что едва не оторвал себе ногу, задев в спешке за столб.

К нему бросились наперерез как слуги, как и воины, он что-то прокричал им, указывая в мою сторону. Там начали оглядываться, лица у всех быстро мрачнели.

Я ощутил неладное, надо поскорее смыкаться, что-то здесь нарушилось, а выяснять безопаснее не здесь, однако несколько человек сразу же бросились в нашу сторону, быстро-быстро зашушукались с вождями.

— В общем, — сказал я Шварцкопфу, — мы все уточнили... Увидимся скоро и уже тогда...

Я опустил ладонь на седло, но люди забежали вперед, загораживая дорогу. Шварцкопфу и Ханкбеку торопливо нашептывали, а те быстро темнеют лицами, брови сдвигаются над переносицей.

Стиснув челюсти, я ждал, а вожди, быстро переговорив, окружили меня плотным кольцом.

Ханкбек мялся, я видел, что ему очень хочется что-то сказать, но не решается, и тогда на помощь пришел Шварцкопф, как бы на правах хозяина, принимающего как меня, так и всех остальных.

Он поклонился и уставился на меня вопрошающими глазами.

— Граф, — сказал я.

— Ваше высочество, — проговорил он сдавленным голосом.

— Что-то случилось? — спросил я.

Он ответил с поклоном:

— Ваше высочество, к нам только что примчался наш человек из Варт Генца.

Я ощутил недобрую недоговоренность, а он замаялся, но на этот раз уверенно сказал Ханкбек:

— Он принес ужасные вести, ваше высочество!

— Да ну, — ответил я успокаивающе, — что там могло случиться?

Он прямо и твердо посмотрел мне в глаза.

— Он рассказал... рассказал... мне это даже трудно выговорить, вы сами видите, но вы, как он сообщил... приняли там титул эрцфюрера!

Я втихомолку перевел дыхание, успел перебрать несколько сот вариантов всемирных катастроф и около тысячи локальных, а тут как бы не совсем катастрофа, хотя смотря для кого.

— Да, — сказал я сдержанно, — вартгенцы были очень любезны и еще более настойчивы.

— Да, — сказал Шварцкопф громко под ропот толпы, — они такие, настойчивые и настырные... Но это ущемило и даже обидело нас, скарляндцев!

Я сказал досадливо:

— Чем это вас могло обидеть? Через пару недель или раньше сюда прибудет огромная армия, на золотых знаменах которой герб великой и непобедимой Скарляндии!.. С этой армией можно отразить натиск любого врага, пусть даже это будет Карл, вздумавший пройтись здесь новым походом. Так что вам какие-то слова или жесты Варт Генца?

Народ снова недовольно зашумел, Шварцкопф вскинул ладонь, все медленно и неохотно затихли.

— Дали бы вам, — проговорил он медленно и весомо, словно несет на плече бревно, — высокий титул другие наши соседи, Бриттия или Бурнанды, никто бы здесь и ухом не повел! Но Варт Генц... у нас с ним особые счета, подозрения и опасения. Бриттия не претендует на земли Скарляндии, а вот Варт Генц...

Я отмахнулся:

— Не берите в голову.

Он покачал головой:

— Ваше высочество, приходится. Однако, хотя новость только сегодня достигла наших ушей, мы очень

быстро придумали выход, а это говорит о том, что скарляндцы быстрее соображают, чем вартгенцы.

Я спросил с подозрением:

— Ну-ну, что же?

Он сказал с подъемом:

— Теперь-то вы примете королевскую корону!

Я посмотрел на него в упор.

— А это не будет... слишком нескромно?

— Почему? Вся власть в ваших руках! К тому же вы обещали...

Я покачал головой.

— Я сказал, что приму решение через год. А прошло полгода, даже меньше. К тому же... как бы сказать, это будет выглядеть не совсем хорошо. Именно потому, что вся власть в моих руках.

— Ваше высочество?

— Будет выглядеть, — объяснил я, — что сам себя короновал.

— Но все наши вожди единогласно...

— ... и в едином порыве благодарных сердец, — закончил я, — нет-нет, это не пройдет.

Он возразил упрямо:

— Ваше высочество, вы тем самым серьезно обидите всех скарляндцев.

— Чем плох титул князя?

Он вздохнул, развел руками.

— Как ни крути, но эрцфюрст — выше. Я переговаривал со всеми знатоками, и почти все говорят, что да, таким образом Варт Генц как бы имеет право и на наши земли.

Я воскликнул с досадой:

— Да мало ли что говорят!

— Нет, ваше высочество, — сказал он упрямо. — Если бы так говорили бурнандцы, мы бы только посмеялись. Но это Варт Генц... Такие разговоры явный

урон нашей чести и нашему достоинству. Вы должны принять корону!

Я вздохнул:

— Хорошо. Нет-нет, ликовать рано, я говорю «хорошо» в смысле, что подумаю. И решу.

— Ваше высочество, примите правильное решение!

— Да что там правильное, — сказал я зловеще, — я приму верное! А вы должны поступить еще более мудро, чем ваши соперники в Варт Генце!.. Они на этот раз не стали настаивать, чтобы я принял королевскую корону!.. Помните, сперва это была их идея? А потом такая же появилась и у вас?

Он хмуро кивнул:

— Да, помним.

— И вот на этот раз, — сказал я с напором, — они, узнав, что я принял от вас титул князя, не стали предлагать мне корону короля, чтобы Варт Генц считался выше Скарляндов! Почему?

Он посмотрел на меня в замешательстве.

— Почему, ваше высочество?

— Да потому, — сказал я горько, — что уже понимают, осталось всего полгода, мои полномочия графа истекут, я вернусь в Армландию, а они выберут своего короля. Возможно, за эти полгода сумели лучше подготовиться и смогут обойтись без гражданской войны?.. Так почему бы вам не поступить так же?

Он пробормотал:

— Но корона... почему не принять корону?..

— Время течет везде одинаково, — сказал я. — Для Скарляндии осталось тоже полгода. Но я придумал, как вам быть и дальше выше по табели о рангах. Вернее, не я сам придумал, но... в общем, я всю ночь бдил как бы в церкви... у нас, паладинов, она внутри нас, в сердцах наших пламенных, и молился Господу, чтобы послал откровение, подсказал, как верно поступить в

моей жизни сегодня, завтра и вообще, что сказать кому и как кого чем и когда... И уже к утру мне было озарение, когда в небесной мощи явился ангел, блистающий так, что глаза на лоб лезли, и он предупредил, что вот прискачет гонец, сообщит, а вы после чего будете предлагать мне корону. И что мне вместо того, чтобы отпираться, как я вот делаю по упрямству и нежеланию подчиняться даже ангелам, нужно согласиться на титул рейхсфюрста. Он выше эрцфюрста, тем самым Скарлянды по статусу будут впереди. Но не намного, а чуть-чуть, как и положено между братьями, старшим и младшим. Старший, понятно, Скарлянды, если вы не сильно против!

В народе сперва слушали сердито, но внимательно, потом глаза распахивались шире, нижние челюсти отвисали, на лицах проступили восторг и благоговение.

Шварцкопф посмотрел на меня вытаращенными глазами, затем просиял, хлопнул себя ладонью по лбу.

— А ведь верно, — сказал он радостно громовым голосом. — Рейхсфюрст — это жё самый высокий титул, выше любого из фюрстов, даже эрцфюрста!.. Это, действительно...

Ханкбек сказал громко:

— Как же Господь все видит наперед!..

— Паладины, — сказал Гардard, вождь ятваргов, — первые воины Господа на земле, как ангелы на небе.

— А сэр Ричард, — продолжил вождь ляндей Калейдер, — первый среди паладинов!

Я замотал головой:

— Нет, тут вы ошибаетесь. Я встречал паладинов достойнее меня... Но вы правы в том, что я часто беседую с Господом и поступаю согласно его велениям. На этом прощаюсь с вами!.. Ждите меня очень скоро с Великой и Победоносной, познавшей радость побед.

Ханкбек пробормотал, придерживая мне стремя:

— Хотя все равно не могу понять, почему отказываетесь от короны короля... но, ладно-ладно, титул рейхсфюрера в самом деле лучший компромиссный вариант, чтобы стать выше Варт Генца... Мы будем ждать вас с нетерпением, ваше высочество!

Рас-с-с-с-сту, слышалось ироничное в свисте встречного ветра. И ускоряюсь. Это же рекорд, никогда еще не перепрыгивал так быстро по лестнице титулов! Неделью назад стал эрцфюрером, а сегодня вот — рейхсфюрером. Рейхсфюрер — это «имперский князь», то есть никому здесь не подчиняется, кроме как самому императору, да и то не прямое подчинение, а право на участие в правлении империей.

Хорошо, здесь нет титулов «светлый князь» или «светлейший», а также «великий князь», а то бы протасили и по ним мордой, как по неровной булыжной мостовой, да не поперек, а вдоль во всю длину...

Надеюсь, скоро это закончится...

Как? Не знаю пока...

Стоянка войск около Тоннеля под началом Паланта за эти дни стала втрое шире. Бобик сразу ускорил бег и пропал между шатрами, а я начал придерживать арбогастра, милостиво улыбнулся часовым, а в расположение лагеря въехал шагом.

Палант примчался со всех ног, успел поддержать мне стремя, в то время как воины ухватили повод, лица радостные, еще бы, со мной даже рядовые огребают богатую добычу.

— Сэр Гевекс, — сказал я церемонно.

Палант откликнулся с готовностью:

— Ваше высочество!

— Что нового? — спросил я.

— Рыцари! — выпалил он.

— Что с ними?

— Прибывают и прибывают! — сказал он быстро и жарко. — Никогда войска не перебрасывали из одного королевства в другое с такой скоростью!

— То ли еще будет, — сказал я. — Пойдемте в шатер. Нужно уточнить и состыковать некоторые детали.

В шатре, грея озябшие за время быстрой скачки руки о чашку с горячим кофе, я внимательно выслушал доклад насчет прибавления за это время рыцарей, копейщиков, тяжелой пехоты и лучников.

Слуги внесли жареное мясо и птицу, я бодро разорвал перепелку, жадно вгрызся в нежное пахучее мясо.

Палант, помявшись, сказал осторожно:

— Ваше высочество...

— Сэр Ричард, — напомнил я.

— Сэр Ричард, — сказал он смущенно и в то же время обрадованно, я не забываю, что он один из тех, с кем я начинал в Армландии. — Тут ходят слухи, что эту всю великолепную армию придется передать под управление скарляндцев и вартгенцев...

— Точно, — подтвердил я.

— И одну из тех, — спросил он, — которые ведут сюда барон Альбрехт и Клемент Фитцжеральд?

— Точно, — повторил я. — А что, это как-то беспокоит?

Он сказал с сомнением:

— А не слишком ли это...

— Что?

— Рискованно, — договорил он с недоумением. — Армии наши, а вы назначаете главнокомандующими скарляндца Шварцкопфа и вартгенца Меганвэйла...

— А что вас, дорогой друг, беспокоит?

Он сказал почти жалобно:

— Ну... они же мечтают о сильных королевствах, самостоятельных... А когда увидят, как вы ограничи-

ваете их свободы, то могут... гм... как бы сказать по-вежливее...

— Не надо вежливее, — сказал я строго. — Здесь свои, мы не на приеме.

— Две могучие армии в их руках... гм...

Он смутился и умолк, я покачал головой.

— На самом деле армии всегда в руках тех, кто платит им жалованье и покупает штаны. Все налоги, как вы знаете, отныне свозятся только в мой карман. Или, говоря обтекаемо, в государственную казну того объединения, которого нет, но которое точно будет.

Он чуть посветлел, даже вздохнул с облегчением, но все-таки спросил с недоумением:

— Но тогда зачем эти Шварцкопф и Меганвэйл?

Я поинтересовался:

— А кто?

— Пусть бы барон Альбрехт и сэр Фицджеральд и оставались бы главнокомандующими...

— Не местные, — напомнил я.

Он сказал жалобно:

— Как-то обидно: приведут две армии и отдадут местным...

— ...сепаратистам, — закончил я. — Знаю-знаю, все учтено. Во-первых, обе армии составлены из их жителей только наполовину, а то и меньше. Во-вторых, населению королевств очень важно видеть, что армией все-таки командуют их наиболее знатные лорды. Это создает иллюзию независимости.

— А в-третьих?

Я посмотрел на него остро.

— А что, должно быть?

Он огляделся по сторонам и сказал совсем тихо:

— Я хоть и молод, но давно с вами, сэр Ричард. И знаю, что у вас наверняка есть и «в-четвертых».

— «Во-четвертых» знать пока рано, — сообщил я строго, — а вот «в-третьих» скажу, но и то под большим секретом. Шварцкопфа и Меганвэйла я не оставлю там надолго. Ротация кадров, дорогой друг, необходимейшая вещь, не знали? Чтобы не застаивались, не прорастали корнями... но есть и другие причины. Я обязательно найду работу для графа Шварцкопфа и Меганвэйла в Сен-Мари, на островах или на кораблях.

Он повеселел, хотел что-то сказать, но за шатром слышались крики, конский топот, звон оружия.

Глава 10

Я насторожился, а Палант, ухватив меч, выскочил стремглав, едва не сорвав полог. Торопливо дожевав половинку умело зажаренной перепелки, я вытер руки, как и положено, о скатерть и вышел следом, чувствуя тревожащий запах горелого мяса.

В трех шагах от шатра на землю опустили на растеленном плаще человека в наполовину сожженной одежде.

Я охнул, узнав графа Меркеля, который так умело сосватал мне свою госпожу, красноволосую и дикуую Ротильду.

Первое желание было немедленно ухватить графа и подлечить: половина лица красная и в пузырях, пахнет горелым мясом, от бровей и роскошных волос не осталось и следа.

— Граф, — позвал я, — вы меня слышите?

Он открыл глаза, красные, с настолько сильно полопавшимися сосудами, что там все залило кровью.

— Ваше высочество...

Его тело изогнулось в судороге, зубы начали стучать сильно и часто. Я наклонился и, тщательно кон-

тролируя стремление паладина спасти и лечить, коснулся головы графа и тут же отнял руку.

— Ого, у него жар!..

Палант сказал почтительно:

— Да, ваше высочество. У меня даже пальцы печет.

— Отнесите его, — сказал я, — в тихое место. Пусть отдохнет, потом сообщит или даже расскажет, что стряслось.

Палант шепнул:

— Думаю, это не простое ограбление. Он посол, а такие люди по темным улицам ночью не шатаются. Для них репутация — все.

Я сказал хмуро:

— Лучше бы грабители.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Я бы дал ему новое платье, немного денег и посоветовал бы в следующий раз быть осторожнее.

Палант сказал осторожно:

— Похоже, он стремился добраться именно к вам.

— Но не успел, — сказал я.

— Не успел, — повторил он и посмотрел на меня испытующе. — Думаете, не доживет до утра?

Я широко перекрестился и сказал со значением:

— Все в руке Господа. А мы, паладины, лишь помогаем по мере сил. Пусть отдыхает, а мы вернемся к своим перепелкам, там еще три штуки, у меня аппетит что-то совсем разыгрался. Заодно еще раз прикинем и уточним, где поставим наши гарнизоны в Скарляндах и Варт Генце...

Палант все же удивился, но еще больше удивился я, так надо, когда вошел оруженосец Паланта и сообщил, что посол Ее Величества королевы Мезины граф

Меркель просит аудиенции у его высочества Ричарда Завоевателя.

Я помедлил с ответом, Палант жалобно взмолился:

— Сэр Ричард!

Я сказал неохотно:

— Ладно, если вы настаиваете. Перепелок всех съели?.. Ладно, тогда дадим эту самую аудиенцию. Только предупреждаю, ничего хорошего он не скажет. И вообще ничего доброго нам разговор с ним не сулит.

— Ваше высочество! — воскликнул он.

Я кивнул оруженосцу:

— Пусть войдет.

Палант казал торопливо:

— Я вас покину, а то брякну что-нить. Или услышу такое, что ночь спать не буду.

Я кивнул, он выскользнул из шатра, а спустя мину-ту под руки ввели графа Меркеля. Половина лица распухла, вся не просто красная, а багровая, в жутких волдырях. Обгоревшую одежду заменили на достаточно пристойную, хотя и великоватую по размерам, но, думаю, это нарочито, чтобы не натирала раны.

На меня он смотрит одним глазом, второй закрывает огромная багровая опухоль, что нависает сверху и подпирает снизу так, что оба волдыря борются за сферы влияния, так мне видится с моей государственной точки зрения.

— Граф, — сказал я, — рад вас видеть, хоть и предпочел бы встретить в иной обстановке.

— Ваше высочество...

— Если трудно, — сказал я, — то вообще не двигайтесь, обойдемся без танцевальных поклонов. Рассказывайте, что с вами стряслось такое вот увлекательное.

— Ох, ваше высочество...

— Да, — согласился я, — я это самое. И сразу же, чем можем вам помочь?

Это я сказал сквозь зубы, нельзя не сказать, даже не я сказал, сам бы я ни за что, явно же какие-то неприятности у посла, но что-то из меня сказало, вот раскрыло мой рот и сказало, черт бы побрал мое прекрасное воспитание и вообще мою замечательность и редкую, скажем честно, отзывчивость!

Он позволил себя усадить в кресло, лицо несколько раз перекашивалось судорогой, но мужская гордость не позволила стону вырваться сквозь стиснутые зубы.

Я терпеливо ждал, нельзя понукать, догадываюсь, а он перевел дыхание и ответил хриплым голосом:

— Благодарю вас, ваше высочество, за такую заботу. Удивительно, но мне намного лучше. Хотя мне сказали лекари, что эти ожоги меня добьют.

Я спросил настойчиво:

— Но что стряслось?

Он махнул рукой, перекривился от боли.

— Ох... Моя госпожа просчиталась с герцогом Блекмором...

Я кивнул:

— Думаю, это был не первый ее промах.

Он посмотрел с недоумением:

— Простите?... Ах, вы о том, что не предусмотрела мер против заговора и свержения с трона... Да, это было, но это практически ее единственная ошибка. А так она до того времени правила королевством уверенно и решительно. Как при муже, так и после его смерти.

— А что с герцогом?

Он поморщился, дернулся от боли.

— Она, оказывается, приняла его ухаживания за признаки любви, что неудивительно при ее красоте и положении. Я еще тогда пытался намекнуть, что любвеобильный герцог ухаживает вообще за всеми молодыми женщинами.

— И что?

Он пошевелил плечами, снова поморщился.

— На меня прикрикнули.

— Понятно, — сказал я. — А сейчас герцог вовсе не горит связать свою жизнь с изгнанницей?.. Пока была королева, он засыпал письмами, верно?

— Вы очень проницательны, ваше высочество.

Я фыркнул:

— Да тут не надо быть проницательным, все как на ладони. На королеве он бы охотно женился, чтобы стать королем Мезины, а изгнанная зачем ему?.. Еще и неприятности могут быть со стороны Голдвина Адорского, если тот решит, что теперь Ламбертиния занимает враждебную позицию.

Он склонил голову.

— Ваше высочество излагает... все очень точно. Ничего не могу добавить, увы.

Я посмотрел на него остро.

— Это не все. Что случилось дальше? Почему вы не рядом с Ротильдой и что с вашим лицом?.. Кстати, позвольте предложить лекарство...

Я сотворил двойную порцию простого мороженого в вафельном стаканчике и сунул ему в руку. Граф взял с осторожностью, но ощутил идущий от угощения холод и ухватил обеими ладонями.

Лицо его стало совсем темным, а когда заговорил, голос звучал хрипло и надтреснуто:

— Дело в том, что герцог выяснил, что узурпатор Голдвин Адорский намерен ограничиться всего лишь захватом власти в королевстве. Он никого не лишал прав и даже не стал отбирать у Ее Величества земель и владений, что было воспринято очень благожелательно всеми лордами королевства Мезины, так как каждый опасался и за свои... Итак, узурпатор Голдвин оставил все земли Ее Величества в ее распоряжении, ос-

тальные хозяева в королевстве поворчали, но их лично не задело, и никаких восстаний не произошло.

Я буркнул:

— Продолжайте. Кажется, догадываюсь.

— Вы очень проницательны, — сказал он со вздохом, — ваше высочество. Как только герцог узнал, что все земли Ее Величества узурпатор оставил в неприкосновенности, то есть в ее собственности, он тут же предложил ей руку и сердце.

— Однако Ротильда отказалась, — сказал я.

Он наклонил голову.

— Ее Величество к этому времени многое переосмыслила. Она мчалась к герцогу, уверенная, что он сразу окажет ей военную помощь.

— Начать войну? — спросил я скептически.

Он покачал головой:

— Нет-нет, никакой войны. Дело в том, что в Мезине все-таки у Ее Величества сторонников даже больше, чем у нашего узурпатора. Просто сэр Голдвин и поддерживающие его оказались намного активнее... Но достаточно бы герцогу явиться с войском, даже небольшим, как чаша весов качнулась бы на сторону Ее Величества...

— И как поступил герцог, — поинтересовался я, — когда Ротильда ответила ему отказом?

Он делал вид, что не замечает, что я упорно называю ее по имени, для меня она не королева, помедлил, явно переживал приступ боли, поднял на меня взгляд, полный тоски.

— Мы все были в его руках, ваше высочество. Как Ее Величество, так и немногие верные придворные, что пробрались из Мезины в Ламбертинию, чтобы продолжать служить Ее Величеству. Когда Ее Величество отвергла предложение герцога, он пришел в ярость и немедленно заточил ее в тюрьму.

Я подумал, сказал осторожно:

— Надеюсь, как и полагается особи королевской крови? В отдельном дворце, со штатом прислуги, с фрейлинами и всем необходимым...

— Ваше высочество, — сказал он горько, — на этот раз вы ошиблись. Мы тоже думали, что все будет так, как вы говорите, когда услышали приказ герцога.

— А что получилось?

Он сказал горько и с расстановкой:

— Ее Величество заточили в Башню Смерти. Ну, так обычно в любом королевстве именуется наиболее ужасная тюрьма для самых отъявленных. Причем в этой башне ее поместили не в верхние этажи, а в самые нижние, где вообще жутко.

Я стиснул челюсти, но напомнил себе, что это не мое дело, у меня своих забот хватает.

— Это продлится недолго, — заверил я. — Он просто старается ее припугнуть. Но его же лорды быстро надавят, они не позволят так обращаться с королевой... пусть и свергнутой! Ему придется все вернуть взад, да еще и извиниться.

— Вряд ли, — ответил он со вздохом.

Я спросил с интересом:

— Что, герцог настолько крут?

Он ответил невесело:

— Вы даже не представляете, насколько. Достаточно и того, что хотя его герцогство и зажато между двумя могучими королевствами, но они никак не могут сломить его сопротивление! А еще он умело и достаточно жестко управляется со всеми лордами, что время от времени пытаются добиться от него каких-то льгот и уступок.

Я помолчал, граф ничего от меня не ждет, ничего не просит, просто смотрит одним уцелевшим глазом, во взгляде нет ни укора, ни жалобы.

— И что, — сказал я с вызовом, — Ротильда полагает, что я предприму какие-то дипломатические шаги по облегчению ее участи?

К моему удивлению, он покачал головой:

— Нет.

— Что? — изумился я. — Это на нее не похоже.

Он ответил грустно:

— Ее Величество очень изменилась в изгнании.

— В чем?

— Раньше, — ответил он так же невесело, — Ее Величеству казалось, что мир у ее ног. Молодая, красивая, блистательная, умная, все у нее получалось... Но после той катастрофы, когда у нее отняли трон, в ней что-то надломилось. Она увидела, что мир совсем не таков, каким она его считала.

— Повзрослела, — определил я.

— Да, — согласился он, — потому никакой помощи не ждет.

Я посмотрел на него с подозрением.

— Тогда почему вы здесь?

Он сказал слабо:

— Мне, из-за близости к Ее Величеству, везде грозила смерть. Она могла всегда рассчитывать на меня, это знали. И если эту ниточку взять и обрубить... Единственное, что могло спасти мою жалкую шкуру, — ваша грозная слава.

Я буркнул:

— Не очень-то и спасла.

— Это случилось по дороге, — сообщил он. — Догнали, мерзавцы... Я все амулеты истратил, чтобы защититься.

— От всех сумели? — спросил я.

Он кивнул.

— Да, там был отряд в двенадцать человек, из них два мага. Но я не воин, мне совсем неважно, что их

кости теперь растаскивают дикие звери, а вот амулеты жаль.

— Да, — согласился я. — Но если они у вас с собой, давайте я наполню их энергией. С некоторыми удастся.

Он посмотрел с удивлением:

— Правда? Если бы знал, не стал бы выбрасывать. В общем, если не выгоните из пределов своих владений... или своего влияния, то, думаю, сюда не решатся.

— Напрасно так думаете, — сказал я, морщась. — Мои пределы... нечто весьма аморфное. Я и сам не знаю, где эти пределы и какие они. Я сам вообще-то беспредельщик, самому страшно, а иногда и противно... Да что там пределы! Не знаю, что и внутри. И вообще... Я почти в таком же положении, как и Ротильда. Только у меня это не так видно.

Он молчал, тихий и подавленный. Наконец, видя, что я вроде бы хочу услышать какую-то реакцию на свои умности, произнес слабым голосом:

— Ваше высочество, я просто беглец. Помощи не прошу, вы и так мне оказали ее просто безмерную...

— Пустяки, ничего я вам не оказал.

— Я жив, — напомнил он, — это благодаря вам, я все понимаю. А с Ее Величеством... Возможно, вам в самом деле просто лучше забыть об этом досадном происшествии. Уверяю вас, все государи и лорды прекрасно понимают, что узы временного брака вас ничем не связывают и не обязывают. Потому никто не осудит и даже слова не скажет, что вы не отреагировали на заключение Ее Величества королевы Мезины в тюрьму.

Я сказал с облегчением:

— Вот и славно. Спасибо, граф! Вы меня успокоили. Отдыхайте, выздоравливайте. Уверен, вы быстро пойдете на поправку. А у меня в самом деле столько

дел, что о Ротильде я как-то, уж простите, вообще забыл.

Он поклонился:

— Вы совершенно правы, ваше высочество. Я в курсе ваших великих дел. Они потрясают воображение! Вам в самом деле даже на небо взглянуть некогда.

Я поднялся и сам помог ему встать, опередив слугу. Снова постарался не слишком уж залечивать его жуткие ожоги, пусть лучше недооценивают мои способности паладина, чем переоценивают.

Глава II

Оставшись в шатре наедине с собой, я развернул карту, отыскал на ней это самое герцогство Ламбертинию и внимательно прошелся взглядом по его границам. Впервые о нем услышал в то теперь такое далекое и счастливое время, когда я, тогда еще безбаннерный рыцарь, прибыл на Каталаундский турнир в честь свадьбы короля Барбароссы.

Он в те дни взял в жены Алевтину, дочь короля Джона Большие Сапоги, и все сразу заговорили, что брак чисто политический: между королевством Барбароссы и Джона раскинулось обширное и богатое герцогство Ламбертиния, где царят благополучие и процветание. Герцогство превосходит королевства Барбароссы и Джона, вместе взятых, герцог вполне мог бы объявить себя королем, но какие-то древние запреты запрещают, что герцога, понятно, раздражает, однако поделаться ничего не может. Барбаросса рассчитывал, что вдвоем прижмут герцогство с двух сторон, однако у короля Большие Сапоги было свое на уме: он оставил королевство на зятя, доказавшего свое умение за-

хватывать и удерживать власть, а сам ушел в монастырь замаливать грехи.

Так что сейчас Ламбертия по-прежнему процветает между землями короля Джона и маленьким драчливым из-за бедности королевством, что формально остается под рукой Барбароссы, но давно уже живет своим умом и под управлением местных лордов.

Правда, с этой стороны герцогство самым краешком в полсотни миль граничит и с Шателленом...

Я задумался, с королем Найтингейлом у нас хорошие отношения, я усиленно превозношу их, как дружеские, однако ему очень не понравится, если бы я вдруг вздумал повести уже собранную армию через его королевство.

Тем более прекрасно понимает, что могу не удовольствоваться только освобождением своей «жены».

Я вздрогнул, поймал себя на мысли, что на полном серьезе прикидываю, как буду освобождать Ротильду, хотя только что обоснованно и ничуть не кривя душой объяснил графу Меркелю, что и пальцем не шелохну для того, чтобы хоть как-то вмешаться.

Дуракам жениться вообще противопоказано. Говорят, женитьба — умная вещь для дурака и глупая для умного, но я точно сглупил, что значит, вроде бы умный, но раз сглупил, то дурак? Или умный, женившись, резко глупеет?

Жениться надо так же, как умираем, — то есть только тогда, когда никак иначе, но я женился, поддавшись мелочному расчету, и вот теперь аукнулось. Мораль — нельзя быть мелочным. Если уж воровать, то по-крупному, чтобы после отсидки что-то осталось. В смысле, за это стоило проходить через неприятности.

Выглянув из шатра, велел коротко:

— Паланта ко мне!

Часовый сказал торопливо:

— Сейчас найдем. И еще, ваше высочество, вы не поднимайтесь, просто крикните! Мы услышим. И все сделаем.

— Спасибо, — сказал я, — забота о сюзерене — это весьма, да.

— Дык и вы о нас же, — возразил часовой и, передав копье соседу, унесся со всех ног.

Хорошее время, мелькнуло в голове. Я — полевой вождь, вот и заботятся. Но как только рассядусь на троне, каким бы ни был и что бы ни делал, все равно стану для всех говном, который только хапает, насильно имеет чужих жен при дворе, ест сало с медом и вообще даже спит на бриллиантах.

Палант появился встревоженный, но с огнем в глазах, расправил плечи и замер у входа.

Я сказал сварливо:

— Давай без этих придворных штучек. Тащи свою карту... Та-а-ак, у нас сейчас три армии в этом регионе. Будакер наверняка уже привел свою и готовится располагать в Турнедо, Клемент и Альбрехт ведут в Скарлянды и Варт Генц. Та-а-ак... шли гонца к Будакеру, пусть пока не распределяет отряды по гарнизонам, а немедленно двигается через Шателлен вот по этой дороге прямо в Ламбертинию...

— Ваше высочество!

— Слушай и выполняй, — сказал я строго и ласково. — Второе — графам Магенвэйлу со своими полководцами и безработными военачальниками и графу Шварцкопфу с вождями срочно выступить навстречу армиям... Победоносным и Прославленным в боях, принять командование и вести вот по этим дорогам...

Палант проследил за моим пальцем, глаза стали еще шире.

— Ваше высочество!

В его светлом голосе были страх и недоумение.

— Что тебя смущает? — спросил я.

— Но ведь это вторжение в королевство Шателлен!.. Тремя армиями! Его Величество не допустит... Это война?

Я поморщился, сказал сердито:

— С королем Найтингейлом постараюсь договориться. Он человек чести. А кто останется равнодушным, если жену его союзника безобразно хватают и швыряют в темницу, как будто она и не она вовсе?.. Если Найтингейл нам не поможет, он покроет себя позором во всем цивилизованном мире и за его пределами. Вот увидишь, он и сам постарается, для короля репутация — власть и деньги!

Палант покачал головой:

— Даст отряд в десяток лучников?

— Главное, — сказал я наставительно, — участие в общем деле. Символическое участие — тоже участие. В общем, все понял?..

— Ну да... ваше высочество...

— Хорошо, — сказал я, — трудись, пчелка моя железнобокая. А я пока побегу вперед, как всегда у меня почему-то, буду прометать вам дорожку, чтобы никто не споткнулся.

Он смотрел на меня с завистью.

— К Найтингейлу? Ваше высочество, вы хоть в бой без нас не вступайте, дождитесь!

— Тогда спешите, — ответил я с достойным лорда высокомерием.

Он спросил вдогонку:

— Ваше высочество, можно один вопрос...

Я ответил раздраженно:

— Палант, что за церемонии? Просто спрашивай!

— Ваше высочество, — спросил он умоляющим голосом и от неловкости даже слегка заискивающим, что для него непривычно, — вы всех нас сюда увели... Да-

же Растера и Альбрехта, что всегда оставались в Сен-Мари вашими верными помощниками.

— Ну-ну быстрее, я на пороге!

— Ваше высочество, — сказал он уже чуть настойчивее, — это не только меня беспокоит! А кто остался в Сен-Мари?.. Ваша власть там не дрогнет? Не пошатнется? Сэр Ричард, это и наша власть!

Я сказал тепло:

— Палант, спасибо, что думаешь и об отечестве. В Элладе тех, кто не ходил на выборы главы государства, вообще изгоняли из государства. В Сен-Мари герцоги Готфрид и Ульрих должны в мое отсутствие завоевать симпатии местных лордов, а также как можно больше голосов для Готфрида.

Он сказал тревожно:

— Не жаль отдавать корону?

Я сказал возвышенно:

— Как рыцарям, нам важнее не потерять честь, как христианам — душу. Почему не предположить, что, отдавая корону, я получу нечто более значимое?

Он робко улыбнулся:

— Да-да, вы правы, ваше высочество. Надеюсь, получите не только в духовном плане.

Я загадочно улыбнулся и вышел. Он еще не знает, что герцог Ульрих развернул работу по расширению деятельности ордена Марешаля на все территории, что под нашей властью и даже просто под влиянием.

Это поважнее простого и примитивного ввода войск в чужое королевство. И даст больше.

Насколько помню по разговорам, герцогство Ламбертиния ошетинилось мощными крепостями на границе с королевствами Барбароссы и Джона Большие Сапоги, что спят и во сне видят, как с двух сторон за-

хватят ее богатые земли. Угроза стала особенно ошутимой, когда оба королевства укрепили союз браком короля Барбароссы с Алевтиной, дочерью короля Джона, но тот неожиданно для всех ушел замаливать в монастырь грехи, что поразило Барбароссу и впервые заставило задуматься о подлинных целях в жизни.

Однако со стороны королевства Шателлен никаких крепостей нет, все знают, что шателленцы исключительно мирный народ, со всеми дружат и со всеми торгуют, ни на кого никогда не нападали.

Возможно, в этом и есть мой шанс решить все быстро и сравнительно бескровно. В отличие даже от здешних мудрецов, у меня есть и некоторые знания, которыми те не обладают.

В частности, когда-то очень мудро поступил император Александр Первый, решившись на отчаянный и безумно рискованный шаг: не пытаться победить другого императора, великого Наполеона, которому никто еще не мог нанести ни единого поражения, а идти прямо на столицу его империи и захватить ее. А там местные лорды, которым приставят острия копий к животам, объявят своего императора низложенным.

Этот вариант мгновенно привел к окончанию войны, что иначе была бы долгой, кровавой и с неясным исходом, ибо в сражениях Бонапарт был непобедим и всякий раз разбивал союзные армии империй и королей, хотя те собирали войска впятеро больше.

А единственный путь, откуда можно быстро и беспрепятственно вторгнуться в герцогство — это из королевства Шателлен.

Ветер ревет в ушах, я чувствовал, что это уже начинает осточертевать, на самом деле как ни романтично мчаться на коне, но я предпочел бы более совершенные средства перемещения. Увы, хотя над этим думаю и отчаянно ищу возможности, но все они, начиная от

Подземного Вихря и заканчивая зеркалами Элинор, имеют свои минусы.

Турнедский лес незаметно перешел в шателленский, я только догадывался, что мимо изредка проскакивают уже не мои села, пока впереди не показался величественный Дартмут, столица Шателлена, что значит, вот оно, либо убеду короля Найтингейла, либо он пошлет меня так, что дальше уже и не знаю, как поступать.

В отличие от Фоссано, Турнедо и других королевств, которые я успел повидать, Шателлен совсем мелкий, даже мельче Армландии, однако заселен плотно. Здесь герцогов не меньше, чем в Фоссано или Турнедо, как и графов или баронов, а крестьяне настолько зажиточные, что их очень трудно уговорить воевать, им и так хорошо.

Еще у меня с Шателленом договор о безвизовом и беспошлинном пересечении границ купцами и прочим людом, шателленцы гонят в Армландию стада крупного и мелкого, а вывозят изделия высоких технологий в виде добротных панцирей, кольчуг, мечей и боевых топоров.

И хотя теперь изделия из металла поступают уже из Сен-Мари, но это все равно мое королевство, это я по-прежнему дружу и торгую с Шателленом уже из Сен-Мари. Более того, по договору с Найтингейлом мои купцы торгуют с территории Шателлена с королевством Алькантиаро, что с той стороны Шателлена, заодно и присматривая, как там ведет свои дела тамошний король Шарль Глостер...

А если учесть, что на землях Шателлена мои рудники, полученные от благородного Миддля в обмен на леди Франку, то мы с Найтингейлом вроде бы повязаны настолько, что ничем нашу... гм... дружбу не разо-

рвать, не испортить... если только не... но это нет, ни в коем случае, разве что...

Бобик вырывается так далеко, что не успеваю даже прикрикнуть, но Зайчик делает немыслимый рывок, догоняет, Бобик делает вид, что просто поддался копытному из жалости, а потом снова убегает вперед...

В скупых лучах северного солнца выступили четкие строгие стены и квадратные башни Дартмута, столицы королевства Шателлен, одинаковые как по высоте, так и размерам, явно строил один архитектор и никто позже не перестраивал.

В распахнутых воротах меня хотели спросить, кто и куды, но Бобик поспел первым, и они в испуге отскочили.

Один вскрикнул:

— Да это же... Ричард Завоеватель!

Я, не подтверждая и не опровергая, пустил коня в город. Бобик мчится впереди, как глашатай, заодно освобождая дорогу на тесных улицах.

Мы выметнулись на главную площадь, за которой дворец короля Найтингейла. Здешние стражи узнали меня тоже, хотя я не так уж и часто бывал здесь, пропустили без вопросов, только один сразу бросился вперед со всех ног, предупреждая, что прибыл знатный гость, и наверняка к Его Величеству.

У дворца стража в полных доспехах, отборные парни, но всего четверо у двери, можно бы сказать, что Найтингейл беспечен, но на самом деле никто и не пытается отнимать у него власть, народ им доволен, лорды тоже не помышляют о другом короле.

Я шел быстро, всем видом выказывая, что здесь мне все знакомо, свой, в провожатых не нуждаюсь, отставить трубы и церемониймейстера...

Придворных здесь не меньше, чем у меня в Геннегау, вот уж действительно, хоть и маленькое королевство, но компактное, заселенное и зажиточное...

Мне кланяются даже те, кто еще не узнал, просто ощущают по властности движений, которые я отрепетировал до автоматизма, что идет высокий и наделенный, или взявший их сам, властными полномочиями.

Не все, конечно, останавливаются и кланяются, некоторые делают это на ходу, я увидел, как мне почти наперерез идет рослая и ослепительно — яркая девушка в дорогом синем платье, обильно шитом золотыми нитями. На пышной прическе из золотых волос блестит небольшая корона, но на этот раз не принцессья, увы, намного поскромнее. На мой взгляд, приковывающая взгляды грудь леди Франки стала еще крупнее, а талия, как ни странно, тоньше, хотя кормилица несет за нею младенца в розовом одеяльце.

Я засмотрелся на ее безукоризненное лицо, могла бы стать женой крупного короля, но вот сумела же выйти замуж по любви...

Она заметила меня, да и трудно не заметить, когда я на ее пути, чуть поморщилась, красивая и величественная, похожая уже не на строгую учительницу, а на директоршу закрытой частной школы для благородных девиц.

Я с удовольствием смотрел в эти строгие глаза цвета мореного дуба, красиво обрамленные длинными ресницами. Настолько хороши, что в этот раз даже не стал намекаяще поглядывать на ее полные пунцовые губы, а когда приблизилась, я развел руками и откровенно ахнул:

— Леди Франка!..

Она всмотрелась в меня с надменным интересом.

— Сэр Ричард, что с вашим лицом?

Я проговорил, звучно шлепая губами:

— Какой же я дурак, взял рудниками... Щас бегу к вашему отцу и поменяюсь взад!.. Пусть забирает все свои природные богатства недр...

Другая бы ликующе расхохоталась, но леди Франка лишь чуть-чуть позволила улыбке проступить на губах.

— Сэр Ричард?

— Кусаю локти, — объяснил я. — Вы стали еще краше. Нет, ну как я прогадал, как прогадал!.. Что за дурак... Говорили же мне, что вы стали еще прекраснее, я не верил, все женщины после замужества всегда становятся старыми и страшными... Господи, да я теперь все, погибну, если не уговорю вашего батюшку помочь мне заполучить вас хорошенько взад...

Она в удивлении вскинула брови, но в ее голосе я уловил тщательно скрываемое удовлетворение:

— Вам так говорили?

Я воскликнул жарко:

— Чего бы тогда прибыл? Все вокруг уши мне прожужжали и прожужжали!.. А я ж такой удачливый, а тут вот с вами по-крупному прогадал, дурак самоуверенный... Но теперь я вас точно не выпущу!

Она сказала уверенно:

— Зря прибыли, сэр Ричард. Мой супруг ни за что не променяет меня на те рудники.

Я сказал пылко:

— Леди Франка!.. Я столько вложил в них, расширил и переоборудовал! Теперь они приносят прибыли втрое больше... Так что ваш муж, может, и задумается.

Она с достоинством покачала головой, но во взгляде промелькнул некоторый испуг.

— Не смейте ему такое даже предлагать, — проговорила она надменно.

— Почему?

— Вы его оскорбите!

— Он все такой же романтик?

— Он меня любит, — заявила она с вызовом.

— Даже больше, — сказал я со вздохом, — чем рудники?.. Я посрамлен, как я посрамлен! Но постараюсь исправиться.

— Как?

— Предложу ему не только рудники, — сказал я пылко, — но и что-нибудь еще в придачу! Полкоролевства, например.

Она округлила глаза.

— Что-о?

— Полкоролевства, — повторил я. — У меня их есть в Гандерсгейме. Еще с десятков свободных. В стратегическом запасе. На будущее.

Она обиженно поджала губы.

— Не смейте такое даже и предлагать!

— А-а-а, не уверены...

— Уверена, — возразила она, — вы его только обидите.

— Этого я не хочу, — сказал я поспешно. — Знаю, вы с сэром Мидлем как ножницы, даже если и двигаетесь в разных направлениях, между вами лучше не становиться... Потому я попробую сперва переговорить с вашим батюшкой. Это ваш ребенок? Какой милый... и как на меня похож!

Она фыркнула:

— Это с какой такой стати?

— А духовная близость? — спросил я. — Разве у нас ее не было?

Она отшатнулась:

— С вами? Да у меня скорее с крокодилом она будет. Даже духовная. Вы такое чудовище, что я даже и не знаю!.. Почти привлекательны, если отбросить все человеческое.

— Я вас тоже люблю, — заверил я. — Страстно и почти безумно. Вечером увидимся, раз уж вы здесь, а не в землях своего мужа?

— Вряд ли, — ответила она надменно, — я прибыла ненадолго по делу. А в самом деле, зачем вы прибыли?

Я охнул:

— Разве не сказал? И вы не поверили? Главная и единственная моя цель — забрать вас взад!.. Ну как я мог тогда так сглупить?.. Нет, сейчас любую цену заплачу, но заполучу вас!.. Все, леди Франка, я бегу к вашему батюшке! И ни о чем не буду говорить, кроме как о такой добыче!.. Я добьюсь, я приложу все усилия.

Она фыркнула, надменно задрала носик и удалилась, больше не достаивая меня ни словом, ни взглядом.

Глава 12

Я обвел взглядом заинтересованно прислушивающихся придворных. Одни сразу сделали вид, что смотрят мимо, другие торопливо склонились в поклоне.

— Всем вольно, — разрешил я.

Со стороны входа в парадный зал раздался мощный рев, словно трубит полный силы лось в весенний гон:

— Его высочество Ричард Завоеватель, князь Скарляндии, маркграф Гандерсгейма, фюрст островов Рейнольдса, гроссграф Армландии...

Я прошел в распахнутые двери, не дожидаясь, когда закончит перечисление, я со своими титулами чувствую себя как стегоцефал, за которым тянется длинный-длинный хвост, погромыхая по залам и лестницам костяшками позвонков.

В зале яркий свет, все в праздничных одеждах, а под противоположной от входа стеной укрытый красным бархатом помост. Там, на роскошном троне с вы-

сокой спинкой, Найтингейл все с той же золотой короной на седых волосах, окладистой бородой до середины груди, важный, но не чересчур, степенный, но без перехлеста, с мудрыми глазами и добрым мягким лицом.

Придворные замерли, в неуверенности глядя на неожиданного гостя, Найтингейл смотрит со снисходительной усмешкой, уже знает меня по некоторым выходкам, что вроде бы нарушают приличия, но на самом деле не нарушают, ибо этикет — еще не приличия.

Я отвесил легкий поклон, у меня и титул помельче, и по возрасту я должен быть почтительным.

— Ваше Величество! — сказал я таким радостным голосом, что кто-то мог бы расплакаться от умиления. — Как только выпала свободная минута, я сразу же ринулся провести вас, чтобы испить из чаши вашей мудрости, поплескаться в бассейне вашего обаяния и вообще... потому что я соскучился, если совсем уж честно!

Он кивнул, лицо серьезное, но глаза смеялись.

— Хорошее начало. Значит, что-то очень серьезное. Лорды, прием на сегодня окончен, а разговор с нашим братом сэром Ричардом мы продолжим в моем кабинете наедине.

Лорды кланялись, на лицах неудовольствие, я видел в их взглядах тревогу и опасение, что могу принести неприятности, такая уж у меня почему-то странноватая репутация. Хотя Шателлен и получил в результате ожесточенной, но короткой войны солидный кусок турнедских земель, однако вдруг снова втяну королевство в более рискованную войну?

Кабинет Найтингейла, как и у меня, почти рядом с залом для приемов, нужно пройти всего десяток шагов по узкому коридору.

Я шел с королем молча, но когда за нами захлопнулись двери, сказал с укором:

— Ваше Величество, ну что вы пугаете народ?

Он сел в кресло, мне указал на такое же напротив.

— Пугаю? — переспросил он с интересом.

Я придвинул его чуть ближе, тоже знак доверительности и полного дружеского доверия, только тогда опустил в него задницу.

— Ну да, — сказал я сердито, — я же сказал, просто соскучился! А вы сразу «что-то очень серьезное»! Теперь надрожатся, а зря.

Он переспросил:

— Точно?

— Точно, — заверил я. — Никакой войны!

Он хмыкнул с неверием:

— Тогда зачем?.. Ах да, позвольте угостить вас...

По его знаку слуги начали заносить вино, кубки и сласти. Я к вину не прикоснулся, но быстро слопал сдобный пирог и, создав чашку кофе, с жадностью выпил.

Найтингейл поглядывал с недоверием на мои трюки, добротный консерватор, сам в новинки не лезет, зато другим не мешает, магией у него во дворце просто пахнет, но вижу только светильники, что горят сами по себе, все остальное скрыто.

— Неужели я не мог просто соскучиться? — сказал я с упреком. — Вы и мой друг, и добрый сосед, и надежный союзник!

Он кивнул:

— Полагаю, еще с того дня, как вы хитро обвели всех нас вокруг пальца, выменяв мою дочь на богатые рудники, вы должны чувствовать к нам самое дружеское расположение.

Я воскликнул:

— Это была моя самая неудачная сделка в жизни! Когда я вижу леди Франку, я понимаю, как я много потерял... А рудники, что рудники? Хотя да, богатые, вообще-то там дела идут пока хорошо, поступления неплохие, хотя, конечно, я нашел и другие источники дохода...

Он хмыкнул:

— Еще бы.

— Ваше Величество?

— Чтоб вы да не нашли, — сказал он мирно. — Думаю, и наш брат Барбаросса локти кусает...

— А он почему?

— А хитрость насчет раздела Турнедо? — спросил он.

— Мне просто повезло, — сказал я, защищаясь. — Бывает же, что просто везет? Вот и мне выпали три шестерки.

Смех в его глазах стал отчетливее.

— Просто соглашаюсь, — напомнил он, — что вы действительно можете чувствовать к нам расположение.

— Все равно, — сказал я упрямо, — я приехал к вам в первую очередь просто повидаться, ибо соскучился просто безмерно!

Он усмехнулся.

— Я достаточно общался с моим братом королем Барбароссой, — сказал он, — пока планировали войну с Гиллебердом, чтобы узнать от него про ваши привычки.

— Ваше Величество?

— Такое начало, — сообщил он, — означает, как сказал мне Барбаросса, что либо намереваетесь крупно обжудить, либо что-то украсть весьма ценное.

— Ваше Величество! — вскричал я обиженно. — Это такая у меня репутация? Да я денно и ночью!.. Незапятнанно... Незадымленно!.. Вот весь как на духу,

внимательнее взгляните в мои честные глаза!.. Только не плюйте.

Он улыбался с тем чувством превосходства, что дают прожитые годы и опыт общения с многими и даже очень многими людьми, честными и лживыми, открытыми и хитрыми.

— Так что у вас за идея, — спросил он мягко, — мой юный и столь пылкий друг?

— Расширение и углубление взаимовыгодного сотрудничества, — сказал я жарко. — А то вы все меня обижаете зачем-то... Как будто вам не выгодно ни торговать со мной, ни воевать, когда вам от бывшего Турнедо достались солидные земли!.. Вот и сейчас у меня идея...

— Как отобрать обратно? — спросил он.

Я поинтересовался шепотом:

— Что, у меня в самом деле такая репутация?

Он расхохотался, сказал добродушно:

— Сэр Ричард, если вы любите людей поддразнивать, то будьте готовы, что и они...

— Ну слава богу, — сказал я с облегчением, — а то уж я подумал, что где-то проговорился.

Улыбка сползла с его лица, теперь уже я едва удерживал серьезное выражение.

— И что за идея? — спросил он настороженно.

— У вас есть возможность неплохо заработать, — сказал я. — С того края вашего королевства гнусный злодей схватил мою жену и зверски заточил ее в темницу! Представьте себе, в подземную тюрьму!..

Он нахмурился.

— Я не слышал, что вы уже... гм... женаты.

— Да вот как-то меня окрутили, — признался я. — Уж таким орлом себя считал, никому не попадусь! А тут как дурак... И сразу неприятности. И всего лишь за временный брак!

— Надолго?

— На полгода.

Он отмахнулся:

— Ну, это почти и не брак. А неприятности... Что ж, так вам и надо. Не следовало от Франки отказываться.

— Это она от меня, — сказал я возмущенно. — А ее этот... как его... Мидль!.. даже отступные за нее дал. Правда, за такие рудники, если совсем уж честно, я бы и две Франки отдал, а то и две с половиной, уж простите за преобладание государственных интересов над личными мужскими, но вы, как король, меня поймете... Зато сейчас я в таком положении, что если не попытаюсь ее выручить... в смысле, не Франку, хотя хорошо бы и Франку, но жену свою я как бы вообще обязан... хоть и не хочется.

Он кивнул, сказал очень серьезно:

— Да, нам много приходится делать того, что не хочется. Даже вот жен выручать... И как вы, гм, планируете?

— Сперва была идея, — сказал я, — точечного удара. Молниеносной операции воздушно-десантных сил по захвату тюрьмы и освобождению... или даже скрытой операции, чтобы никто даже не заметил, что узница уже освобождена и переправлена в безопасное место...

Он, похоже, не все понял, но суть уловил, кивнул, поторопил:

— Ну-ну, и что вас остановило?

— Чувство неполного удовлетворения, — признался я. — Если я выкраду жену и перевезу в безопасное место, хотя и не представлю куда...

— А к себе?

Я изумился:

— А зачем она там мне?.. Я же говорю о деле, о репутации, о чести и достоинстве, при чем тут женщины, пусть даже и жены? Особенно свои. Не-е-ет, этого недостаточно. Освобождение — только половина дела.

— А вторая?

— Злодей должен быть наказан, — сказал я твердо. — Мы же за справедливость? Рыцари должны защищать женщин? А жена тоже в некоторой степени как бы женщина, хотя уже и не совсем настоящая, потому я должен... ну да, должен, хоть и, если честно, не хочу. Я знаю таких, что и сами бы доплатили, только бы их жен украли и держали в темнице. Но я — государь, должен поступать, как надо, а не как хочется. Я же примат для народа, в смысле — пример, или не?

Он слушал, кивал, всматривался в меня серьезно и внимательно, наконец сказал неожиданно:

— Как я понял, вы хотите свободного прохода своей армии через земли моего королевства?

Я воскликнул в восторге:

— Как же приятно с вами общаться!

Он поморщился, покачал головой:

— А как, по-вашему, посмотрят лорды Шателлена на чужестранную армию, что вторгнется в наши пределы?

Я даже отшатнулся в испуге:

— Ваше Величество! Какие ужасные слова отыскали в своем бездонном словаре! «Вторгнуться»... Как можно?.. Да еще «чужестранную»! Разве мы чужестранные?.. Мы, как тихие робкие зайчики, пойдем строго по дорогам, не отступая ни на шаг в сторону огородов, где куры, гуси, свиньи, козы, девки, утки, индюшки, девки, перепелки, девки...

Он кивнул.

— Да-да, конечно. Эти куры сами к вашим солдатам в мешки попрыгают. Но, полагаю, с этим решить можно будет, если оплатите сопутствующие расходы...

— Конечно, — сказал я убежденно. — Ваши торговцы могут неплохо заработать, сосредоточив заранее на пути следования для продажи кур, гусей, девок, поросят, хлеб, сыр, молоко, девок... Я принес карту с намеченным маршрутом! Когда мы с вами его сейчас согласуем, это не будет неожиданным вторжением, как могли бы подумать ваши лорды, а заранее спланированной нами совместной операцией. По гуманитарному освобождению. Весьма законному, как ни посмотри, даже если сбоку.

Он призадумался, я положил перед ним карту, но взгляд его скользил по ней достаточно отстраненно.

— Мои лорды, — проговорил он в затруднении, — могут быть против.

— А будут?

— Немалая часть, — признался он. — А мне раскола в обществе очень не хотелось бы.

— А мне? — спросил я. — Однако между нами, королями, скажу честно, нужно укреплять свою власть, чтобы эти местные горлопаны не садились нам на головы. Мне, к счастью, удалось путем хитрых маневров создать армию, что подчинена только мне, а от лордов не зависит, там что я вполне могу оказать и вам помощь...

Он нахмурился:

— Это в каком смысле?

— Демонстрацией нашей дружбы, — уточнил я. — Никто не осмелится хрюкнуть против вас, видя, что я любого за своего мудрого наставника порву, как Бобик тряпочку!..

Он все еще хмурился, разглядывая карту.

— А почему здесь отмечены три дороги?

— Планирую вторгнуться по трем направлениям, — сказал я. — Так уж получилось, что у меня совсем близко к границам Шателлена оказались сразу три армии!.. Не подумайте чего, две шли в Варт Генц и Скарлянды, а та, что из Сен-Мари — в Турнедо.

Он кивнул, принимая объяснение, но лицо оставалось немного обеспокоенным.

— В этом случае, — объяснил я, — сопротивление будет минимальным. Я нарочито хочу обрушиться впятеро превосходящими силами!.. Местные должны видеть сразу, что все их попытки выстоять обречены. Таким образом войны не будет... или сведется к минимуму.

Найтингейл внимательно всматривался в карту.

— Все правильно, — заметил он, — вы хорошо знаете наши дороги. Настолько хорошо, что, не будь вы нашим другом, я бы встревожился...

— Ваше Величество! — вскричал я испуганно. — Обожая вас, вашу прелестную Франку, по которой так безумно скучал, ваше личное обаяние...

Он усмехнулся, вскинул руку.

— Да-да, верю. Вот тут у вас дорога обрывается...

— Дальше, — сказал я, — как понимаю, уже земли Ламбертини?

— Верно, — подтвердил он, — только не вздумайте переть напрямик, хотя там вроде бы и ровная степь.

— Ваше Величество?

Он поморщился:

— Увы, на земле осталось еще многовато неприятных мест, что напоминают о Великих Войнах Магов. Одно из них как раз у вас на пути, нужно будет обойти... хоть справа, хоть слева, это неважно. Все обходят. Там хорошая протоптанная дорога, очень удобная.

А говорю это вам потому, что у вас есть опасная привычка ездить напрямик.

— И это знаете?

— Многие знают, — ответил он спокойно, — так что опасайтесь. Этот вот неприятный участок краешком заходит даже в наше королевство, но только чуть-чуть.

— Очень опасный?

— Раньше был очень, — ответил он. — Но потом народ перестал туда соваться, так что неизвестно. Многие опасные места со временем перестают быть ими. Бывало, попадет туда какой-нибудь чужак, которого забыли предупредить, проходит спокойно, а потом и другие начинают сперва осторожненько...

— Спасибо, Ваше Величество, — сказал я горячо. — Я не стану рисковать армией!

Он коротко усмехнулся.

— С собой тоже не рискуйте, мой юный друг.

— Ни за что, — заверил я твердо. — Теперь я не сам по себе, на мне столько всего, что я теперь своей тени шарахаюсь! Мне вообще-то нужно сосредоточиться на чем-то одном и довести до весьма победного конца!

Он посмотрел на меня со снисходительной усмешкой и симпатией, как все мы смотрим на младенцев.

— Правда?

— Ну да, — сказал я сердито. — А что не так?

Он хмыкнул:

— Сэр Ричард, вы очень молоды, это видно по вашим рассуждениям. С одной стороны — у вас очень много знаний, что удивительно даже, а с другой — полное отсутствие жизненного опыта.

Я вскричал оскорбленно:

— Ваше Величество!.. Как это?.. Да меня столько мордой по битому стеклу, что опытнее меня уже нет человека во всей вселенной и за ее пределами!

Он сказал добродушно:

— Вас только начали возить... этой самой. Думаете, уже кончилось или вот-вот кончится? Ничего подобного. Всю жизнь будут возить и возить, просто привыкнете и признаете, что это необходимая и, увы, неотъемлемая часть... нашего существования. В том числе признаете... хоть до этого вам еще и нескоро, что никогда нам не удастся как укладываться в сроки, так и сосредотачиваться на чем-то одном важном, чтобы всякое неважное не отвлекало и не отнимало так много драгоценного времени!

Я в горестном изумлении раскрыл рот:

— Правда, что ль?

— Увы...

— А я надеялся, что когда у меня будет вот такая белая борода, я уж точно буду же все знать и понимать.

— Я тоже так надеялся, — сообщил он с глубоким сочувствием. — Потому и говорю, что знания — это одно, а жизненный опыт — другое. И нам всегда будет недоставать того и другого.

Я поднялся, учтиво поклонился:

— С вашего позволения, Ваше Величество, я передам эту карту вашим придворным?

Он вяло махнул рукой:

— Не трудитесь. Сейчас они придут, я им сам велю подготовить как дороги, так и соорудить временные склады с продовольствием. И палатки для отставших и заболевших.

— Спасибо, Ваше Величество, — сказал я с чувством. — Как я счастлив, что дружу с вами и как буду и дальше стараться всеми фибрами всемерно и по-всякому укреплять нашу вечную дружбу на благо народов и гуманизма!

Глава 13

Когда я вышел, в коридоре только стражи и двое слуг, здесь личные покои Его Величества, а еще Франка, что, как я понял по ее лицу, ожидает, когда аудиенция закончится.

Она сразу же устремилась ко мне навстречу.

— Сэр Ричард?

Я ответил с некоторым недоумением:

— Леди Франка?

Она спросила в тревоге:

— И... что?

— Договорились, — сообщил я шепотом. — Его Величество позволяет моим войскам пройти по строго намеченным дорогам.

В ее глазах, полных непонятного мне беспокойства, блеснули искорки гнева.

— Какие войска?... Какие дороги?... Не виляйте, говорите о главном!

Я спросил тупо:

— О главном? А что еще... Ах да, вы о такой мелочи... Ну да, мы договорились с вашим отцом, что он все-таки отдает вас мне. А сэру Мидлю пожалуйет в утешение титул герцога и подарит большое поместье на границе с Алькантаро.

Она охнула, отшатнулась, глаза как блюдца.

— Господи... Как он мог?

Я сказал нахально и мудро:

— Леди Франка, вы же дочь короля! С детства знаете, что отпрыски королевских семей себе не принадлежат. Их всегда отдают тому, кому выгоднее. Сейчас вас отдают мне. Так что идите собирать вещи. Я долго не задержусь, мы тут только утрясем количест-

во кур и прочей живности, необходимой для нужд армии, и я отбуду.

Она всплеснула руками:

— Господи, как отец мог так поступить...

Я сказал мудро:

— Такова жизнь, леди Франка. Мне вот тоже с вами, может быть, не совсем, но династические узы... ого, это важно! Вы не храпите во сне?

Она покачала головой, глаза совсем растерянные.

— Нет...

— А не лягаетесь?

— Вроде бы нет...

— А одеяло не стягиваете?

Она воскликнула в ужасе:

— Вы что, собираетесь спать со мной? Вам недостаточно, если отец согласится отдать меня вам, что сможете приходить ко мне на ложе?

— Не знаю, — сказал я печально и ответственно. — Еще не решил. Это как получится. А ваш отец уже согласился! Вы же понимаете, что наши жизни в сравнении с государственными интересами?.. Королевская дочь обязана крепить обороноспособность королевства династическими узами. Король Найтингейл мудр, он понимает, что хорошие отношения — хорошо, но родственные — лучше... А сейчас поцелуйте меня, я пошел прокладывать дороги.

Она тяжело вздохнула, привстала и неохотно поцеловала в губы. Я ощутил эту запретную сладость, мгновенно охватил стыд. Со своими шуточками иногда захожу за пределы, все-таки выхожу, ведь мне все позволено, потому что я это же я, мне все можно, это другим нельзя... но все-таки, наверное, мне тоже как бы не совсем уж все и везде, а то я как бы не такой уж и стеснительный демократ, хотя эти вот свободно-де-

ловые и практичные отношения как раз и торжество демократичных принципов и либеральных ценностей...

С другой стороны, мы все как бы обязаны выказывать женщинам не только внимание, но и страсть, пыл, добиваться их внимания и делать вид, что все готовы отдать, только бы их поиметь, нам это ничего не стоит, а им так льстит, они в таком восторге...

— Леди Франка, — сказал я виноватым голосом, — мне очень совестно, но я должен признаться...

Она прервала:

— Сэр Ричард, я все понимаю! И не осуждаю вас. Такова участь королевских дочерей. Даже вы не вольны в выборе... в смысле, не можете позволить себе взять в жены пусть и самую красивую женщину мира, если она не дочь короля.

Я пробормотал:

— Леди Франка, я не о том... Знаете ли, я бываю не совсем адекватен, меня иногда заносит, совсем иногда, потому что в моих краях всякий серьезный и умный человек выглядел дураком, все старались быть стебарями и хохмачами, я тоже, хотя теперь вот понимаю, каким дураком был, но все равно время от времени такое творю, что и на голову не налезет... В общем, тысяча извинений, а я побежал, побежал, побежал, у меня куча дел!

Она не успела рот открыть, как я в самом деле смылся так поспешно, что сам себе удивился, ну словно Бобик, что спешит на кухню, а в голове мысль: сумел ли объяснить, или хотя бы намекнуть, что это всего лишь далеко зашедшие комплименты?

У выхода из дворца меня догнал запыхавшийся помощник вице-канцлера.

— Ваше высочество!.. Ваше высочество!

Я развернулся:

— Ну?

Он заговорил торопливо:

— Вы полностью и безоговорочно доверяете нам прочертить дороги для следования ваших войск? И размещения складов?

Я посмотрел на него с подозрением.

— Ну, я бы так не сказал...

— Тогда вы должны принять участие, — сказал он напористо, — в прокладке детального маршрута!

— Понял, — ответил я. — Не хочется работать, да? Понимаю-понимаю... Я тоже стараюсь спихнуть на кого-то заинтересованного...

Он помялся, пойманный на горячем, посмотрел в сторону.

— Ну, ваше высочество... вы как-то слишком...

— Откровенен? — спросил я. — Ладно, мы же не перед народом выступаем. Где заседает ваш кабинет по чрезвычайным проблемам? Только пошибче, пошибче.

Когда мы закончили уточнять со специалистами Найтингейла дороги, по которым пройдут мои войска, а также подсчитывать, в каких местах разместить склады с продовольствием, наступил уже вечер, во всех залах зажгли люстры, а также светильники на стенах.

Я вышел из кабинета в зал несколько ошалелый, всегда все кажется проще, пока не приступишь, а тут еще нужно подсчитать, сколько полевых кузниц понадобится разместить там же по дороге, чтобы на коротких остановках можно было поправить доспехи и оружие, но это решили оставить уже на утро.

Голова гудит, а глаза у меня, похоже, квадратные. Придворные, у которых с наступлением ночи жизнь только начинается, учтиво раскланиваются. Глаза горят любопытством, женщины поглядывают игриво, но с опаской, лорды королевства всматриваются в меня с понятным интересом: я даю возможности для очень выгодной беспошлинной торговли.

Я направился к выходу, Зайчик понесет и через ночь, а Бобику все равно, как я понимаю, больше видит носом, чем глазами. Стражи у двери едят меня глазами, я здесь единственный человек их мужественной профессии.

Я уже переступал порог, когда слева донесся окрик:
— Сэр Ричард!

Леди Франка шла в мою сторону торопливо, вся непривычно раскрасневшаяся, глаза блестят, а грудь вздымается часто то ли от быстрого шага, то ли от волнения.

Я учтиво поклонился:

— Леди Франка?

Она сказала порывисто:

— Я только что переговорила с отцом. Сказать, что он был удивлен... это ничего не сказать. Но я его убедила, ссылаясь на ваш необычный характер и некоторые сдвиги в вашей психике, как вы предупредили меня... В общем, в государственных интересах король согласился сделать так, как вы и предложили.

Я спросил опасно:

— А что я предложил, напомните... А то я такое могу предложить... я же этот, как вы сказали... ну, необыкновенный..

Она нервно улыбнулась.

— Вы предложили жесткий вариант в духе своего характера, но король, подумав, принял его, все-таки

при всей необычности это свяжет, как вы и предлагали, наши королевства в некоторой степени еще крепче, что в интересах как Шателлена, так и ваших. Моему супругу Мидлю дадут титул герцога и владения на границе с Алькантаро, а я стану и вашей женой...

Я заподозрил, что она либо прикалывается надо мной, отвечая той же монетой, либо я что-то не так понимаю, заработался слишком, а у меня такая голова, что любой дури туда может влезть бесконечное множество, а от умственных усилий как-то слишком быстро тупею, хотя, конечно, никому в этом не признаюсь, да у политиков такое и незаметно.

— Э-э-э, — поблеял я, — сам Найтингейл, ваш отец, одобрил такой вариант? Отнять жену у сэра Мидля и передать мне?

Она вздохнула.

— Он предлагал именно такой вариант, он же человек старых традиций и распорядка, но я его убедила, что нужно сперва посоветоваться с вами...

Я вздохнул с облегчением:

— Фу, от сердца отлегло....

— ...насчет компромиссного варианта, — договорила она.

Я спросил уже легче:

— Э-э, леди Франка?

— Зачем отнимать? — спросила она. — Вы же все равно можете бывать только наездами? А так то на войне, то в приключениях... Я буду вашей женой, но останусь и женой сэру Мидлю. Это не самая распространенная форма брака, но династический брак еще более редок, и у него тоже свои особенности!

— Гм, — сказал я озадаченно, в голове тысячи мыслей сшибают одна другую с ног, все бойкие и гро-

могласные, но какие-то митинговые, а это значит — ни одной дельной. — И как вы это... видите?

Она посмотрела на меня умоляюще.

— Сегодня вы спите в моей постели, утверждая свои права, а когда вы отбываете...

— ...вступает в свои права сэр Мидль, — договорил я. — Вообще-то он снова выиграл, гад. Титул герцога и приличных размеров земельные владения на границе с Алькантаро?

Она сказала обвиняюще:

— Но это же вы сами предложили!

— Ну, — пробормотал я, — как-то надеялся, что Его Величество скажет, что я больно щедрый насчет раздавать не свое, урежет что-то... Хотя ладно, в самом деле не мое, пусть Мидль снова пользуется. И владениями, и, увы, вами.

Она сказала просительно:

— Сэр Ричард, ну зачем я вам нужна в полное владение? Вы же все время в походах, как я понимаю! С пылающими гневом очами и обагренным лезвием меча?

Ее лицо горит огнем то ли от стыда, то ли от смущения такой бесстыдной торговлей, хотя, кто знает, под обликом строгой школьной учительницы, может быть, кроется не совсем уж и строгая мораль, не знаю и даже не пытаюсь узнать, мне нужно провести три колонны войск через королевство без инцидентов и стремительно обрушиться на герцогство, вот о чем нужно думать в первую очередь.

— Хорошо, — сказал я устало, — голова гудит, вообще ничего уже не соображаю. Ведите меня в свою постель, милая Франка, а так делайте, что хотите. Мне завтра рано вставать.

Она сказала с облегчением:

— Понимаю-понимаю. Пойдемте. Я понимаю вас, сэр Ричард!

Я шел за ней, украдкой посматривая надвигающиеся половинки зада, что отчетливо проступают под длинным, до пола, платьем, со злостью думал, что сам себя не понимаю, а чтоб меня кто-то понимал, да такой человек еще не родился.

Глава 14

Эту ночь я действительно провел, чего никак не ожидал, когда мчался в Шателлен, в постели Франки. Она жутко стеснялась, совсем не похожая на ту школьную учительницу, какой выглядела для меня вначале.

Ее уверенность, что поступаем правильно, улетучилась, как только придворные дамы начали раздевать и протирать обнаженное тело мокрыми тряпочками, смоченными в слабом растворе уксуса.

Из всех светильников горит только один, самый слабенький, остальные загашены явно по настоянию Франки, я видел, как она в смущении даже горбится, что для женщины благородного происхождения крайне недопустимо, непроизвольно старается закрыть ладонями то грудь, но у нее такая, что и моими не очень-то закроешь, то треугольник пышных волос в низу живота.

Я отвел взгляд, когда ее под руки подвели к ложу. Она с не свойственной королевской дочери поспешностью, ломая торжественность процедуры, зарылась под одеяло.

Я сказал властно сопровождающим:

— Все, концерт окончен! Дальше помощь не понадобится.

Все ушли с великой неохотой, но, думаю, в соседней комнате проторчат всю ночь и будут прислушиваться, ибо факт моего вступления в права очень важен, его постараются не пропустить и запротоколировать со всеми подробностями.

Франка прошептала из-под одеяла:

— Спасибо, сэр Ричард...

— Не за что, — ответил я. — Вылезайте, а?

Она сказала жалобно:

— Что-то я совсем не понимаю... Сейчас кажется, что поступаем ужасно!..

— Ну... — пробормотал я.

— А как думаете вы?

— Не знаю, — ответил я честно. — Мораль меняется, мода меняется, обычаи меняются... даже ритуалы!.. Я начинаю думать, что главное все-таки не в сформулированных и высеченных на камнях законах, хотя как государь я должен стоять за их нерушимость.

Она прошептала растерянно:

— А в чем главное?

— Вредим ли мы, — ответил я, сам медленно пробираясь через стену колючих понятий, — своими поступками и поведением друг другу, своим близким или далеким?.. Если нет, то можно все.

Она сказала совсем тихо:

— Но мы не вредим, так ведь? Правда, сэр Мидль...

— Он получит, — сказал я сварливо, — за половину Франки титул герцога! Не полгерцога, а полного. И еще богатое поместье!

Она спросила, защищаясь:

— Почему богатое?

— Его Величество, — напомнил я с достоинством, — король не мелочный. Он понимает важность жеста.

Она вздохнула:

— Все-таки я сама прослежу, чтобы сэру Мидлю выделили достойное имение. Если там и земли богатые, то да, мы никого не обидели, а даже совсем наоборот.

— Все, — сказал я убежденно, — что между нами происходит, делается к лучшему. Вы правы, у государей другие нормы поведения. Мы делаем все в интересах народов наших королевств... Ну-ка, в интересах Шателлена...

Она сказала поспешно:

— Нет-нет!

— Не понял, — проговорил я.

— Задуйте и ту свечу, — попросила она умоляюще. — Ну не могу я при свете, это совсем уж непристойно.

— Ах да, — спохватился я, — конечно, конечно... Хотя я и ничего не увижу в темноте, какой ужас, но буду вас искать в постели.

— Спасибо, сэр Ричард.

Я вылез из-под одеяла, она вскрикнула, зажмурилась так плотно, что вся мордочка перекривилась, я слышал за спиной, как она поспешно отворачивается к стене.

Мои подошвы звучно прошлепали к светильнику, Франка не шевелится. Я с сожалением дунул на единственный огонек, работал бы ночничком, и вернулся к постели.

Все-таки она ужасно простеснялась весь остаток ночи. Несмотря на мою пропаганду либеральных ценностей, ей постоянно чудилось, что на нее с укором смотрит сэр Мидль, с которым у нее не только брак, но и любовь.

Со мной вот только брак по расчету и укреплению дружбы между народами, в смысле, королевствами, хотя вообще-то я тоже, оказывается, очень интересный человек, чуткий и необыкновенный. Никогда бы не подумала, и вообще как-то теперь на многое посмотрела иначе, что-то и во мне есть такое убеждающее.

Когда я проснулся, она все еще разговаривала со мной, женщине не обязательно отвечать, иногда ей просто хочется выговориться.

Я зевнул, поцеловал ее в щеку и сказал бодро:

— Встаем или еще покувыркаемся?

Она посмотрела застенчиво из-под длинных густых ресниц, щеки все еще пунцовые, как лепестки только что распускающихся роз, глаза блестят влажно и таинственно.

— Надо бы встать, но придворные дамы еще не пришли...

Я обнял ее теплое и нежное тело, никогда бы не подумал о нем такое, глядя на ее гордую статью, когда с задранным надменно носом идет через зал.

— Ах да, — сказал я, — вы же одеваться сами еще не умеете, дорогая леди. Тогда полежим чуть, не мне же шнуры завязывать на вашем корсете?..

А через час я уже выметнулся из ворот Дартмута. Бобик мчится впереди, все такой же веселый и довольный, да и с Зайчиком все в порядке, только я все еще обалдевший. Мало мне временной жены, что не так уж и бесхлоотно, а тут так неожиданно по моей дурости и жажде приколоться еще и половинная. Сглупил, довыпендривался, а люди здесь серьезные, таких странных шуток не понимают. К тому же искренне верят в свою уникальность.

Франке в голову не может прийти, что я с того дня, как Мидль подарил мне те рудники, совершенно за-

был о ее существовании, несмотря на ее красоту и язвительный ум.

Я снова и снова перебирал все в уме и видел, что упустил по крайней мере пару моментов, когда можно было отказаться, либо сведя к шутке, либо легко извиниться, сообщив, что не совсем удачно начал развивать комплиментарный разговор...

Когда она сообщила, что переговорила с отцом насчет того, что снова посягаю на нее и хотел бы взять ее в жены, я слишком долго не мог собраться с духом и признаться, что просто дурака валяю, сочинял ни к чему не обязывающие комплименты в такой вот форме, ну нельзя же принимать всерьез... но как такое сказать женщине, это же обидеть смертельно...

...ну да ладно, это же не всерьез, настоящий муж у нее Мидль, который от такого ее двойного замужества только выиграл. А я? Вообще-то, если вот так на аптекарских весах, то и я выиграл, если, конечно, не брать всякие там чуйства и моральную сторону, что для политика должна быть несущественна.

Я отныне здесь как бы свой, зять или полузять Найтингейлу, а в этом случае должен пользоваться какими-то правами, а самое главное — влиянием.

Еще не сообразил, но если я умный политик, то даже дурости и ошибки должен поворачивать в свою сторону. В смысле, на пользу. Так что да, Франка у нас с Мидлем — жена. Такое для меня весьма новое, но, думаю, переживу. Спасает странная, но чисто мужская логика, что хотя мы с Мидлем вроде бы в абсолютно равной позиции, но вот то, что он женился на ней, жил с нею, а потом присобачился сбоку я, дает мне какое-то спасительное ощущение, что это Мидль — муж, а я как бы любовник, что героично и как бы почетно в мужском мнении.

Зайчик весело фыркнул, когда пронеслись напрямик через редкий лесок, а там под копытами весело прошуршал полуметровый ковер опавшей листвы, что скопилась несколько лет и совершенно не истлела.

Бобик догнал оленя, повернул и заставил помчаться прямо на Зайчика, но я стрелять не стал, и он только посмотрел на меня с укором, снова исчез, шныряя черной молнией то справа, то слева.

Еще два перевала, каменистое плоскогорье, дорога через холмы, и я увидел наконец далеко впереди, как в зеленую долину течет стальная река. Рыцарская конница в тяжелых доспехах, сами рыцари, прекрасно вооруженные и в полных доспехах, тяжелая панцирная пехота, копейщики, а впереди небольшой отряд военачальников, за которыми знаменосец гордо везет огромное красное знамя с золотым единорогом, символом то ли Варт Генца, то ли Скарляндии, у них у обоих теперь Победоносные и Познавшие радость побед, Непобедимые и Славные...

Я повернул Зайчика и послал его галопом на перехват головной группе. Там заметили, остановились, я рассмотрел во главе громадную фигуру Клемента Фицджеральда.

Он сразу же пустил коня навстречу, остановился на нужной дистанции и, соскочив на землю, преклонил колено.

— Сэр Клемент, — произнес я.

— Ваше высочество! — ответил он гулким, но смиренным голосом.

— Встаньте, граф, — сказал я и добавил одобрительно, — быстро двигаетесь! Я ожидал, что первой прибудет армия под рукой барона Альбрехта.

Он выпрямился, в глазах мелькнуло довольное выражение.

— Мы догнали их, — сообщил он, — а потом перешли на другую дорогу и обогнали.

— Каким образом?

— Беречь силы нужно перед боем, — ответил он. — А передвигаться... чем быстрее, тем лучше. От этого часто зависит, кто победит.

— Все верно, — одобрил я. — А сейчас, граф, велите армии остановиться. Когда подтянутся самые задние, сообщите всем о новом маршруте.

— Ваше высочество?

— Герцог Ламбертини, — сообщил я с нужной ноткой гнева в твердом голосе державодержателя, — предательски схватил мою супругу королеву Мезины Ротильду и заключил в темницу!.. Это неслыханно, это тяжкое оскорбление для вашего сюзерена. Я уже договорился с королем Шателлена о дорогах, по которым пройдут наши войска, прежде чем вторгнутся в герцогство. Безобразий не чинить, продовольствие покупать, девок, по возможности, не брать.

Он доложил серьезно и не удивляясь:

— За всем прослежу, ваше высочество. Бои ожидаются серьезные?

— Постараемся обойтись, — ответил я. — Потому вслед за вами пошлю туда и армию барона Альбрехта. Правда, по другой дороге. Чтобы в герцогстве поняли, дело серьезное. В крупные бои не ввязываться, замки и крепости не осаждать, а быстрым маршем двигаться вглубь. Впрочем, я буду там раньше вас, тактические указания получите на месте.

— Ваше высочество! — сказал он твердо. — Все исполним в точности.

— Отлично, — сказал я одобрительно. — А теперь давайте посмотрим, что у вас за армия сюда прикопала...

— У вас, — возразил он. — И все мы — ваши.

Передовые отряды, получив приказ остановиться и ждать отставших, тут же начали ставить шатры и палатки, в разных концах вспыхнули костры.

Я, оставив Зайчика и Бобика, пошел между кострами и палатками, присматривался и вслушивался в разговоры, стараясь ухватить общий дух и настроение.

Говорят обыденно о походных мелочах, я успокоился, только от одного костра донесся восторженный голос:

— ...прямо из ущелья, а потом чуть направо, а там прекраснейшие дворцы из горного хрусталя! Сверкающие башни из кварца упираются прямо в небосвод, но старые люди говорят, что проходят насквозь и тянутся выше и выше!.. И живут в том невиданном королевстве горные эльфы, самые красивые и величественные...

Я прислушался, поинтересовался:

— Такие уж и величественные? А кто их видел?.. Сиди, сиди! Я просто мимо иду.

Воин, молодой и с восторженным лицом, снова попытался вскочить, но сел по властному движению моей длани, возразил с укором:

— Ваше высочество, вы говорите так, словно не верите!

— Ну, — сказал я уклончиво, — я видел несколько иных... И живут в простом лесу.

Он пренебрежительно отмахнулся:

— А я говорю о настоящих!

— А ты их видел?

— Я нет, — ответил он с достоинством, — но мой дедушка однажды своими глазами! И еще несколько человек тоже... И дворцы их зрели, кто-то даже был допущен... хотя, может быть, и привирают. Но дворцы и крепости у них есть, я клянусь вам!

Я пробормотал:

— Тоже надеюсь на это. Ты откуда?

— Из Горнолесья.

— Это где?

— Северная часть Варт Генца, ваше высочество!

Я повернулся к другому:

— А ты?

— Из племени яверлов, — отчеканил он гордо. —
Отважное племя Горящих Долин на западе Скарляндии!

— Отлично, — одобрил я и повернулся к третьему: — А ты?

Он правильно понял вопрос, сказал быстро:

— Ваше высочество, я из королевства Бурнанды. Мы тут рядом с Турнедо, и когда услышали, что набирают народ в армию и неплохо платят... Со мной еще несколько парней пришли.

— Отлично, — повторил я и, возвысив голос, сказал торжественно: — Теперь вы все прежде всего воины Христа!.. И будете сражаться за торжество справедливости на свете, за честь и достоинство, за Добро и Свет, за все лучшее, что мы должны сберечь и отстоять!.. И Отечество для нас будет то, которое создадим!.. Ура!

Глава 15

Они дружно прокричали «ура», я поулыбался, подвигал над головой рукой с растопыренной пятерней, но не слишком растопыренной, а то как-то слишком, расслабленно растопыренной, мол, все у нас прекрасно, от победы к победе, отныне и навеки, от забора и до обеда, мы — армия, а значит — мы победим и всех нагнем во славу Добра и Торжества всего лучшего, а лучшее, понятно, это мы сами, такие вот замечательные.

Варт Генц, Скарлянды, Турнедо, Армландия, Сен-Мари... это все географические понятия отныне, но об этом пока знаю только я. Ну, еще догадываются некоторые наиболее прозорливые из моих близких военачальников. А впереди у нас та некая общность, границы и параметры которой даже я вижу смутно, но буду жили рвать, чтобы все это сделать и выстроить.

Сильные мужчины рождаются и живут, чтобы перестраивать мир и делать его лучше, а слабые... ну, слабые пусть занимаются сексом. Они больше ни на что и не способны.

Подозвав Клемента, я сказал строго:

— Сэр Фицджеральд, вот вам карта, маршрута придерживайтесь строго! Иначе местные лорды сочтут это вторжением и начнут с нами войну.

Он посмотрел на меня испытующе.

— Судя по вашему голосу, ваше высочество, вы не намерены двигаться во главе своего войска?

— Как раз намерен, — возразил я. — Только несколько забегу вперед, посмотрю дороги. Ну, чтоб никто не споткнулся.

Он кивнул, лицо оставалось серьезным.

— По-вашему, это во главе, если между вами и передовыми частями войска будет разрыв в сотню-другую миль?

— Ну, не в сотню, — возразил я, — что вы уж так... Но, если честно, я все больше ломаю голову над проблемой коммуникаций. Гонцов на скоростных конях не хватает. У графа Ришара... то бишь герцога, их было не так уж и много, и тех он использует для своей армии, а других я пока не отыскал. Вот и приходится самому затыкать все дырки и прорехи... Слыхали, наверное, насчет затычки в каждую бочку?.. Так вот это я,

дорогой граф. Когда-то решим и эту задачу, я уверен, но пока вот так... С Богом!

Дорога, по которой двинется армия под началом Клемента, идет по большей части ровно, колеблясь направо и налево только по необходимости, когда нужно обогнуть слишком дремучий лес, топкое болото или каменистое нагорье, выдвинутое подземным толчком из пылающих глубин.

Я пересек королевство на такой скорости, чтобы успевать видеть, что армия встретит на пути, а когда впереди раскинулась ровная степь, заросшая сочной травой, я повертел головой в поисках дороги, ибо, как догадываюсь, здесь граница с Ламбертинией, и то опасное место, что заходит краешком и в Шателлен, как раз передо мной.

Некоторое время я вертел головой, совсем как буриданов осел, а потом уже как валаамова ослица упрекнул этого жалкого труса: неужели в самом деле говорил Найтингейлу правду? И в самом деле тени своей шарахаюсь?

Да за тысячи лет со времен великих войн любая зараза повымерла, мутанты передохли, так как у них, как у мулов, практически не бывает потомства, и здесь правят не чудовища, а всего лишь слухи о них.

Я сказал дрогнувшим голосом:

— Бобик... Ничего не чуешь?.. Я тоже... А ты, Зайчик?.. Ну, ты вообще у нас прямо сэр Растер. Тогда осторожненько прем напрямик... Но прем на цыпочках.

Зайчик не совсем понял, как это переть на цыпочках, но все-таки пошел осторожно, поглядывая по сторонам с недоумением, пару раз нагнулся на ходу и сорвал верхушки сочной травы.

Бобик снова ринулся вперед, но часто останавливался и смотрел с вопросом: идем или сворачиваем?

— Идем, — ответил я обреченно. — Мы же перво-проходцы? Если и армию здесь проведем, о таком будут говорить больше, чем о победе над Ламбертинией!

Бобик мотнул головой, соглашаясь, он всегда согласен, идеальный компаньон, Зайчик тоже идет без всякой настороженности, а я, как ни старался уловить какие-то флюиды, тоже ничего не чувствовал.

Хотя, конечно, не все можно ощутить даже при моей повышенной сенситивности...

Иногда Бобик подпрыгивает, что-то ловит в воздухе, мое сердце всякий раз обрывается в пропасть. Понятно, после Великих Войн Магов рождалось много мутантов, большинство благополучно помиралось сразу, но часть выживали и становились ужасающими чудовищами, хуже того — в некоторых случаях давали еще более ужасающее потомство.

Как я понимаю, выжившая в своих катакомбах церковь искала пути защиты «чистого» человечества, одной из таких разработок и был лук Арианта, чьи стрелы особенно точно и смертоносно разили все, в чем человеческий генокод оказался нарушен.

Все мутировавшие организмы назывались общим словом «нечисть», народ понимает только простые слова и понятия, и потому несчастные, виноватые лишь в том, что родились такими и не могут не быть каннибалами или вампирами, были объявлены порождениями дьявола, а таких нужно истреблять и уничтожать с чистой совестью и без сострадания.

Появились паладины, ревностные защитники человечества от быстро плодящихся тварей, часть из которых просто мутировавшие животные, а часть — бывшие люди, почти потерявшие связь с теми, кем были раньше.

У паладинов было свойство, то ли выработанное, то ли привитое в церкви, что позволяло и позволяет доныне чутя нечисть издали и в любом облике, а еще у них чрезвычайно сильна защита от их влияния.

Хотя, увы, не такая уж совершенная, хотелось бы помощнее что-то.

Впереди сгустился воздух, так бывает над чем-то накаленным, теплые струи становятся видимыми, словно прозрачная вода, что устремляется кверху.

Я торопливо придержал Зайчика, Бобик сам уловил мой неслышимый приказ и замер, глядя то на меня, то на это явление.

Хорошо бы просто мираж, хотя не те широты. Тогда непростой мираж, я подобное уже встречал. То ли трехмерное граффити, то ли объемные чертежи будущих построек, которые так и не воплотили.

Но здесь, если присмотреться, видна стена, что существовала в реальности, следы от зубов времени остались, но в то же время что за фокус, когда от умершего или погибшего здания тоже остается призрак, как от человека?

Или же это призрак здания выполняет схожие функции, как и призрак человека, то есть предостерегает, что-то просит, отпугивает от некоего тайного места?..

Я стиснул челюсти и послал Зайчика вперед. Он послушался без колебаний, хоть он так же может попереть и на каменную стену, уверенный, что прошибет.

Призрачная стена даже не дрогнула, но мы прошли насквозь, я ощутил лишь резкий холод, обожгло только на миг, а дальше оказались внутри этого исполинского здания, тоже призрачного, сквозь стены видны дальние горы, темная полоска леса...

Бобик вбежал следом, понюхал, оглянулся на меня, на морде удивление: ну что тут особенного?

Я соскочил на землю и пошел вперед, держа Зайчика в поводу. Странное ощущение, ступая вроде бы на корявую землю, но под ногами чувствую ровный и гладкий пол.

Нагнулся на ходу, да, подошвы почти не соприкасаются с почвой. Да еще проще смотреть на Бобика и арбогастра: у одного лапы упираются в нечто прочное и прозрачное в полудюйме от земли, а у арбогастра даже искорки выскакивают из-под копыт, хотя идет вроде бы по траве... точнее, по чему-то незримому над травой.

Некоторое время вот так двигались с натянутыми до предела нервами, ничего не происходит, начал было расслаблять зажатую грудную клетку, затем желудок подскочил к горлу, со всех сторон вверх помчались призрачные световые линии, и буквально через секунду тяжесть вернулась.

Нахлынуло дикое и пугающее ощущение, что я на огромной глубине, даже уши заложило. Но все призрачное, только сквозь далекие стены вижу теперь слои земли, на память приходят слова вроде «мезозой», «палеозой», «криптозой», но если бы сам понимал, что значат помимо того, что находятся где-то очень глубоко, даже глубже, чем Геркуланум и Помпея...

Зайчик пару раз тревожно встряхнул ушами, но успокоился, а Бобик даже малость порывал и подыбил шерсть, но тоже затих и посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— Не бойсь, — сказал я дрожащим голосом. — За вас обоих потрясусь... Здесь никто не видит, не стыдно, а вы ж свои, не выдадите.

Помню, двое знатоков говорили, что население всех северных королевств и чуть ли не всего челове-

ства произошло от двух мужчин и одной женщины, что уцелели во время всеистребительной Войны Магов. Тогда еще как-то воспользовался этим слухом, мол, я не местный, я из того далекого времени, когда мы вот были хозяевами...

Помещение выглядит странно, призрачные стены почти не видны, и ощущение такое, что мы трое внезапно рухнули на дно исполинского котлована.

— Ребята, — сказал я дрожащим голосом, больше для того, чтобы услышать себя, — вперед не суйтесь... Это всего лишь призрачный мир... Что, мы не видели ни разу?.. Ну ладно, не видели... Ну и что? Вот увидели...

Я пошел потихоньку вперед, уж если незримый лифт опустил нас в бездну, то кто-то же рыл здесь зачем-то, что-то здесь и почему-то делалось.

Воздух чист и свеж, странное ощущение, что, несмотря на призрачность, когда все ветшает и вот-вот растворится окончательно, здесь стерильная чистота, нет и намека на пыль, все блестит и сверкает, хотя блеска не вижу, это такой блеск, не базарно наглый, а со сдержанным аристократизмом, когда чистота и порядок само собой разумеются.

Я приблизился к стене, четко вижу пласты земли, кое-где вкрапления белых раковин моллюсков, странных, допотопных. Дверей как таковых нет, зато красиво обрисованный контур, слабо поблескивающий изысканными линиями.

Когда я робко приблизился к нему, стараясь держаться уверенно, вдруг за мной бесстрастно следит некий механизм, он же сразу меня к ногтю, если покажу дикарство, стена исчезла, я даже не увидел косяков, некая дымка, а когда протянул туда руку, дымка отодвинулась вместе со стеной.

Я сделал вид, что а как же, ну да, это же понятно, всегда так, прошел на подрагивающих ногах в проем и торопливо зыркал по сторонам, стараясь не вертеть головой, я же благородный человек, а не простолюдин, а сюда, похоже, простолюдинов не допускают...

Правда, арбогастр и Бобик идут следом, как и велено, но они точно не простолюдины. У них, возможно, происхождение еще выше моего.

Сердце радостно встрепенулось: до этого думал о своей железной дороге, а тут вот она — в полу красиво и элегантно проложены две стальные полосы. Любой, глядя на них, скажет, что это украшение, только мне понятно, что в этом подземном бункере нечто перевозили из одного конца в другой.

Вагон, конечно, не промышленный, а так, можно сказать, офисный. Такой можно бы и просто ручками-ручками, пол идеально ровный, но, видимо, груз приходилось таскать очень часто и к одному и тому же месту, вот и проложили ровные рельсики, а тележку наверняка автоматизировали...

Я шел по этим рельсам, все время с раскрытым ртом взирая и по сторонам, вроде бы это должен быть тоннель, раз по сторонам ничего, но размеры, размеры...

Ощущение такое, что иду по сильно вытянутому вокзалу, иду и снова иду, а он все тянется и тянется.

Спohватился, остановился, арбогастр и Бобик приблизились, на мордах удивление, но не обстановкой, а что стою думаю, дескать, чего тут думать? Все же понятно!

— Ну да, — ответил я, — конечно. Вы же у меня умные...

Зайчик не удивился, что я снова поднялся в седло, а Бобик ринулся было вперед.

Я строго крикнул:

— Стоять!.. Сидеть!... Пойдешь рядом, понял?

Он вздохнул, а когда мы поравнялись, поднялся и пошел слева от арбогастра, всем видом показывая, что с ним обращаются крайне несправедливо и обижают на каждом шагу.

Как же неэкономно рыли, мелькнула мысль, будто бахвалились исполинской мощью и переизбытком даровой энергии...

В конце концов, расхрабрившись, я пустил Зайчика легкой рысью, уверяя себя, что успею среагировать, если где что и как.

Тоннель идет по прямой, как ворона летит... ну, можно предположить, что существуют такие вороны, что летают в толще земли, она для них воздух, а на поверхность не вылетают, потому что наше пространство — мертвый космос...

Далеко впереди медленно разрастается светлое пятно, и хотя мы тоже двигаемся по светлomu, но там вообще радостно-светлое, яркое, но не слепящее.

Я перевел арбогастра на шаг и еще раз прикрикнул на Бобика, чтобы держался только рядом, ни в коем случае не лез вперед и не отставал...

Да, стена, просто стена. Рельсы уходят в нее, словно внезапно сверху опустилось это вот блестящее, перегородило дорогу, отрезав нечто важное и спрятав от тех, у кого доступ всего лишь второй степени, а то и вовсе, смешно сказать, первой.

Арбогастр с Бобиком, как и я, поглядывали по сторонам, мы приблизились почти вплотную по рельсам к стене, а я охнул в страхе и неожиданности, когда с той стороны возник и начал приближаться всадник на огромном черном коне, рослый парень с глупо растерянным лицом, но старается выглядеть достойно, хотя его никто и не видит, что есть свойство человека дос-

тойного... ну, в смысле, там наше отражение, что идет с такой же скоростью и повторяет все движения.

Мой в зеркале двойник не старше, не моложе, выглядит так же... если честно, весьма растерянно, хотя не показывает, но меня не проведешь, я этого жука насквозь вижу, даже через его плотные надкрылья...

Однако под ногами рельсы!.. И уходят в стену. Почему-то нет ощущения, что произошло нечто, и потому сверху, спасаясь от этого нечто, опустилась защитная стена. Или ее взяли и выстроили, чтобы отгородиться.

Что-то в ней весьма непростое. Простое и непростое. Для тех, кто строил, простое и обычное, чувствуется некая обычность инженерного решения, но для питекантропа... нет, гигантопитека, так звучит лучше, гигантопитек хоть и дурнее, зато здоровее, а для нас, мужчин, лучше быть дурными, зато здоровенными...

Сердце мое застыло от внезапной догадки, затем стукнуло робко, словно цыпленок, что учится клевать зернышки. Зеркала, что я вывез от Элинора, рядом с этим, как дешевые деревенские поделки рядом с Настоящим..

Замерев, я всматривался в это зеркало, по спине мурашки, а во всем теле трепет, как у городничего перед лицом ревизора из столицы, за которым десять тысяч курьеров.

Что эти рельсы продолжают дальше, нет сомнений, но что если даже стена не мешает платформе двигаться?.. Для меня уже не новость насчет зеркал, через которые ходят, как через не знаю через что, но если ходят, то могут и ездить?

Я повернул Зайчика боком, вытянул руку и осторожно прикоснулся пальцем к этой странной стене. Холодное непроницаемое стекло, хотя и не стекло, но

пусть стекло. Можно бы сказать, что просто зеркало, все любят рассматривать свои морды и напрягать бицепсы, но все чувства не кричат, а орут и топают ногами, что это не простое зеркало для рассматривания себя, замечательного, а именно то самое, через которое ходят и ездят, а то и вовсе летают...

Нажал сильнее, палец скользнул по идеально гладкой поверхности. Зеркало, только зеркало!

Спохватившись, я вспомнил про кольцо на левой руке, прощальный, хоть и невольный дар Хиксаны Дейт. Пора его переодеть на правую, чтобы чаще попадалось на глаза.

С дрожью в груди повернул...

Часть вторая

Глава 1

Тревожно ржанул арбогастр, а Бобик резко напрягся, глаза налились пурпурно-красным. Я ощутил приближение огромной непреодолимой силы, как бывает, когда внезапно налетает сокрушительная гроза.

Сознание требовало бежать, спастись бегством, однако тело не послушалось, стены вокруг нас вспыхнули и тут же исчезли вовсе.

Сердце мое колотится отчаянно, без всякого перехода вместо прежних стен теперь совершенно иные, помещение огромное, как ангар, выгнутый высокий свод, что медленно, неспешно накрыл весь здешний мир, словно гигантским колпаком...

Бобик продолжал рычать, но вздыбленная шерсть опустилась, арбогастр шумно вздохнул и нерешительно стукнул копытом, словно проверяя, из чего здесь земля.

Я непроизвольно тронул его коленями, и он с готовностью прошел рысью вперед. Далеко в стене странной формы окна, я пустил Зайчика в ту сторону, он пронесся еще быстрее, цокая копытами.

Выглянув, я ощутил, что меня окатило ледяной волной.

— Стойте здесь, — прошептал я замерзающими губами, — и никуда...

Соскочив на пол, я бросился к окну и почти распластался на нем, как медуза на берегу. Впереди темное небо с мелкими искорками звезд, а внизу... выпуклая поверхность планеты! Неопрятные облака, похожие на рыбы молоки в период спаривания, плывут поверху и закрывают большую часть земель, очертания материков не рассмотреть, но какие там материки, ужас в том, что я на некоем гигантском багере, гросбагере или даже грандбагере!

Я оглянулся на молчаливых спутников. Сколько мечтал попасть сюда, но... не с конем же и собакой? Да еще в момент, когда внизу решается судьба моей грандиозной задумки.

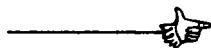
— Так, — сказал я бледным шепотом, — вы тут пока... замрите. Надо осмотреться.

Да, это похоже на ангар, а еще на некий склад, вот там целая гора контейнеров, как мне кажется. Даже если корабль давно мертв и его носит по орбите тысячи лет, все-таки какая-то аппаратура еще служит. Ишь, вместе с конем и собакой в одно мгновение...

Страшно и представить, как это века и даже тысячи лет без ремонта, разве что армия микроремонтников, получив сигнал о неисправности, тут же устремляется в нужное место, быстро приводит в прежнее состояние и снова замирает?

С другой стороны, подобная система может нуждаться только в притоке энергии, даже я знаю, что ее можно получать самыми разными способами. Здесь же на высоте в изобилии мощь Солнца, хватит на миллиарды грандбагеров.

Я осматривался, то ли постепенно смелея, то ли уже надрожался, и мой слабый организм уже не может так долго бояться. Этот грандбагер кажется мне по-

крытым толстым панцирем жуком, внутри которого нечто живое или, как мы любим умничать, квазиживое...

А если он все еще жив или почти жив, судя по тому, что так легко выдернул нас сюда... или мы сами выдернулись, невольно задействовав его мощности... то можно как бы попытаться...

Я собрался с духом и заговорил, не очень-то рассчитывая на ответ, но когда говорим, всегда чувствуем себя увереннее:

— Так... слушай меня внимательно! Мне очень жаль, что команда как-то вот так несолидно даже. Это безобразие, я найду и накажу виновных. Даже, если все давно умерли, отыщу их далеких потомков и накажу! Ибо сказано в Писании, что грехи отцов... дальше не помню. Доложи о своем состоянии.

После паузы ответил негромкий мягкий голос:

— Кто ты?

Я вздрогнул так, что будь у меня в руках гора фаянсовых тарелок, все бы рушилось на пол с грохотом, но я мужчина и за посуду не берусь с детства, потому собрался и пропищал с достоинством:

— Царь природы! И венец творения.

— Таких не знаю, — ответил голос так же мягко, но бесстрастно и даже равнодушно.

Внутри меня взвырвало, уже какой-то диалог, я сказал с упреком:

— А надо бы! Все-таки субординацию придумали не зря, а то как-то даже и не совсем гуманистично и не базово, а какой-то тоталитаризм, что не вполне соответствует нашим базовым ценностям, а больше каким-то побочным. Расскажи, как ты здесь появился?

— Зачем?

Я ответил гордо:

— Надо же принимать меры? Найти виновных, вздернуть, остальных повесить... А как иначе, когда

такое вот допустили? Тебе же, наверное, скучновато временами?

Голос прозвучал ровно, без оттенков:

— Нет.

— Это неисправность, — сказал я решительно, — ты сам не знаешь, что неисправен, а я вот знаю.

Голос произнес после паузы:

— Ты не то существо, — произнес он, — что внизу. Но и не то, что были... раньше. У тебя странный состав...

Я сказал бодро дрожащим голосом:

— Чего там странного? Пара молекул в ДНК в другую сторону закручена, это же такая ерунда... Ты лучше скажи, как вы дошли до жизни такой?.. Эх... ладно, я беру тебя к себе. У меня есть конь и пес, а теперь будет еще и корабль на орбите.

— На орбите? — переспросил голос. — Это из старых слов, ныне не употребляемых... Но все-таки ты иной, так много рудиментарного... Даже больше, чем у тех, что внизу... Вообще непонятно, как могло сохраниться...

— Я запасливый, — похвастался я. — Так, на всякий случай. Вдруг пригодится в необычной ситуации?

— Необычной...

Он, похоже, размышляет вслух, у меня по коже прокатил волна страха, только спятившего багера недостает ко всему ужасу, но говорил я с подъемом:

— Ты такой умный, все это заметил?.. И почему тебя это удивляет? Разве у всех людей все одинаково?

— Такое, — ответил он, — одинаково. Но ты меня заинтересовал.

— Ой, — сказал я с энтузиазмом и как можно теплее на тот случай, если корабль различает эмоции, — а я тебя вообще полюбил!.. Как насчет запаса хода?

Голос ответил:

— Что такое запас хода?

— Можешь ли передвигаться по орбите? — спросил я. — Или обязан висеть в одной точке?

— Обязан висеть в одной точке, — ответил голос.

Я умолк, быстро перебирая все варианты. Все-таки, как я понимаю интуитивно, хотя это не интуиция, я в эту мистику не верю, а мгновенный перебор фактов и сведений, которые еще не улеглись в мозгу, но эта штука в состоянии не только тупо висеть, но и передвигаться.

Даже не знаю, делаю я такие далекоидущие выводы, ориентируясь на конструкции скайбагера, который еще не видал как следует, на здравый смысл, который меня чаще подводит, чем стелет соломку, или подсказывает нечто точка зависания над планетой, но я собрался с духом и сказал как можно увереннее:

— Да-да, все понимаю. И даже то, что не понимаю, как Диоген какой-то. Или Сократ. Но если вдруг понадобится передвинуться, скажем, на другую сторону планеты?

— Это не понадобится, — заверил голос.

— Ну, — сказал я с нажимом, — а вдруг?

После паузы голос произнес:

— Только в ручном режиме. Но он отключен, я вполне могу сам прибыть на место, сдать груз и вернуться.

— Куда?

— На место.

— Какое?

Голос прозвучал так же бесстрастно:

— Указанное в координатах.

— А что там?

— Получить груз, — ответил голос.

Я умолк, этот майский жук вряд ли знает, добывают руду на безлюдной станции или же там дальше есть город, так что расспрашивать бесполезно.

— И ты ждешь, — сказал я, — когда заберут груз?

— Да.

— Ну, — сказал я, — на твое щасте я как раз и прибыл за грузом. Только тут кое-что изменилось, как ты заметил... заметило. Потому я сперва выберу другое место, куда выгрузить все нажитое непосильным трудом во глубине сибирских руд добро.

Голос ничего не ответил, я тревожно оглянулся, но пока никто не подкрадывается. Думаю, даже в простейшем транспортнике заложены возможности передислокации в другое место, если, к примеру, склад передвинут в другое место.

— Ты все понял? — спросил я. — Мы сперва должны выбрать иное пространственное сидалище.

После паузы голос проговорил бесстрастно:

— Ручное управление заблокировано. Доступ имеет только квангерц и кваргерц второго терда.

— Постой, — сказал я громко, — разве по мне не видно, что я самый старший квангерц? Вообще квангерц над квангерцами? Посмотри внимательно. Вообще-то по скромности не упоминаю, что вовсе Изначальный, так что я тот, кто все это строил!.. Посмотри на меня внимательнее. Посмотри, посмотри!.. Можно, разрешаю. Люблю, когда мною любят. Поройся в базах данных. Ну, пусть не именно этот грандбагер, как его зовут эти дикари, но примерно такие я и проектировал, только покрупнее и навороченнее, потому что я сам такой, люблю гуманизм и высокую тоталитарную культуру либеральной автократии!

Пауза длилась, словно у него время не идет в десятиллион раз быстрее, чем у существ биологического плана. Впрочем, если корабельный мозг на биологии,

то да, может оказаться еще и медлительнее меня, это ж я только с мечом быстр да в решениях скор, а вот в мозговых процессах чемпионом вообще даже сам себя не считаю... ну разве что по природной скромности и прекрасному воспитанию?

Голос прозвучал в ином тембре, в нем мне почудилась некая новая нотка:

— Нет. Не видно.

— Линзы расфокусировались, — сказал я с пониманием, — или сканер барахлит. Знаю-знаю, сталкивался, ремонтировал, руку набил. Но если все-таки признаешь?

Голос прозвучал по-прежнему безжизненно и без заинтересованности:

— В таком случае допуск будет расширен... но ручной все равно закрыт.

— Но как же тогда? — спросил я, воспрянув и поигрывая голосом, добавляя в него недоумения таким нахальством. — Это же как понимать в аксепте?

— Я могу выполнить, — произнес голос, — переход на другую орбиту. Если будет необходимость.

— Это мало, — заявил я нагло, — но пока сойдет и так, ибо работать надо, а не гусей в стратосфере пасти!..

— На какую орбиту?

— А я знаю? — оскорбился я. — Как квангерц над квангерцами, я только отдаю приказы и принимаю важные стратегические решения! А дороги со всеми ее рытвинами и поворотами меня не волнуют. Не мне по ним ходить.

— Тогда какая точка пространства?

— Направление, — поправил я гордо. — Дороги пусть там, на гнилом Западе, а у нас, на благородном и диком севере, важнее направления! В общем, на Южный материк. Поплюем на него сверху, утверждая пре-

восходство человека энергичного над умным, гуманным и либеральным.

— Что такое Южный материк?

Я тяжело вздохнул:

— Так тебя даже географии не учили? Эх, госпожа Простакова, что ж вы так... В общем, вон в той стороне... ты не умничай, а смотри, куда пальцем показываю!.. будет Балшой-Балшой Вода... много Воды...

Голос спросил нерешительно:

— Океан?

— Ну вот, — сказал я с удовлетворением, — что-то да знаешь. Нужно пересечь этот Балшой Вода, а дальше покажется материк. Это Балшой-Балшой Зэмля. Как бы внизу. Мне нужно уточнить кое-что по мелочи насчет изменившегося рельефа. А то прошлый раз горы были в другом месте, а где торчали раньше, там та-а-акой шумел, как камыш, лес, просто лесяра мезозойская реликтовая из хвощей и плавунов... Ты давай, просыпайся-просыпайся!.. Спячка кончилась, начинается жизнь, со мной не соскучишься, у нас все впереди, только хвост позади. И вообще, давай подробно расскажи, чем занимался, что делал, какие работы выполнял, а от каких увиливал...

Чего я никак не ожидал, так это что корабль в самом деле начнет рассказывать, но он... начал.

Все тем же неторопливо монотонным голосом, но без этой безжизненности, а почти человеческим голосом поведал, словно самому вдруг захотелось поговорить, историю достаточно простую, но все равно страшную.

Зайчик и Бобик тоже слушали, во всяком случае Бобик время от времени настораживал уши и смотрел по сторонам, стараясь понять, откуда голос, а Зайчик очень быстро потерял интерес к монотонному рассказу и начал оглядываться с явным желанием сожрать

что-нить металлическое, что плохо прикручено или криво приварено.

Холод волнами ходил по моему телу, а сердце то убыстряло бег, то замирало вовсе.

Я не на грандбагере, как полагал, а на скайбагере, транспортнике, совершающем регулярные рейсы на некую Базу, где его загружали, он перевозил сюда, а здесь разгружали.

Однажды прибыл, а здесь вместо привычных городов и заводов расплавленная земля, текут реки магмы, реки и заводы испарились, материки изменили очертания.

С тех пор он ждет.

Я проговорил потрясенно:

— Вот оно что... Ну, парень... ты дождался. Или ты девочка?... В общем, ты мне нравишься, я буду о тебе заботиться. Я вообще люблю животных. Особенно крупных. Хотя и муравьев люблю. Ты можешь показать место, где мы сейчас?

Глава 2

На стене вспыхнула четкая карта участка планеты, поверх наложена масса разных линий, мигающим огоньком указана точка, где мы, но от нее тянется линия, назначение которой я не совсем понял, а когда сообразил, спину осыпало морозом.

То ли гравитация, то ли вращение галактики, но нечто смещает корабль на орбите, пусть на пару дюймов в год, но волосы встали дыбом, когда проследил взглядом за линией, прочерченной по карте земной поверхности, и попытался в уме сосчитать, сколько же прошло времени, как корабль прибыл и остался висеть

в недвижимости, ожидая команды от погибшего в очередной раз внизу мира.

— Погоди-погоди, — сказал я с внезапным подозрением, — а ты... в самом деле... космический корабль? В смысле, говорю с самим кораблем?

Голос ответил так же ровно и бесстрастно:

— А с кем же еще?

— Да чутье у меня, — заявил я, — все-таки, как лингвист, я просто Паганини!.. И как-то говоришь ты не совсем, как Норберт Винер. Будто бы его тест прошел... Или то был Тьюринг? Что-то в тебе наглое такое, прям-таки человеческое...

Голос ответил так же ровно, но я уловил в нем скрытую насмешку:

— Похоже, ты в самом деле из Древних эпох, хотя в такое поверить просто невозможно. Как определил?

— Искусственный интеллект, — объяснил я, — должен быть весьма ровен и безэмоционален. В смысле, только лишь функционален. А ты, наглая морда, сидишь и похихикиваешь. Это нечто скотское, а значит — человеческое! Как тебе моя логика?

— Явно не машинная, — одобрил голос. — Хорошо, частично ты прав. В самом деле когда-то я слился с кораблем. Так было хорошо для меня и... для корабля. Конечно, от большей части меня пришлось отказаться, иначе бы я все быстро здесь разрушил... Потому не жди от меня чего-то, что свойственно тебе.

— Недюжинного ума? — спросил я хвастливо. — Великолепного стратегического видения перспектив и развилок вероятных сущностей?..

Голос проговорил почти с отвращением:

— Неужели и я таким был?.. Или это что-то... иное?

— Это то, — сообщил я, — что тебе отрезали по самые... ну, гланды. Юмор называется. Иначе бы ты для

смеху мог бы с разгону врезаться в планету, выбрав мишенью, скажем, бордель. Чтобы посмотреть, как голые бабы по небу летят.

Голос сказал без паузы:

— Да, такое непонятно. Но я не жалею.

— Еще бы, — откликнулся я. — Отрезали бы мне гениталии, чтоб карьере не мешали, был бы только рад... потом, конечно. А сейчас любого разорву, пусть только предложит такую дружескую помощь, скотина!.. Ну ты вообще готов поднять железную жопу, или какая она там у тебя, и сдвинуться с места?

Он ответил без интонации:

— Не вижу смысла.

— Как? — изумился я. — Вот говорю тебе с позиций чистого разума, прям как Гегель... или не Гегель, неважно, Гегель вроде бы с разумом был не в ладах, критиковал за что-то, в общем, как Иммануил Кантер, поняло?.. В общем, так. Мы снова в который раз собираемся гордо и непреклонно наступить на технологические грабли точно так же, как раньше наступали на детские грабельки.

— Не понял, — ответил голос суховато.

— Мы возрождаем великие славные технологические традиции, — объяснил я. — Но теперь с традиций гуманизма и базовых либеральных ценностей. Это означает, что всех воспитаем такими трусливыми, что никто не то что воевать не захочет, а если даже увидит, как кто-то пальчик прищемит или даже услышит о таком чудовищном деянии, все вокруг будут в обморок падать в диком ужасе... Таким образом мы намереваемся избежать войн и очень заинтересованно достичь технологической сингулярности.

Голос пробормотал несколько озадаченно:

— Вариант развития как игра ума, безусловно, интересен... Но как заставить людей отказаться от войн?

— Очень просто, — сказал я с пафосом. — Нужно всего лишь объявить жизнь высшей ценностью, а интересы общества, за которые пока что каждый горой — пережитком дикости и вообще придуманной хренью. Плюй, дескать, на эту гребаную Родину и береги здорovie!.. Нет вообще никакой родины, а наша родина — вся энтая планета.

— Интересно, — проговорил он в задумчивости, — ты даже знаешь такое слово...

— Родина?

— Планета.

Я оскорбился:

— Ты чего? Про планету теперь все знают, а про Родину говорить уже неприлично. А то еще патриотом обзовут, страшно подумать!.. Так что пойдем таким единственно правильным путем, хотя и по колено, а иногда и по ноздри в дерьме... но здесь опять-таки важна точка зрения, верно? Если не дерьмо, а фекалии, то уже и не так воняет, а если экскременты, то вообще ничего страшного, мы же не дикари, чтобы чего-то стесняться?.. Главное, дойти. Можно даже доползти, время от времени заныривая, чтоб не заметили и палкой по голове не вдарили. Потом отмоешься, подезодорантишься, и снова красив и весьма элегантен!.. Ну, допускаешь меня до рычагов?

— Нет.

— Обидно, — сказал я с достоинством, — что не доверяешь, аж жуть! Ну да ладно, веди корабль сам. Но веди, а не пребывай... Новый материк узришь с поднебесной высоты!..

— А что в нем нового? — возразил голос.

— Как что? — изумился я. — А то, что лес иногда как бы другим узором? А реки хоть привычно так начинают ручейками, но дальше текут уже ого какие! Полноводные, можно сказать смело, хоть я и демо-

крат. И, что самое интересное и необычное местами, все тоже к морю, представляешь?.. Нет, так жить, как ты, просто скучно!

Голос ответил, как мне показалось, с неудовольствием:

— Ничуть. Понятие скуки, как понимаю, я убрал перед тем, как слиться с кораблем. Сейчас я неторопливо занимаюсь исследованиями. Разве это не самое достойное?

Я перебил:

— Как? У тебя есть необходимые инструменты?

— Нет, — ответил голос с неохотой, — инструментов нет, однако... однако я провожу мысленные эксперименты. Самые разные и всевозможные.

Я скептически хмыкнул.

— Эксперименты должны давать результаты, а те должны воплощаться в разные приспособления, позволяющие яркой пытливой мысли, вот как у меня, двигаться и даже лететь, помахивая, дальше... А у тебя почему не пытливая?

— У меня выше, — ответил голос сухо.

— Какая?

— Созерцательная.

— А-а-а, — сказал я понимающе, — плюй на все и береги здоровье? Знаем-знаем таких, проходили эту демократию в младших классах, как пример общинно-первобытного строя. Но выше созерцательной бывает любознательная! Не знало? Если будем сотрудничать, я тебе это обеспечу по самые клапаны. У меня нет твоих ограничений, я вообще человек неограниченных возможностей и способностей... таких, что даже самому бывает страшно. Если люди ни на что не способны, а я вот способен на все!.. Со мной не соскучишься, а такими созерцательностями обеспечу, что и ночью бу-

дуг снится, как вот мне, такому счастливцу, что удаться готов...

Голос заметил ровно и бесстрастно:

— Глупо. Мне кажется, ты просто примитивен.

— Вот смотри, — сказал я нравоучительно, — и вспоминай, каким ты был. Представь себе, что я — это ты в далеком прошлом. Такой же дурной, непоследовательный, ленивый, попадающий в дурацкие положения, отлынивающий от работы, но умненький, замечательный, только потенциал не раскрыт, потому и дурак.

Мне показалось, что он хмыкнул, но вряд ли при очищении от человеческих привычек и свойств оставил себе эту хрень. Либо динамики барахлят, то ли скопировал у меня, чтобы отвечать тем же.

— Созерцательность, — продолжал я, — это конечно, весьма. Вершина как бы совершенной формы буддизма. Но созерцанием мир не перестроишь.

— Это всегда приводит к катастрофе, — сказал голос.

— Приводило, — возразил я. — И всегда по-разному. Если у тебя есть данные, проверь-ка. Во-первых, всякий раз обходили старые грабли, а наступали на что-то другое. Во-вторых, всякий раз продвигались дальше... Что, не так?

Голос произнес глухо:

— Допустим.

— Ну вот, — сказал я победно, — сам видишь!.. А в-третьих, тогда не было такой силы, как церковь! Что, не так? Ну вот!.. Церковь вообще запрещает всякие войны. Правда, ее не слушают... нет, не так. Ее все-таки слушают и воюют уже не так зверски. Какой-то базовый гуманизм у всех есть, появились даже правила, что в войнах можно, а что нельзя. Раньше вообще всех чужих вырезали начисто. Ну, кроме тех, кого уводили в рабство. А сейчас вот поэтапный отказ спер-

ва от зверских методов войны, а потом и вообще откажемся. Будем терроризмом пробавляться, это вроде гладиаторских боев, только на улице... Какой прекрасный мир настает!

Он молчал долго, наконец сказал медленно:

— Я эту гипотезу... проверил несколько раз в различных сценариях... Вообще-то две трети из них приводят к катастрофам, а из оставшейся трети половина вариантов погружает человечество в постоянные войны.

— Но не уничтожает его? — спросил я с надеждой.

— Нет, — ответил он. — Но идет изнурительная война, все скатываются в дикость.

— Ладно, — сказал я, — а вторая половина той оставшейся трети?

Он ответил медленно и, как мне показалось, с сомнением:

— Осталось всего два варианта... в них человечество уцелеет. Но в одной из них церковь все-таки умрет.

— Но человечество будет развиваться? В обоих случаях?

— Да.

— До момента, когда сольется в нечто целое, и войны станут невозможными?

— Да.

— Прекрасно, — сказал я. — Вот видишь!

— Могла быть ошибка в расчетах, — возразил он.

Я изумился:

— У тебя? Да у тебя голова больше этого скайбагера!.. Да, в бесконечно малом можно уместить бесконечно большое, не знал?.. С твоим квантовым супермозгом, где ундециллионы операций в фемтасекунду... нет, ты просто не можешь ошибаться!

После паузы он произнес:

— Хорошо, меня заинтересовал этот странноватый путь развития прогресса. И что ты хочешь?

— Сперва облетим планету, — сказал я твердо и выпрямился, даже посмотрел сизокрылым орлом по сторонам. — И определимся на месте.

Почти час он пробуждал механизмы, пребывающие в глубокой летаргии. За это время я пытался острожненько выведать, почему это он стал кораблем, добровольно или насильно. Да, это было его решение, но теперь сам не помнит, как именно, ибо убрал из себя все то, из-за чего страдал и что заставило.

При попытке копнуть глубже он просто перестал отвечать, словно боится, что какие-то тягостные воспоминания проснутся. Я с гордостью подумал, что наверняка, дурак, из-за несчастной любви, или дура, а я вот не такой. У меня все любви — несчастные, но не иду в киборги. Просто в несчастье выгляжу печальнее и наверняка красивее.

— Вообще-то, — сказал я, — мне вот пришла такая мудрая и неожиданная мысль, я вообще-то мудрый, что это не мое дело и потому неча... В смысле, как там идет расконсерваторивание? Они когда в спячку впадают, лапу сосут?

Он вопрос понял правильно, после паузы ответил равнодушно:

— Да, потребляют, но совсем капли энергии. Заканчиваю...

— Корабль начинает просыпаться? — спросил я.

— Я и не спал, — ответил он. — Двигатели просыпаются.

— Они после спячки не сильно злые? — спросил я опасно. — А то шатунов все раздражает...

Бобик уже бегаёт по всему помещению, однако, как я понимаю, нас из грузового отсека просто не выпускают. За дикарями нужен глаз да глаз, а я на взгляд

продвинутого скайбагера, выдавшего звездные миры, мало чем отличаюсь от Бобика и Зайчика.

С другой стороны, даже компьютерный мозг может истосковаться по общению, а в этом есть и частица личности человека, пусть и донельзя стерилизованная. Все-таки, видимо, в чем-то человек незаменим, если пошли на такое. Да, думаю, каждый имел возможность выбирать себе форму существования.

Когда корабль сдвинулся, я не заметил, только пейзаж внизу чуть-чуть сместился, начал медленно уплывать за рамку, одновременно открывая другие виды серо-белого облачного покрова.

Я старался не показывать даже кораблю, что всматриваюсь в медленно проплывающую внизу поверхность с волнением и тревогой. Кто знает, что здесь за маги, вдруг да в состоянии дотягиваться даже до скайбагеров?

Знают местоположение всех на небе, как еще пещерные люди помнили расположение звезд, а тут вдруг одна сдвинулась и достаточно резво поменяла местоположение.

Вернее, не поменяла, а появилась, так как на северной стороне южные маги ее просто не видели.

Глава 3

В голову пришла совсем дикая идея, я чуть было не брякнул сразу, потом подумал, помыслил и все-таки брякнул, да и как удержаться, не брякнуть, я же человек, а человек всегда звучит гордо, какую бы ерунду ни спорол:

— Послушай... если ты как бы над схваткой, но не припоминаешь ли... как насчет таких же порталов здесь на Юге... в смысле, на том материке, что внизу?

Он ответил без паузы:

— В моей памяти таких нет.

— Жаль, — сказал я, но так как я все-таки человек, а люди редко когда сдаются, нашим лбам все бараны завидуют, спросил настойчиво: — Но ты же умный, можешь поискать?

— Как? — ответил он. — У меня довольно узкий диапазон.

— Я тоже бываю туповат, — признался я, с полумашиной можно и пооткровенничать, — но я с этим борюсь и расшариваю! В смысле, расширяваю, что значит, расширяю. Диапазон, а заодно и кругозор. Или ты сам настолько сузил свои узенькие возможности...

Он ответил, как мне показалось, с неудовольствием:

— Сузив некоторые, а от других отказавшись во все, приобрел совершенно новые, а их расширил безмерно! Они доставляют мне радость и наслаждение, избегая страданий. Тебе этого не понять.

— Точно, — сказал я. — Запасливый я, понимаешь ли... Хочу только расширять и расширять. Знаешь, даже от плохих привычек не хочу избавляться! Вот такая я свинья. Я бы даже какие-то особенности марсианских или вообще инозвездных свиней перенял. Так, на всякий случай. Вдруг пригодится?.. Хочу быть только с мощными противовесами, чтоб мог быть свиньей, а мог и не быть!..

— Зачем? — спросил он с недоумением. — Если можно не быть? Где логика?

Я ответил с высокомерием царя природы:

— А зачем нам логика? Логика — всего лишь один из инструментов, а у меня их целый гараж. Всяких и разных. Пусть и не все пригодится, но... а вдруг?

— Логика правит миром, — сообщил он. — А быть нелогичным... даже свиньей... Это такое дикое животное?

— Не знаю, — признался я. — Иногда мне кажется, что быть свиньей тоже зачем-то природе и нашей гуманной демократии нужно просто дозарезу. Мне, конечно, ни к чему, я чист и вообще весь в белом, но для человечества я должен сохранить и свинство. Известно же, что если природа рождает и дураков, то это зачем-то нужно. Возможно, именно от дураков и будет зависеть спасение культуры и базовых либеральных ценностей... Ну, все понял?

— Нет, — ответил он. — Но тот странный выверт сценария, что выдал этот невероятный результат... гм... ну, не убедил, но я помогу тебе. А телеприемники внизу поищу. Хотя не уверен...

— Это неважно, — сказал я с жаром. — Ты давай, трудись, ищи!.. Главное — процесс.

— Нелогично, — возразил он, — но сделаю, чтобы ты увидел, как это неправильно.

— Нелогично, — согласился я, — но правильно!

После паузы он произнес с расстановкой:

— Все незнакомое. Прежних порталов нет вовсе. Поверхность планеты трансформирована...

— Дык так и должно быть, — сказал я натужно бодро. — Надеюсь, ты другого и не ожидал? Но как насчет новых? Они хоть и примитивные, но как-то работают! Я сам пользовался. Хотя те штуки весьма ограниченного диапазона. И почти нет таких, что вели бы на этот материк.

Он не отвечал довольно долго, я уважительно подумал про ту колоссальнейшую работу, что проделывает его... нечеловеческая часть, быстроедействие которой в триллион дециллионов раз больше, если сравнивать, скажем, с моей.

И все-таки, даже срастившийся с машинным интеллектом, он вряд ли сумел до конца освободиться от человеческих пороков и вообще свойств, что бы ему

там ни сказали те, кто вынул его из петли или что там у них случилось, раз он решился так резко избавиться от каких-то своих страстей.

Просто-напросто от инстинктов и так называемых пороков до конца избавиться вообще невысказано. Они так глубоко, что сам чистейший интеллект, как ни крути, возник как мальчишка на побегушках древнего могучего инстинкта, что понимает все, рулит всем и направляет все. Да еще так умело, что иногда всерьез думаешь, что вот наконец-то живу умом... увы, поскреби чуть, а там одни инстинкты, да еще какие, сказать стыдно...

Опасаясь, как бы он снова не впал в спячку, я заговорил громко и уверенно:

— Именно свинство и наплюйство спасут мир и цивилизацию! Благородство то и дело приводит к войне, ибо благородный дерется по любому поводу задетой чести: жену увели, в двух шагах высморкались или сплюнули, посмотрели косо... Вон за Елену Троянскую какая война гремела десять страшных лет!.. Все последние герои погибли. С тех пор ни в Трое, ни в Элладе уже их нет, а гераклы и ахиллы больше не рождаются.

Голос произнес озадаченно:

— Как это спасет?

— Я же сказал! — ответил я с апломбом. — Это благородный за жену начнет войну, а демократ отмахнется, мол, ну и уводи, другую найду. Да еще сразу с податливой подругой. Благородный обнажит меч за то, что высморкались рядом, а демократу можно вообще насрать на голову. Вытрется, посмотрит в зеркало и пойдет к адвокату.

Он спросил очень серьезно:

— Хочешь сказать, что внизу уже выстраивается мир именно с такими вводными?

— Точно, — подтвердил я. — Дерутся только благородные, а животные никогда... с себе подобными. Только люди и муравьи воюют, а остальные просто бодаются, да то и редко. Вот и мы гордо и уверенно идем к счастливому демократическому обществу без войн и конфликтов, потому что в войне можно другому надавать, но можно и самому получить, а какой демократ на такое пойдет? Плюй на все и береги здоровье, как сказал Махатма Ганди, великий аскет и развратник. Это и есть кредо нового благополучного общества, что идет на смену устаревшему благородному!

Он сказал внезапно:

— Есть!... Есть данные. Внизу есть порталы... Один я только что обнаружил.

Я спросил жадно:

— Им пользуются?

Он ответил после паузы:

— Данных нет.

— А предположения?

— Тот портал, что я засек, находится... предположительно, на глубине. К тому месту дорог нет.

— Он сломан? Испорчен?

— Работает, — ответил он. — Эти системы могут работать вечно, металл и установки самовосстанавливаются. Разрушать нужно полностью!

— Даже не знаю, — признался я, — хорошо это или плохо.

— Как это?

— Для меня лично хорошо, — объяснил я, — но в целом плохо. И так вместо того, чтобы науки развивать, даже светлые головы золотую рыбку да джиннов в бутылке ищут! В смысле, старые технологии. Надо, чтобы вообще ничего не находили...

— Только принцип работы этого портала, — продолжал голос, — пока не известен.

— Ну и что? — спросил я. — За тебя просто оскорблен! Неизвестен сейчас, но через наносекунду будет известен, у тебя же голова — весь скайбагер!.. Мне вообще мало что известно, так что? Сесть и сложить лапки? Так только умные делают, они ж знают, что ничего не знают, философы яйцеголовые, а мы вот не знаем этого, потому и меняем мир к лучшему... Ну, как понимаем. Как тем порталом пользоваться, понял?

— Нет, — ответил он. — Боюсь, что это путь в один конец.

Я спросил настороженно:

— В смысле?

— В смысле, — повторил он, — что отправить смогу, а забрать — нет.

— Фу-у-у, — сказал я с облегчением, — а я уж подумал... Что значит, слова все лгут, а каждый понимает в меру своей грамотности, демократичности и наличия очень даже свободных, аж стыдно о них подумать, либеральных ценностей. Ты, главное, подумай, чтобы когда будешь меня туда отправлять, ничего мне как-то случайно не прищемил. А то почему-то беспокоюсь за некоторые части тела, еще молодой вроде бы... Это тебе они ни к чему, а мне пусть будут, вдруг еще пригодятся?..

Голос спросил холодно:

— В самом деле готов отправиться?

— Ну дык!

— С риском?

— Либо грудь в кустах, — сказал я хвастливо, — а чё нет?.. Вдруг восхотелось шампанского... Ну это я так, от речевого богатства и ассоциативного мышления на пяти разных уровнях. Готов, конечно, если ты гарантируешь безопасную доставку в те как бы дебри. А пока я там буду получать удовольствие разными способами, о которых ты уже и не помнишь, можешь по-

ка поискать варианты, как мне вернуться взад. Я же знаю, ты гений, умница, светлая голова, иначе бы не избавился от грязных человеческих пороков и не заменил бы их светлыми интеллектуальными и чистыми пороками гегельянца!.. Так что ты можешь, я в тебя верю!.. Если не ты, то кто? Хоть ты местами эпикуреец и йог, которому на всех нас... начхать, но именно ты сейчас соль всего прогрессивного и не очень человечества!.. Хотя как бы и не совсем человек. С другой стороны, что такое человек?.. Двухногая птица без перьев?.. Мыслящий тростник? Голая обезьяна Дезмонда Моррисона?

Голос ответил замедленно, словно его хозяин старался понять глубинный и местами даже глубочайший смысл моих перлов:

— Логика подсказывает, наши системы несовместимы.

— Просто попробуй, — сказал я убеждающе. — Изю всех интеллектуальных сил! Мало ли что по резьбе не подходит!.. Где шуруп не удастся ввернуть, там можно вбить. Да что там шуруп, я и болты вколачивал... Сейчас же просто глубоко уверен, что такому светлому и глубокому уму, как вон ты, отказавшемуся от всех человеческих страстей и пороков, под силу и в одиночку развязать любые гордые узлы, которые завяжут хоть сто тысяч дураков! Ты сможешь, благодарное человечество в моем лице верит в тебя!

Ждал я затаив дыхание, наконец он проговорил с ноткой сомнения, то ли в самом деле она прозвучала, то ли я домысливаю, ибо хочу видеть в нем хотя бы получеловека:

— Готово. Есть очень большая вероятность, что могу переправить в один из приемных порталов на поверхности планеты.

— Какая вероятность?

— Девяносто шесть и восемь десятых...

— Отлично, — бодро воскликнул я. — В лотерею не играю, но верю, что выигрыш достался бы мне, а проигрыш — другим. Какой портал?

— Нет данных, — ответил он холодно.

— А что есть?

— Знакомый тип излучения. Подобное понятие есть в вашей базе данных?

Я охнул:

— С младенчества!.. Рентгеновские, гамма-лучи, альфа, бета, дзета, лямбда... вплоть до омеги, а потом уже нейтринное, бозонное, хиковое, квендлерное, ганное... в общем, что нам только в детстве в голову не пихали! Просто жуть.

— Полагаю, — ответил он с отчетливо прозвучавшей неприязнью, — это лишь иные названия, издавна известные и нам. Если готов, то можешь встать вот туда...

— В ту нишу?

— Нет, на ту площадку.

Я оглянулся, сказал в восторге:

— Ого!.. Вы стада слонов разом переправляли?.. Это я там и стоял, оказывается?

— Что такое слоны? — спросил он. — Груз проще опустить через портал, чем для этого опускаться на поверхность планеты.

— Подсчитали себестоимость, — сказал я уважительно. — Молодцы, главное — не экономия, а чтоб доходы превосходили расходы. У некоторых моих знакомых получалось. Наверное, к магии прибегают, а вот у меня, я же честный, как-то не так... Слушай, а как поддерживать связь?

— Просто назови мое имя, — ответил он.

— А как твое имя?

Он ответил без паузы:

— У тебя нет допуска. Я с тобой общаюсь на самом нижнем уровне, когда могу общаться, могу не общаться. А если будешь знать мое имя...

— Да понятно-понятно, — прервал я. — Природа не любит выдумывать без необходимости, вон даже у рыб по два глаза. Если система работает, то применяют всюду в аналогичных случаях, не выдумывают свое. В мире демонов то же самое. Всяк бережет свое истинное имя... Давай буду называть тебя Эркхартом? Был такой верховный бог-мудрец, его и называли верным Эркхартом... Или ты был самочкой?.. Тогда верной Эркхартой...

Голос прозвучал с некоторой нерешительностью:

— У меня убрана человеческая память. Записано особо, что по моей просьбе. Видимо, мешала. Потому не могу ничего сказать о своем прошлом...

Я воскликнул патетически:

— Великолепно! Ты начала жизнь с нового листа!.. Это же прекрасно!.. Чистая или очистившаяся, что почти одно и то же, особенно в свете прогрессивных либеральных ценностей, ты начинаешь снова, снова и снова!.. Поздравляю тебя, Эркхарта!.. Теперь ты сможешь строить себя, как самое совершенное существо во вселенной. А я счастлив видеть создание... самосоздание такого шедевра.

Голос произнес замедленно:

— Эркхарта... Эркхарта?.. Эркхарта... Что ж, для тебя я буду Эркхарта. В каком бы месте ты ни назвал меня этим именем, я услышу и откликнусь.

Я встрепнулся:

— Значит ли это, что ты слышишь все на планете?

— Нет, — ответил голос.

— Но можешь слышать?

— Нет, — ответил голос. — Только с теми, кто заговорит со мной и произнесет кодовое слово.

— А-а-а, — сказал я понимающе, — я его произнес... Напомни пароль, а то что-то с памятью моей стало, все, что не со мной, помню...

— Ты не произносил его, — ответил голос, — но в твоей речи были слова, близкие к тем, что произносили люди моей эпохи. Потому я и ответил.

Глава 4

Хрен бы ты ответило, мелькнуло с облегчением у меня в голове, если бы не частица человека в твоём машинном комплексе. Человек все же гибче насекомых, понимает не только прямые вопросы. Да и любопытство, что, кстати, больше присуще женщине. Мы, мужчины, любознательные, а женщины — любопытные. Так что я почти уверен, что когда-то оно было самочкой.

— Давай уточним насчет того места, — сказал я нервно, — не хотелось бы материализоваться прямо посреди имперской канцелярии, где пытаются и вешают шпионов...

— Это место вдали от больших скоплений народа, — заверила Эркхарта. — Полагаю, забытая приемная станция.

— Это хорошо, — сказал я с сомнением. — Хотя имперские тайные службы для таких дел как раз и избегают людных мест. Но если гарантируешь, что...

Эркхарта прервала:

— Я ничего не гарантирую.

— Ладно, — сказал я. — Видишь, какой я уступчивый? Прямо либерал!.. Лишь бы войны не было.

Голос прозвучал, как мне почудилось, еще мягче и словно бы по-женски:

— Это ты улыбаешься?

— Да, — ответил я. — Весьма.

— Чему?

— Что я дурак, — ответил я честно. — Понимаешь, человек вообще-то дурак, и ты верно сделала, что отрезала себе все... лишнее, чтоб танцевать не мешало. Я вот сейчас, можно сказать, в решающем походе, от которого так много зависит!.. Да что там много, все зависит!.. А я чем занимаюсь?.. Что за прыжок в сторону?

Голос произнес озадаченно:

— И что за прыжок?

— Вот именно, — сказал я сердито. — Мне работать надо еще больше!.. Хотя и так уже весь в мыле, как загнанная лошадь, только пристрелить некому, а самому нельзя — грех, да и страшно как-то. Но все мы срываемся, когда вот так... Кто-то бросает работу на самом важном и — по бабам, кто-то в загул, кто-то в буддизм по самые... уши, там работать вообще не надо, ходи и проси подавание, будешь счастлив...

— Значит, — поинтересовался голос, — это твой прыжок сюда — прыжок от работы?

— Да...

— Значит, — сказал голос строго, — мне надо вернуть тебя на работу...

— Не-е-ет! — закричал я громко. — Ты что? Я там все испорчу, я же человек, я давно обезьяну в себе не кормил, она бунтует и грозит все разнести вдребезги!..

— Обезьяну?

— Или семя Змея, — пояснил я, — выбирай. Это в зависимости, в какой ты конфессии.

— А ты?

— Я мультикультурный, — ответил я с достоинством. — И человек широких взглядов. Я могу и докторшу физико-математических наук, и муджахедку или буддистку, ибо мои базовые либеральные ценности позволяют толерантность в таких щекотливых вопро-

сах, а это неизмеримо важно, чтобы не воевали. Свою гуманность и понимание иных ценностей я расширил до троллизма, эльфизма и готовности принять и некие другие культурные достоинства, хотя гарпии пусть остаются сэру Растеру, он экстремал, это я к тому, что наше общество в некоторых моментах весьма продвинутое... Ну мы что-то углубились в культурку, а у меня, когда я слышу это слово, рука тянется... ну да, ну да, почесать это место, откуда и пошло понятие культуры... Слушай, Эркхарта, раз уж заговорили про это место, ты можешь сделать голосок чуть более звонче и щебетливее?

Она произнесла через мгновение:

— Таким?

— Точно, — сказал я с восторгом. — А сейчас чуть пониже... нет, это чересчур сексуальный, а мне, как и любому мужчине, больше нравятся просто дуры, у них и голоса особенные, веселые такие, щебечущие... Кстати, придумала, как меня вытащить обратно?

Она ответила незамедлительно:

— Да.

— Как?

— Это для тебя сложновато. Просто снова станешь в то же место и примешь то же положение.

— Ага, — сказал я, — ну это не совсем так уж сложно, чтобы я совсем вроде бы не понял. А шаг вправо, шаг влево...

— Ничего не получится, — ответила она.

— Хорошо хоть не палкой по голове, — сказал я. — Про расстрел на месте вообще не заикаюсь, а счастье было так близко, так возможно, и так возможно, и вот так... Ладно, уточним еще раз: только в такое место... Ах да, ты не заметила, что со мной мои дорогие друзья, конь и пес? Их зовут Зайчик и Бобик. Надеюсь, вы подружитесь. Во время моего отсутствия не забы-

вай их кормить и чесать. Ладно, чесать не обязательно, это я сам, но кормить и поить все же надо, это мы так получаем и даже запасаем энергию... Бобик, Зайчик! Идите сюда, познакомьтесь с Эркхартой. Бобик, дай ей лапку. Эркхарта, он не кусается!

Голос прозвучал предельно равнодушно:

— Кормить?.. Что им дать?

— Бобику можно вот так, смотри...

Я сосредоточился, создал ломтик жареной говядины, бросил Бобику. Он поймал на лету, быстро проглотил и посмотрел на меня с интересом и ожиданием.

— Все поняла? — спросил я. — А Зайчику еще проще. Он кушает все, но больше всего любит всякие железные штуки. Правда, из мягкого металла.

Голос произнес с новой ноткой:

— Ты владеешь синтезом?

— И даже проктозом, — сообщил я, — и вообще чем только не владею! В твоей эпохе синтезом все владели?

Вообще-то я надеялся, что только избранные, однако скайбагер ответил ровным голосом:

— Да, конечно. Кроме детей. Так что тебя можно приравнять к подростку.

— А как насчет доступа, — сказал я быстро, — в иные помещения?

— Не всем даже взрослым туда есть допуск, — сообщила она. — Хорошо, твои животные не умрут до твоего возвращения. Если, конечно, вернешься скоро. Теперь встань на ту площадку.

— Встал.

— Задержи дыхание.

Я на всякий случай сделал гипервентиляцию из полудюжины быстрых вдохов, надулся и кивнул.

Вспышка света, пустота, где я завис на краткое мгновение, затем снизу в подошвы ударило настолько сильно и резко, что я охнул и завалился на бок.

Просторное помещение, всюду металл, стены кое-где выпуклые, в двух местах странного вида ниши, в трех шагах от меня прямоугольник двери, хоть одна знакомая деталь...

Эркхарта уронила меня с приличной высоты, что-то разбалансировалось за это время, тихо-тихо, постоянно прислушиваясь, приблизился к двери, там тоже постоял, стараясь почуять, что может быть на той стороне.

Сердце колотится, как сумасшедшее, ноздри трепещут, будто я кролик, однако на той стороне двери ни запаха, ни тепловых образов, а также полная тишина.

Ручки нет, я толкнул дверь, не поддалась, толкнул сильнее, потом пнул ногой, наконец ударил плечом, и только тогда пришла страшная догадка, что этот подземный бункер давно завален километровой толщей породы.

Более того, похоже, его вообще с той стороны замуровали крепко толстой стеной, а уже потом началось то, что обрушило в шахту тысячи тонн земли.

Холодок гуляет по телу, я зябко передернулся, подумав о том, что если б не договорился сперва с Эркхартой о возвращении... Была же дурацкая идея, что выйду вот, молодой и красивый, разверну могучие крылья и поплыву по воздуху достойно и величаво...

Некоторое время я пытался тыкаться в другие стены, наконец повернул кольцо и ломанулся в дверь, но только зря стучался лбом, не было и намека на то, что пропустит.

То ли стена непроницаемая, то ли кольцо не срабатывает. Но даже если бы удалось, что бы я делал в тол-

ше земных пород? Дышать не могу, а наверх вдруг да выбираться с милю?

— Эркхарта, — позвал я дрожащим голосом, — ты здесь?

— Я тебя слышу, — поправил меня ее голос, более мягкий и женственный, как я и заказал.

— Забирай меня взад, — попросил я.

В ее голосе почти прозвучало удивление:

— Уже?

— А ты не видишь, — огрызнулся я, — что здесь?

— Нет, — ответила она.

— Твое счастье, — сказал я, — а то бы поняла, что бывает с техникой без хозяина. Особенно у такого, как я.

— Встань на то же место, — велела она.

— Сейчас встану, — ответил я, — только сперва учти, я оказался на высоте в полтора ярда над приемной плитой. Это к тому, чтобы по возвращении не материализоваться по шею в полу.

Голос ответил после паузы:

— Вношу поправки... Готов?

— Да, — ответил я. — Воздух...

Вспышка света, мгновенная потеря ориентиров, и я договорил механически:

— ...набираю.

Подошвы как там и стояли, даже не покачнулся, а голос Эркхарта прозвучал так же ровно и бесстрастно:

— Убедился?

В сторонке приветливо ржанул Зайчик, а Бобик бросился мне на грудь, быстро лизнул в нос, прежде чем я успел отгородиться локтями.

— Нет, — ответил я с достоинством. — Я же царь природы! На меня даже ее законы не действуют... во всяком случае, не все, ибо я сам их устанавливаю. Думаю, за это время ты подыскало... подыскала какие-то еще?

— Почему так думаешь?

— Чудится, — ответил я с апломбом. — Кажется! Мерещится. В общем, замечательная мужская интуиция, что превосходит даже женскую. И, как я понял по твоему вопросу, все-таки еще парочку нащупала?

Мне почудилось в голосе Эркхарты недоумение:

— Верно. Два источника сигнала перемещателя. Но... как? Как ты узнал?

— Ха, — сказал я, — и еще раз три ха. Можно даже четыре, хоть и с натяжкой. Вот очеловечивайся быстрее, все поймешь, даже разъяснять не надо будет... И что за сигналы?

— Исходят из довольно далеких один от другого мест, — сообщила она, — однако достаточно устойчивые.

— Тот тоже был устойчивым, — буркнул я и передернул плечами, представив, что та камера могла не выдержать напора земной коры и сплющиться, заодно раздавив и царя природы. — А нельзя прощупать отсюда?

— Что?

— Все, — ответил я твердо, — насчет того места. Глубина, толщина стен, в каком там состоянии, не вступлю ли в какие-нить фекалии... Я такой, предусмотрительный.

Она проговорила холодно:

— В моем словаре у предусмотрительности иное значение.

— Устарел, — сказал я авторитетно. — Мир развивается, а словари фиксируют окаменевшие идиомы. Ты слушай сюда, я знаю лучше. Я вот постоянно саморазвивающаяся система в оптимальном, так сказать, варианте. Потому и говорю, давай маханем, в смысле, совершим вторую попытку? Где ближайший источник?

Голос Эркхарты прозвучал ровно и безмятежно:

— Занимай правильное положение. Набери в грудь воздуха...

— Уже, — сказал я, — Поехали!

Снова вспышка, легкое головокружение, Эрххарта правильно истолковывает даже эвфемизмы, явно у нее на каждое множество значений...

Темное помещение, я покачался на ногах, но устоял, Эрххарта проделывает переносы все точнее и увереннее. Возможно, ей самой становится чуточку любопытно, все-таки тысяча лет наедине с собой... пусть даже могла смотреть на практически не меняющуюся внизу поверхность планеты.

На всякий случай я не двинулся, только быстро позыркал в стороны. Первое впечатление, Эрххарта ошиблась и перенесла снова в то же место. Стены такие же уродливые, выпуклости и впадины на тех же местах, вообще все такое же.

На всякий случай ткнулся в дверь, та не поддалась, но после сильного пинка вздрогнула. Это ободрило, в прошлый раз вообще подпирала с той стороны монолитная стена.

Ударил плечом, с третьей попытки нечто хрустнуло, дверь распахнулась. Я выглянул осторожно, готовый увидеть любые чудовища, но дальше крохотная площадка, и за ней вертикальная шахта, широченная, словно поставленный стоямя тоннель, что под Большим Хребтом.

Там далеко-далеко вверху нечто светится, возможно, это солнечный свет, страшно и подумать, на какой я глубине.

Я с тоской и злостью подумал, что снова придется возвращаться. На всякий случай присел, сосредоточился и долго старался превратиться в дракона. Не получилось, тогда изо всех сил тужился, сосредотачивался, пыхтел, напрягался, пытаясь просто отрастить

крылья, неважно, что из меня получится, лишь бы подняться по гигантской трубе вверх, а что не красавец — неважно, мужчина и так уже красив, раз он мужчина, и вообще внешность — не наше дело....

Голова разогрелась, как и все тело. Нет, придется снова звать Эрхарту. На этот раз совсем уж утвердился в своем превосходстве над жалким человечешкой с его животными инстинктами... то и гляди вообще перестанет общаться с такой тупой и упрямой никчемной мелочью.

Я перебирал все способы, все не то, потом ощутил, что нервно шевелю пальцами, спохватился и посмотрел на кольца. За бесполезностью многие из них снял, но когда в схватке с Терросом все на мне сгорело, включая доспехи, оружие, зачарованный пояс, браслеты на бицепсах и запястьях, амулеты на груди, то кольца расплавились первыми, хоть и волшебные.

Долгое время я ходил вообще без них, а потом, поддавшись уговорам сэра Жерара, дескать, не лычит сюзерену ходить с голыми пальцами, когда каждый вельможа щеголяет целой россыпью драгоценных камней на кольцах и перстнях.

Мне в словах «лычит» или «не лычит» слышалось знакомое «лычка», что значит соответствующий ранг, и если какой-то благородный человек ведет себя так, как ему не лычит, то это значит, ведет себя недостойно.

Я тогда надел только одно колечко, сэр Жерар сказал сварливо, что такие неприметные носят разве что крестьяне, я добавил перстень с камешком, но и это, оказалось, не совсем, пока не нацепил полученное от короля Хенрига Первого. На мой взгляд, самое заурядное, но сэр Жерар с удовлетворением заметил, что в нем рубин особенного оттенка, таких ни у кого нет. Опытный взгляд сразу такое замечает, и уважение к моему высочеству только возрастет...

Я тогда лишь отругал его за такие оценки, по мне на корову какое седло ни надень, все равно скакуном не станет, однако у придворных иные оценки.

Я потрогал кольцо и, поколебавшись, сказал тихонько:

— Серфик... если не слишком занят... явись!

Над ухом тихохонько пискнуло:

— Мой повелитель! Я уже здесь.

Крохотная красная точка, трепеща розовыми крылышками, зависла на уровне моего лица. Сами крылышки не рассмотреть, только дрожание розовой мути в воздухе, но тельце и мордочку вижу отчетливо: кругленькая, как у лемура, и такие же огромные выпуклые глаза.

— Не слишком оторвал тебя от дел? — спросил я виновато. — А то, знаешь, хоть ты и сказал, что тебе нравится бывать со мной, но все-таки... приказывать я, как истинный демократ и апологет либеральных ценностей, не очень люблю. Мне больше нравится, когда для меня и так все делают, а я вроде бы даже стесняюсь такого внимания, почтения и сервиса.

— Мой повелитель?

Я уточнил:

— Нет, приказывать, понятно, нравится. Всем нам такое нравится. Не нравится то, что ты обязан против воли являться. Понимаешь, людям я тоже приказываю, но они повинуются по своей воле, а могут и послать меня. Они повинуются, потому что заинтересованы. Кто рублем, кто титулами... хотя это тоже рубли, если правильно пользоваться. А вот ты полностью подвластен моей воле, вот что меня смущает... Правда, длинно объясняю? Это потому что я интеллигент, а мы все только болтать умеем.

Глава 5

Он смотрел непонимающе, я спохватился, что это крохотное существо понимает не намного больше муравья, у которого в голове один-два ганглия.

Серфик пропищал:

— Повелитель, но я в самом деле рад тебе служить!

Я поинтересовался:

— А нельзя сделать так, чтобы ты являлся мне и сам?

— Это... как? — пискнул он.

— По своей воле, — объяснил я.

Он замотал головой:

— Только слово повелителя открывает Врата!

И только для того, чье имя называют.

— Гм, — сказал я, — а нельзя сделать так, чтобы ты мог и отказываться?

Он повторил обалдело:

— Это как?

— Ну, я тебя позвал, а ты вот не восхотел в этот раз, чем-то занят, и не являешься! А потом, когда придешь с опозданием, говоришь, что маковые зерна таскал по одному на склад, чуть не надорвался, устал...

Он снова мотнул головой:

— Нет, слово повелителя — закон.

Я вздохнул:

— Ну, у нас и закону не шибко подчиняются, но... ладно уж, а то совсем что-то меня базовые либеральные ценности задолбали, в кого только не превращаюсь... Ты можешь сказать, куда я попал?

Он ответил с готовностью:

— В мир людей!

Я буркнул:

— Да ну? Вот никогда бы не подумал. Ладно, будем разбираться. Слушай, тут некая сложность... На той стороне океана я сам как бы демон. В том смысле, что

могу превратиться в птицу, ну, почти птицу, и подняться в воздух. А здесь, увы, как-то не. Что посоветуешь?

Он вспикнул:

— Я?

— Ну да, ты же местный. Або, можно сказать, или тузя.

— Тузя?

— Тузем, — пояснил я, — или аборигент. Так уважительно зовут местных жителей.

Он помотал крохотной головкой.

— Я ничего не могу советовать! Я маленький! Я слабенький! Я ничтожненький!.. Я ничего не знаю и не умею!

Я возразил подбадривающе:

— Ну да, ну да!.. А все остальные демоны только через тебя общались, забыл?

Он завис передо мной, трепеща крылышками, мордочка страдальчески испуганная, потом вдруг быстро начала переходить в ликующе радостную.

— А-а-а, — донесся его писк, — мои сородичи все время спрашивают, когда мой повелитель появится!

Я спросил настороженно:

— С какой целью?

— Ты им очень нужен! Разреши открыть то полу-окно?

Я зябко повел плечами.

— Да как-то мне общаться с демонами... неудобно. Но если так жизненно важно, то я, как гуманист и в некотором роде защитник природы...

— Спасибо, мой повелитель!

Я не успел договорить, что еще не разрешил, а могу разрешить на определенных условиях, но уже прямо передо мной возникла полупрозрачная стена, приобрела матовый оттенок, появилось окно и быстро рас-

ширилось во все стороны так, что ничего, кроме него, не осталось.

Вспыхнул яростный свет, я ощутил себя в недрах пылающей звезды в сто тысяч раз ярче Солнца. Вокруг кипящая плазма, а из глубин, где рвутся и сливаются воедино пространство и время, выстреливаются протуберанцы, каждый из которых способен сжечь всю Солнечную систему.

Сердце мое остановилось, в черепе только одна мысль, как же я все это выдерживал в прошлый раз, вот уж был прижат, так прижат, а сейчас живу почти беспечно, вот и тряхнуло...

Пылающий ад ежесекундно меняет очертания, я чувствовал, что демоны уже стягиваются с той стороны этого экрана, но пока не мог их вычленить в этом багровом месиве.

Серфик пропищал у меня над ухом:

— Они спешат к тебе, мой повелитель!

Я не решился ответить, чтобы даже он не услышал, как срывается и дребезжит мой голос.

Весь громадный экран стены все чаще перечеркивают чудовищные сгустки огня, что уже и не огонь, а нечто более страшное, в чем стораает даже сама материя. Хвостатые кометы на мгновение замирают с той стороны и как бы всматриваются, а затем даже не исчезают, на их месте оказываются не менее ужасающие существа.

Серфик пискнул:

— Мой повелитель, они здесь. Заговори с ними. Они не могут первыми.

Я кивнул, собрался с духом и спросил почти не дрожащим голосом:

— Что вы хотели?

Из звездных недр выметнулся рассыпающийся искры шар, разросся, я услышал шипящий голос:

— Господин, возьми нас в слуги!

Я собрался с духом и ответил сухо:

— Нет.

Шипение стало громче:

— Господин, мы умоляем...

— Нет, — ответил я резче и сам удивился, как быстро приходим в себя, когда нуждаемся не столько мы, сколько в нас. — Когда я просил помочь, где вы были?.. Даже пальцем... или что у вас там, не шелохнули. Откликнулись те, кто поверил! Их было мало, почти все они погибли, а потом возрождались в страшных муках. Потому их свобода заслуженна!..

Демон на миг исчез или просто поменял форму, шипение раздалось с того же самого места:

— Мы помним твои слова, когда ты освободил их, а нас не захотел принять...

— Ну так чего еще? — спросил я.

Рядом возникла белая длаящая вспышка, голос прозвучал такой, словно со мной говорит быстро сгорающий бенгальский огонь:

— Над нами нависла опасность. Где-то в руинах отыскиали библиотеку, а там в одной из книг тысячи наших имен. Уже многие с горестными криками исчезли, чтобы никогда больше не вернуться, а остаться бессловесными рабами чародеев. Мы дадим тебе наши имена, назови их...

— Чтобы стать вашим хозяином? — спросил я саркастически. — Да, это настолько соблазнительно, а я слабый, что сразу говорю — нет!

Демон прощелкал часто и звонко:

— Ты нас спасешь!

— У вас всего лишь поменяется хозяин, — сказал я упрямо.

За стеной поднялся ураган, словно ядро нейтронной звезды превращается в сверхновую, вспышки ста-

ли настолько частыми, что слились в одну, существа выныривают из красной бездны, я едва успеваю улавливать длинные или массивные тела, некоторые вроде гигантских червей размером со змея Ермунгарда, но большинство возникают просто в виде вспышек, хотя, думаю, тела их достаточно вещественны, это мое зрение не ухватывает всех форм из-за узости диапазона человеческого зрения.

— Нам лучше такой хозяин, — прощелкал бенгальский огонь. — Все знают, что ты сдержал слово и отпустил на свободу всех демонов, что помогли тебе! И теперь все мы жалеем, что тогда не поверили и отказали тебе. У нас к тебе просьба...

— Ну-ну?

Вперед выдвинулся раскаленный добела демон, небрежно раздвинув других, прорычал так мощно, что, думаю, даже на дальних концах их мира его слышали:

— Мы останемся твоими слугами, пока не заслужим свободу.

Я покачал головой:

— Прогадаете. Я не собираюсь пользоваться вашими услугами. Ну... разве что в самом крайнем случае.

Он рыкнул еще мощнее:

— Мы будем жить в ожидании этого случая. А в остальное время ты можешь позволить нам вернуться в наш мир, если не собираешься пользоваться нашими услугами... постоянно.

Я уже набрал в грудь воздуха, что отказаться, затем мелькнула мысль, что таким образом они попросту спасаются от тех настырных магов, что днями и ночами роются в древних записях, стараясь там обнаружить их зашифрованные имена.

А если вызову только для того, чтобы принять их клятву верности, а затем отправлю обратно в их родимый ад, они будут и спасены, и в то же время избавле-

ны от ужасающей их участи рабов, когда самодовольные колдуны превращают их в либо в каменных львов, лежащих у входа, либо в барельефы, и затем бахвалятся перед другими чародеями.

— То есть, — повторил я в раздумье, — вы хотите, чтобы я назвал ваши имена и тем самым превратил вас в послушных рабов?

Рядом с раскаленно-белым демоном возник брызжащий синими искрами столб толщиной с бревно.

Я вздрогнул, когда это существо проревело:

— Нам рассказали, ты никогда не называл нас рабами! Ты сказал демонам, что вы вместе бьетесь за нашу и вашу свободу. И всех отпустил, заявив, что они и не были рабами, а соратниками.

— Это было, — согласился я. — Они рискнули, они дрались, они получали раны и погибали. А вы после того, как я их отпустил, восхотели без драки и даже пальчик не прищемив, получить то же самое?

Демон прорычал:

— Мы не поверили тебе и совершили ошибку. Поэтому согласны на другие условия. Мы остаемся в твоём рабстве... ладно, ты не любишь этого слова, в твоём подчинении. Но ты отпускаешь нас обратно, откуда мы всегда готовы появиться на твой зов.

Я подумал, кивнул:

— Хорошо, уговорили. Если вас это устраивает, я тоже... наверное, смогу, хотя с соблазнами мне придется бороться, как Лаокоону со змеями.

— Тогда, — сказал он торопливо, — сейчас?..

Я кивнул:

— Давай.

Промолчал, что заодно постараюсь решить и свою проблему, только сделал себе горячий кофе покрепче, а первый же из демонов, сдавшийся мне в рабство, превратился в роскошное кресло.

Прошел час, я измучился, называя имена демонов и запоминая их характеристики, у всех все разное, среди тех, кто может оказаться полезным, масса и совершенно бестолковых, и ненужных, и объединяет только одно: либо имена у них достаточно простые, которые можно после долгих поисков отыскать путем простого перебора, либо уже были в рабах великих чародеев, что погибли в Великие Войны, и теперь страшатся, что их имена остались где-то в древних фолиантах.

Сперва я добросовестно спрашивал, и что демон может, но на второй сотне ощутил, что хоть абсолютная память пока что выдерживает, но мой язык пересох, а горло начинает першить.

После очередной чашки кофе упростил процедуру до предела: демон возникал передо мной, называл свое имя, я повторял его, таким образом становясь полновластным повелителем, и тут же возвращал обратно в его мирный и счастливый ад.

Таким образом я довел прием до десяти в минуту, за час у меня набралось уже около двух с половиной сотен рабов-демонов, а за десять часов больше двух тысяч.

Я боялся, что все это затянется на несколько суток, но Серфик сообщил, что осталось не больше двух сотен.

— Ты же говорил, — напомнил я с облегчением, — вас многие миллионы!..

Он пропищал:

— Даже больше!.. Но у одних имена ни одному человеку не выговорить, у других — вообще не имена, а...

Он что-то пропищал, но я, как ни вслушивался, смысла не уловил, только смутно ощутил нечто насчет шероховатого запаха пополам с дивно быстрым, словно бы имена нужно произносить в рентгеновском спектре или гамма-лучах, в общем да, эти для чародеев

недостигаемы, хотя от них толка и не будет, они слишком далеки от нашего понимания.

Когда поток иссяк, я сказал с облегчением:

— Ну хорошо, что я послужил как-то доброму делу, хотя и чувствую себя странноватенько... Демоны выбрали из двух зол меньшее?.. А я ведь такое добро, что самому противно. Так и тянет насрать кому-то под дверь, чтобы ощутить себя полноценным человеком... Теперь слушай сюда, малявка. Среди этих всяких есть такой, типа Плантагенета? Ну, того, который меня тогда носил на горбу?

Он подумал, пропищал нерешительно:

— Есть Турангандергастенап. Но он, как и большинство наших, разговаривать не умеет.

— А зачем мне говорун, — удивился я. — Я сам кого угодно... Мне нужно выбраться наверх!

— Он может поднять, — пропищал Серфик, — но там же... Предел?

— Что за предел?

— Защита, — объяснил он. — Нужен кто-то, кто мог бы преодолеть... нет, открывать для моего повелителя.

— Ого, — сказал я невольно, — а мне казалось, что там солнце светит...

— Там ночь, — сообщил Серфик.

Я сказал с досадой:

— Извини, сглупил. Дураку понятно, что если на северной стороне день, то здесь ночь, но я же не дурак, вот и не сообразил. Среди моих... сотрудников такие есть? В смысле, не такие умные, а способные поднять этот Предел, если это просто некий защитный купол?

Он исчез, долго не появлялся, затем возник искрящийся, как крохотная бенгальская искорка.

— Среди твоих подданных, — пропищал он возбужденно, — таких нет!..

— Эх...

— Но такие вообще есть, — сообщил он. — Я одного такого уговорил. Вернее, другие уговорили... очень уговорили. Ты только назови его имя...

Я вскинул ладонь:

— погоди, погоди!.. Я не могу вот так подло взять и захватить его в рабы, только потому, что другие дали к нему ключ. Это нечестно.

— Мой повелитель, — пискнул Серфик, — он сам дал это имя, чтобы ты мог его вызвать! Демоны не могут являться сами!

— Знаю, — пробормотал я, — но все равно как-то неловко. Чехову было стыдно перед собаками, а мне при всем бесстыдстве тоже бывает как-то не по себе... это и есть, наверное, стыд?

Он пропищал настойчиво:

— Мой повелитель, я ничего не понял! Просто скажи: Наоамамапъкумкргшьтимсыфыаериюютиелшгнц!

— Ничего себе, — сказал я ошарашенно, — все верно, с таким именем он может прожить еще сотни лет на свободе... пока не создадим компы. А тогда простым машинным перебором со скоростью в ундециллион операций в наносекунду... Наоамамапъкумкргшьтимсыфыаериюютиелшгнц!

Через долю мгновения в двух шагах от меня возник светящийся плазменный шар, что моментально менял цвета и очертания, сперва просто менялся в размерах, потом превращался то в исполинского светящегося червя, то в подобие красного дерева, то в многоцветную каплю, размером со слона, внутри которой на глазах просходят ядерные реакции, словно в недрах звезд.

— Турангандергастенап, — позвал я, рядом с Наоамамапъкумкргшьтимсыфыаериюютиелшгнцом

появился невзрачный демон, похожий на печального пони с большими грустными глазами. — Ага, это ты понесешь меня вверх?.. Отлично. Ты отрастишь крылья или как?

Турангандергастенап не ответил, а Серфик подсказал:

— Мой повелитель, просто садитесь.

— Ты прав, — сказал я. — Не дело королей вникать в технические мелочи.

Турангандергастенап снова не ответил, я взобрался ему на спину и сказал властно:

— Наоамамбапъкумкргшьтимсыыфыаериюютиелщгн, открывай выход!.. Турангандергастенап, вперед... в смысле, все выше и выше, но не слишком, а только до поверхности земли. Поехали!

Наоамамбапъкумкргшьтимсыыфыаериюютиелщгн исчез, а меня вдавило в костлявую спину транспортного демона. К моему облегчению, из его боков в самом деле выдвинулись крылья, хотя и коротковатые, на мой взгляд, но ведь и жук, по уверению ученых, летать не может, но жук об этом не знает и летает себе.

Глава 6

Этот ослик стремительно поднимался и поднимался, а сверху свет исчез, мы мчались в полную темноту, наконец я ощутил запахи растительного мира, и почти в тот же миг стены тоннеля исчезли, а во все стороны раскинулась ночь, заполненная ароматами жизни и стрекотанием кузнечиков.

Турангандергастенап сдвинулся в сторону, его лапы опустились на землю. Крылья втянулись в бока, он застыл, словно деревянная лошадка.

Я слез, сказал торопливо, чувствуя вину, что кого-то к чему-то принуждаю:

— Турангандергастенап! Ты свободен отныне и навеки!.. Никто и никогда не может вызвать тебя и превратить в раба, сколько бы раз ни называл твое красивое имя!.. Наоамамапьюкумкргштьимсыфыаериююиелшгн!.. Спасибо за доверие!.. Ты был свободен, но теперь абсолютно свободен, ибо никто и никогда больше не может превратить в раба демона, отпущенного на свободу.

Они разом исчезли, даже не поблагодарив, хотя, думаю, даже Наоамамапьюкумкргштьимсыфыаериююиелшгн не знает, что это такое.

Серфик пропищал:

— Мой повелитель!.. Их никто из чародеев не сможет отныне превратить в рабов, но твоя власть над ними прежняя!

Я спросил тупо:

— Почему?

— Знаешь имена, — напомнил он.

Я сказал с досадой:

— Да, ты прав. Тех, что сражались со мной плечо к плечу, я обезопасил даже от себя, помню. Ну да ладно, сейчас не до этих церемоний. Я их точно уже не позову, мое слово твердое. Где это мы?

Он пикнул:

— Насколько я знаю от моего прежнего повелителя, это Мертвый Город Зеленого Призрака. Здесь никто не живет.

— Никто, — переспросил я, — из людей или вообще?

— Из людей, — пояснил он, — а чудовищ тут много. Так говорил король Хенриг, мой прежний повелитель.

— Так и знал, — сказал я с тоской. — Я уж думал, что только такое чудовище, как человек, может выжить везде. Даже там, где и умненькие муравьи не селятся. И кто здесь?

— Не знаю, — пропищал он.

Из тьмы выступили руины, настоящие руины. Мои глаза приспособились, вижу почти как днем, только все в сером печальном цвете, земля странно выжжена, странность в том, что пепел лучшее из удобрений, на нем вырастает самая буйная трава и дивные цветы, а здесь как будто вчера прошел нещадный пал, когда горела сама земля, а здания плавились и текли ручьями, как расплавленный воск.

Но сразу заметно, что ничего необычного, все строилось из камня, как в позднее Средневековье. Другое дело, что жители города явно владели многими наработками людей прежних эпох, и эта магия могла их и сгубить...

— Мой повелитель, — прервал мои тягостные раздумья о судьбах, конечно же, человечества Серфик, — что изволите?

Я вздохнул.

— Знаешь... пора возвращаться. Я ведь на работе, тягостной, скучной и неприятной. И в минуту слабости сбежал... вот сюда. Зигзаг, понимаешь?.. Люди вынужденно делают зигзаги, потому что не могут долго делать скучную и однообразную работу... Большинство находят утешение в пьянстве и ходьбе по бабам, а я вот так увливаю... Но, увильнув, мы вскоре начинаем мучиться совестью, грызем себя. И в конце концов возвращаемся к тому, что делать не хочется, но надо...

Он явно ничего не понял, пропищал:

— Мой повелитель... возвращаетесь... куда?

— Взад, — ответил я. — Хотя, конечно, если мое Черро близко, можно бы и заглянуть... на минутку, конечно. Я же сознательный. Если и увливаю от работы, то хоть ненадолго и не слишком побабно. Кто из наших орлов сможет меня туда доставить красиво и

величественно, как маркиза, а не простого графа, а то и обычного барона, каких в моем Черро хоть пруд пруди?

Багровая искорка попрыгала передо мной, то ли так хореографично мыслит, то ли переговаривается танцами, наконец пропишал возбужденно:

— Это Мымрурпонтитуаритчмчалпзрпвтаопгхщ-йчаемжтчиврендж!.. Я уже с ним переговаривал.

— И что?

— Он разрешил назвать тебе его имя!

— Славное имечко, — сказал я, — даже я, политик и демократ, у которого языки без костей, могу его либо сломать, либо так завязать в узел, что развяжет только Александр Македонский... Мымрурпонтитуаритчмчалпзрпвтаопгхщйчаемжтчиврендж!

В пяти шагах словно из другого пространства проступила громадная стальная туша, блещущая алмазными шипами на панцире, голова побольше, чем кузница на пятерых, материализовалась, налилась осязаемостью, выросла до размеров двухэтажного дома, если можно вообразить себе здание в виде стального слитка, ощутимо возросла гравитация.

— Мымрурпонтитуаритчмчалпзрпвтаопгхщйчаемж-тчиврендж, — сказал я, — хоть мы и не мериканцы, было такое племя где-то, но давай сократим твое прекрасное имя до еще более прекраснейше благородного и звучного — Мымр!.. Твоя задача, Мымр, доставить меня в маркизат Черро... ну, я пальцем покажу, как истинный демократ. Ты как передвигаешься?.. В смысле, ползком, скачками, прыжками, зигзугами или фуксом?..

Демон молчал, я уже думал, что и этот не умеет говорить, повернулся к Серфику, но демон тяжело громыкнул:

— По воздуху.

— Ого, — сказал я невольно, — это вааще... Никогда бы не подумал. Послушай, дорогой и любезный Мыр, мне нужно вот сюда.

Я потыкал пальцем в карту, распечатанную для меня Эркхартой.

— Это... — громыхнул он, — что за линия...

— Вода, — объяснил я. — Океан. Но тебе туда не нужно, я же знаю, вы водные преграды не форсируете. Мне вот сюда, как раз на край с этим странным состоянием вещества и материи, именуемым водой.

— Исполню, — рыкнул он.

— Куда мне сесть?.. — спросил я. — Или, как демократу и гуманисту, ехать стоя?

На самом верху спины появилось углубление. Серфик услужливо пропищал:

— Надо залезть...

— Догадываюсь, — сказал я.

Похоже, Мыр собирался мне помочь, однако я довольно быстро вскарабкался, попытался сесть, однако стальная поверхность в нужном месте прогнулась, спереди выдвинулся выступ и перекрыл мне обзор.

Стальная гора вздрогнула, раздался рев урагана. Я сжался за выступом, что охватил меня почти сплошным куполом, оставив крохотные щели, куда врываются холодные и острые, как ножи, струи ледяного воздуха.

Я стиснул зубы, приготовившись терпеть, как вдруг все стихло. Купол превратился в выступ, затем втянулся в спину, а я обалдело огляделся.

Добротный дом, просто дворец в таких землях, мы в полусотне шагов, совсем близко волны набегают на берег. Левее по берегу два корабля застыли на якорях, паруса спущены, от одного неспешно идет, подсакивая на волнах, ошетилившаяся веслами лодка, похожая на барахтающуюся в воде гигантскую сколопендру.

— Ну у тебя и скорость, — проговорил я обалдело. — Или... даже не знаю, что за перемещение такое...

От дома донесся крик. К моему удивлению, сразу не меньше дюжины человек обнажили оружие и окружили здание.

Я неспешно слез на землю и, хотя внутри все завязалось в тугой узел, кто знает, что здесь уже за порядки, как можно шире и дружелюбнее заулыбался и пошел к дому, распахивая объятия.

Оттуда выскочили еще несколько человек, все вооружены, но один присмотрелся и заорал ликующе:

— Так это же наш маркиз Ричард!..

Люди с оружием вразнобой заорали:

— Ура!..

— Слава маркизу!..

— Ричарду — ура!..

— Да здравствует!

Я с облегчением, стараясь его не выказывать, перевел дыхание. Значит, все еще тот порядок и та власть, которые я так мудро, хоть и очень вызывающе установил. И пусть сюда еще не скоро сунутся королевские чиновники, но мы проживем пока и без признания двора Его Величества.

Маркизат, как я помню, чуть ли не единственное место на континенте, которым маги просто брезгают из-за его разоренности и дикого нрава жителей. И когда я приставил красного демона стеречь, беречь и охранять Маргариту, на меня начали смотреть со страхом и одновременно с надеждой, что вот, дескать, и в Черро теперь есть свой могучий маг-воин, так что другие не сунутся...

Навстречу мне пошли, переходя на бег, Рамиро и Гитард, первый чуточку располнел за это время, а Гитард остался таким же бугаем с пудовыми кулачищами.

Оба улыбаются во все пасти, у меня совсем отлегло от сердца, а раньше чего только не напридумывал.

Маркизат, вижу по этим капитанам, ставших графами, цел, гражданской войны явно нет, морды у обоих в самом деле радостные.

Я обнял обоих по очереди, сказал бодро:

— Как здесь все изменилось!.. Это что на берегу настроили?

Гитард довольно прогрохотал:

— Сэр Ричард, это все развитие ваших идей. Вы не представляете, сколько за это время удалось сделать... Сам бы не поверил, если бы мне кто-то рассказал. Если пригласите нас к себе домой, расскажем подробнее...

Я посмотрел на здание, если это все еще мой дом, то да, все здесь даже лучше, чем думал, когда трезво прикидывал варианты, как тут могут развиваться события.

— Приглашаю, — сказал я бодро. — Можете еще позвать кого-нибудь из высшего света.

— Кого, ваша светлость?

Я отмахнулся:

— Да без церемоний. Кто поблизости из графов и баронов.

Рамиро тут же послал двух матросов, велел крикнуть всем капитанам, а я повернулся к неподвижному демону, что изображает скалу из стали, упавшую с неба на землю.

— Спасибо за службу, Мыр!.. Отправляйся в свой мир.

Капитаны и матросы напряглись, побледнев, однако огромный демон просто исчез, словно дымок на ветру.

Когда подошли к дому, оттуда выскочила радостно-ликующая Синтия, с на удивление ухоженными волосами, закрученными в огромный узел на макушке, в нарядном платье, раньше я видел ее только в мужской одежде, большеглазая и загорелая.

— Ой, — вскрикнула она звонким голосом, — я своим глазам не поверила! Как Маргарита будет рада!

— А сейчас она где? — спросил я.

— Поехала на границу с королевством Альвасет, — не сообщила, а доложила она, даже вытянулась, как матрос перед капитаном. — Там самый лучший лес, а обходится нам дешево!

— Здорово, — сказал я озадаченно. — А я помню, это ты взялась заниматься ремонтом кораблей и снабжением их прочими материалами?.. Ладно, пойдем в дом.

Она улыбнулась на удивление кротко и мило.

— Я и сейчас, — сказала она неожиданно мягко, совсем не похоже на ее прежний штурманский голос, не терпящий возражений, — этим занимаюсь.

— А Маргарита?

— Она, — пояснила она с той же улыбкой, — чтобы не сидеть без дела, предложила свою помощь.

— И... как?

— Теперь занимается почти всем, — сказала она и снова улыбнулась. — Добро пожаловать в ваш дом, ваша светлость!

В доме, к своему изумлению, я увидел вышколенных слуг, а роскошная обстановка грандкапитана Бархфельда сменилась на еще более роскошную, но, правда, не такую крикливо безвкусную, какая была у него, чувствуется женская рука. А то и все четыре.

Глава 7

Устроившись за столом, я внимательно всматривался в их лица и слушал хвастливые речи капитанов, шкиперов и простых матросов, что теперь соответственно графы, бароны, виконты и просто люди благородного звания.

Капитан Гитард, уже привыкший к тому, что он граф Гитард де Альбре, уверил меня, что все население, включая и глубинные области, куда пираты никогда не забирались, убедилось в его выгодности для всех, вот и следуют.

Кроме старых городов, доложил он с согласия остальных капитанов, что были в упадке, началось бурное строительство еще пяти, прямо на берегу. В дальние от берега части маркизата довольно быстро докатилась весть, что пираты затеяли осесть на берегу и строят дворцы.

Это я помнил, еще при мне в тот раз начали прибывать первые плотники и столяры, а сейчас, как доложил Гитард, здесь их целые цеха. Кроме того, высятся дома гильдий кожевников, оружейников, бронников, суконщиков...

Да что там кожемяки, подумал я с мрачной гордостью, если уж основали гильдию ювелиров! Это и доверие, и престиж, и свидетельство о достатке.

Капитаны Алан, Перш и Дорсет в тот раз, когда я затеял такую грандиозную перестройку, почти месяц здесь занимались расчисткой мест для закладки новых городов, а сейчас я ахал и разводил руками, слушая и поглядывая в окно на исполинские и добротнейшие дома, которые раньше никак не стали бы строить пираты, что сегодня здесь, завтра там.

Все это растет, как на дрожжах, ибо пираты награбленное щедро вкладывают в дома и прибыльное дело: кто начал разводить овец, кто коней, кто-то занялся лесом, двое из капитанов пробуют добывать железную руду и выплавлять железо, один для пробы засеял большой участок земли пшеницей, но на всякий случай посадил еще и целую рощу винограда...

Правда, не сам посадил, а нанятые из глубинки маркизата люди, которые у себя там выращивают чуд-

ный виноград и делают из него дорогое вино, но лучше так вот тратить награбленное, чем закапывать на необитаемых островах...

Лордов маркизата я принимал до поздней ночи, а в конце, спохватившись, хлопнул себя по лбу и сказал виновато:

— Да, кстати, всем большой привет от Ордоньеса!

На меня вытарашили глаза, а капитан Узинген спросил первым:

— А он... как?... Неужто доплыл?... Мы как-то не слишком и верили...

— Успешно, — сообщил я, — даже весьма. А еще мы на том материке повоевали на островах. Было весело!

Он спросил, запинаясь:

— Он сейчас... как?

— Здоров, как стадо носорогов, — заверил я. — Сейчас принимает эскадру, которую я строю на противоположном берегу океана. Скоро увидите!

Узинген охнул:

— Ну... ему повезло... Раньше только императорский флот решался пересекать океан, да и то у них всегда случались такие потери, что...

— Отказались, — договорил кто-то.

— Не выгодно, — пояснил другой. — Торговать невыгодно.

Я промолчал, что вообще-то находятся умельцы и на крохотных кораблях плавают на эту сторону, но кто знает, что у них за корабли, какой магией пользуются, и как именно отбиваются от чудовищ по дороге, и с помощью чего спасаются от ужасающих штормов.

— Завтра, — сказал я, — проедусь вдоль побережья. Эту инфраструктуру нужно развивать и еще раз это... развивать. В первую очередь! Не для пляжей и туризма, потом расскажу про эту придурь, а вот нам нужны хорошо защищенные бухты, гавани и оборудованные

причалы с близко расположенными складами... Все, идите и будьте с утра трезвыми!

Выпроваживая их, я спустился вниз, на кухне хлопчет Синтия, платье из тончайшей ткани не скрывает ее мускулистого, но гибкого тела, плечи широкие и прямые, что придает ей подчеркнуто гордый и независимый вид.

Услышав шаги, обернулась, на губах появилась улыбка, а глаза засияли так звездно, что я остановился, ошеломленный, и уставился на нее с немалым удивлением.

— Синтия?

— Сэр Ричард, — ответила она мягким голосом, совсем не похожим на тот командный рык, какой я слышал от нее в тот день, когда вручал ей титул баронессы. — У вас ни минуты передышки!..

— Ну, — пробормотал я, — работа...

Она покачала головой, глаза сияют так, словно безумно радуется моему появлению, а улыбка расползается все шире, показывая великолепные ровные белые зубы.

— Я вам постелила, — сообщила она, — ваша светлость! Отоспитесь, отдохнете... Или маги не отдыхают?

— В спальне грандкапитана? — спросил я.

Она засмеялась:

— Грандкапитана нет давно. В вашей спальне вашего дома.

— Спасибо, Синтия, — поблагодарил я. — Кстати, ужин был просто удивительный. Не думал, что ты готовишь так же замечательно, как водишь корабли.

Она заулыбалась еще шире, наклонила голову в сторону, что выглядит даже кокетливо, если забыть, что это та самая Синтия, что в кулачном бою побьет любого пирата.

— Спасибо, ваша светлость, — сказала она ласково. — Ложитесь, завтра у вас трудный день.

Я кивнул и отправился в спальню, голова пухнет, помимо проблем бурно развивающегося маркизата грызет чувство вины, что сейчас здесь, а моя армия начинает движение через королевство Шателлен без меня... хотя нет, ей предстоит еще сперва пройти около сотни миль по Турнедо, уже затем вторгнется в Шателлен, где вообще-то все может обойтись и без моего участия, все-таки маршруты намечены, продовольствие свезут к нужным местам у дорог. Так что пока армия будет двигаться через королевство Шателлен, я вполне успею и здесь набегаться, высунув язык, как два Бобики, а то и как четыре, и в герцогство успею вовремя, а то и обгоню нашу тяжелую на поступь армию.

Сбросил сапоги, надо бы заказать полегче, есть из очень тонкой кожи, здесь не нужны толстые и теплые, вон Синтия как одета...

Повесил перевязь с мечом рядом на спинку стула и, раздевшись, блаженно вытянулся на постели, чувствуя, как сладко стонут набеганные косточки.

Дверь распахнулась без стука и без скрипа. Синтия вошла все в том же платье, но уже без передника.

— Еще не спите, ваша светлость? — спросила она легко.

— Э-э-э, — поблеял я, чувствуя себя донельзя глупо.

Возлег голый в полной уверенности, что никого не увижу до утра, еще и гениталии чешу, когда Синтия вошла, да не просто чешу, а смачно деру когтями, перекосив рожу, как Бобик, когда тот чешет задней лапой у себя под горлом, умильно запрокидывая голову.

Я вроде бы голову не запрокидывал, но чесался с таким наслаждением, что разве что не подвывал, а то и подвывал, не помню уже, а сейчас вот прятаться под одеяло как-то не зело, будто украл что. Достаточно и

того, что чесаться прекратил и воззрился на нее с вопросом в глазах.

— Синтия?

— Ваша светлость? — спросила она легко и с улыбкой.

— Ты эта, — пробормотал я в поисках то ли слов, то ли жеста, — тоже... эта... сюда?

Она засмеялась:

— Маргарита меня разорвет, если не окажу вам все услуги, которые вы как мужчина и сюзерен вправе ожидать.

— Ой, — сказал я, — вы меня переоцениваете... Я вообще-то почти демократ, хотя, конечно, авторитарный.

— Вы человек, — напомнила она, — который изменил этот край и этих людей.

— Да, — согласился я, — однако мне эти феодальные привилегии хоть и жутко ндравятся, как-то не совсем по идеологической составляющей базовых либеральных.

Она спросила с улыбкой:

— Что, совсем?

— Ну, — протянул я, — мало ли, что нам хочется. Мы же люди, а значит, должны делать то, что надо...

Она нагнулась, взялась за край подола, что почти касается пола, и не спеша подняла его, стягивая платье через голову. Пока ее лицо было закрыто, не надо поглядывать украдкой, и я засмотрелся на ее рослую и крепкую фигуру, идеально выточенную, на бугристые мышцы, ровный живот и четко прорисованные ребра. Груды некрупные, но идеально очерчены, словно вырезаны умелым столяром из твердых пород дерева и покрыты блестящим лаком. Точно посередине обеих чаш торчат крупные и ярко-красные соски, тоже вырезанные красиво и умело.

— ...но с другой стороны, — договорил я, — нельзя спорить с местными обычаями, если мы не шовинисты, а законопослушные и гуманные демократы.

Она отбросила платье, тряхнула головой. Волосы, сами освободившись от шпилек, с облегчением хлынули на прямые, красиво разнесенные в стороны плечи и ровную спину.

В поясе она даже вызывающе прогнута вперед, и к ложу подошла легкой походкой, но не вызывающей, какую наблюдал тогда в кабаке, где увидел ее впервые, а со скромной и даже нежной, вот уж никак бы не подумал, улыбкой.

Я подвинулся на другую половину. Она легла рядом, сразу закинув на меня ногу и придавив коленом причинное место, а голову положила на мое предплечье.

— Синтия, — сказал я с неловкостью.

— И не надо спорить, — сказала она непривычно тихо.

— Да я не так уж, — пробормотал я, — чтобы совсем, просто чуточку как бы вот это все так...

— Ах это, — сказала она, — так на чем я вас превала? Давайте помогу?

Маргарита вернулась только через три дня. Все это время я занимался маркизатом, где, к моему величайшему облегчению, предельно жестко следуют курсом, который я начертал.

Синтия все три ночи делила со мной постель, а утром вскакивала раньше меня и торопливо готовила завтрак, пока я зевал и протирал глаза. Вообще-то не ожидал, что она окажется такой мягкой и податливой, все-таки шкипером была первоклассным, а удалым бойцом — еще больше, но сейчас ну просто созданная для тихой семейной жизни жена и хозяйка.

На третий день я возвращался с осмотра бухты, когда возле дома увидел подъехавших всадников, целый отряд, а во главе амазонку с длинными огненно-красными волосами и прямой спиной в мужском костюме для дальних поездок.

Она оглянулась, радостно охнула. Я поспешил навстречу, Маргарита спрыгнула мне в объятия, вlepила жаркий поцелуй, радостно прижалась горячим разогретым скачкой телом и пылающей грудью.

— Когда мне сказали, — вскрикнула она, — что прибыл ты, я просто не поверила!.. И чуть коня не загнала, так спешила!

— Конь-то при чем? — сказал я с укором. — Пойдем в дом, расскажешь...

На мой взгляд, она изменилась, хотя и раньше была своенравной и непокорной, но сейчас в каждом слове и жесте проступает властность и стремление повелевать.

В доме навстречу бросилась Синтия, они обнялись и расцеловались, а я тихонько прошел в другую комнату. Маргарита велела слугам быстро приготовить ванну с горячей водой, сбросила одежду и тут же влезла в ванну, а когда принялась с наслаждением смывать пот и грязь, громко потребовала, чтобы мы с Синтией не уходили, а рассказывали, что тут и как за ее отсутствие.

Я помалкивал, Синтия послушно отвечала, Маргарита иногда останавливала, переспрашивала, и снова Синтия объясняла подробно и безропотно, чему я потихоньку дивился, помня, как однажды Синтия жестоко расправилась с посмевавшимися протянуть к ней лапы. Пятерых мужчин уложила так жестоко, что, по словам Фишера, их потом от стен отскребывали. И вот теперь она тихая и ласковая, а в доме рулит Маргарита...

Выбрав момент, я хлопнул себя по лбу. Женщины умолкли и повернули ко мне головы.

— Рефершельд! — сказал я с досадой.

Синтия промолчала, а Маргарита спросила настоятельно:

— Что с ним?

— О нем я совсем забыл, — ответил я. — Даже последним матросам сразу дал звания, а ему, благородному рыцарю...

— Ты ему дал титул виконта, — напомнила Маргарита строго.

Я отмахнулся:

— Это звук, не больше. За пределами этого разбойничьего маркизата его не признают, и даже здесь он ничем не подкреплён. Ну там землями, угожьями.

Она вскинула брови, видя, как я поднялся с суровым и решительным видом.

— Куда?

— Решу его вопрос, — ответил я коротко и вышел.

Конечно, Рефершельд только повод, чтобы удрать и дать им пообщаться наедине, чтобы перетереть свои женские дела, хотя он в самом деле единственный, который был обделен при дележе пирога.

И еще что-то коробит во властных манерах Маргариты. Она и раньше не была тихой девочкой, но сейчас уже и на меня почти что покрикивает.

Во дворе трое молодых парней сидят на лавочке, прислонившись спинами к стене сарая, а оседланные кони мирно сопят и чешутся у коновязи.

Вскочили при виде своего лорда, я сказал мирно:

— Все в порядке, отдыхайте. Где Рефершельд?

Один отрапортовал быстро, вытянувшись по швам:

— Укрепляет форт Скалистый! Доставить его немедленно?

Я подумал, покачал головой:

— Нет, пусть работает. Лучше съезжу к нему сам. Заодно посмотрю, как там и что. И зачем.

Не спрашивая, где чья лошадь, выбрал ту, что выглядит порезвее, вскочил в седло. Парень моментально оказался на коне рядом, вскрикнул ликующе:

— Я покажу дорогу!

Два других посыльных только проводили более расторопного коллегу завистливыми взглядами, а мы погнали коней вдоль побережья.

— Где этот форт? — спросил я на скаку.

Парень держит коня со мной стремя в стремя, отрапортовал так же четко, разве что не вытягивается, а напротив, еще больше согнулся в быстрой скачке:

— Закрывает вход в бухту Лазурную! Она огромная, там могут укрыться все наши корабли. Если форт устоит, весь флот уцелеет под его защитой.

— Военная косточка, — одобрил я. — Всегда воевал на суше, знает, что, где и как. Как он вообще? Что о нем говорят?

Он прокричал на скаку навстречу ветру:

— Хвалят. Говорят, вообще самый усердный. И рассказывает, что вы его еще там в королевстве звали с собой в этот маркизат, а он устранился.

— Не устранился, — ответил я, — а просто взвесил шансы трезво. Так что запомни, иногда нужно и рисковать, чтобы ухватить большой куш.

Он прокричал с восторгом:

— Мы все здесь такие!

— Тогда Рефершельд здесь белая ворона, — пробормотал я.

Полчаса скачки, впереди на берегу показались высокие просторные строения, понятно — склады, вон там сторожевые вышки, а у самой воды на массивной скале...

Да, это действительно форт! Не чета тем двум башням, что до сих пор закрывают тарасконскую бухту от пиратского флота. Боюсь, что от пиратского защитят, а от императорского... вряд ли, а вот этот форт, возможно, устоит и против императорского.

Когда подъехали ближе, открылась и сама бухта, врезавшаяся широким тихим озером в глубь суши, а вход в нее идеально узкий, так что могут пройти не больше двух кораблей одновременно. Если такой же форт поставить и на том краю, это горлышко можно вообще перегораживать цепью, как делали в Константинополе...

Глава 8

Народу кишит, как в растревоженном муравейнике, множество подвод, на которых везут строительный материал, могучие быки тянут повозки, груженные каменными блоками, пахнет смолой и потом, голоса звучат сильные и бодрые.

Меня узнавали не все, но вскоре по всему порту понесся слух, что прибыл сам маркиз, и я увидел, как в нашу сторону несется блестящий на солнце всадник в непривычной здесь металлической кирасе. Сияют начищенные поножи, а шлем вообще горит, как пламя в ночи, пышные перья на гребне треплет ветер.

Он спрыгнул на скаку, улыбаясь во весь рот, быстро преклонил колено.

— Сэр Ричард!

— Встаньте, сэр Рефершельд, — сказал я, — не пугайте здешних виконтов и баронов зарубежными обычаями. И дайте я вас обниму! Наслышан о вашей бурной деятельности на благо маркизата и укрепления его оборонной мощи.

— Спасибо, сэр Ричард!

Я обнял коротко, отстранил и сказал властно:

— Сэр Рефершельд, преклоните колени!

Он послушно опустился, глядя на меня с ожиданием.

— Мы все еще как бы на войне, — сказал я торжественно и сурово, — хотя эта война за укрепление хозяйства. Потому я без надлежащих церемоний, а как на поле боя.

Он насторожился, когда я вытащил меч из ножен, а я ударил его плашмя по плечу и сказал громко:

— Сэр Рефершельд, милостью и волей князя Ричарда, гранда, эрцфюрста и так далее, вам дарован титул графа!.. Разумеется, с пожалованием вам земель... гм... мой секретарь подберет вам их чуть позже.

Он вскочил, сияющий и с радостно недоверчивыми глазами, вот так сразу из виконтов, минуя барона, прямо в графы, такое возможно только здесь.

— Ваше высочество!

— Изъявления потом, — сказал я властно. — Я на завтрашнее утро собираю капитанов... гм... Всемаркизий Совет Лордов на инструктаж. Вы должны присутствовать непременно. А пока идите отдыхайте и готовьтесь отвечать по всей строгости перед своим лордом и сюзереном.

Он сказал послушно:

— Да, конечно... Только заскочу на минутку, там привезли бревна от нового поставщика, надо проверить...

— Идите, — сказал я милостиво, — но не слишком увязайте.

Его предостерег, но сам на обратном пути то и дело застревал, решая всякие мелкие вопросы, да и просто общаясь с народом, пусть как можно больше людей увидят и подтвердят другим, что маркиз здесь, власть его крепка, а что отлучается часто, так это в королев-

стве выбивает у короля новые льготы для своих подданных...

Вернулся поздно, вошел усталый. Из главной комнаты донеслись голоса Синтии и Маргариты, вроде бы не сердитые, я подумал с надеждой, что все обговорили и уладили, а меня поставят перед фактом, какой там у них выкристаллизовался после переговоров.

Две женщины в одном доме, как-то чревато на мой христианский взгляд человека, который старается соответствовать высоким нормам паладина, хотя хорошо помню, прекрасная маркиза Помпадур и королева были подругами неразлейвода, но я как-то все еще за Родину и Отечество, а женщины для меня, что рифы для корабля, и чем женщина красивее, тем этот риф опаснее.

Они сидят за столом, склонившись над картой, прям пародия какая-то, женщины и над картой, будто это вязание спицами или даже крючком.

На скрип открываемой двери обе обернулись, глаза Синтии засияли, а Маргарита воскликнула жизнерадостно:

— А, наш Ричард! Как хорошо, что успел до полуночи. Нам как раз нужно решить насчет границы с королевством Лантарон.

Я спросил осторожно:

— А что с ней?

— Ничего, — заверила она деловито, — но из графства Клайон, что принадлежит королевству Лантерон, к нам перебирается много народу. Там границей служит мелкая речка, да еще непролазные джунгли. Но это армии в них тонут, а люди налегке пробираются, если сильно захотят...

Я взял стул и сел рядом, чувствуя неловкость от присутствия двух молодых и сочных женщин, одетых так, как и принято на жарких морских курортах: с го-

лыми плечами, низкими вырезами платьев, достаточно укороченными подолами, если сравнивать с такими же на моем северном континенте.

К тому же, что смущает еще, лифчиков пока нет, и очертания вторичных половых весьма четкие, а когда вот так обе женщины наклоняются над картой, то эта сладкая тяжесть оттягивает тонкую ткань платья с такой мощью, что вот-вот прорвет ее острыми кончиками.

А еще в темя долбит мысль, что все это горячее богатство взвешивал в ладонях, мял и тискал, а теперь вот обе сидят рядом и водят пальцами по карте, словно ничего такого и не происходило, и я тоже должен думать только о графстве Клайон королевства Лантерон, и что через реку, бесплатно работающую границей, к нам прет народ на заработки...

— Ну-ну, — сказал я, показывая, что да, слежу за их пальцами, а не за чем-то иным, отвлекающим четкое мужское мышление, логичное и правильное, — значит, сильно хотят... В смысле, хотят работать и зарабатывать.

Маргарита сказала уверенным голосом, словно отдает распоряжения:

— У нас можно заработать! А граф Герберт Блистательный, это сюзерен Клайона, пытается удержат людей и уже вторгается на нашу территорию!

Я вздохнул.

— Только не это, леди... Мы не станем воевать с графством или королевством только за то, что те препятствуют свободному и безвизовому режиму, прозрачности и бесплатному обмену трудовыми ресурсами.

Синтия смолчала, но Маргарита вся вспыхнула и стала похожей по цвету на ее огненные волосы.

— Как это? А наша гордость?

— Гордость есть у всех, — сказал я терпеливо, — но руководствоваться ею могут только рядовые рыцари.

В смысле, благородные люди. А государи — только в личных вопросах. Но когда дело касается государства или вообще больших начинаний... В общем, у нас есть другие дела. Поважнее.

Она фыркнула, в глазах неукротимый огонь, вся фигура выражает несогласие, но пересилила себя, заставила губы раздвинуться в улыбке.

— Ты устал, раздражен... Иди к столу, сейчас поужинаем, пообедеешь.

Я тяжело опустился на лавку, Маргарита должна бы поставить передо мной хотя бы тарелку супа, как делала это Синтия, однако она вместо этого резко хлопнула в ладоши.

Вбежал слуга, поклонился.

Она сказала резко:

— Ужин все еще не готов?

— Все готово! — воскликнул он испуганно.

— Тогда быстро! — велела она.

Синтия села за стол с другой стороны, Маргарита походила взад-вперед размашисто и длинными шагами, хмурилась, хмыкала, но когда столешницу заполнили блюдами, тоже села с нами и сразу же по-хозяйски начала разрезать жареного гуся, хотя, понятно, это должен бы делать мужчина.

Я помалкивал, присматривался, куда больше тревожит то, что будет после ужина, когда лягу спать, здесь ожидаются некоторые сложности.

— Сильно устал за дорогу? — спросила Маргарита и окинула меня хозяйским взглядом, как коня, то ли отправить на конюшню отдохнуть, то ли заставить еще поработать. — Сегодня такой зной, а дождя не было давно.

— Это да, — согласился я, на том материке еще весна, да и летом там не такое пекло, — от жары весь распух.

— Синтия, — велела Маргарита, — помоги Ричарду снять сапоги!

— Сейчас, — послушно сказала Синтия и поднялась из-за стола. — Сэр Ричард...

— Сперва закончим, — ответил я. — Я кофе пью и на ночь. А для вас вот по вазочке с мороженым...

Потом они остались, как я решил, мыть посуду, но вообще-то тут полно слуг на первом этаже, изменения весьма, так сказать, значимые, чувствую тяжелую руку Маргариты, вот уж не подумал бы, а я побрел в спальню и со вздохом облегчения завалился на роскошную широкую постель грандкапитана.

Тело приятно ноет, усталость быстро уходит, словно просачивается сквозь кожу и размывается в воздухе.

Синтия вошла и, прежде чем я успел раскрыть рот для учтивой беседы, а чего же еще, сбросила платье, снова продемонстрировав великолепное сильное тело, где тончайший жирок практически не прячет тугие мышцы, откинула край одеяла и скользнула под него настолько легко и естественно, что я тут же сомкнул челюсти. Возразить вроде бы и ничего, буду выглядеть еще глупее, а это самое-самое, чего мужчины боятся больше смерти.

— Ты тут и живешь? — спросил я. — В этом доме?

Она уже привычно закинула мне согнутую в колене ногу на низ живота, придавив там, а голову опустила на плечо.

— Нет, — ответила она мирно, — но часто бываю здесь.

— Подружились с Маргаритой?

— Да, — сказала она. — Рита так много знает про управление!.. Под ее руководством работа кипит. У меня бы так не получилось заставить с утра до вечера... Я бы одного в рыло, второго мордой в стену... от

меня бы все на второй же день разбежались до единого! А у нее работают.

Она начала меня ощупывать не игриво вовсе, а вполне деловито, дескать, поужинали, а теперь перед сном надо повязаться, чтобы ничего лишнего не снилось и не будоражило зря.

Я сказал стесненно:

— Погоди, там за дверью Маргарита...

— Сейчас придет, — успокоила она. — Раздаст указания, кому что с утра, и придет.

Я содрогнулся, с каждой минутой все алисее и алисее, то ли еще будет, пробормотал устрaшенно:

— Как же мне повезло... мог ли подумать...

И хотя сам далеко не овечка, в свое раскованное время как только не развлекался, но теперь то ли в самом деле государственный, как постоянно себе твердю, потому, дескать, и не завожу фавориток, то ли в самом деле потихоньку паладинею, чего бы никогда о себе не подумал, мы ж над такими всегда ржали, чувствуя свое полное превосходство над чистенькими.

Дверь распахнулась широко, словно ее открыли пинком. Маргарита вошла быстрая, сильная, уверенная, на лице улыбка, а глаза блестят, как у кота, укравшего акулу.

— Завтра придут семьдесят человек! — воскликнула она. — Прямо из Лантерона!..

Я сказал осторожно:

— На заработки?

— Думаю, и останутся, — заверила она. — У нас есть работа!

Она красиво изогнулась, сбрасывая платье, тело молодое, гибкое и красивое, мышц не видно, как у Синтии, даже ребра не выступают, грудь крупная, растопыренная в стороны, в то время как у ее подруги обе штуки стыдливо прижимаются одна к другой.

Треугольник волос в низу живота такой же красный, словно вся из огня, я старался ничего не говорить и даже не двигаться, а то обязательно попаду впросак и что-то испорчу, а Маргарита забралась под одеяло с другой стороны и тоже забросила на меня согнутую в колене ногу, поместив ее чуть ли не на грудь.

— А чем ты занимался, — спросила она весело, — наш повелитель? Я имею в виду, пока отсутствовал?

Я пробормотал:

— Ну... повелевал.

— Что?

Я сказал строже:

— А вы обе что, комиссия по расследованию злоупотреблений тоталитарной властью?

Синтия улыбнулась, Маргарита расхохоталась звонко и весело. Спихнув ногу Синтии, она взяла инициативу в свои руки.

Я промолчал, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, а тут, возможно, такие порядки. Или допустимы и такие. На островах, откуда Маргарита, вообще могут быть весьма иные обычаи. Мне же, как мультикультуристу, просто нехорошо устанавливать какие-то свои узенькие стандарты, несовместимые с гуманными базовыми ценностями либерализма и культуриста.

Глава 9

Утром я проснулся с мыслью, что не успеваем с планами, потому что у окружающего нас мира тоже свои планы, хотя нам это и дико, как же он посмел, когда мы замыслили совсем не так, чего вдруг тормозит или вмешивается. Потому, когда рассчитываешь на несколько шагов вперед, хорошо просчитываешь, как и что сделаешь на каждом следующем, какая-то

сволочь может врезаться в бок на первом же шагу, ну пусть на втором, и все планы летят кувырком...

Конечно, сильный человек, поднявшись, снова продолжит путь, но сколько времени и усилий потеряно, потрачено! Я все рассчитал мудро и дальновидно, но Гиллеберд неожиданно ударил в спину, и пришлось поворачиваться, отбиваться, сколачивать коалиции, воевать, а затем вся эта возня с Турнедо и беспокойная ситуация в Варт Генце...

И также место на границе с герцогством, которое должен обойти... ну не мог я отказаться от случая побывать на скайбагере, а потом испробовать прыжок сюда, потому что давно ломаю голову над поисками усовершенствования, как сказать суконным языком политика, коммуникаций.

Но ничего, если даже чуточку задержусь, войска двигаются медленно, вернусь все равно раньше, чем захватят все герцогство. Зато не смогут вступить со мной в переговоры и попытаться как-то отстоять независимость.

Синтии рядом уже нет, но с кухни мой обостренный слух уловил тихое позвякивание посуды. Маргарита спит рядом, лежа на спине, красиво раскинувшись в нагом бесстыдстве, одеяло давно отбрыкнуто в ноги, и без него жарко, одна рука закинута за голову, другая на мягком и таком вкусном животике, вон следы моих зубов, вчера не удержался, кусанул, очень уж вкусно...

Стараясь не будить, поднялся на цыпочках, торопливо оделся и вышел.

Синтия на кухне жарит яичницу. Обернулась, лицо сразу озарилось сияющей улыбкой.

— Ваша светлость, завтрак еще не готов!

— Готов, — возразил я и поцеловал ее. — Я сыт вот этим... Хотя яичницу тоже сожру, так и быть.

Снова завершил большой чашкой крепкого кофе, ей создал большую порцию мороженого, еще раз обнял и поцеловал, чувствуя ее теплое, нежное и такое податливое тело.

У дома парни с готовностью вскочили с лавки.

— Ваша светлость?

— Капитанов, — сказал я, — штурманов... тьфу, графов, баронов и вообще всю знать — ко мне на брифинг. Срочно!

— Есть! — крикнул один, и все трое бросились к коням.

На брифинг народу набилось столько, что не поспевшие прийти заранее остались в коридоре, а то и во дворе, куда им передавали мои мудрые решения. Для того чтобы повысить самооценку своего возлюбленного народа, не очень грамотного, зато инициативного, я сообщил небрежно, что за это время успел побывать и герцогом, и всеми видами фюрстов, так что в следующий раз прибуду сюда по меньшей мере принцем, а то и королем.

А пока что всем доволен, трудитесь в заданном направлении, а я отправлюсь готовить почву для выхода маркизата на международную арену. Нам предстоит великое будущее, впереди крупные, великие и даже величайшие, не побоюсь этого громкого слова, свершения!.. Ура, ура, ура!

Они кричали «ура», «виват», «на макавку», «слава», «слава героям» и «героям слава», а также еще что-то очень выразительное, видимо, на морских диалектах или диалектах жителей малых островов, мало затронутых тлетворным влиянием цивилизации и культуры.

После брифинга, если это был брифинг, до сих пор не знаю, что это, но слово красивое и значительное, я велел графу Гитарду проводить себя, он сказал учтиво, что польщен такой высокой честью.

Я посмотрел с подозрением.

— Граф, где вы набрались таких выражений?

Он ответил смущенно:

— Рефершельд всех нас иногда натаскивает. А что, я не так сказал? Да я его прибью...

— Все так, — заверил я, — просто необычно от вас такое помахивание шляпенцией с перьями. А Рефершельду от меня отдельная благодарность. Он прав, рано или поздно всем вам будет открыта дорога в королевство! А дальше Люнебург!..

— Прямо в столицу?

— И дальше, — сказал я важно. — В другие столицы! Мы сделаем этот мир открытым и прозрачным. Вообще, граф, мне нравится, как вы рулите преобразованиями в экономике. Дипломированные экономисты уже наломали бы дров, а вы все делаете просто, как два пальца о дерево!..

Он воскликнул польщенно:

— Ваше высочество!.. Вы ведь теперь ваше высочество?

Я отмахнулся:

— Это на приемах, а здесь мы не там. Еще мне нравится, что вы с капитанами сумели сохранить именно демократическое управление маркизатом. Налаженная система противовесов — это залог успешного процветания нашего края. А он процветает, это наглядно и как бы даже зримо.

Он воскликнул с восторгом:

— Сэр Ричард!.. Вы даже не представляете, у нас тут народу стало вдесятеро больше!.. Ну, не совсем в маркизате, но мы же не знали, сколько их в глухих деревнях там в глубине? А вот на побережье теперь ноги оттаптывают!..

— Но все работают, — заметил я. — Стопроцентная занятость — это хорошо для начала. Потом, конечно, можно и повысить, но уже хорошо, хорошо...

— Из Лантарона тоже к нам пробираются самые шустрые, — сказал он. — Протаптывают дорожки для более осторожных. Потом и те к нам повалят. Пока что да, из самых глухих деревень маркизата, все-таки из Лантарона приходится через болота и топи!..

— Прекрасно, — одобрил я. — Ах да, еще один вопрос... На этот раз никакой политики или экономики...

— Ваше высочество?

— Личный вопрос, — пояснил я. — Насчет штурмана Синтии уже понял, в ней настоящая баронесса чувствуется и ощущается, как и положено, это я весьма отметил, но... какое положение занимает Маргарита?

Он запнулся, поднял на меня посерьезневший взгляд, голос прозвучал несколько натянуто:

— Ваша жена... она весьма...

— Она не жена, — уточнил я мягко, но твердо.

Он проговорил несколько свободнее:

— Ваша женщина оказалась весьма энергичной хозяйкой. Сейчас в ее ведении ремонт всех кораблей, поставка грузов, а также гостиницы для прибывающего народа и строительство для них же домов... Еще дубильни и красильни...

Я спросил с удивлением:

— Но это же я передал лучшему в Черро штурману!..

Он кивнул:

— Верно, вы передали это Синтии. Но хозяйничает Маргарита. Не знаю, может быть, уже и все права Синтия передала ей.

Что-то в его голосе насторожило, я переспросил:

— Передала, или же это Маргарита у нее отобрала?

Он ответил уклончиво:

— Никто не знает, но распоряжается Маргарита.

Я прикусил губу. Когда мы с нею вселились в дом грандкапитана, она в восторге занималась только развешиванием штор и занавесок по-своему, женщины

обожают их менять, а также двигать мебель, а когда подружилась с Синтией, это я еще застал, они вдвоем даже пару раз приготовили мне обед, но я достаточно быстро вернулся на северный континент, а здесь как будто время ускорилося... хотя вообще-то, если вспомнить, сколько всего не сделано и сколько еще предстоит мне сделать, то в самом деле можно удивиться: ух, ты, как время-то летит!

— Знаешь, — сказал я доверительно, — я оставил того красного демона охранять Маргариту здесь, в доме. Чтобы никто из мужчин по пьяни или еще как... ну, ты понимаешь...

Он сказал с достоинством:

— Сэр Ричард! Я обеспечил полную охрану не только всего дома, но и там, внутри. Никто из мужчин не посмеет подняться на второй этаж, где ваша спальня.

Я кивнул:

— Вот и отлично. Просто я хочу, чтобы между нами было полное понимание. На время моего отсутствия заправляет совет капитанов, он же совет Высших Лордов маркизата. Маргарита — частное лицо. Она может чего-то добиваться за счет своего ума, энергии и настойчивости, но никак не потому, что она... близка ко мне. Ну, ты понял.

Лицо его прояснилось, он воскликнул горячо:

— Ваше высочество! Я всегда верил, что именно это вы и хотели. Просто так уж получилось, что часть вашей власти как бы перешла на леди Маргариту.

Я покачал головой:

— Это только как бы, но не по-настоящему. Я сегодня-завтра снова отбуду на ту сторону океана, где Ордоньес с ног сбился, обучаясь управлять эскадрой из двадцати кораблей, а что будет, когда их станет сорок? А вы здесь действуйте в прежнем духе. И никто-никто не должен на вас влиять!

Он выпрямился.

— Ваше высочество!.. Клянусь от себя и остальных капитанов! А также от имени всех благородных людей маркизата. Да можно и от неблагородных, они заочно вас обожают, это же благодаря вам они зарабатывают за месяц больше, чем у себя за год.

— Хорошо, граф, — одобрил я, — действуйте!

Оставшись наедине, я выбрал местечко понезаметнее, хотя в моем маркизате это непросто, по крайней мере, на побережье, сказал тихонько:

— Серфик, ты меня слышишь?

Почти сразу же над ухом пискнуло:

— Хозяин?

— Серфик, — сказал я озабоченно, — я вроде бы предусмотрительный... во всяком случае так думаю и даже других уверяю, но на самом деле... в общем, я сюда забрался на Мымре, но тут дал ему полную свободу.

Он сказал с готовностью:

— Да, мой господин!.. Это было очень благородно! За такую мелкую услугу...

— Еще не понял? — спросил я. — Ну да, это же только я умный, хоть и потом... В общем, есть еще демоны, что могли бы отнести туда взад?.. В ту же трубу?..

Он ответил озадаченно:

— Наверное...

— Тогда договорись?

Он пискнул:

— Но они не хотят... Только тот Мымр согласился рискнуть свободой.

— Тогда я снова сглупил, — сказал я озадаченно. — Все думаю над тем, как вообще ускорить перемещение, чтоб в любое место и без всяких подручных средств в виде демонов, подземных вихрей и прочих

зеркал, а тут придется ножками, словно какой-то, даже и слова такого не подберу.

Он подумал, затем нерешительно пискнул:

— Повелитель, а почему вы сами... не летаете?

Я вздрогнул.

— Ты чего? Люди не летают.

— Но вы можете, — пропищал он. — Я же чувствую в вас нечто от нас. Только еще страшнее!..

— Ого, — выдавил я дрогнувшим голосом. — Даже страшнее?

— Намного, мой повелитель!

Я вздрогнул, зябко повел плечами.

— Не знаю, не знаю. Может быть, потому и не летаю, что пришлось бы выпустить это страшное. Я и так не подарок, люди вообще-то жуткие свиньи... Нас желудями надо, а не пирожными! Вот и борюсь с собой, а если перестану... во что превращусь? Даже представить страшно.

— Мой повелитель! Разве можно бояться самого себя?

Я удивился:

— А кого же еще?

— Но...

— Человек, — сказал я убежденно, — самое страшное Зло и демонее всех демонов!.. Говорят же, силен тот, кто победил себя. Я вот силен, если могу протерпеть лишний час до обеда.

Он пискнул в восторге:

— Значит, люди страшнее демонов?

— Намного, — ответил я серьезно. — Это вы — цельные натуры, а в людях, увы, чаще такого намешано... Кто знает, что умел делать Змей, поимевший Еву?... И чье семя теперь в каждом из нас?

Он пропищал:

— Тогда пешком. Как все.

Я постарался вспомнить тот путь, который проделал тогда на багере. От королевства Гессен на багере немалый путь, миновали несколько королевств, из них Рефершельд назвал только Вандом и Клаутенгейм. Причем Вандом, по его словам, миль пятьсот в длину и триста пятьдесят в самом узком месте, я тогда еще сказал, что это целая империя... И что, все это мне пройти где пешком, где на лошади? А еще королевство Висконтия по пути, тихое и спокойное, сверху выглядит вообще праздничным, но все равно даже на быстром коне... гм...

— А если не летающего, — сказал я с досадой, — а быстро скачущего?.. Неужели из той массы демонов, что взялись служить... сотрудничать, нет передвигающихся быстро?

— Есть, — заверил Серфик, — и много!

— Так почему же...

Он пискнул:

— Там есть даже мельче меня!

— Понятно, — пробурчал я. — А тогда раздувались, чтоб выглядеть крупными и могучими? Эх... Или в самом деле рискнуть?.. С другой стороны, я рискую не только собой, но и всеми проектами... Но с третьей стороны, проблема коммуникаций становится настолько узким местом, что надо ставить ее во главе угла... Хозяйство разрастается, связи никакой, везде сам, да и то не успеваю... Надо будет всех алхимиков озадачить, магам подкинуть этот орешек. А сейчас вот рискнуть? Или не рисковать?.. А вдруг?.. А что, если...

Серфик то исчезал, то появлялся, наконец пропал надолго, то ли я так пугаю, то ли этот игрушечный демоник носится в свой мир что-то выпрашивать, всякий раз корректируя запросы с каждым поворотом моего *to be, or not to be*.

Я смотрел, как он то порхает, как багровый светлячок, то начинает с такой скоростью нарезать круги, что получается сплошной пурпурный обруч, а если еще и меняет высоту, то обруч вытягивается в цилиндр, похожий на широкую трубу из раскаленного металла.

— Хорошо, — сказал я, не дождавшись результата, — а как насчет вон тех штук, что летают высоко-высоко?.. Да-да, не летают, не смотри так, я знаю, что крыльями не машут... и вообще бескрылые, но раз висят там высоко и не падают, значит — летают, вот такая у людей прямая честная и непонятная логика!

Он помолчал обалдело, я подумал хвастливо, что даже демонам непросто следить за моей уникальной причудливой мыслью, богатой в оттенках и оборотах.

— Мы не знаем, — пискнул он, — что там. Никто из демонов туда не поднимался.

— Просто не поднимался, — спросил я настойчиво, — или не мог?..

Он пропищал озадаченно:

— Не знаю...

— Это тоже ответ, — подбодрил я. — Ничего, до всего доберемся.

Он что-то пропищал, я не услышал и велел повторить чуть ниже на октаву-две, а то совсем уж забрался даже за ультразвук. Демоны вообще говорят как на очень высоких частотах, так и на сверхнизких, люди их не слышат, но у меня слух расширен, а еще и зрительный диапазон, хоть и самую чуть-чуть, то есть за красным цветом вижу инфракрасный, а за фиолетовым — ультрафиолет, что создает и некоторые неудобства, потому что для других в любом случае сплошная чернота, и я иногда попадаю впросак или выгляжу несколько... странным.

С другой стороны, бывают и некоторые преимущества, которые я по своей неорганизованности все еще не успеваю использовать.

— Хорошо, — сказал я, — лети, существо. А я буду думать.

Глава 10

Гитард постоянно ищет случая, чтобы пообщаться со мной, поймать крохи знания, что щедро падают с моего интеллектуального стола, чувствует, скоро снова исчезну.

Когда я в раздумье, чего бы покушать, чтобы все проблемы решить с помощью обеда, возвращался к дому, он догнал, спросил, запыхавшись, тревожно-приподнятым тоном:

— Ваше высочество, а вы всерьез считаете, что нам когда-то позволят бывать за пределами маркизата?

— Ну, — ответил я в удивлении, — конечно!

— И не потащат на виселицу? — допытывался он.

— С какой это радости?

— Мы же пираты, — напомнил он. — Заочно приговорены все, а некоторые и лично. Я вот даже дважды!

— Гордитесь? — спросил я понимающе. — Ничего, пирата Моргана восемь раз приговаривали к повешению. А знаете, чем кончилась его карьера?

Он мотнул головой:

— Нет...

— Сама королева, — сказал я значительно, — величайшего на то время королевства, или одного из величайших, дала ему титул графа!

Он охнул:

— Господи!

— И поручила, — сказал я, — губернаторство на крупнейшем острове Ямайка. А еще назначила главным-командующим ее военно-морскими силами! Когда он умер от старости в собственной постели, то был похоронен со всеми почестями. Сама королева стояла у его гроба. Так что у нас есть прецеденты!

Он воскликнул:

— Неужели такое могло быть? Ваше высочество!

Я взглянул на солнце.

— Та-а-ак, время еще есть... Я сейчас хочу заехать к одному приятелю, даже другу, и если есть желание сопровождать меня, то расскажу еще много забавного.

— Ваше высочество! Это для меня небывалая честь...

Через десять минут мы уже мчались вдоль побережья. Гитард взял с собой двоих на быстрых конях, в случае чего можно послать с сообщениями, они скачут на расстоянии сзади, а мы с Гитардом впереди, и я с удовольствием, рисуясь познаниями, рассказывал о политике королевства Гессен, королевском дворе и его причудливых для нормального человека обычаях.

В Сен-Мари всегда или почти всегда чистое голубое небо, а здесь, на Юге, оно вообще ярко-синее, ликующее, и море выглядит чище и голубее, чем на побережье Сен-Мари, где у воды слегка зеленоватый, как мне чудится, оттенок.

Стук копыт время от времени сменялся плеском, когда мы, срезая дорогу, проносились по мелководью. Наконец вдали выросла та самая страшная черная башня, при виде которой снова тревожно застучало сердце.

Гитард сказал тревожно:

— Ох, ваше высочество...

— Все путем, — ответил я бодро, — здесь живет мой старый друг.

— Друг?.. Там же маг?

— Маг тоже может быть другом, — ответил я. — Наверное.

— Ваше высочество!..

— А почему нет? — возразил я. — Неужели только собака может быть другом?

Он ответил неуверенным голосом:

— То собака, с нею всегда надежно. А маг... ну, не знаю.

— Ну, — уточнил я, — смотря какой маг. Я вот тоже маг, но какой-то липовый. Это Великие не дружат, а Верховные так и вовсе воюют.

Башня придвинулась, мы все замедляли бешеную скачку, пока не перешли на шаг. Кони начали вспрягивать ушами и пугливо храпеть, дико вращать глазами, животные лучше нас чувствуют опасность.

Башня выглядит все так же нелепо и страшно, словно прилипшие на укрытый ими столб массивные плиты, размером с двухэтажный дом, что поднимаются и поднимаются в небеса. Длинный ряд копий ограды, вычурные ворота, постоянное ощущение близкой опасности...

Я соскочил на землю, один из всадников ловко подхватил повод, а я бодрым шагом направился к воротам, где, к ужасу Гитарда и его людей, otvorил их могучим пинком.

— Ждите, — сказал я, не оборачиваясь, — если так уж хочется. Хотя, думаю, я ненадолго.

Темный вход принял меня, как и в прошлый раз, с неприязнью, под подошвами надсадно закрипела крупная ржавчина, накатил лютый холод.

Я задержал дыхание и шагнул через космическую тьму. Каждый следующий шаг начал даваться чересчур легко, я почти подпрыгивал, теряя вес, но затем снова все пришло в норму, впереди возник и начал прибли-

жаться яркий свет, а за ним раскинулся бушующий ад из кипящего огня.

— Гугол! — прокричал я. — Это я, Ричард!.. Вылезай, а то на меня тут снова нападут...

Впереди просторное помещение заполнено ревающим огнем, что рвется из пола, стен и даже потолка, а в центре судорожно дергается, словно в бешеной пляске, белый плазменный шар.

Я задержал дыхание и, напрягшись, двинулся прямо, стараясь не касаться стен, хотя воздух и накален, однако огонь, к счастью, не обжигает.

Еще один зал, тут текут реки жидкого огня, похожие на расплавленный металл. Я напомнил себе, что уже здесь был, и, замирая от ужаса, заставил двинуться вперед. Снова жар, но кое-как прошел в зал, где стен не видать из-за множества скульптур и выступающих полуколонн.

— Что за хрень, — сказал я громко. — В такой башне не могут быть залы!.. Да еще просторные... Гугол, ты где?

Капель воды размером со слона, что удивили в прошлый раз до икотки, за это время из пяти стало семь. В прошлый раз были прозрачными, сейчас словно покрылись металлической пленкой. Я потрогал, как и тогда, теперь в них чувствуется некое пугающее шевеление.

Накатил страх, я ускорил шаг по направлению к лестнице, а затем поднимался так же долго и надсадно, потому что иногда гравитация словно бы возрастает так, что я почти полз, а иногда буквально исчезает, и я прыгаю сразу на пару пролетов.

Лестница периодически выводит в залы, что размерами с поле для битвы сотысячных войск, я отворачивался и торопливо поднимался выше и выше. В прошлый раз выбрал не ту, и она после долгого восхожде-

ния привела на первый этаж, что-то эдакое мебиусное или даже клейное, на этот раз уже помню дорогу, но все равно «чому я нэ сокіл, чому нэ літаю, чому ж мэні, Боже, ты крыла нэ дав, я б Зэмлю покинув і в небо злітав».

Время от времени заползает антропологическая или антропоцентрическая мыслишка, что подлые маги насоздавали такое, чтобы пугать народ, но теперь уже помню, что это некие нужные для работы навороты, но не мне с моим куцым умишком догадываться, что и для чего...

— Гугол! — заорал я. — Ты хоть живой?

Прошел ужасающие по неземной красоте и мощи залы с бугристым полом. Две толстые колонны, поддерживающие свод, почему-то скользят по полу, словно по льду.

Я пробежал мимо, стараясь не приближаться, прошел через мост, что не шире ножен моего меча, внизу ужасающая бездна с реками из раскаленной добела земли.

Я заорал снова, дальше, как я помню, пойдут стражи этих мест, а драться будет непросто, в тот раз при мне были молот и болтер, а сейчас я только человеколюбец...

Наверху раздался мелкий топот, некто в черном торопливо сбегает мне навстречу. Я обнажил меч и ждал, и хотя там темно, но рассмотрел, что это человек, низкорослый и щедедушный, плечи узенькие, сам сутулый и сгорбленный...

Я молча ругнулся, сунул меч и ножны и шагнул навстречу. Гугол набежал быстрыми суетливыми шажками, я обнял его, сдвинул плечишки.

— Почему не отзывался?

Он вскинул голову, лицо сияет, губы задвигались, но с них слетел едва слышный шепот:

— Охрип...

Я спросил встревоженно:

— Простыл, что ли? Здесь везде сквозняки, наверное...

Он помотал головой, я прислушался, едва различил:

— Нет... это я... неудачно...

Я опустил ладонь на его лоб, подержал, изумился:

— Да у тебя жар!.. Ты в самом деле приболел!

— Нет, — ответил он почти нормальным голосом, хотя и очень хриплым, — не... ого, сэр Ричард! Как вам удалось вернуть мне голос?..

— Да он сам вернулся, — ответил я. — От радости.

Он смотрел на меня счастливыми глазами.

— Не-е-ет, я же чувствую! Вы это умеете, вы же па-ладин... Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Я сказал решительно:

— Знаешь, лучше двинем отсюда! Что-то мне это место очень не нравится.

Он встрепенулся:

— Что, пришло время?

Я спросил настороженно:

— Какое?

— В прошлый раз, — напомнил он с надеждой в голосе, — вы сказали, что в следующий приезд решите все проблемы и заберете меня отсюда.

Я виновато развел руками:

— Увы, я понял старую мудрость, что когда собираемся что-то сделать за четыре недели, нужно положить на это дело два месяца. Если за год, то два... или полтора, если очень повезет. Мне, как говорят, очень везет, но, скажу честно, еще никогда не сделал ничего вовремя. Все с надрывом, с опозданиями, нарушая все сроки...

— Но все-таки делаете, — сказал он.

— Делаю, — согласился я. — И ты делаешь. В общем, следующий раз точно будет иным! А сейчас я, как швец, жнец и на дуде игрец, выполняю работу заурядного рядового разведчика. Ты мне давай расскажи еще раз и поподробнее все, что знаешь о Южном материке.

Он посмотрел по сторонам.

— Здесь? Может, пойдемте в мою норку? А то мне тут не по себе...

— Это же твой дом, — сказал я с досадой. — Ладно, пойдем...

Глава II

Я провел у него пару заполненных делом часов, даже некогда было повспоминать старые деньки, ладно, это при следующей встрече.

В конце концов вышел от него переполненный, как старый короб, новыми знаниями насчет маркизата, соседних королевств и вообще всего, что Гугол успел узнать или понять об этом материке. Жаль только, не смог узнать самое главное: какой мощью обладает император Герман. Только и понял, что его империя выходит к океану примерно в двух тысячах миль отсюда, так что маркизат, к счастью, от него далековато.

Но еще я понял одну важную вещь, о которой не догадывается даже сам Гугол. Великие маги южного континента не суются в Черро не только потому, что беден и разорен. Вообще-то для мага, обладающего огромной мощью, богатство или бедность обитающих внизу мелких людишек вряд ли что-то значит.

А вот странная и пугающая башня из незнакомого металла, выросшая внезапно прямо из земли, огромная и явно наполненная непонятной мощью, устра-

шит любого, кто попытался издала понять, что это за изделие и кто им командует. Маги, люди очень даже немолодые, а значит, осторожные, рисковать не станут даже из-за очень соблазнительной добычи...

Гитард, завидев меня спокойно выходящим из зловещей башни, вздохнул с великим облегчением, а оба воина бросились седлать коней.

— Ваше высочество, — сказал Гитард с легким упреком, — так рисковать... неблагоприятно!

— А есть что в нашей жизни благоприятное? — спросил я.

Он возразил с веселым достоинством:

— Оставить профессию пиратов, сойти на берег и развивать овцеводство!..

— Или возделывать пашни, — согласился я.

— Вот-вот! Разве это не ваши слова?

— Пристыдили, — признался я. — Вы правы, граф, нужно избегать неприятностей и даже риска... если он чрезмерен.

Кони понесли нас к берегу, а потом по мелководью, я озабоченно поинтересовался:

— Граф, мне кажется, бухта Золотого ПEARла мелковата. Единственная достаточно глубокая, чтобы принимать крупнотоннажные корабли, у города Сорси...

Он охнул:

— Мелковата? Да мы к берегу подходим прямо на кораблях, даже лодки можно не спускать!..

Я покачал головой:

— Нет-нет, промерьте бухту еще раз. Она должна принимать корабли и вчетверо крупнее, с низкой посадкой.

Он спросил в удивлении:

— Зачем?

— Адмирал Ордоньес, — сообщил я, — прибудет с эскадрой. Возможно, очень скоро.

— Что? — переспросил он неверяще. — Так это вы говорили не для того, чтобы поддержать наш дух? Ордоньес в самом деле добрался до материка, а теперь следит за постройкой большого флота?

Я сказал с укором:

— Своему лорду верить надо. Я обманываю противников, но не своих. Ордоньес не только доплыл, но и успел повоевать на островах, отразить набеги местных пиратов... А еще, как адмирал королевского флота Сен-Мари, показал себя великим полководцем... э-э... флотоводцем. Сейчас принимает новые корабли, сходящие со стапелей, набирает команды и обучает работать с крупнотоннажным флотом. Заодно учится и сам.

Он переспросил опасливо:

— Вы это второй раз употребили это странное слово...

— Крупнотоннажным?

— Да.

Я покачал головой.

— Капитан, неужели вы думаете, что мир остановился? Те корабли, на которые он сейчас набирает людей, втрое-впятеро крупнее его крохотулечек. Пока у него их двенадцать, но скоро будет двадцать... А потом еще и еще.

Гитард сердито ударил себя кулаком в бок.

— Ну почему я взялся за овцеводство, а не поплыл через океан?

— Граф, — сказал я с легким упреком, — вы же богатейший, как предполагаю, человек во всем маркизате! Разве этого мало? Это повод для гордости, даже чванства. Можете учиться оттопыривать нижнюю губу и небрежно сплевывать собеседнику под ноги.

Он сказал с укором:

— Ваше высочество, я еще не старик!.. Я тоже хочу повоевать! Что вы все себе и себе гребете?

Я ответил со вздохом:

— Война придет даже раньше, чем думаете.

Он задумался, и так в молчании мчались обратно, пока не показался мой дом.

Кроме слуг там одна Синтия. Маргарита, по ее словам, отбыла проследить за поставками парусины. В прошлый раз, как она заявила, привезли недостаточно качественную, да еще и ценами недовольна, поставщики уверены, что пираты цену деньгам не знают.

Не знали, да пришлось научиться, потому что запасы тают, а отдачу начали приносить только-только. Да и то не у всех... Вон капитан Керк размахнулся на доставку больших партий рыбы в глубь маркизата, да не просчитал заранее маршруты, обозы с рыбой застряли по дороге в трясине, и несколько вообще утонуло вместе с грузом. Это человек пройдет везде, а для телег нужно готовить дороги...

Слуги сбивались с ног, стараясь услужить грозному лорду, обо мне тут наверняка такие слухи, что самому хочется переслушать их все и порадоваться, какой я, оказывается.

— Мой лорд, — спросила Синтия тем тихим и нежным голосом, который я все еще не могу ассоциировать с нею, — пообедаете дома или снова в седле?

— Я всегда обедаю дома, — возразил я, — ибо для мужчины седло... разве не родной дом?.. Но если ты будешь сидеть на другой стороне стола...

Он воскликнула счастливо:

— Ну конечно же! Это честь... Могу даже на стуле.

Я поморщился:

— Синтия, не будь похожа на Гитарда!.. Это для мужчины честь... держать тебя вот за эти, или за эту, можно и вот здесь... Ты просто прелесть, знаешь?

Она счастливо засмеялась в моих объятиях.

— Нет, не знаю. Я привыкла слышать совсем другие слова. Какие планы?

— На сегодня?

— На сегодня... и вообще?

Я пожал плечами, выпустил ее и сел за стол.

— Есть слабый соблазн заглянуть в королевство Гессен, раз уж оказался где-то поблизости. Но... не знаю, вряд ли это хорошая идея.

— Почему? Король вас не любит?

Я снова пожал плечами:

— Не знаю. Вообще-то он и дал мне этот маркизат... но не даром, конечно. В обмен на богатый и роскошный город в самом королевстве, что принадлежал мне. С другой стороны, особой нужды туда показываться нет... а рассекретиться могу, что пока рановато.

— Почему?

Я ответил беспечно:

— Не у всех еще карманы обчистил. Ух, как хорошо пахнет! Ты и правда готовишь умеешь! Ты же баронесса, зачем это тебе?

— Нравится, — сообщила она.

Она поставила передо мной тарелку свежесваренного супа с бараниной. Я жадно зачерпывал большой ложкой и все напоминал себе, что моя миссия здесь не затем, чтобы делать что-то особое или решать проблемы, их, к счастью, почти нет, это простая проверка возможностей скайбагера. Да, проверил, у него работает телепортатор. Да, удалось передвинуться и зависнуть над южным материком и даже попасть на поверхность, а затем перескочить сюда. Но все, достаточно. Кто пытается ухватить все и сразу, либо сам подавится, либо нос прищемят так, что оторвут вместе с головой.

Синтия наблюдала за моим лицом, где отражается все, как я понимаю, что надумываю. Это в Сен-Мари держусь, как фараон на троне, а здесь могу и расслабиться, ничего страшного.

— Скоро отбудете? — спросила она тихо и печально.

— Надо, — ответил я со вздохом. — Господь оставил нам райский сад и велел стеречь, но мы его уничтожили по дурости и неразумности, а теперь, после потопа и великих войн, должны возродить все заново.

Она распахнула глаза.

— Но... а где он был?

— Не знаю, — ответил я честно. — И никто теперь не знает. Потому мы должны всю землю сделать садом. Прекрасным и цветущим. Красиво я говорю?

Она ответила озадаченно:

— Да...

— И, — сказал я тяжело, — представь себе, не вру. Хотя за красивыми словами почти всегда ложь, но на этот раз — нет.

Она прошептала:

— Потому вы такой грустный, мой лорд?

Закончив с обедом, я сделал горячий крепкий кофе и с наслаждением отхлебывал мелкими глотками. Пора, в самом деле пора возвращаться. Пусть даже за эти несколько дней армия не пересекла еще Турнедо и не вступила в Шателлен. Все-таки главное там, а это у меня, как у Бобика, что по дороге ухитрится заскакивать в кусты, пугать птиц, гонять зверюшек, а иногда и ловить.

Хотя, конечно, в данном случае я вроде лазутчика, что высматривает и даже готовит плацдарм для высадки большого десанта. И хотя здесь уровень цивилизации выше, но я помню, как северные народы в шкурах пришли в развитый и цивилизованный центр вселенной, Римскую империю, и сокрушили ее, уничтожили, заложив на ее руинах основы совершенно иного мира и устройства.

Вообще-то я рискнул бы перелететь обратно через океан и на своих крыльях, заодно посмотрел бы с воздуха насчет островов или чего опасного на пути моей победоносной эскадры, однако при этой мысли чувствую всякий раз холодок страха.

Не из-за расстояния, перелетные птицы летят еще дальше, даже стаи бабочек, кто бы подумал, улетают в теплые края, но не случайно и демоны не могут проникнуть на север, как и северные создания не могут попасть на Юг. Нечто не просто опасное, а непреодолимое стоит на их пути, разделив эти два материка, как два мира.

С другой стороны, человек — такая хитрая и настырная тварь, что будет биться хоть всю жизнь головой о стену, но обязательно проломит. Каким-то образом же Бабетта оказывается на северной стороне? И пусть это требует огромного расхода энергии, что копится неделю, а разряжается за секунду, но все-таки!

Я знаю еще один путь, что на верхнем этаже стандартной такой башни, хоть и очень-очень древней, там небольшая комната, дверь в которую охранял герцог Луганер.

Плечи мои зябко передернулись, когда вспомнил, как впервые попал на Юг и что там довелось вынести. Сейчас же я нащупал вторую тропку, давно забытую и заброшенную ввиду гибели последних, кто знал пароль, хотя и намного более перспективную. Так что, в принципе, могут быть и еще какие-то помимо той, что использует Бабетта.

Вообще-то прыжки на скайбагер, а оттуда в телепорталы на земле, пусть даже там отыщутся и другие, не совсем то, что жаждется в идеале. Да, можно сказать, зажрался, раньше был бы счастлив, но аппетиты людские, назовем их благородно запросами, растут быстрее наших возможностей.

Наверное, существует заклинание, амулет, талисман или какая-то штука, что позволяет перемещаться в любое место, куда захочу?.. Должна быть, это идеальный вариант, о нем мечтают все люди, и стремятся такое создать все маги, чародеи и даже алхимики.

Хотя, конечно, реальнее отыскать уже готовое в развалинах древних городов. У меня шансы есть, я же без страха суюсь везде, но все равно шанс отыскать нужное ничтожен... реален, но ничтожен, так что пока придется по старинке.

Ну да, из телепорта на скайбагер, а оттуда в нужный мне телепорт внизу — это уже по старинке, ага. Обнаглел, обнаглел...

Вообще-то не наглость, а злое нетерпение. Вокруг столько много всего, но если попытаться хватать это все, придется остановиться, а я хочу идти, бежать, лететь...

Выйдя во двор, я огляделся и сказал тихо:

— Серфик... явись, красивая мушка.

Он возник, как мне всегда казалось, раньше, чем я договорил его имя, не такое уж и длинное. Я предпочел бы думать, что мир демонов где-то очень далеко, даже в соседней галактике, а лучше в иной вселенной, но, судя по тому, как моментально оказывается рядом, их мир наверняка тут же рядом.

— Мой господин?

— Далеко пришлось лететь? — спросил я.

Он не понял вопроса, ответил так, как знает:

— По слову моего господина открылись Врата, и я оказался здесь...

— Значит, — проговорил я, — ты тут и был, гм... но в другом измерении?.. Знаешь, во мне в самом деле и так много всего от наследия Змея, а тут еще и всякое местное прицепилось...

— Прицепилось? — пискнул он.

— Ну да, — сказал я, — когда идешь через густой репейник, выходишь на другую сторону весь облепленный... За это время, что я был на северном материки, я победил Терроса, его называют темным богом, хотя он, по-моему, не бог, а просто могучий демон. Когда мы дрались, он пытался меня поглотить... ну, он такой вихрь чистой энергии, у вас есть такие, и я так трусил и сражался озверело, что сам его поглотил на последнем издыхании, сволочь такую...

Он прыгал передо мной яркой мошкой, при последних словах опасливо отпрыгнул.

— Тогда вы, — донесся его слабый писк, — можете, мой господин!.. Вы можете все, что умел и он!.. Я слышал о таких случаях. Правда, тогда демоны проглатывали других демонов.

Я покачал головой:

— Мало ли что могу. Человек не все должен делать из того, что может.

— Почему?

— Я ж говорил, если человеку дать волю, он уничтожит всю вселенную. Мы всем демонам демоны! Я еще и черную корону Повелителя Темного Мира добыл!.. Хотя, если честно, тот мирок был по размерам как скотный двор в нашем маркизате. Я не мерял, конечно, но такое ощущение... Так вот и корона лежит в надежном месте, но я ни за что ее не надену...

Он полетал вокруг, наконец пропищал настойчиво:

— Если вы там могли превращаться, как вы говорите, даже в дракона, то попробуйте здесь

— Уже пробовал, — ответил я уныло.

— Еще! — сказал он. — Еще!.. Все мы должны из всех сил... тогда в конце концов что-то получится.

Я криво усмехнулся, посмотрел по сторонам. Разговаривая, я отошел от дома подальше и зашел за

холм, а там на всякий случай спустился еще и в заросший травой неглубокий овражек.

— Знаешь, — сказал я с надеждой, — хоть ничего не получится, но попробовать надо.

— А вдруг получится?

Я вздохнул:

— У меня ничего не получается «вдруг». Только по скрупулезному расчету, точная оценка ситуации, а это так скучно, никакой романтики, никаких неожиданностей...

Он явно ничего не понял, только смотрел с надеждой, как я присел к земле и тужусь, дуюсь, как жаба на болоте, что пугала быка, сам чувствую, как налилась кровью и покраснела морда, когда сцепил зубы и задержал дыхание.

Довольно долго я пытался, переводил дыхание и начинал снова, пробуя разные подходы. Серфик то носился вокруг и подбадривал, то садился на сухую былинку и наблюдал, пару раз вообще исчезал, явно с кем-то советовался.

Увы, хотя я вообще-то к неудаче готов. У меня даже там на севере в одних местах вполне, в других нет, лучше всего в Гандерсгейме, зато всего на милю от берега уже только в мелкого птеродактиля, а дальше и вообще скисал, разве что в рыбину...

И все-таки, несмотря на готовность, что ничего не выйдет, надеялся, еще как надеялся.

Серфик пропищал:

— Что, никак?

— Увы, — сказал я с досадой. — И все-таки, все-таки...

— Что, мой господин?

Я сказал медленно:

— И все-таки мощь Терроса все больше попадает под мой контроль, всеми фибрами чую! Могу больше, как вот и скромный и умный, а вот показать не умею...

Но это, наверное, потому, что стараюсь все равно мало. Я все о Родине! А о себе остатки сил и всякой там энергии, понимаешь? А Родина у нас такая, и остатки пожрет, не подавится.

Глава 12

Он сидел на вершинке былинки, как яркая божья коровка с красной спинкой, что заползла на самый верх, а дальше некуда и остановилась в глубоком раздумье: дальше только лететь...

— Мой господин, — пропищал он с глубоким сочувствием. — Но в вас это есть, есть!.. С вами Сила!.. Пробуйте еще!.. Ну хоть не превращение, тогда что-то еще, нужное вам...

Солнышко пригревает так приятно и щекочуще, земли не видно из-под густых зарослей душистой травы и диких цветов, я чувствовал желание лечь и наблюдать за порхающими в овраге бабочками, но пересилил себя, пробормотал:

— Ты прав. Человек должен хотя бы пытаться.

Он снова не понял, я сосредоточился и попытался увидеть свой дом изнутри, обстановку, вон там на столе кубки... Нет, Синтия их убирает на полку, там они выстраиваются в ряд, начиная от парадных и заканчивая простой медной чашей...

На севере мне удавалось переместить в комнате всякую мелочь, но усилий уходило столько, что я хрипел и сипел, весь мокрый, и сразу же в голову лезло трезвое: тебе надо флот строить, железную дорогу, армию расширять и укреплять, дороги провести из королевства в королевства, почтовую службу задумал... а какой хренью занимаешься?

Сейчас же вроде есть оправдание: мои три армии настолько медленно ползут через Турнедо и Шателлен, что весь изведусь в ожидании, так что эти вот эксперименты никак не мешают и времени ни от чего важного не отрывают...

Тело резко охватила непонятная слабость, словно из меня выдернули весь скелет. Над ухом пискнул Серфик, нечто ударило меня в ладонь.

Я машинально сжал пальцы и, не поднимая руку, опустил на нее неверящий взгляд.

Мои пальцы сжимают тонкую ножку медной чаши, из которой уже привык пить кофе.

Серфик пропищал возбужденно:

— Мой господин!.. Вы сумели!

Я пробормотал:

— Да я вроде бы так уж и не старался...

— Вы маг, — пискнул он, — вы великий маг!..

Я тупо посмотрел на чашу, попытался сосредоточиться и сотворить кофе, но не получилось, а когда прислушался к себе, ощутил, что вообще-то совсем без сил, весь выложился в это вот непонятное перемещение чаши с полки в ладонь.

— Глупо, — буркнул я, — в доме проще протянуть руку и снять, как все люди. Или послать слугу, если далеко.

Он прокричал комариным голоском:

— Но так вы сможете брать там, как бы далеко не были!

— А зачем она мне? — возразил я.

— Так можно не только чашу...

Он еще не допищал, а мой мозг уже в быстром темпе прокручивает все варианты. Нечто подобное уже было с мечом на северном континенте, но, как сказал черт, когда стриг кошку, усилий много, а шерсти мало, я оставил то не свойственное государственному

деятелю занятие. Верховному лорду достаточно шелкнуть пальцами, слуги все принесут и подадут без всякой дурацкой магии.

Но сейчас я не в королевском дворце, да и вообще я не всегда окружен слугами.

— Пробуйте, — пищал Серфик в восторге, — пробуйте!.. Этого даже демоны не могут!

Я вскинул брови.

— Как это?

— Не могут, — повторил он. — Они сами могут, а вещи вот так... не могут!

— А-а, — сказал я, — понятно. Теперь сообразить бы, как это у меня получилось...

— Вспоминайте, — вспискивал он и прыгал вокруг, прочерчивая в воздухе багровые кривые. — Тот могучий демон, которого вы растворили в себе, он же многое мог?

— Даже не представляю, — ответил я. — Он сразу полез в драку. Что он умел, боюсь и посмотреть... Я и так, понимаешь, не совсем то, чем должен быть хороший человек, хотя никому в этом не признаюсь, даже себе... только иногда. А если еще и демона... у нас его вообще, как уже говорил, называли Темным Богом... наверное, не зря. Даже не знаю, во что я тогда превращусь!.. Хотя ты прав, рискнуть и попробовать всегда хотелось.

Он прокричал звонко прямо в ухо:

— Его давно нет, мой повелитель! Есть только его мощь и его способности в вас!

Я вздохнул.

— Да знаю, но бывают и нехорошие способности. Дураки говорят, что нет плохих или хороших вещей. Мол, все дело в том, в чьих они руках... Но на то они и дураки, чтобы произносить красивые и яркие фразы, не понимая их смысла. Такая вещь, как меч — всегда

плохая, потому что создан только для убийства, и в чьих бы руках ни был, им будут убивать. Людей убивать, Серфик!.. Только людей. Животных убивают не мечами.

Он пискнул:

— Мой лорд! Я чувствую, вы справитесь.

— Мне бы твою уверенность, — буркнул я, но уже держал мысленным взглядом медный кубок, из которого вчера пил вино, и приказывал ему переместиться ко мне в ладонь, ярко представлял, как вот там на полке подпрыгивает, летит... а потом здесь смачно вляпывается в мою растопыренную пятерню.

Крохотный демон носился по всему оврагу, больше мешая, чем помогая, но пищал и подбадривал, давал советы, а я после ряда неудачных попыток все-таки перенес кубок, только упал он в траву, не долетев ярда.

Трижды создавал жареное мясо, это получается легко, и жадно ел, восстанавливая силы, запивал большой чашкой кофе и пытался снова.

Наконец сообразил, что понятие полета вообще нужно вычеркнуть из сознания. Просто там исчезает, а тут появляется, вот и все.

Когда совсем измучился, взмок и дышал с хрипами, будто бегом избежал на самую высокую гору мира, чаша и кубок начали исчезать и оказываться в моей ладони достаточно послушно, хотя концентрироваться приходилось так, что мозги скручиваются в трубочки, все-таки я дитя свободы, к дисциплине привыкнуть ну никак, мне бы только бунтовать и требовать....

Серфик пискнул:

— Мой лорд, теперь можете призывать эти вещи с любого расстояния!

— Ага, — огрызнулся я, — конечно, я ж без них вообще жить не могу...

Он пишал и крутился под потолком, даже не разъясняет, и так понятно, что если могу чашу, то сумею и что-то другое, более важное.

У меня же в черепе стучит, что, возможно, здесь и надо искать тропку к перемещениям, о которых мечтаю. Вот так бы и себя...

— Будем копать, — прохрипел я измученно.

— Что, мой лорд? Копать?

— В этом направлении, — пояснил я. — И под таким углом.

На всякий случай, конечно, я попытался и такое, но больше для очистки совести и с тайной надеждой, а вдруг? Сперва, конечно, мысленно махнул через океан в Сен-Мари — не получилось, точно так же лихо прыгнул на борт скайбагера, наконец, смирив аппетит, попытался передвинуться на шаг в сторону.

Некоторое время сидел в траве, расплывшись в стороны, как медуза под солнцем, отдыхал, прислушиваясь, как внутри все шевелится, спеша восполнить запас то ли гормонов, то истраченных микроэлементов.

— Ну и ладно, — сказал я Серфику сипло, — будем клевать по зернышку, как курочка, после которой весь двор в красивых белых пятнах...

— Мой лорд?

Я тяжело вздохнул.

— Пора возвращаться.

— Куда?

— К неинтересной работе, — ответил я. — Понимаешь, работа вся неинтересная. Правда, потом результатами хвастаемся... если они есть, но сам процесс... Потому люди всегда стараются все, что можно, переложить на других, а маги перепихивают даже на демонов. Но, увы, полностью не удается, приходится пахать и самому. Жаль, что не могу взять тебя с собой...

— Почему?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Видимо, какой-то барьер.

Он пропищал:

— А если попробовать?

— Можешь погибнуть, — предостерег я.

Он пискнул:

— Но не навсегда! А вдруг получится?

Я подумал, сказал с сомнением:

— Да, вы же бессмертные... Хорошо быть демоном. У нас так получается только у птицы феникс. Она тоже возвращается в муках пламени. Хорошо, прыгай ко мне. И прячься.

— Спасибо, мой господин!

— Не за что, — буркнул я. — Только бы ты не погиб...

Нынешние графы и бароны, вообще вся знать, что пока все еще больше похожи на пиратов, чувствуют, что я ненадолго, да я и не скрываю, то и дело намекая, что уже не простой маркиз, у меня не одно королевство в кулаке пищит и дрыгает ножками, но когда-нибудь покажу всю свою мощь.

Они ахали и восхищались, уже все в маркизате знают и пересказывают друг другу, на каком страшилище я прибыл, а это значит, что и отбыть мне нужно постараться соответственно, чтобы и авторитет остался, и вера в мои силы.

Гонцы побывали во всех концах маркизата, оповестили всех, что сэр Ричард изволил посетить побережье, остался доволен, а теперь отбывает. Если кто хочет присутствовать, пусть поторопится, но вообще-то ничего нового, как он велел передать, не скажет, так что кто работает, пусть не отрывается, сэр Ричард благословляет его на труд и шлет теплые пожелания.

— На время моего отсутствия, — объявил я громко, — моими заместителями остаются уже зарекомендовавшие себя на этой работе благородные графы Гитард д'Альбре и Рамиро Фруэлес... Ответственным за оборону побережья назначаю графа Рефершельда... да-да, он уже граф, можете поздравить!.. Вообще я более чем доволен, друзья мои!

Дом не вместил всех, народ собрался на площадке перед входом, я остался на крыльце и зорко оглядывал благородных жителей маркизата. Правда, здесь появились уже и простолюдины: прибывшие на заработки из глубинки, с недоумением и завистью смотрят на пиратов, что все до одного дворяне, а каждый четвертый еще и при титуле.

Но сейчас здесь только те, кто послужил ядром образования нового народа. В передних рядах капитаны Узинген, Коклеван, Фроил, Алан, Перш, шкипер Эрбах, ставший богатейшим человеком на снабжении кораблей провизией и парусиной, а также множество виконтов и баронов, бывших корабельных плотников, боцманов и шкиперов, теперь владеющих землями и производствами.

За ними теснятся, жадно улавливая каждое мое слово, простые дворяне, что почти поголовно пока что в списках королевского суда на повешение за пиратство и разбой.

— Я вернусь, — сказал я твердо и посмотрел гордым орлом, так должен смотреть уверенный в себе правитель, у которого все получается всегда. — Не забывайте крепить оборону нашего молодого демократичного государства, где впервые соблюдены все права человека и даже личности!.. Я оставил одного могучего демона в той черной башне... да, он не допустит, чтобы кто-то из магов протянул лапы в мой маркизат!.. Но все равно будьте бдительны, враг не дремлет!

Из дальних рядов кто-то крикнул:

— Ваша светлость, а вы куды?

Со всех сторон на дурака зашикали, но я вскинул руку и ответил отечески ласково, но твердо:

— За то время я сумел укрепить на том берегу океана целое королевство!.. И строю огромный флот, каких вы еще не видели. Уверен, когда снова появлюсь здесь, со мной будет и адмирал Ордоньес, и многие ваши старые друзья. Так что... когда встретимся, сверим результаты, кто чего достиг за это время!.. А пока не прощаюсь, дорогие друзья...

Я вскинул руку, улыбнулся, шелкнул пальцами и сказал громко:

— Карантрововлвжуукпижммваитулп!

Собравшиеся ахнули, отхлынули от крыльца и застыли в страхе. Перед крыльцом возник оранжевый, похожий на раскаленный металл в клещах кузнеца, огромный демон.

Он распластался на земле, положив на нее и голову, от кончика морды до короткого хвоста не меньше тридцати ярдов, замер, а я медленно и важно сошел с крыльца, сел на загривок и велел весело:

— Вперед, ящерица!

Ящер медленно поднялся, ставши огромным и страшным, все сразу увидели, что шкура его покрыта толстыми стальными плитами, уложенными одна на другую, как чешуя, а лапы толще столетних дубов, и тоже в стальных пластинах.

Я помахал рукой, улыбаясь царственно, хотя и страшновато. Ящер с первых же шагов понесся быстрее любого коня. Я согнулся за щитком, ветер рвет все сильнее.

— Серфик...

Прямо в ухо пропищало:

— Я здесь, мой повелитель.

— Спасибо, — сказал я, — что уговорил это чудовище!.. Ты молодец, умеешь убалтывать.

Он возразил:

— Да я сразу всем объяснял, что нужно всего лишь отвезти из одного места в другое! И получить полную свободу навсегда, когда ни один маг уже не получит над ними власти.

Я прокричал, преодолевая рев ветра:

— Скоро он над ними посмеется! Вот увидишь...

Рев стал невыносимым, я приготовился терпеть долго, но прошло не больше четверти часа, и встречный напор начал резко стихать, а еще через пару минут демон остановился.

Я повертел головой, мы среди выжженного плоскогорья, в сторонке оплавленные руины, мертвый пепел, на котором ничто не растет, везде печать смерти и запустения.

— Город Зеленого Призрака?

— Он самый, господин.

— А где...

— Прямо перед тобой, — ответил Серфик. — Но видим только мы, демоны.

— А как? — спросил я. — Эта зверюшка летать умеет? Да и снять защиту надо...

— Он снимет, — ответил Серфик. — А летать ему и не нужно.

Я не успел расспросить, а как и чего, стальная масса, на которой сижу, качнулась и тяжело сдвинулась вперед. Я ждал с замиранием сердца, а она, сделав всего два шага, резко рухнула, словно под нами разверзлась земля.

Глава 13

Справа и слева замелькали далеко разнесенные в стороны стены. Мы падали в этой трубе, и я с ужасом думал, спасет ли моя регенерация, когда удар расплю-

шит всего по этой металлической спине, как теплый студень.

Падение замедлилось, стены пошли вверх медленнее, наконец толчок, меня на миг вжало в стальное сиденье, и я с ликованием понял, что демон каким-то образом замедлил падение и вроде бы даже приземлился.

Слева металлическая стена цилиндра, но мне на миг показалось, что демон висит в воздухе. Труба уходит дальше вниз, я запоздало вспомнил размеры небольшой площадки, точно обломится под весом этого чудовища, вряд ли рассчитывали на появление здесь демонов.

Прислушался, но пока вроде бы треска не слышно, торопливо сполз по его передней лапе, стараясь не смотреть вниз, эта шахта уходит как будто к центру планеты, прижался спиной к надежной тверди стены.

Прямо передо мной ужасающая безобразием морда, никакой мимики, а только тупая покорность моей власти.

Я сказал торопливо, сокращая даже секунды его неволи:

— Карантрвовлвжуукпжммваитулп! Я, твой хозяин и повелитель, освобождаю от своей власти на веки веков. Отныне никто на свете, ни я, ни кто-то из магов, не сумеет заполучить тебя в рабство!

Он подпрыгнул, ощутив, что вышел из моей власти, на миг завис в невесомости и тут же исчез, растворился, перестал быть, только воздух колыхнулся и задвигался, заполняя освободившееся место.

Я с сильно бьющимся сердцем смотрел прямо перед собой, ужасаясь диаметру такой шахты, а Серфик пикнул:

— Теперь все убедятся, ты по-прежнему верен своим обещаниям!.. Ты, наверное, не человек?

Я спросил с содроганием:

— А кто, демон?

Он пропищал:

— Демоны тоже не держат своих обещаний. Потому и тебе не верили. Ты не демон, точно!

— Ладно, — сказал я, — теологией займемся потом на досуге.

Стараясь даже искоса не взглянуть вниз, оттуда поднимается сухой жаркий воздух, я повернулся к распахнутой двери.

Теперь отчетливо вижу и даже понимаю, что, судя по размерам камеры перемещения, скайбагер вполне мог опустить со мной также Зайчика и Бобика, но мне такая идея не пришла в голову, а скайбагер все-таки не человек, сам до такого не додумается.

Правда, еще не представляю, как из этой трубы я бы выбрался вместе с конем и псом... так что, возможно, скайбагер что-то понимает все-таки верно сразу, а я понимаю потом.

— Эрххарта, — позвал я. — Эрххарта!.. Проснись, я здесь. И готов к подъему на орбиту.

Голос раздался мягкий и задумчивый:

— Вижу... Но с тобой еще нечто странное. Это не похоже на представителя существующей внизу жизни.

— Это вообще не представитель, — пояснил я. — Какой он представитель?

— А что это?

— Пет, — ответил я. — Домашний любимец. Щенок. Попугайчик.

Голос Эрххарты прозвучал так же ровно, но я улавливал в нем нотку непреклонности:

— Это существо... не из нашего мира. Оно может быть враждебно и опасно.

— Этот безобидный светлячок? — изумился я. — Ты шутишь!..

— Ничуть, — заверил голос. — Я был свидетелем, как исчезали целые миры под напором таких вот...

— Именно таких?

— Не совсем, — ответила Эркхарта педантично, — но... ты знаком с понятием неземной жизни?

— Обижаешь, — ответил я с достоинством. — Я знаю и понятие внеземной! Ну там кремнийорганическая, разумные океаны, мудрые темные облака, газовые гиганты и прочие бозоны Хикса, что встали на путь интеллектуального развития.

— Значит, — произнесла Эркхарта, — не знаком с микроскопической жизнью, что гораздо опаснее.

— Это полностью под моим контролем, — заверил я. — К тому же ты меня не выпускаешь из грузового отсека! А там жрать точно некого. А меня тебе не жалко.

После паузы голос произнес так же бесстрастно:

— Твои доводы убедительны. Приготовься...

Я набрал в грудь воздуха, застыл, перед глазами пугающе вспыхнул розовый свет, на миг я завис в воздухе, заныло в боку, но через мгновение подошвы ударились о твердое.

Перевести дыхание не успел, как сбоку обрушилось горячее тело, Бобик сбил меня наземь и повалил, признаваясь в любви и жарко обвиняя, что бросил его с этим копытным, что не желает бегать наперегонки и бросать ему дубину.

Над ухом раздался потрясенный писк:

— Ой, как тут... необычно...

— Тебе что-то знакомо? — спросил я, отпихивая этого здоровенного черного кабаняру.

Серфик пропищал:

— Мне... нет, совсем нет.

— Жаль, — сказал я с огорчением. — А я уж раз-мечтался.

Бобик отпрыгнул, позволяя мне подняться, Зайчик подошел медленно и неспешно, продолжая двигать нижней челюстью. Из пасти несется мощный хруст, словно перемалывает целые скалы.

Серфик пискнул:

— Но могу спросить у других!

— Обязательно, — ответил я твердо. — Это очень даже весьма! Без всякого как бы. А теперь давайте все как-то передвинемся на другую сторону планеты, если, конечно, Эркхарта сможет...

В голосе скайбагера прозвучало недоумение:

— А почему вдруг не могу? Я там и была, когда ты первый раз воспользовался телепортом.

— Ну, — протянул я, — вдруг батарейки кончились... Все изнашивается, не слыхала? Вообще-то тебе бы открыть доступ в разные отсеки, я мог бы что-то починить, если найдутся хорошая кувалда и зубило побольше.

— Нет.

Я сказал торопливо:

— Нет так нет, я же только помочь хотел, а не украсть секретные технологии!..

После паузы голос прозвучал уже из-под самого купола:

— Курс на северный материк.

Бобик бросился к окну и, наклонив голову набок, с удивлением смотрел вниз, Зайчик продолжал с удовольствием трещать лакомством, даже глаза чуточку прикрыл от удовольствия. Надеюсь, скайбагер отдал ему не самые-самые мнемокристаллы со всеми знаниями погибших цивилизаций.

Внизу планета начала поворачиваться, странное такое ощущение, я засмотрелся, а над ухом внезапно раздался возбужденный писк:

— Мой повелитель!

— Я здесь, — сказал я, — говори, Серфик, я слышу.

— Я нашел демонов, — пискнул он, — которые знают!.. Да, мой господин!.. Именно по этим летающим... Это никакие не скайбагеры!.. Если мой господин позволит, я ему все перескажу, хоть сам и не понял. Или можно потом, когда окажемся в твоём дворце...

— Нет, — вскрикнул я. — В смысле, да, позволяю, ещё как позволяю! Пересказывай. Какой там дворец, я же сгорю от нетерпички!.. Давай сейчас же пиши все, что тебе рассказали, я тебя за это в жопу поцелую, если она у тебя есть!

— Мой господин, — вскрикнул он ликующе. — Самое удивительное и невероятное в том, что эти летающие...

Его звонкий голосок на грани слышимости оборвался внезапно и резко. Я некоторое время ещё напрягал слух, полагая, что он от возбуждения повысил свой писк, а это вообще за пределами человеческого слуха, потом начал вертеть головой в поисках багровой искорки.

Голос багера прозвучал холодно и безжизненно:

— Барьер.

Я охнул:

— Не пропустил?

— Убил, — ответил скайбагер.

Я задержал дыхание, почти физически ощутив боль, какую испытает крохотное существо, и хотя через сутки возродится, но этот процесс мучительнее самой гибели, его и сделали таким, видимо, для того, чтобы отбить желание уходить подобным образом от некоторых неприятных проблем, а побудить решать на месте.

В голове толклось и острое сожаление, что крохотный демон не успел рассказать, что же такое сообщили сенсационные старшие сородичи, но я с трудом от-

пихнул это понятное, но недостойное чувство, когда думаешь прежде всего о своих личных интересах, а не о жизни соратника, хотя да, очень жаль, что не успел, как же жалко, почему мне так не везет, мог бы погибнуть чуть позже, потом, когда все выпил бы до конца...

Зайчик подошел и подышал в ухо, это у него так выражается сочувствие, а Бобик лизнул без всяких ужимок. Добрые и чувствительные у меня друзья...

Голос скайбагера прозвучал настолько сухо и безжизненно, словно он пожалел, что снова заинтересовался, хоть и крайне слабо, человеческой жизнью с ее темными и запутанными страстями:

— Подходим к первой точке.

— Первому телепортеру? — переспросил я. — Телепортатору?

— Месту на поверхности земли, — ответил голос бесстрастно, — откуда ты и был поднят сюда.

Я бодро потер руки.

— Прекрасно!.. Хоть там и не совсем поверхность, но с такой высоты все — поверхность. Это как если в руках молоток, то все похоже на гвозди. Эркхарта, я уже говорил, что люблю тебя?.. Это так здорово, когда один чистый интеллект без всяких примесей, что так осложняет нам жизнь!.. Я пытаюсь, но, увы, не удается...

Голос прозвучал сурово и строго:

— Это и невозможно. Нужно убрать... операционно. Очень много убрать. Ты даже не представляешь, как много.

— Догадываюсь, — ответил я. — Я же целиком еще обезьяна!.. А от человека во мне меньше процента. Намного меньше. А если еще и лишние чувства убирать, то это вообще останутся совсем микроскопические крохи от миллионной доли процента. Я вот смотрю на тебя и завидую!

Голос прозвучал, как показалось, намного мягче:

— А я смотрю на тебя и ужасаюсь.

— Да? — ахнул я. — А повосторгаться?

— Чему? — поинтересовался скайбагер. — Неужели и я таким был или была?..

— Вот видишь, — воскликнул я с энтузиазмом, — как много между нами общего?.. Нам нужно чаще встречаться!.. Говоришь, как только назову твое имя, ты услышишь меня везде?

— Услышу, — подтвердил голос.

— Прекрасно!

— Но поднять не смогу. Для этого нужны...

— Телепортаторы, — подсказал я. — Понял. А теперь опусти нас троих на то же самое место. До свидания, Эрххарта! У тебя было так уютно, так мило, так здорово!.. Мы все трое будем вспоминать тебя и жаждавать новой встречи!.. Отдельное спасибо от Зайчика, он что-то опять жует...

Глава 14

Рядом с Бобиком с Зайчиком я по чувствительности настоящее бревно, даже неошкуренное, однако и они не встревожились и как будто вообще не обратили внимания, что их вдруг переместило во мгновение ока в иное помещение.

— Все в порядке, — сказал я бодро, хотя всего колотит, не люблю, когда что-то зависит не от меня, уже привык, что все знаю и понимаю, а тут хоть и знаю, но не понимаю, как это все именно вот так и не совсем по моей державной воле.

Зайчик молча подставил бок, я поднялся с подчеркнутой бодростью, хотя вроде и не перед кем, и, разобрав повод, сказал Бобику:

— Можно вперед, но в стороны — ни-ни!

Пес оскалил зубы в молчаливой улыбке. Все-таки что-то чувствует, пошел впереди, но далеко не отрывается, поглядывает искоса, идем ли следом. Снова рельсы, но теперь дорога, естественно, кажется короче.

Скоро прибыли на площадку лифта, а тот моментально поднял наверх. Я с облегчением перевел дух, здесь другая система, никакой защитную крышку поднимать не пришлось, все незримое, за исключением призрачного города, что отпугивает местных необычностью.

Стен практически не видно, а только места, где со стыкуются, из-за чего все выглядит особенно гротескно, словно двигаемся в ожившем чертеже, размещенном прямо в воздухе.

Возможно, так раньше и строились здания: сперва вот такой трехмерный чертеж в натуральную величину, а потом уже прямо в нем клали кирпичи.

Я взобрался в седло, Зайчик бодро ржанул и на скорости проскочил последнюю стену города, внешнюю. Остро и резко пронзило холодом, и сразу в ноздри ударили запахи и ароматы первых весенних цветов, сочной травы, ощутился ветерок, его почему-то называют бодрящим.

— Ур-ра, — сказал я тихонько, — приключение кончилось, начинается реальная жисть... Скучная и не весьма интересная.

Зайчик чуть повернул голову и посмотрел на меня огненным глазом. Мне показалось, что я прочел в его взгляде: даже если она у тебя очень неинтересная, даже очень-очень, то для нас отбирай самые интересные моменты, а иначе что за свинство?

— Стараюсь, — буркнул я недовольно. — Ну, как могу. Но стараюсь, честно!

Бобик притормозил бег, дважды оглянулся. Далеко впереди в степи блеснули металлом искорки. Я с полчаса высматриваю что-нибудь подобное и моментально придержал Зайчика, сбрасывая скорость.

Бобик снова оглянулся, недовольно гавкнул, но тоже пошел медленнее, словно зависая в прыжках на какое-то время. Тремя колоннами, пренебрегая дорогами, движется тяжелая пехота, между ними кони терпеливо тянут нагруженные доверху повозки с походными кузницами, а также стальными доспехами и панцирями, которые нужно будет надеть по сигналу тревоги.

Я заранее развернул плечи и выпятил грудь, сделал лицо значительным и послал арбогастра вдоль колонны, красиво выпрямившись в седле.

Солдаты сразу заметили и узнали, по рядам покатился радостный клич:

- Слава Ричарду!
- Слава вождю!
- Ура Завоевателю!
- Да здравствует король!
- Ричарду Завоевателю — ура!

Я улыбался и даже милостиво наклонял голову. Одного так приветствовать можно только высокорожденного, а вот армию целиком, это же масса, статистика, у них общая идея насчет отнять и поделить, пограбить и понасиловать, хотя беречь и лелеять нужно тех, кто строит, а не ломает.

С большим отрывом впереди движется тяжелая конница, эти тоже приветствовали меня довольным ревом. Я улыбался и даже помахал рукой, это хоть и не рыцари, но элитные войска, закованные в хорошие доспехи и вооруженные для жестокого упорного боя, основная мощь любой армии.

Наконец догнал авангард, там рыцарская конница, элита из элит, единственная сила, предназначенная для проламывания боевых порядков любой обороны противника.

Эти двигаются свободно, кони у них великолепно огромные, тяжелые, сами рыцари пугающе грозные, а когда увидели скачущего с милостивой улыбкой государя и соратника мимо, заорали весело и раскованно:

— Князю — слава!

— Виват Завоевателю!

— К победам, Ричард!

— Ричарду Завоевателю — ура!

— Ура!..

И эти тоже насчет Завоевателя, мелькало в голове, пока я улыбался и милостиво наклонял голову, и даже изредка помахивал рукой, вылавливая взглядом знакомые лица. Что-то все чаще звучит это словцо, вот так и прилипнет, не заметишь.

Во главе двигаются тесной группой военачальники, за сэром Будакером везут его знамя, справа и слева знатные лорды, отличившиеся в боях, начальники отрядов, которых он сам подбирал умело и тщательно.

Бобик добежал до него первым, требовательно гавкнул. Будакер взглянул удивленно, поспешно обернулся.

Я помахал рукой, Зайчик за пару прыжков догнал и пошел рядом с его огромным массивным конем.

Будакер поспешно поклонился и застыл.

— Сэр Будакер, — сказал я, как и Паланту, — мы в походе, оставьте церемонии. Как вижу, Палант успел передать мой приказ вовремя, я весьма доволен.

Он вздохнул с явным облегчением, даже согнутая спина распрямилась, а глаза заблестели живее.

— Ваше высочество, — проговорил он, как всегда сдержанно и скупое, — честно говоря, я был...

— Обеспокоены?

— Сказать обеспокоен, — пояснил он, — это ничего не сказать.

— Что случилось? — поинтересовался я дружески.

— Я вел эту армию, — пояснил он, — намереваясь разместить ее в Турнедо, как вы и велели, даже наметил места для гарнизонов... а тут вдруг на взмыленном коне появляется запыхавшийся гонец от Паланта и кричит, чтобы немедленно поворачивали в сторону Шателлена!..

Я спросил с любопытством:

— И как вы среагировали?

Он вздохнул:

— Озадачило и встревожило. У меня же ваш приказ идти в Турнедо и разместить гарнизоны в ключевых местах... С другой стороны, Палант ваш доверенный рыцарь из Армландии! Я повернул войска, но под ложечкой сосало, пока вы не появились вот лично... Ваше высочество, надо бы договориться о каком-то тайном знаке или слове, чтобы я точно знал, от кого приказ.

— Вы осторожны, — сказал я медленно, — вы очень осторожны, сэр Будакер. И хотя сейчас мне соратники верны, но на будущее... вы правы, нужно предусмотреть всякие варианты, как вы и сказали. Спасибо за идею!

— Ваше высочество...

— На будущее, — закончил я, — будем сопровождать такое необходимыми, так сказать, предосторожностями.

Его лицо светлело на глазах, наконец поинтересовался осторожно:

— Сейчас... какая у нас цель?

— Освободить мою жену, — ответил я, — королеву Ротильду из тюрьмы, куда ее бросил герцог Ламбер-

тии. Это оскорбление, и если бы я такое оставил без последствий, мое имя было бы замарано, со мной бы перестали считаться правители. Даже рыцари вправе отвернуться от такого трусливого и неблагородного сюзерена.

Он посерьезнел, спросил еще осторожнее:

— Война?

Я покачал головой:

— Нет-нет, сэр Будакер. Хотя я и рыцарь, однако... крайне мирный человек. Я ненавижу войны, хотя люблю их плоды.

— Но мы идем с армией...

— Большой армией, — подчеркнул я. — Даже тремя!.. Еще две вторгнутся по другим дорогам. Мы сразу должны показать местным, что сопротивляться нам просто глупо и бесполезно. А вот кто сразу сдастся, тому будут оставлены все владения и земли.

Он взглянул остро, но промолчал. Я не сказал прямо, такое говорить опасно и преждевременно, однако дал понять, что у нас не короткая карательная операция, когда пришли, пограбили, побили посуду и ушли.

— Все сделаем, ваше высочество, — сказал он сдержанно.

— Вон за той рекой, — сказал я, — уже королевство Шателлен. Быстрым маршем, как и сейчас, двигайтесь по означенным маршрутам, в стороны ни-ни.

— А... местные лорды?

Я сказал уверенно:

— Мы договорились с королем Найтингейлом, что проход будет свободным.

— То король, — заметил он осторожно, — а то местные...

— Они хорошо зарабатывают, — объяснил я, — когда к дорогам, где идут наши армии, свезут продовольствие. Лорды, как и гномы, на золото падки.

Он добавил так же скупое, но довольное:

— Хорошо, что с королем Найтингейлом у вас такие прекрасные отношения.

Я отмахнулся.

— Он деловой король, ничего бесплатно не делает. Пришлось частично жениться на его дочери.

Он посмотрел с вопросом в серьезных глазах.

— Частично жениться?

— Вступить в частичный брак, — уточнил я. — Будь у Найтингейла несколько дочерей, одну бы отдал мне, а так вот у нас одна на двоих. С неким знатным лордом из местных.

Он покрутил головой:

— Гм...

— Вам это не грозит, — успокоил я. — Скорее всего, не грозит. А моей частичной жене повезло, вышла по любви, что редко удается королевским дочерям. Так что у нее один муж по любви, второй — по долгу Родины.

Навстречу мчались, вздымая пыль и подбрасывая в небо комья земли, двое на быстрых нервных конях. Один притормозил своего, второй домчался к нам, растерялся при виде самого грозного сэра Ричарда, прокричал быстро:

— Ваше высочество! Разрешите доложить лорду Будакеру?

Я кивнул:

— Докладай.

Он повернулся к Будакеру:

— Как вы и велели, мы отыскиали удобное место для привала. Это всего в двух милях отсюда. Там река, хороший лес, рядом хорошая дорога!

Будакер ответил степенно:

— Река глубокая?

— Пока да, — доложил разведчик, — летом почти пересыхает. Но мы отыскиали брод, он на четверть мили ниже по течению.

— Идем прямо, — распорядился Будакер. — После отдыха начнем переправу. Ваше высочество?

— Все правильно, — успокоил я. — Продолжайте, дорогой друг. Вы командуете войсками, я — королевствами. Никто друг другу не мешает, а делаем одно общее дело.

При всей сдержанности он не мог удержаться от довольной улыбки.

Я выехал вперед, там высланные разведчики уже ставят шатры для командования, я поинтересовался, какой из них будакеровский, оставил Зайчика на попечение осчастливленных воинов, а Бобика бросил на произвол судьбы, что его устраивает как нельзя больше, сам ввалился в шатер. Там только наскоро сколоченный стол, лавка и ворох звериных шкур, брошенных прямо на землю, что должны послужить ложем.

Я, сбросив сапоги, с наслаждением вытянулся на этом импровизированном ложе, что якобы лучше роскошных королевских, во всяком случае так уверяют баллады.

Лучше всего у меня получается мыслить почему-то в горизонтальном положении, а сейчас подумать нужно очень о многом, а то что-то весьма тревожное и даже опасное в том, что...

В двух шагах прямо из полотна снизу пошла струйка тумана. Я напрягся, готовый отпрыгнуть, а туман

начал принимать очертания человеческого лица, появилось подобие плеч, но едва различимые, а дальше идут почти незаметные струйки сгущенного воздуха.

Я всмотрелся в крупное лицо, удлиненное, как у лошади, в тяжелую нижнюю челюсть с крупными мясистыми губами и широким жабым ртом.

— Логирд, — спросил я неуверенно, — ты?

Призрак приблизился, его покачнуло, как на воздушных пригорках и воздушных ямах, на плечах та же мантия, что я видел в первый раз, только не черная, а такая же болезненно-бледная.

— Сэр Ричард, — прошелестел его бесцветный голос, — я все еще здесь...

— Глазам своим не верю, — выдохнул я. — Как... тебе удалось?

— Это не я, — возразил он. — Это... как-то само. Возможно, меня ожидает ад за мое увлечение некромантией, и потому церковь, памятуя о том моем поступке, удерживает здесь.

Я сказал радостно:

— Хорошо, хотя, возможно, это и не церковь.

— Сэр Ричард?

— Высшие силы, — пояснил я, — тоже могут... подействовать. От ада тебя никто не освобождает, но отправят, скажем, за сутки до Страшного Суда. А может и вовсе за полчаса. Чтобы все по закону... Но что-то ты снова бледный.

Он сказал невесело:

— Увы. Хотя я и очень даже экономно расходую силы, но запас их не вечен.

— Логирд, — сказал я, — даже если бы ты не дрался и не погиб за меня, я бы все равно старался бы помочь. Я твой сюзерен, пусть ты теперь только призрак. Но... как?

— Я потому и явился, — прошелестел он, — что отыскал, как это сделать...

Я встрепнулся:

— Говори!

Он помолчал, раскачиваясь на ветру, тоже признак опять наступающей слабости, когда он в полной силе, то словно и не привидение, держится, как массивная скала.

— Никакой некромантии, — донесся его слабый голос.

Я с облегчением перевел дыхание.

— А что, жертва?... Прости, но я не...

Он сказал совсем тихо:

— Нет-нет, я же знаю ваши принципы.

— А что?

— Черная корона, — выговорил он наконец, я видел, как тяжело ему даются эти слова, но все-таки сказал, после чего застыл, только покачивался, словно рисунок святящимися красками на невидимой простыне. — Черная корона, сэр Ричард.

Меня передернуло, словно голого бросили в прорубь.

— Это? Да ни за что!

— Я так и думал, — прошелестел он.

— Логирд, — сказал я, сердясь на него и себя, — и тебя не спасу, и сам попаду в ад. Это... слишком!

Он проговорил слабо:

— Вам не обязательно ее надевать. Я и сам бы не советовал... Но если просто возьмете в обе руки, именно в обе, к вам потечет ее жуткая мощь властелина того мира.

Я содрогнулся:

— Нет! Я не утерплю и обязательно надену. Когда брал в руки, те сами по себе поднимаются!.. Я удержи-

вался с таким трудом, что даже и не знаю... Словно Оссу на Пелион громоздил! Я засунул эту корону так далеко, что даже и не знаю... Там, в Сен-Мари. Выбросил бы, но боюсь, кто-то найдет и воспользуется.

— Вы поступаете верно, — проговорил он блекло. — Так и надо.

— Но ты... умрешь?

— Да. У меня почти не осталось времени.

Я сказал со злостью:

— Она у меня в Геннегау! В моем дворце в личных покоях. Даже на Зайчике не успел бы туда и обратно...

Он сказал с сомнением в голосе:

— Достаточно бы только туда... Раньше я там оказался бы прежде вас, сэр Ричард. Но, боюсь, у меня уже не хватит сил на такое дальнейшее путешествие. Пусть оно и длится мгновение, но стоит дорого...

— Так что же, — сказал я с горечью и злостью, — что могу сделать?... Логирд, ты свинья. Ты явился, чтобы я чувствовал себя виноватым!

— Черная корона, — повторил он. — Вы можете стать ее хозяином. Пользоваться не обязательно, но хозяином можно... быть.

— Она в Геннегау! За Большим Хребтом!

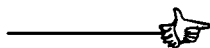
Он прошелестел совсем слабо:

— Я знаю, вы открыли для себя магию переноса вещей. Это великое умение, сэр Ричард! Редкие маги им владеют. Даже Великие.

Я покачал головой:

— Все, что я умею, это перетащить меч, если он в соседней комнате. Но не дальше. А еще чашу из дома в полусотне ярдов! А корона, повторяю, за сотни и сотни миль!..

— Я мог бы помочь, — проговорил он с некоторым сомнением в голосе.

Я насторожился:

— Как?

— Если позволите, — сказал он просительно, — я войду в вас. И... когда сосредоточитесь и потребуете ту корону к себе, я... смогу усилить. Нет, не усилить, а направить вашу хаотическую мощь точно в цель. Вы не знаете, но любую личную вещь можно перенести вот так даже за десяток королевств!.. Правда, нужно быть очень сильным магом, и это касается только личных вещей... но это возможно.

Глава 15

Все это время, пока он говорил, я набирал в грудь воздуха, чтобы заорать и сказать, что ни за что, я все-таки, несмотря на всю свою бравату и демонстративное наплевательство на все святыни, на самом деле все-таки чту Светлую Сторону, я всегда дерусь только за Святость...

...но он умолк, совсем прозрачный, едва угадывающийся в воздухе, и я сказал совсем не то, что хотел:

— Понимаешь, Логирд, я такая свинья... такая... что очень не хотел бы, чтобы кто-то видел мое грязное нутро! Я только прикидываюсь чистеньким, а на самом деле я такое говно...

Он сказал совсем тихо:

— Я никому не скажу. И потому, что я ваш вассал, и потому... что меня видите только вы, и общаться могу только с вами.

Я буркнул нервно:

— Это успокаивает, но не сильно. Ты все равно увидишь, что я полон говна. Но, с другой стороны... Логирд, ты меня прижал к стене большой такой рогаатиной. Если околеешь, всю жизнь придется винить се-

бя, что мог спасти вассала, принесшего мне клятву верности, но не сделал этого! Давай, что от меня нужно?

— Не противьтесь, — прошептал он. — Как бы и что бы ни ощутили...

Он потянулся ко мне медленно, хотя мог бы сделать это моментально, даже сейчас дает мне шанс отшатнуться и отказаться. Я сцепил зубы и напрягся, тело начал охватывать могильный холод, сердце застыло, древний черный ужас медленно охватывает с ног до головы, губы одеревенели, а потом и вовсе замерзли.

Почти теряя сознание от ужаса и омерзения, я представил себе ту проклятую корону, что и во сне долго преследовала меня, вообразил, как протягиваю к ней руку и медленно беру...

...ничего не происходило, а тело застывает все сильнее, человек не может, понял я запоздало, принять в себя призрак, это смерть, это конец, это уже все...

Я захрипел, нижняя губа лопнула, я чувствовал, как на подбородок потекла теплая струйка.

— Да будь ты проклята, — прошептали мои губы шепло, — я повелеваю... сюда...

Толчок, ладонь ожгло настоящим холодом, перед которым тот прежний показался просто теплой печкой. Я перевел неверящий взгляд на руку, скрюченные пальцы вцепились в черный ободок, вокруг короны нехорошо клубится мрак, словно распространяет ночь.

Я чувствовал, что умираю, рука начала медленно поднимать корону к голове. Что-то заставило вцепиться в корону пальцами и другой руки, мне на миг почудилось, что хотя бы эта постарается остановить ту дуру, однако обе пошли вверх даже быстрее.

В голове мертвая пустота, я чувствовал себя уже околевающим, как из далекой галактики донесся отчаянный крик:

— Сэр Ричард!.. Нельзя!..

Сквозь туман в глазах я увидел, как передо мной быстро двигается во все стороны Логирд, уже четко и ясно обрисованный с головы до ног, хотя и призрак, жестикулирует и отчаянно кривляется.

Я с огромным усилием разжал пальцы. Корона выскользнула и, ударив меня по лбу, упала на пол. И хоть там неровная земля, покрытая полотном днища палатки, корона разочарованно закрутилась, как запущенный с большой силой волчок, позванивая странно и зловеще.

— Хорошо, — как сквозь толстый слой ваты пришел крик. — Теперь просто наберитесь сил...

Колени мои, сухие, как пересохший тростник, подломились с хрустом. Я рухнул, ударился о землю, прикрытую тонким полотном шатра, но не ощутил ни боли, ни своего тела, только высохший кокон, в котором ничего, кроме ледящего ужаса.

Перед глазами вообще только страшная тьма, словно я уже умер, но понимаю, что умер. Очень нескоро начал видеть смутно, расплывчато и в сером цвете, потом вернулись резкость и объемность, а последним возвратился цвет.

И все-таки еще долго лежал в оцепенении, слышал за шатром шаги, далекие голоса, пошевелиться не мог, а в голове стучала только одна мысль, что отныне эти чудовищные сны будут донимать меня еще долго.

Логирд исчезал, появлялся, я не успевал его рассмотреть, только и понял, что теперь он весь ясный и четкий, полный сил, быстрый в движениях.

— Сэр Ричард, — прошептал он мне прямо в ухо, — соберитесь же... Я знаю, вы можете! Все самое трудное прошло!.. И не самое — тоже. Все позади.

Я ответил невнятно, не в силах даже подвигать губами:

— Знал бы... ни за что...

Он сказал быстро:

— Все равно не поверю! Я же видел!

— Хреново смотрел, — ответил я чуть отчетливее, — и недостаточно глыбоко... Я весьма глыбокая натура... И хоть говно у меня наверху, зато внизу... еще больше.

Он кружился вокруг меня, настаивал на чем-то, я заставил себя приподняться на руках, дополз до стола и сел на лавку, а там опустил голову на столешницу, устроив лоб на скрещенных руках.

Некоторое время я сидел так, стараясь изо всех сил прийти в себя, голос Логирда шелестел над ухом, наконец я поднял тяжелую, как чугун, голову и уставился на него тупо.

— Ну?

Он сказал жарким шепотом:

— Честно говоря, я все-таки не ждал, что вы, сэр Ричард, пойдете на такой риск...

— Потому и пришел в последний момент? — прошептал я, едва шевеля губами.

Я пощупал языком губу, кровь не течет, но нет даже сил, чтобы зарастить такой крохотный шрамик.

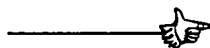
— Потому, — согласился он. — Мой лорд... подберите корону. И снова спрячьте. Как я понял, обратно отправить не можете?

— А такое получится?

Он покачал головой:

— Даже не слышал. Это совсем другой уровень... и таких людей на свете просто нет. Потому замотайте ее в какие-нибудь тряпки, суньте в безопасное место.

Я буркнул слабо:

— Ну да, где здесь найдешь безопасное?

Он сказал виновато:

— Сэр Ричард, я доставил вам массу неприятностей. Однако же...

— Что?

Он сказал, понизив голос:

— Вы ничего не чувствуете?

— Как это? — огрызнулся я. — Я чувствую, по мне пронеслась бронированная конница, потом тысяча троллей били меня дубинками, растягивали на дыбе, замораживали голого во льду... да что только не делали! Так что да, я что-то да чувствую.

— Я не об этом, — прошептал он, — вы теперь должны уметь больше... Может быть, из Геннегау еще не сможете таскать свои мечи, но из Турнедо... Да и вообще, вся ваша мощь только возросла, хотя, должен признаться, вы действительно были на грани... Правда, не зря говорят, кто не рискует, тот не...

Я зябко передернул плечами.

— Даже не знаю, стоят ли новые умения того ужаса, что перенес.

— Стоят, — сказал он. — Это вы сейчас так говорите. А завтра, когда пережитое притупится, а меч или топор, что висел у вас на стене во дворце короля Гиллеберда, вдруг по вашей воле окажется в ваших руках...

Я сказал слабо:

— До этого еще дожить надо. А тут не уверен, что доживу.

Он ухмыльнулся, облетел вокруг меня пару раз и сказал со спины:

— Но все-таки... я же вижу... сейчас малость оклемаетесь, даже не оклемаетесь как следует, тут же начнете...

— Что?

— Таскать всякое, — сказал он с ухмылкой на призрачном лице, — но, предупреждаю, это требует очень больших усилий.

— Зависит от расстояния?

— И размеров, — ответил он. — И общей массы.

Я вздохнул:

— Увы, даже в магии не удастся нарушить фундаментальные законы. Как грустно.

— Почему?

— Так хочется чего-то необычного, — пожаловался я. — А в магии, как вижу, та же рутина, те же законы, ограничения, того нельзя, этого тоже, а вон то не тронь, сюда не ходи...

Логирд замерцал, исчез, явно где-то побывал за тридевять земель, вернулся и сказал с надеждой:

— Я потому и занялся таким... делом, что тоже хотел... необычного. Очень хотел! Но пока не встретил. Теперь вся надежда на вас.

Я изумился:

— Почему?

Он завис передо мной, крупнолицый, снова похожий больше на канцлера авторитетного королевства, с роскошными седыми кудрями, тяжелой нижней челюстью с раздвоенным подбородком, мясистогубый и с широким властным ртом.

— Потому, — произнес он уверенно, — что вы сам... необычный человек.

Я буркнул:

— Все мы необычные. Где-то там глубоко внутри.

Он ухмыльнулся:

— Так я там и был.

— Молчи, — сказал я с угрозой. — И не говори, что видел! Сам знаю, что я не пряник, но это я, а другим такое говорить не позволено.

Он сказал мягко:

— Отдыхайте, мой сюзерен. Я постараюсь вас беспокоить как можно меньше.

Как только он исчез, я собрался с силами и попытался сотворить чашку кофе, но вместо этого ощутил болезненный удар по нервам. Судорога перекосила меня так, что лежал пару минут скрюченный, сухожилия едва не порвались, наконец отошел, но и тогда, закрыв глаза, некоторое время сидел в неподвижности, уговаривая все клетки тела восстановиться в полной мощи, я же нуждаюсь в вас не меньше, чем вы во мне...

Впрочем, уже с Логирдом разговаривал вполне отчетливо, когда почти не мог двигаться, а сейчас посидел вот так еще с полчаса, наконец сделал над собой усилие, поднялся, крихтя и чувствуя боль в спине, приоткрыл полог и тихонько выглянул.

За это время поставили еще три шатра и с десятков палаток, сейчас быстро притаскивают на конях вязанки хвороста для костров. Возле шатра, что я занял, взад-вперед прохаживается часовая, да не потревожит кто зазря их сюзерена, несколько человек отесывают колья и вбивают по сторонам костров рогульки, на них чуть позже положат концы вертелов с подстреленными кабанами или оленями...

Я со вздохом облегчения вернулся и рухнул на лавку. Если кто и слышал сквозь тонкую ткань палатки мой разговор с Логирдом, ну, я же его высочество, мало ли с кем общается, кого не видят остальные. Стоит только посмотреть на моего коня и собачку, чтобы сказать: как хорошо, что он ведет нас, а не кого-то против нас...

Мои плечи невольно напряглись, когда прямо из туго натянутого полотна шатра вышел человек в щегольской одежде зажиточного мастерового, почти главы гильдии или, по крайней мере, старшины цеха, да-

же чуть-чуть опережая моду, что особенно завидно тем, кто придает ей значение.

В ответ на мой удивленный взгляд с крайне обиженным видом развел руками и даже вскинул брови.

— Что, — спросил он задиристо, — вам можно даже сквозь каменную стену, а мне и через полотно нельзя?.. Приветствую вас, сэр Ричард! Ах да, уже ваше высочество!.. Говорил же, что вам не миновать императорского трона!

Я буркнул:

— Видно будет. Да и получу, если получу, на своих условиях. Здравствуйте, сэр Сатана. Что это у вас такой довольный вид? Скупили души сироток за бесценок?

Он хохотнул:

— Души? Да их мне бесплатно отдают, еще и уговаривают, чтобы взял! Буквально насильно впихивают. Но — не беру! А довольный потому, что вы все-таки помогли некроманту, а некроманты... это моя давняя любовь. Вы вообще спасли его от ада! Церковь всегда уничтожала и продолжает уничтожать лучшие умы человечества.

— Ну-ну, — сказал я саркастически, — это я постоянно слышал от придурков всех мастей.

Он вскинул брови.

— Правда? А я думал, это я только что придумал.

— Хорошая придумка, — одобрил я. — Ее будут повторять и повторять недоумки несколько столетий. Очень этакая, революционная! Бунтарская. Придурки очень любят бунтовать. Начиная с того, что не хотят мыть уши, а повзрослев, кричат «Долой правительство!», которое, по сути, тоже принуждает мыть уши и запрягает плевать на пол.

Он хмыкнул:

— А если правительство в самом деле дерьмовое?

— А им все равно, — сказал я. — Они разве понимают? Раз в правительстве, значит — враг! Они же налоги берут, грабить прохожих не позволяют, бить окна и поджигать дома почему-то низзя... Но насчет некроманта вы промахнулись. Я спасал не потому, что некромант, а потому, что мой вассал. А я как сюзерен обязан заботиться о своих людях.

Он отмахнулся, сказал легко самым светским тоном:

— Ну, это мелочи. Главное, спасен некромант! И вообще, сэр Ричард, мне нравится ваш прогресс. Как вы раньше ополчались на все, что не является людьми! Для вас нечистью были гномы, эльфы, тролли, вампиры... а теперь, смотрю, у вас взгляды либеральнели.

Я ощутил серьезный укол, смутился, но он слишком уж смотрит победно, я пробормотал:

— Гномы, эльфы и тролли... они живут себе, никого не трогают. А вампиры нападают на людей и... причиняют вред. Потому вампиры будут истреблены все до единого!

— Пхе, — сказал он скептически, — вы же мешаете законам природы, которые придумал и составил Творец. Он повелел, что выживать должен сильнейший!..

Я посмотрел на него исподлобья.

— Ну?

— А вы мешаете, — сказал он отечески.

Я покачал головой:

— Да ну? Все правильно, выживать должен сильнейший. Раньше, насколько я слышал, вампиров было больше, чем летучих мышей! У людей есть отличительное свойство, сэр Сатана.

— Ну-ну?

— Общество, — сообщил я ему сногшибательную новость. — Общество выживает лучше одиночек, а в

соревновании обществ выживает лучше устроенное. Так что вампиров, уж извините, но, как и прочих паразитов, истребим до единого.

Он наморщил нос.

— Да? Люди обожают грязь и нечистоты, а ночь им роднее, чем ясный день. Вампиров будут обожать, сочинять о них песни и красивые легенды, а когда их станет совсем мало, начнут прятать от инквизиции и даже давать пить свою кровь.

— Какая мерзость, — сказал я и поморщился, — но должен признать, что вы весьма точно обрисовали ситуацию. Людишки... а их даже больше, чем людей, именно так и поступят. Какие-то извращенцы.

— Ну-ну, — сказал он поблажливо, — это и будут самые интеллигентные и демократичные. Вы не заметили, среди простолюдинов практически не бывает этих свободно мыслящих, которых вы называете почему-то извращенцами? Закономерно, чем человек культурнее, образованнее, либеральнее, тем больше в нем перверсий, что вас так напрягают... Так с кем вы: с грубыми необразованными простолюдинами или же с образованными людьми, что увлекаются педофилией и терпимо относятся к вампирам?

Я ощутил себя не весьма, все-таки со мной говорит лучший во вселенной логик, чьи доводы отшлифовывались тысячелетиями в спорах с умнейшими людьми планеты, но в то же время и отступать как-то не зело.

— А почему, — спросил я угрюмо, — либо-либо? Мы выбираем третий путь.

— Это какой, простите?

— Вампиров и вампирофилов на костры, — сказал я решительно, — педофилов на колья, перверстников — на виселицы. А грубое, но здоровое большинство окультурим и создадим из него подлинное, здоро-

вое и весьма развитое общество! Что будет любоваться бабочками, но когда увидит вампира, тут же его палками в кровавую кашу еще до справедливого и демократического суда, ибо народ — и есть высший суд!

Он поинтересовался вежливо:

— Вампиров на костры... а некромантов куда?

— Некромантов пошлем на курсы повышения квалификации, — сказал я, — где станут дипломированными хирургами и прочими проктологами и гинекологами.

Он захохотал:

— Остроумное решение! Вы все больше мне нравитесь, сэр Ричард. Как же приятно наблюдать за вашим прогрессом и видеть, как бодро и отважно топаете задними ножками строго по моему плану, не отклоняясь ни на шаг в сторону!.. Разве что даже быстрее, чем я надеялся, а это так восхитительно!

— Похвалите себя, — сказал я ехидно, — похвалите. Только не лопните от гордости... Хотите кофе? А то у меня как раз время, а одному неловко.

— С удовольствием, — откликнулся он охотно. Улыбнулся и пояснил: — Могу только принимать добровольные дары или жертву, сам не напрашиваюсь, хотя мне чего только не приписывают!

Я сделал две большие чашки крепкого и горячего кофе, себе с сахаром, Сатана взял свою явно с большим удовольствием, отхлебнул и даже в блаженстве слегка прикрыл глаза.

— Всем приписывают, — возразил я почти мирно. — Неча в страдальцы...

Он улыбнулся и начал пить неторопливо и явно смакуя. Я подумал, что кофе ему приятен вдвойне, так как создано с помощью нечестивой магии, против которой борется церковь.

И хотя сам так частенько подумываю, но, с другой стороны, почему эта способность не от паладина? Создавать еду, сладости, мороженое, кофе — разве это не благо?

Он допил кофе, я поинтересовался:

— Еще?.. А то мне чаще всего одной маловато.

Он ответил с улыбкой:

— Только если не затруднит.

— Ничуть, — сказал я любезно. — Ничуть.

Часть третья

Глава 1

Он не стал уходить в стену шатра, просто допил кофе, светски улыбнулся и моментально исчез, а я остался сидеть разом похолодевший и с сильнейшим чувством тревоги.

Где же я прокололся, если ко мне такой гость, в висках стучит пульс: впервые Сатана ничего не предложил. Впервые ничем не соблазнял. Впервые заглянул просто посмотреть, как выгляжу и что чувствую, когда иду по разработанному им маршруту, скрупулезно соблюдая все повороты. Или даже без поворотов — прямо и прямо в ад.

Сердце стучит часто и тревожно, но вдруг встрепенулось, ускорилося, словно в предчувствии чего-то дивно радостного, что должно вот-вот, но я по дурости забыл.

Я даже встал и огляделся, душа встопорщилась, словно перья попугая в брачном танце, это приближается, приближается...

В комнате вспыхнул радостный плазменный свет первого дня творения. Я ликующе выдохнул еще до того, как безумно яростный огонь оформился в человеческое лицо:

— Тертуллиан!

Бешеные глаза навывкате выступили из пламени первыми, в них такой дикий огонь, что я

смотрел только на них, почти не замечая четко оформившееся крупное лицо с грозно сведенными бровями, свирепо раздувающимися крыльями носа и запавшими щеками.

— Что, — прорычал он люто, — и не трепещешь?

— Трепещу, — сознался я, — но так рад тебя видеть, что трепетание как-то в стороне.

— Рад?

— Ну да, — сказал я, — не виделись так давно... А я соскучился.

Он рыкнул:

— Как можно соскучиться по тому, кто требует, толкает, побуждает, стыдит, грозит?

— Не знаю, — ответил я, — но я соскучился. И подумал даже, не ушел ли ты вслед за другими отцами церкви... все-таки у нас тут пока еще не Царство Небесное.

Он рыкнул еще чуть тише:

— Отцы церкви?. А ты не знаешь, что церковь не включает меня в их число?

— Знаю, — ответил я. — Ты слишком яростен и нетерпелив... И хотя ты сделал для церкви больше остальных, но слишком часто забегал вперед и требовал больших реформ, чем она могла себе позволить... Кофе будешь?

Он рыкнул:

— Конечно. У тебя из каких зерен?

Я ответил с неловкостью:

— Не знаю. Для меня это просто кофе. Главное, чтобы крепкий, горячий и сладкий. Вообще мне кажется, что те, кто выначивается насчет сортов, ароматов и букетов... просто брешут. Или не мужчины вовсе.

— Разумно, — одобрил он.

Я подал ему чашку, огненные руки приняли ее, я понаблюдал, как Тертуллиан пьет, впервые чувствую

себя так странно, раньше всегда просто трепетал всеми конечностями, как самая трусливая на свете мышь, и не осмеливался поднять взгляд.

— Хорош, — одобрил он. — Как в моей родной Африке... Я смотрю, ты совсем не раскаиваешься?

— Что спас от смерти вассала?

— Что спас некроманта! — рыкнул он и моментально стал крупнее, навис надо мной, как ядро нейтронной звезды, массивный и тяжелый.

— Не раскаиваюсь, — ответил я. — Да, поступил неправильно. Однако тот закон, который вложил в нас Творец, велел поступить именно так. Не знаю почему.

— Не знаешь?

— Просто не докапывался, — уточнил я.

— Почему?

— Некоторые вещи нужно делать потому, — объяснил я, — что... надо. Хотя, конечно, есть и какие-то очень разумные и сложные объяснения. Но это для копателей.

Он покачал яростным сгустком огня, из которого смотрит суровое и красивое в своем безобразии лицо. Я подумал, что в минуты гнева эти вот глаза навывкате наливались кровью, и в таком облике он становился в самом деле страшным и пугающим для простых людей Карфагена.

— Ты идешь своим путем, — прорычал он тише и с некоторым сочувствием, — а он чреват.

— Ты тоже шел своим, — отпарировал я. — Тебя не отлучали от церкви только потому, что самой церкви фактически еще не было, а то бы...

Он молча протянул руку, я вложил в нее вторую чашку с парующим кофе. Некоторое время мы пили молча, но я видел его испытующий взгляд и смутно дивился, что впервые не чувствую прежнего страха, хотя именно сейчас провинился больше всего.

— Ты совершил тяжкий грех, — пророкотал он наконец неспешно. — И он велик... Но ты рискнул своей жизнью и даже душой, чтобы спасти того, кто верен тебе и кто зависит от тебя. Так поступил когда-то Христос. Это искупает... да, искупает. Так и... правильно.

Я вздохнул свободнее.

— Ну... знаешь, видимо, во мне это ощущение и было. Где-то глубоко внутри.

— Чувство правоты?

— Да.

Он вздохнул:

— Тебе будет непросто, Ричард. Когда идешь по дорогам, проторенным великими и достойными людьми, то всегда знаешь, как поступать правильно, и всегда знаешь, какой из поступков хорош, а какой нет. Но когда вот так... скажи, а тебе надо быть первопроходцем? Особенно когда уже есть дороги?

Я замотал головой:

— Ни в коем случае!.. Я не люблю непроторенных путей.

— Тогда зачем?

Я развел руками:

— Если бы обрек некроманта на смерть, церковь бы одобрила, дескать, поступил правильно. Ибо вся нечисть, нежить и все чернокнижное должно быть уничтожено. Это правильно. Однако бывают случаи, когда и церковь не права.

— Почему?

— Просто не может охватить все, — пояснил я. — И хотя я действовал вопреки правилам церкви, но... в духе церкви! В духе христианства и справедливости. И потому я чувствовал, что прав, даже если сам папа римский сказал бы, что надо было оставить некроманта умереть.

— И не рисковать христианской душой, — рыкнул он мощно, — для спасения гнусного язычника и чернокнижника... Но, Ричард, теперь за тобой будут следить внимательно и настороженно все стороны!.. Да, я знаю, ты вообще-то на стороне церкви... но, боюсь, она тебе уже не поверит.

Я сказал невесело:

— И что? Поступать, как велит она? Хотя да, в девяности девяти случаях права.

Он рыкнул:

— Твой поступок... нашел понимание на самом верху. Но это не значит, что не станут чинить препятствия ниже. Церковь... это очень большая организация со сложной иерархией и разветвленной структурой, где далеко не все согласовано и подчинено по вертикали. Церковь — не армия, в церкви люди думающие, спорящие, отстаивающие свою точку зрения!.. И хотя все в ней, как говорится, на стороне Добра и Света, но трактовки этого добра могут весьма различаться.

— Не добра, — уточнил я.

— Что?

— Оттенков, — пояснил я. — Когда добро слишком близко к опасной грани, у всех разные толкования, где нужно остановиться. А так, конечно, абсолютное зло все в церкви считают злом! Как и чистейшее добро добром.

Он хмыкнул, допил с явным удовольствием.

— Спасибо за кофе.

Я спросил:

— Еще чашечку? А то меня спасение такого вассала потрянуло, ведро бы выпил...

— Да, — ответил он, — если не затруднит.

— Ничуть, — ответил я любезно.

Когда свет исчез вместе с Тертуллианом, серо и уныло стало настолько резко, что я вздрогнул. Неужели постоянно живу в этой серости?.. Тертуллиан, *ardens vir*, муж неистовый, как его называли, весь из внутреннего огня, страстный и непримиримый боец, агрессивный и напористый, что даже теперь в постоянном бою и потому не может покинуть грешную землю...

...но я-то не такой? Я вообще-то конформист, везде ищу согласие и выгоду, полная противоположность Тертуллиану, почему тот вообще не прибил еще?

Наверное, мелькнула утешительная мысль, не может. Иначе вообще бы всех на земле перебил при его требовательности и нетерпимости.

Через час за стенами шатра слышался нарастающий гул, земля начал подрагивать, а голоса в лагере стали громче.

Я собрался с силами, вышел, улыбка сама растянула губы во всю ширь: к лагерю подъезжают на рослых прекрасных конях под разноцветными попонами в шахматку гордые и красивые рыцари в шлемах с пышными султанами на гребнях и с поднятыми забралами.

Все в великолепных доспехах, ярко сверкающих на солнце, веселые и довольные жизнью, молодые и сильные, цвет рыцарства и вообще мужского населения.

Я жестом запретил преклонять колена, с удовольствием смотрел, как рыцари бодро соскакивают на землю, несмотря на тяжелые доспехи.

— Сэр Будакер, — сказал я, — народ разместится без вас, здесь все подготовлено, вы умеете подбирать людей, а вас попрошу для последних инструкций.

Он отдал повод коня оруженосцу, вошел вслед за мной в шатер и тут же в некотором недоумении принялся.

— Странный запах...

Я потянул носом, действительно что-то есть еще кроме аромата крепкого кофе.

— Наверное, местные травы?

Он покачал головой:

— Да нет, словно бы здесь черти дрались с ангелами. Пахнет смолой, и серой, и также ладаном.

— То и другое достаточно противно, — согласился я. — Как абсолютное зло, так и абсолютное добро. Это я в ожидании вашего приезда принимал здесь посланцев... ну, вы понимаете, и вел с ними долгие содержательные беседы. Если перевести с языка дипломатии, то это значит, что ни о чем не договорились ни с теми, ни с другими, но каждая из сторон донесла до меня свое понимание проблемы.

Он улыбнулся, уверенный, что это у меня такие шуточки, а я сел на лавку и похлопал по ней ладонью.

— Садитесь, сэр Будакер.

— Спасибо, ваше высочество.

— Я снова помчусь вперед, — сообщил я, — посмотрю всю дорогу насчет складов с продовольствием.

— Спасибо, ваше высочество, однако...

— И вообще, — договорил я, — как там местное население... не строит ли завалы на дорогах?

Он сел, но на самый краешек, готовый в любой момент вскочить, постоянно помнит о субординации, лицо серьезное и сосредоточенное.

— Королевство вроде бы дружественное, — произнес он осторожно, — однако в одиночку особе столь высокого ранга...

Я поморщился:

— Сэр Будакер!

— Гм, — сказал он. — Вам... вам это наверняка столько раз говорили...

Я кивнул:

— Уже оскомина.

— Тогда задача всех лордов, — сказал он виноватым голосом, но уже по-деловому, — найти таких же быстрых коней. Чтобы отряд мог сопровождать вас, не отставая.

— Да, — согласился я, — это да, вы правы. А то когда быстрый конь только у меня, вы же понимаете, как мучительно тащиться вместе со всеми, когда могу... да, могу!

Шателлен хотя и намного меньше Турнедо, но вытянулся рядом с ним почти во всю длину, так что пересекать его придется, к счастью, не вдоль, а поперек, а это займет всего с недельку.

Зайчик идет строго по дороге, все понял, хотя, конечно, скорость пришлось убавить резко. Даже Бобик понял мой замысел и потому обнюхивает каждый склад по пути.

— Молодцы, — сказал я поощрительно, — надеюсь, и на остальных двух дорогах тоже готовятся к нашествию прожорливой, как саранча, армии...

Бобик поравнялся со мной и посмотрел с вопросом в умных коричневых глазах.

— Ты прав, — ответил я на невысказанный вопрос. — Мы не будем проверять все до единого, иначе даже при нашей резвости армия в два счета догонит таких черепах. Здесь вроде бы все в порядке... Теперь посмотрим, куда выводит эта дорога...

И снова они, удивительное дело, поняли моментально: наезженная колея осталась в стороне, а мы пошли напрямик, где меньше риска, что перепугаем кого-то, а то и собьем с ног.

Судя по карте, вот за этим плато будет лес, излучина реки, но пройдем мимо, а затем земли Шателлена

заканчиваются. Дальше еще река, по ним обычно и проходят границы, если нет разделяющих горных хребтов...

Величественное огромное пурпурное солнце поожгло облака, а с ними и всю западную часть небосвода, медленно продавилось за темный край, что вспыхнул оранжевыми искрами и погас, а в небе остались только медленно багровеющие перед тем, как стать темно-фиолетовыми, облака.

Зайчик, слушая мою невысказанную команду, сбросил скорость, я начал посматривать по сторонам в поисках удобного ночлега, могу и под деревом, я гусь не гордый, а Бобик громко гавкнул, обращая мое внимание на скачущих всадников.

Они проехали бы мимо, но увидели меня, чуть скорректировали курс, я остановил настороженно Зайчика и ждал, положив ладонь на рукоять меча.

Пятеро богато и пышно одетых дворян, за ними дюжина слуг, почти у всех поперек седла либо убитый олень, либо барсук, несколько крупных птиц и два кабана.

Передний еще издали сорвал с головы шляпу и, подъехав, учтиво поклонился.

— Ваше высочество! — вскрикнул он. — Я барон Джигес Крейст, это мои друзья, возвращаемся с охоты. Мы, как увидели вас, прям не поверили, что это сам Ричард Завоеватель, но ни у кого нет больше такого коня и такой собачки...

Всадники подъехали ближе, все смотрят с жадным любопытством.

— Чьи это земли? — поинтересовался я.

— Владения господина Мидля, — сообщил барон с гордостью. — Он теперь уже герцог, знаете ли!..

Я запнулся на мгновение, трудно что-то сразу сказать, наконец я проронил неспешно:

— Хорошее у него место... Дорога в Ламбертинию идет прямо по границе его земель... А по ту сторону его владений, если не ошибаюсь, королевство Алькантаро?

Он сказал радостно:

— Вы правы, ваше высочество!.. Богатое и зажиточное королевство, наши купцы и торговцы ведут с ним взаимовыгодную торговлю. Вы для нас сумели добиться беспошлинности от короля Найтингейла, а это существенно, все-таки расстояния, дорожные издержки... Ваше высочество, мы ждем вас у герцога!.. Здесь больше негде остановиться на ночь.

Глава 2

Я взглянул на темнеющее небо, западная часть свода все еще в красочном закате, облака полыхают, как подожженные нашей армией стога на землях противника, но скоро и там все подернется темным пеплом.

— Неловко тревожить герцога, — сказал я.

Барон запротестовал:

— Ваше высочество, вы всех нас смертельно обидите, если остановитесь у кого-то другого!.. Да и нет никого поблизости. Только у герцога, мы настаиваем.

Я покачал головой:

— Барон, барон... вы же не герцог! Как мы можете приглашать в чужой замок...

Он ахнул:

— Чужой? Да я его родной дядя, который учил его еще деревянным мечом махать. А вот виконт Кэвин Майкл, который научил его забираться на коня!.. Мы все его родня и гостим сейчас у него!.. Пируем по поводу того, что он удостоен высокого титула герцога!

Я открыл рот и закрыл, мои возражения будут какими-то ненастоящими. Эти гордые лорды в самом

деле сочтут себя оскорбленными, не видя уважительной и понятной причины для отказа.

Один из них, решив за меня, весело ухватил Зайчика за повод и помчался к замку. Правда, арбогастр вскоре мотнул мордой и освободился, но некоторое время шел рядом, ревниво поглядывая огненным глазом на скачущего, а потом хвастливо обогнал так, что пришлось придерживать, ну не могу я приехать к Мидлю и сказать «драсте»!

У ворот меня обогнали барон Крейст и виконт Майкл, за ними пронеслись еще родственники, как же их много, меня внесло с ними как бы общим потоком, вроде щепки, даже щепочки в бурном человековороте, у меня на общих основаниях приняли коня, а Бобик не стал ждать, когда ему что разрешат, а бросился искать дверь для детальной инспекции кухни.

Вокруг меня радостно закричали, я оглянулся, непонятное чувство неловкости стало сильнее. Из донжона вышел маркиз Мидль, теперь уже герцог, улыбающийся и довольный, но когда увидел меня, улыбка его примерзла к губам.

К нему подбежали барон Крейст и виконт Майкл, как самые близкие к герцогу люди, быстро что-то говорили, указывая в мою сторону. Я собрался с духом и отправился к хозяину, стараясь ступать ровно и спокойно, а примерзшую к губам улыбку изогнуть так, чтобы выглядела как можно более естественной.

Он поклонился мне одновременно со мной, мы практически одинаковы по титулам, хотя у меня и чуточку выше, но и это смотря где. Титулование складывалось, как говорят умники, исторически, а это значит, что есть королевства, где даже барон выше графа...

— Ваша светлость, — сказал я.

— Ваше высочество, — произнес он.

Я сказал неестественно живо и обрадованно:

— Маркиз... простите, герцог, позвольте поблагодарить вас за те прекрасные рудники Херфста! Вы содержали их в таком образцовом порядке, что мне практически ничего не пришлось менять или перестраивать. Только расширил чуть, но использовал для этого все ваши наработки.

Он светски улыбнулся:

— Рад слышать, ваше высочество. Прошу вас в дом.

— Благодарю вас, герцог.

Я видел, что он тоже, судя по тому, как избегает смотреть на меня, испытывает неловкость, все-таки не зря от подобных разновидностей брака постепенно отказываются, наша мужская психология не терпит рядом второго мужчину, даже если он юридически тоже является мужем.

Мы прошли через два небольших зала, лестница ведет наверх, там простучали весело женские каблочки, я невольно поднял голову.

Франка как начала спускаться, так и остановилась на середине, держась за перила, даже ухватившись.

Мидль произнес церемонно:

— Сэр Ричард, моя жена Франка... гм... простите, жена Франка... Милая, приветствуй... сэра Ричарда и скажи, что он как раз успел к ужину.

Франка совладала с собой, начала спускаться медленно и красиво, неся громаду длинного и раздутого в стороны по последней моде Сен-Мари платья.

На ее лице улыбка появилась самая настоящая, чистая, лучезарная и естественная, я даже восхитился смутно умению, с которым женщины могут надевать личину и ходить с нею весь день.

— Сэр Ричард, — проворковала она и, сойдя вниз, приподнялась на цыпочки и поцеловала меня в ще-

ку, — мы бесконечно рады... Вы прибыли проверить, как идет работа в ваших рудниках?

Я изумился:

— А для чего же еще?... Я вот такой хозяйственный, что только о своем хозяйстве и думаю, забочусь! Засыпаю и думаю о нем, а когда просыпаюсь, то сразу же мысля: что с ним?... Как им пользоваться, чтобы наивысшая отдача? В смысле, и польза, и удовольствие?

Мидль с облегчением вздохнул, когда она чмокнула меня в щеку, а не в губы, но когда я начал распинаться о руднике и добыче железной руды, взглянул с подозрением.

Церемониймейстер в связи с моим прибытием, важничая и кичась знанием тонкостей этикета, велел переставить стулья за обеденным столом так, что мы с Мидлем оказались по обе стороны Франки. Или это она между нами.

Еще с нами трапезничают два десятка приближенных и родственников Мидля, все исполнены благодушия, день прошел хорошо, на охоте, кроме всего, добыли трех оленей с вот такими, а здесь когда так говорят, то имеют в виду рога, а еще двух могучих вепрей, клыки у обоих что бивни.

— Прекрасная оленина, — проговорил я с натугой, — сама Франка готовила?

Мидль слегка поморщился, Франка вообще сделала вид, что не слышала, а сэр Крейст хохотнул:

— Франка? Да она не знает, в какой стороне здесь кухня!

— Но так вкусно, — сказал я, — потому и подумал...

— Это не занятие для женщин благородного рождения, — сказал виконт Майкл безапелляционно. — Хотя вот моя жена любит заходить на кухню, это прав-

да. Но она только отдает приказание, что приготовить на обед, что на ужин.

Мидль обронил степенно:

— Наши повара знают, что готовить.

Барон повернулся ко мне:

— А как его высочество относится к кухне?

— Я к ней не отношусь, — сообщил я. — Полностью солидарен, так сказать, с благородным герцогом Мидлем. Мужчины не должны обращать внимания на то, что жрут.

Виконт Майкл полюбопытствовал:

— Почему?

— Иначе внимания может не хватить, — пояснил я, — на что-то в самом деле важное.

Барон Крейст сыто гоготнул:

— Но в делах любви, уверен, вы с его высочеством выбираете лучшее, га-га-га!..

Остальные захохотали тоже, Франка застыла, румянец начал растекаться гуще, поднялся к скулам и поджег их, а затем сместился в сторону ушей, и те запылали багровым огнем, освещая нашу часть зала.

Мидль держится, как скала на берегу океана, ее даже волны не могут сокрушить, а это так, легкий ветерок. Его руки мерно отрывают куски хорошо прожаренного мяса, отправляют в рот, время от времени вытирает пальцы и ладони, по которым течет жир к локтям, о скатерть или одежду прислуживающих слуг, лицо абсолютно невозмутимое, и даже голос прозвучал ровно и незаинтересованно:

— Барон, но разве тот олень, которого вы сумели затравить в прошлом году, не был крупнее?.. У него рога, как сейчас помню...

Сэр Крейст сказал с готовностью:

— Тот был гигант, но этот вообще... Хотя, конечно, надо перемерить, а то на глаз как-то не совсем...

Я все готовился вмешаться и перевести разговор на что-то более уместное, но Мидль и так умело подбросил тему, все заговорили и заспорили насчет того, какие рога бывают у оленей, сначала говорили только о размерах, потом пошли рассказы про оленя с золотыми рогами, про винторогих, убивающих собак с одного удара, оленей Гершеля, оленей Хозяйки Леса, оленей, подпускающих охотников совсем близко, а потом на полном ходу прыгающих через пропасти...

Закончив с мясными блюдами, я кое-как сожрал пару сдобных пирогов и, стараясь сделать это как можно незаметнее... ну да, ну да, сделаешь это здесь за центральным столом на центральном месте, оставил пиршество.

Не знаю, самое лучшее бы вообще сейчас найти повод и смыться, но все мы зависим от мнения окружающих, я морщил лоб и двигал бровями, но такая мимика, хоть и выразительна, мышлению помогает мало, ничего в голову не приходит, чтобы не уронить или хотя бы не слишком уронить... хотя, на мой взгляд, если достоинство уронить, то на лету уже ни за что не подхватишь.

Гости по одному, по двое покидают застолье и выбираются в общий зал, а то и вовсе на крыльцо, где уже ночь, страшное черное небо, очистившись от облаков и пыли, усыпано великолепными звездами, сияющими ярко и победно.

Мидль проявляет поразительную деликатность, как только я появляюсь в поле зрения, отходит от Франки, дескать, помнит, что у меня на нее те же права, что и у него.

Я благоразумно избегал обоих, но когда уже решил, что пора отправляться спать, увидел, как Франка появилась в дверях и решительными шагами направилась ко мне.

— Сэр Ричард!

Я ответил с поклоном:

— Леди Франка.

Румянец снова поджег ее щеки так, что стали багровыми, грудь часто вздымается, а дышит Франка весьма учащенно, но когда заговорила, голос ее прозвучал при всем смущении достаточно уверенно:

— Сэр Ричард, я прекрасно понимаю вашу неутолимую страсть, что погнала вас из вашего Турнедо через два королевства, чтобы снова овладеть мною... и весьма польщена, однако не хочу, чтобы возникли какие-то трудности!

Я ответил настороженно:

— Я тоже, милая Франка. Потому и сказал, что якобы из-за рудников примчался с такой страстью...

Она воскликнула:

— Вам трудно сдерживаться, вижу, вы весь кипите, у вас даже во взгляде такая дикая страсть, но, умоляю вас, постарайтесь сдержаться до ночи!..

Я пробормотал:

— Да уж... ночь все близится, а Франки нет как нет... Я продержусь, Франка. Ага, я же такой, просто железный.

Она оглянулась украдкой и сказала совсем тихо:

— Я понимаю, сэр Ричард! Как понимаю и вашу безумную страсть, что погнала вас так далеко, только чтобы обладать мною... Однако, сэр Ричард, мне страшно неловко, я понимаю, что такое лучше бы уточнить между мужчинами, но сэр Мидль очень деликатен, он даже в полной темноте никогда не раздевается полностью, как делаете вы в своем предельном бесстыдстве... потому он не сможет обсуждать такие вопросы...

— Женщины, — согласился я, — играют в обществе все большую роль. И это как бы правильно. Вам вполне можно доверять разрешение весьма определен-

ных вопросов. Не стану все перечислять, их масса, где-то около полудюжины.

— Спасибо за поддержку, сэр Ричард!

— Все для вас, леди Франка, — заметил я скромно.

— Сэр Ричард...

— Ну-ну?

— Даже не знаю, как такое и сказать...

— Да просто говорите, — предложил я.

Ее багровые щеки уже светятся изнутри, от кончиков ушей можно зажечь все свечи в замке и даже люстры, а тяжелый пурпурный румянец опустился на нежную белую шею и медленно пополз на грудь.

Я засмотрелся на его продвижение, неужто в самом деле воспламенит вот эти два нежных арбузика...

— Сэр Ричард, — проговорила она, — мне ужасно стыдно, я была воспитана в строгих правилах и никак не думала, что...

— Леди Франка?

Она опустила взгляд, а потом и вовсе отвела в сторону.

— Сэр Ричард, — голос ее впервые дрогнул, — очень важный момент нужно уточнить...

— Слушаю, леди Франка.

— Как мы, — сказала она с трудом и покраснела еще сильнее, — будем вести это... ну, супружеские отношения?

— Гм, — сказал я, — а что, если какие-то варианты?

— Да, — ответила она, не поднимая взгляда. — Либо вы с сэром Мидлем будете приходить ко мне на ложе... либо я должна приходить к вам обоим...

Я вздохнул, варианты оказались не очень, улизнуть никак, сказал обреченно:

— Нет уж, лучше вы притопывайте. Я тогда, может быть, покапризничая и скажу, что меня голова болит... снова.

Она не поняла, при чем тут голова, явно эта отговорка появилась в поздние времена, сказала тихо:

— Хорошо. Тогда я приду сперва к вам, потом к сэру Мидлю.

— Ну, — ответил я, — это как вам удобнее.

Она сказала тихо:

— Спасибо, сэр Ричард.

Я изумился:

— За что?

— Вы прежде всего, — пояснила она застенчиво, — заботитесь, чтобы удобно было мне. Никто из мужчин так не делает.

Глава 3

Молоденькая застенчивая девушка со свечой в руке проводила меня в спальню, отбросила край одеяла, показывая чистую простыню, проговорила, сильно краснея:

— Если здесь что не так, ваше высочество, только скажите.

Я отмахнулся:

— Спасибо, я воин, привык спать и прямо на земле.

— Больше ничего, — прошелестела она, — не нужно?

Я помотал головой.

— Спасибо, что проводила, а то я б не нашел дороги, правда. Тут везде так темно... Спасибо, можешь идти.

Она сделала шаг назад, щеки полыхают, сказала просительно:

— Давайте я вам сапоги сниму.

Я хохотнул:

— Боишься, что в сапогах залезу под одеяло? С сапогами просто, вот смотри...

Я поддел носком сапога под пятку второй, сбросил мигом, так же быстро стащил и второй.

— Передай спасибо сэру Мидлю, — велел я. — В самом деле, ценю. Но, увы, сейчас нет. Хотя в другое время и в другом месте...

Она поклонилась и отступила.

— Все передам, ваше высочество.

Когда дверь за ней тихонько закрылась, я в самом деле подумал, что Мидль хоть и действует в своих интересах, но оказывал мне приятную услугу. Но, увы, здесь я, оказывается, именно потому, что сгораю от безумной страсти. Так что эта милая служаночка в другой раз, хоть хорошенькая, просто сладкое пирожное только что из печки...

Франку пришлось ждать долго, словно сэр Мидль строго по часам делит ночь, наконец дверь тихонько отворилась, Франка в длинной ночной сорочке, подол подметает пол, а когда прошла мимо большого напольного светильника, я даже не увидел хотя бы смутного силуэта ее тела, словно ее рубашка из плотной парусины, что везут Ордоньесу на его каравеллы.

Она едва не наступила на Бобика, тот раскинулся на полкомнаты и прикидывается тряпочкой.

— Ой, какой ужас!

— Вы же с ним знакомы, — уличил я. — Бобик, не загораживай дорогу! Леди Франка ленивая и обойти не может. Тебя же целую милю обходить!

Бобик поднялся, посмотрел на Франку с укором, зевнул и долго размышлял, лечь поближе к постели, чтобы встающий спросонья опустил босые ноги ему прямо на спину и помер от ужаса, либо к двери, где снизу в щелочку просачиваются все запахи, по которым видно, где и что в доме...

Она обошла его на всякий случай по широкой дуге, а когда приблизилась к постели, я отодвинулся и поднял одеяло. Она охнула и поспешно отвернулась, даже глаза прикрыла розовыми ладошками.

— Ах, сэр Ричард!

— Да, Франка?

— Как вы можете, — пропищала она, — это же... непристойно для благородного человека!

— Дык я же для вас, — пояснил я. — Галантность выказываю. Чтоб вам не трудиться, поднимая. Это как дверь перед вами распахнуть.

— Сэр Ричард, — вскрикнула она в негодовании, — но за дверью вы... голый!

— Так я ж в постели, — сказал я, — и за дверью. Так вы ложитесь или нет?

— Задуйте свечи!

— Хорошо, хорошо, — сказал я успокаивающе, — мне вообще-то нравятся ваши кондовые нормы. Хорошие, нравственные. С точки зрения семьи и государства...

Она отворачивалась от меня, ориентируясь по шлепанью моих босых ног, пока я вылезал и шел к светильнику, а когда я задул все свечи до единой, не оставив даже для ночничка, она поспешно юркнула, как мышка в норку, под одеяло и затаилась.

Я вернулся, пощупал кровать, вроде тоже не вижу, Франка торопливо отодвинулась к самой стене, едва не распластавшись на ней, как гобелен.

Мне показалось, что дышит несколько учащенно и вообще разогрета больше, чем если бы просто прошла по короткому коридору между двумя спальнями, но смолчал. Пусть сэр Мидль торжествует крохотную победу, и пусть у них будет маленькая тайна против меня, как умело обведенного вокруг пальца.

— Теперь удобно? — спросил я.

Она ощутила сарказм, ответила с достоинством:

— Зато это прилично.

— Вы не вампириша случаем? — спросил я.

Она сказала сердито:

— Приличные женщины при свете не раздеваются. Я просто... не могу, когда горят все свечи!

— Больно строгое у вас воспитание, — заметил я. — Это прекрасно! Тем слаще нарушать всякие запреты и законы.

Она послушно вскинула руки, когда я начал снимать с нее эту рубашку из тяжелого и плотного материала и очень целомудренного покроя, да, вон даже разрез в нужном месте, чтобы все можно было без всяких там штучек и даже без поцелуев.

Еще бы капюшон с завязками, подумал я саркастически, и маску на лицо без поднимающего забрала, а дырочек для дыхания хоть много, но мелкие, чтоб никаких поцелуев или чего-то еще, чего еще нет, хотя кто знает...

Она послушно легла на спину и раздвинула ноги. Нагая, уже не выглядит строгой учительницей, для большинства женщин платья то же самое, что для нас стальные панцири, в них мы везде чувствуем себя крутыми мужчинами, готовыми к сражениям, и Франка, лишившись женских доспехов, в ужасе от того, что делает, покрылась гусиной кожей.

На бледном лице глазные впадины кажутся невероятно широкими и просто бездонными, и только влажный блеск выдает, что она следит за мной трусливо и настороженно.

В ночи ее шея кажется тоньше, ключицы выступают остро, а углубления там опасно глубокие, ребра выступают под натянутой кожей, а крупная грудь в контрасте со всем телом, где и живот впалый, и ноги тонкие... нет, это голени, а бедра в порядке, даже весьма так, не учительские.

Она прошептала жалобно:

— Сэр Ричард? Вы что меня так рассматриваете?

— Темно ведь, — сказал я успокаивающе. Думаю, даже ее глаза приспособливаются к слабому лунному свету, краешком заглядывающему в окно, и она смут-

но видит нависающее над нею темное тело. — Все хорошо, Франка...

Она прошептала:

— Нехорошо. Я чувствую, что нехорошо.

— Но мы уже были в постели, — напомнил я.

Она сказала жалобно:

— И тогда был грех, но я была далеко, а сейчас сэра Мидль в соседней спальне!.. Это ужас, ужас, ужас!..

— Но это разрешено церковью, — напомнил я.

Она прошептала:

— Пока разрешено, но уже начинает вызывать осуждение. Я слышала, папа римский говорил, что земля наполняется людьми, и можно вернуться к строгим библейским нормам, когда один муж и одна жена.

Я пробормотал:

— Ну, в Библии, насколько я помню, многоженство цветет и пахнет. У Соломона было семьсот жен и триста наложниц, у Давида их десять, у Ровоама — восемнадцать жен и шестьдесят наложниц... Так что все наоборот, это сейчас мы становимся строже. Но пока что законы служат для того, чтобы все женщины имели мужей, а когда войны прекратятся... гм... ну да, тогда можно будет «один муж — одна жена»...

Она сказала жалобно:

— Наверное, потому я чувствую себя такой преступницей?

Я наклонился и поцеловал ее.

— Мы не преступники.

И все-таки она ужасалась, чувствуя себя ужасающе бесстыдной и развратной, все время помня, что за стеной, пусть и очень толстой, надежной, в постели ворочается сэра Мидль.

К счастью, в самом деле получила строгое воспитание, так что когда патетически ужасалась моему безумию любви, из-за которой я ошалело, как мартовский заяц, промчался через Турнедо и Шателлен, то все равно не имела представления, что это такое за безумие, кроме как поэтический термин менестрелей.

Я довольно быстро справился с супружескими обязанностями, повернулся к стенке и заснул, чтобы не выходить из образа и оставаться настоящим мужчиной.

Когда звонкий птичий щебет заставил вынырнуть из глубокого и смачного сна, в постели рядом пусто, на соседней подушке отпечаток ее головы, над ложем витает аромат вымытых в ромашковом отваре длинных женских волос, которые, как догадываюсь, мыть долго и нудно.

Я поднялся, невольно попытался представить, пошла ли умываться и чистить зубы, или же вернулась в постель к Мидлю, все-таки с ним любовь сердечная, а со мной служебно-королевская, на пользу Родине и Отечеству, а также Прогрессу и сближению двух соседних королевств.

Ладно, пусть к Мидлю, ничуть не завидно, хотя да, конечно, я же мчался с выпученными глазами, загоняя коней десятками, только бы вот утолить свою страсть, ну да, я такой, вот только шнурки завяжу и побегу, а как же...

Из соседнего зала донеслись нежные звуки игры на лютне, громкие голоса, кто-то даже запел и тут же умолк, а лютня зазвучала иначе. Чувствуется, что певцы подбирают мелодию и слова, я заинтересованно свернул в ту сторону.

В зале в уголке расположилось четверо вычурно и по последней моде одетых молодых व्यуношей, один за клавесином, второй с лютней, двое усыпают лист

бумаги закорючками, то ли тайнопись, то ли нотные знаки местного значения.

Я сказал бодро:

— Боевую песнь сочиняете?.. Правильно, хвалю!.. Могу подсказать слова: «Вперед, шателленцы, не смейте отступать!.. Шателленцы смело привыкли умирать!» Правда, здорово? Или вот еще лучше: «Он упал возле ног вороного коня и закрыл свои карие очи, ты конек вороной, передай, дорогой, что я честно погиб за рабочи... гм, ну тут можно поставить «Шателлен», «Его Величество короля Найтингейла», но можно и меня, как лучшего друга вашего короля....

Они все тарашили на меня глаза, один из бардов сказал с почтительнейшим поклоном:

— Ваше высочество, шателленцы — мирный народ, мы не рвемся в бой!.. И песни у нас... мирные. Сейчас обсуждаем рифму к слову «любовь», ваше высочество. Керковер, вот он за клавесином, предложил создать по горячему следу вдохновенную песнь о великой и трагической любви сэра Ричарда, рыцаря и палладина к прекрасной, но уже замужней женщине... назовем ее Франкой, чего уж таиться!.. О его безумной страсти, что ведет его через всю жизнь и подчиняет ей все его мысли, чувства, желания и стремления...

Второй сказал со вздохом:

— Но только не можем подыскать рифму...

— Кровь, — сказал я.

Они ошалело переглянулись, один воскликнул:

— Здорово! И как ново!.. Спасибо, ваше высочество!.. Чувствуется, что у вас сердце кровью обливается из-за безумной и неистовой любви, что ведет вас, как путеводная звезда вела троих волхвов...

Второй спросил робко:

— А на слово «очи» не подскажете?

— Ночи, — сказал я, не задумываясь. Хотел предложить еще и «рабочий», но пока такого слова еще не существует. — Да «очи — ночи». Свежо, не правда ли?

Они снова посмотрели друг на друга в великом удивлении, мол, если все гениальное просто, почему же мы сами не додумались, а я трагически и скорбно улыбнулся и пошел, сгорбившись от тяжести неразделенной любви... или у меня разделенная?

Вообще-то разделенная, если иметь в виду, что делим ее с сэром Мидлем вообще-то по-честному, если не считать мелких хитростей. А раз разделенная, то, значит, уже легче.

Кто кому помогает нести груз супружеских обязанностей, не так важно, главное, что от этого брака выиграли все, как мне кажется. В первую очередь, конечно, Найтингейл, во-вторую — Мидль, любовь когда-то уйдет, а титул герцога останется, выиграла Франка, хоть пока не понимает своего счастья и жутко стесняется, но придворные дамы и вообще женщины начинают втихую завидовать и за спиной обсуждать разные пикантные подробности нашей совместной жизни, придуманные ими самими же.

Глава 4

За нашим столом, составленным из двух в виде буквы Т, расположились два десятка лордов, убывающих по знатности, но даже на самом дальнем конце сидят бароны и два виконта.

Я заметил, как игриво поглядывают в нашу сторону лорды, их здесь половина родственников Мидля, что и понятно, к герцогу интерес повысился, теперь у него даже старше его по возрасту дяди бывают гораздо чаще, стараясь понравиться и что-то поиметь тоже.

Женщины на Франку бросают взгляды скорее сердитые и завидующие, чем дружелюбные. Из-за войн и сражений мужчин и так много меньше, а тут еще она захапала сразу двоих.

Я подумал с сочувствием, что у Франки в самом деле весьма выгодная позиция на их взгляд: если удачливой в своем хитром женском кругу считают ту, что вышла замуж за противного плюгавого старика, но тайком встречается с молодым любовником, то здесь оба еще юные и полные сил, статные, красивые и знатные лорды. Свинья она такая, нечестно по отношению к подругам...

Франка вперила взгляд в тарелку, на нежных щеках дивно пульсирует нежнейший румянец: то усиливается, то почти исчезает, и даже когда к ней обращаются с вопросом, старается отвечать, глядя не в глаза спрашивающего, а на его подбородок или вовсе на верхнюю пуговицу.

Как и везде, к мясу подали много вина, мужчины быстро хмелели, хотя вино лишь немногим крепче пива, которое я употреблял раньше.

Виконт Кэвин Майкл, что сидит от нас чуть ли не самым дальним, поднялся с кубком в руке, явно хотел провозгласить тост, но передумал и пошел к нам.

Возле меня остановился, покачался и сказал мне на ухо жарким шепотом, так что услышали и в соседнем зале:

— Сэр Ричард, как мы все вам завидуем!

— Чему? — спросил я настороженно.

— Безумству страстной и всепожирающей любви, — пояснил он, — что охватила вас, как всепожирающая.. ну, всепожирающая!.. Это то счастье, о котором мечтает каждый мужчина, но которое, увы, ускользает почти от всех...

Барон Крейст, что сидит от меня слева, возразил:

— Но не от всех.

— Разумеется, — воскликнул виконт. — Сэр Ричард тому пример!..

— Я говорю о героях рыцарских баллад, — напомнил барон Крейст. — Их, конечно, меньше, чем песен о сражениях, но только потому, что случаев дивной и всепоглощающей любви меньше, чем даже великих войн.

Виконт вздохнул:

— Но как их поют! Вы помните, как в сражении у Оврага Синей Рыси мне, сброшенному с коня, битюг сэра Орлеписса наступил копытом на причинное место? Я даже не поморщился, но когда слушаю о любви сэра Тристана, всякий раз прошибает слеза...

— А я просто реву, — признался барон.

— И я реву, — сказал виконт сокрушенно. — Что делать, любовь сложная штука, но без нее еще сложнее. И жизнь не полна.

Мне малость поднадоело слушать такое, я поинтересовался вежливо:

— Барон, а вы женаты?

Он покачал головой:

— Пока еще не женат...

— Удобно, — признал я, — а вы, сэр Майкл?

— Жену свою люблю, — ответил тот с достоинством, — поэтому изменяю редко. Но все равно, это всего лишь жена... а у вас — Любовь! Безумная, безудержная, безрассудная, сводящая с ума, неистовая, жгучая, пламенная...

Он перечислял довольно долго, я успел за это время съесть два ломтя телятины, попробовал ляжку кабана, крылышко лебедя, погрыз зажаренных в сухарях перепелок, долго копался в печеных перепелиных яйцах, выбирая покрупнее, потом настала очередь слад-

ких пирогов, я расправился с двумя, которые пришлось держать обеими руками.

— ...страстная, неудержимая, опаляющая, — закончил сэр виконт, — это наша мечта... Как жаль, что для меня она ею так и останется. Я по своей черствости и малодушию не способен разрушить ради любви свой дом, отказаться от всего мирского, надеть рубище и уйти в скитания, распевая хвалу своей безумной страсти. Увы, увy!

— Да, — подтвердил барон тяжелым голосом, — любовь — это бабочка в наших мозолистых от рукоятей мечей ладонях. Сожмешь слишком сильно — раздавишь, отпустишь — улетит, зараза.

Но я видел и другие взгляды, бросаемые в мою сторону. Ряд лордов откликнулись на мой призыв помочь Армландии против агрессии могучего Турнедо и выставили свои отряды в немногочисленную армию Найтингейла. После короткой, хоть и ожесточенной войны Найтингейл мудро и дальновидно передал отошедшие к Шателлену земли тем лордам, что пришли со своими войсками.

Теперь они, гордые своей отвагой и удачливостью, окружены завистливым вниманием, ибо за небольшие вообще-то усилия получили так много...

Барон тоже заметил эти взгляды, крикнул, посопел и сказал совсем другим тоном и почти шепотом:

— Ваше высочество, когда в сердце любовь... какие там завоевания, воинские победы? Это ничто в сравнении с тем, когда завоевываешь сердце женщины!

— Самые великие победы, — поддакнул виконт.

— Но мы еще не доросли до них, — сказал барон Крейст печально. — Нам бы еще сперва принять достойное участие в сражениях, где можно показать удаль и отвагу, блеснуть воинским умением!

— Да-да, — подтвердил Кэвин, — блеснуть.

Барон сказал просительно:

— Ваше высочество, если вдруг вы снова... как-нибудь.. где-то... ну, что-то случится...

Я буркнул:

— Ну?

— То мы бы весьма, — сказал он.

Потом, видя, что разговор уже не о безумствах пламенной и страстной любви, наполнили кубки и отошли к той части стола, где всеми красками цветут роскошные женщины, жены и родственницы прибывших погостить лордов, а также сестры и племянницы Мидля.

Ко мне приблизился широкий вельможа с брюшком, но с плечами, как у медведя, наклонился к уху и шепнул:

— Ваше высочество... мы как увидели вас, так сердца воинов возрадовались!.. Я барон Томлинсон, властелин земель Беркли, много о вас слышал и неизменно восторгался!

— Ну-ну, — сказал я осторожно, покосился на Франку, она щебечет с Мидлем, — и что?

Он шепнул еще тише:

— Если что... только скажите!

Я покосился на удаляющиеся спины барона Крейста и виконта Майкла.

— Вы один или... есть еще желающие?

— Думаю, — зашептал он горячо, — таких много. У нас круг друзей, хоть и малый, даже не круг, а кружок, но мы всегда вместе шли и все делали плечом к плечу...

Я прервал строгим шепотом:

— Говорите только за себя, сэр Томлинсон. Когда вам выпадет время предстать перед Высшим Судом, ни Сатана, ни святой Петр не будут интересоваться членами вашего кружка или кружками вашего члена, а спросят строго и четко: вы на чьей стороне? Что сдела-

ли доброго или недоброго? Лично вы?.. Вот сейчас вы готовы обнажить меч и повести своих людей в бой за святое дело?

Он наклонился ко мне и прошептал, пуская голос по столешнице так, что от нас поползли, подрагивая в испуге, даже тяжелые блюда с яствами:

— Готов, ваше высочество!

— Точно?

— Клянусь!

Я бросил быстрый взгляд по сторонам, в зале, как и везде в провинции, за столом все едят и много пьют, а в отсутствии короля, где во всем замке только родня и близкие друзья, быстро перепились, держатся весело и беспечно, никаких надуманных манер, и никто не обращает внимания, о чем мы говорим с сэром Томлинсоном.

Я все-таки понизил голос и ответил еще тише:

— Это хорошо, так и надо. Есть люди, ни на что не готовые, есть — готовые на все. Я вот, к примеру, готов на все, даже на добрые дела. Что ж, сколько вам времени понадобится, чтобы предстать пред мои ясны и даже светлы очи во всем блеске доспехов и во главе отряда рыцарей? Желательно, тоже готовых на все?

Он ответил в некотором недоумении:

— Как скажете, ваше высочество...

— Тогда сегодня, — решил я. — К обеду успеете?

Он воскликнул шепотом:

— Ваше высочество!.. У меня гарнизон всего из двенадцати человек, но за неделю могу собрать больше сотни вассалов!

Я поморщился:

— Неделю? Долго... За это время все может начаться и закончиться. Я ведь Ричард Стремительный... или даже Молниеносный. Ричард Стремительный Строитель! Звучит?.. Ну, не в том смысле, что после моих

строек туда будто молния била долго и усердно, а... в общем, сэр Томлинсон, если через семь дней вы с отрядом не будете здесь, то... весьма упустите свой счастливый момент.

Он переспросил:

— Здесь... это где, за столом?

— Это сперва нужно заслужить, — сказал я наставительно. — Достаточно будет подъехать, чтобы быть увиденным из замка. Где я на вершине смотровой башни буду томиться мукой сладкой, наедине и сам с собою изнемогать в любовном пыле.

Он тихонько распрямился, зыркнул по сторонам, никто ли не слышал, но, думаю, все настолько заняты собой и своими интересами, что только Франка если что и услышала, то по женской занятости собой вряд ли что поняла.

Я не стал смотреть в удаляющуюся спину барона, чтоб не привлекать к нему внимание, с любезнейшей улыбкой повернулся к Франке:

— Прости, дорогая, что не уделяю тебе внимание... но страшусь, что мой пыл и моя любовная страсть слишком уж видны и станут предметом насмешек...

— Сэр Ричард!

— ...или хотя бы шуточек, — уточнил я. — А для мужчины это хуже, чем молотом по голове, хотя по голове бывает больно.

Она прошептала с горячим сочувствием:

— Сэр Ричард, держитесь!.. Любовь облагораживает, а боль возвышает.

— Да, — согласился я. — Меня так возвысила, что уже и земли не видно... Правда, небо тоже с овчину.

— Ах, — сказала она, — если бы я могла вам чем-то помочь!

— Можете, — сказал я.

Она округлила глаза.

— Как?

— Плюньте мне в суп, — предложил я.

Она отшатнулась:

— Как можно?

— Ну вот, — сказал я горько, — ничем не хотите пожертвовать. А я так на вас надеялся!

Она сказала с достоинством:

— Сэр Ричард, только не это! Приличная женщина не может себе позволить такие выходки. За это она точно попадет в ад, а вы такое позволите?

— Нет, — сказал я твердо, — хотя...

Она спросила сердито:

— Что?

— У меня был бы повод, — сказал я, — спуститься в ад и освободить вас отсюда!

— Сэр Ричард, — запротестовала она, — даже и не думайте!

— Ну как хотите, — ответил я. — В ад я все равно собираюсь как-нибудь по дороге. Оттуда уже дюжину моих друзей надо вызволить. Заодно и вас бы...

Она сказала еще сердитее:

— Не хочу о таком и думать! Я и так, как на горячей сковородке, между вами и сэром Мидлем. Ужасное чувство... Как будто постоянно нарушаю супружескую верность! Когда под вами — терзаюсь виной перед Мидлем, когда под ним — все время помню, как вы страдаете и горите огнем любви...

— Хорошие женщины верны мужу, — напомнил я, — плохие — любовнику, а умные — обоим. У вас еще проще, мы оба — мужья. Теперь вам только любовника завести... Хотя в нынешнем вашем положении нужно двух?

Она прошипела рассерженно:

— Типун вам на язык. И побольше, побольше!

И гордо отвернулась к Мидлю, который расцвел и сразу же начал советоваться с нею, каких собак лучше приобрести для охоты. Леди Франка кисло улыбалась и делала вид, что в восторге от такой увлекательной темы.

Я уже собрался было встать и покинуть пир, на столе возле меня на ярд пусто во все стороны, но сбоку тихо приблизился сурового вида лорд, покосился на пустое кресло рядом с моим, затем взглянул на меня очень внимательно.

— Что-то барона Крейста долго не видно...

— А он и не вернется, — сообщил я. — Если, конечно, сэр Томлинсон успел с ним перемолвиться.

Он сразу стал серьезным, понизил голос.

— Что-то случилось?

— Да.

— Ваше высочество?

— Он решил принять участие в одной увлекательной аванюре, — сообщил я любезно. — И потому поспешил. Потому что в нашей жизни кто не поспешил — тот опоздал. И крупно.

Он переменился в лице.

— Ваше высочество... если это связано с вами, то и я, и я!.. Тоже хочу! Граф Ланкашнер к вашим услугам. Уильям Ланкашнер, но можно и Вильям. Ну как можно спать на этих проклятых перинах, если выпадает счастье ночевать под проливным дождем на размокшей земле у погасшего костра, слушая завывание волчьей стаи? Да еще зная, что утром кровавый бой, когда враги ринутся с копьями наперевес, горя жаждой вонзить длинные острия в живот и выпотрошить кишки?..

— Ну, — протянул я, — если у вас сердца для чести живы, то я приму души прекрасные порывы... Но вы должны явиться с отрядом сюда не позже чем через неделю.

Он шепнул жарко:

— Все выполню! А что нам предстоит?

Я ответил сурово:

— Я всегда за честь и достоинство. Как дамский угодник, который ставит женщин превыше всего... но чуть пониже Господа, я всегда!.. Ибо!..

Он вздрогнул, едва удержался, чтобы не вытянуться в струнку.

— Ваше высочество!.. Располагайте мною. Я готов отправиться за своими людьми немедленно!

— А также пошлите гонцов, — посоветовал я. — Время не ждет, сэр Ланкашнер!..

Он исчез, словно его и не было, Франка повернулась в мою сторону, на лице печаль, а в глазах страх.

— Сэр Ричард... что вы затеваете?

Я буркнул:

— А что я могу еще? Самоубийство — грех, так что развяжу кровопролитную войну, а в ней красиво погибну с выпущенными кишками и с вашим именем на устах!

Она испуганно вскрикнула:

— Не смейте!

— А что мне еще остается? — ответил я горько.

— Сэр Ричард! Я вас умоляю, не берите греха на душу!.. Я все сделаю для вас!

— А что еще? — спросил я заинтересованно.

Глава 5

Она прикусила губу, спохватившись, а я поднялся, весь мрачный, как грозовая туча, с зияющей раной на груди, скорбный и красивый, тряхнул головой и повел плечами, но не в танце, а так, показывая, в каком я горе, и вышел из-за стола, слишком уж томим мукой

сладкой и прям сгораю, вынужден вот покинуть застолье, крайне нужно выйти на свежий воздух, все поймут, сами уже несколько раз туда бегали, только воздух, застрявший в складках одежды, какой-то по возвращении совсем не свежий.

Женщины проводили меня заинтересованными взглядами, а я только покосился на их румяные лица с блестящими глазенками, только бы здесь не было леви-рата, а то их тоже придется брать в жены, потом опомнился и сказал себе трезво: не сходи с ума, политик! Это даже не родня Франки, так что ни у кого и мысли такой не возникнет, не трусь, не отвлекайся от завоеваний, побед, достижений, победной поступи, когда достигнешь такой вершины, что все женщины мира будут твои... только тогда будут, наверное, уже без надобности.

Слуги распахнули передо мной наружную дверь, в темном небе жуткие и мрачные в недосыгаемом величии россыпи звезд. Вдали острыми зубцами вырисовывается абсолютно черный и потому плоский лес. Просторный двор залит бесстрастно мертвенным светом половинки луны, вдали провыл одинокий волк, в ответ тут же вразнобой забрехали собаки.

Под моими пальцами оказалась короткая, но густая, как у крота, шерсть, я перебрался ими к голове и почесал плиту лба, где тоже шерсть, и тоже густая, но короче уж и не бывает.

Он поднял голову и посмотрел на меня до жути понимающими глазами.

— Что? — спросил я. — Предлагаешь задавить того волка?.. Ну, он же санитар леса, хоть пока об этом и не догадывается. А я не могу стрелять в медицинских работников, они под защитой гуманизма и прочих базовых ценностей.

Слышно, как за спиной открылась дверь, по осторожным шагам всегда сдержанного человека я узнал сэра Мидля, напрягся и молча ждал.

Он остановился рядом, некоторое время смотрел в небо. Я не двигался, предоставив ему инициативу, в черепе забегали всякие мысли насчет Франки, он может снова предложить выкуп, как сделал в тот раз, отдав за Франку богатейшие рудники, однако Мидль негромко вздохнул и произнес хорошо контролируемым голосом.

— Вон звезда упала... Сколько желаний ни загадывал, увы. Но все равно люблю смотреть на небо. Что-то в нем необыкновенное...

Издали подбирается, понял я. Мы оба в шекотливой ситуации, за столом избегали не то что говорить, даже не смотрели друг на друга, и, молодец, он вышел за мной, здесь никто не увидит, если возникнут какие-то... шероховатости, скажем мягко.

— Один знатный лорд изрек, — сказал я как можно спокойнее, — что лишь две вещи поражают его: звездное небо над головой и нравственный закон внутри него. Видимо, связывал их тем, что звездное небо Господь сотворил вместе с нравственным законом... Но к звездному небу такой красивый закон не применишь, однако он очень понравился Творцу глубиной и богатством. Пришлось создать для этой цели подходящее существо, человека, и всоbachить в него этот закон.

Он бросил на меня быстрый взгляд, значения которого я не понял.

— И с тех пор, — спросил он, — в каждом из нас... это?

Я кивнул.

— И непонятная страсть смотреть в небо, потому что звезды и все-все там тоже наши и связаны с нашей

душой незримыми узами. Потом когда-то доберемся и до них.

Он хмыкнул, помрачнел, сказал хмуро:

— Скорее они до нас доберутся. По слухам от знающих людей, совсем скоро спустится та Злая Звезда.

— Маркус?

Он кивнул:

— Слыхали? Она самая. И снова будут гореть не только леса, но и сама земля...

Я спросил зло:

— И что, никто ничего не может? А императорские войска? Я слышал, неуязвимы.

— Но не против звезд, — проговорил он невесело. — Те могут сжигать целые города одной-единственной стрелой!.. Моря выходят из берегов и смывают все, что люди успели настроить, от рыбацких поселков до больших городов.

— Знаете, сэр Мидль, — сказал я, — у меня, видимо, острая интеллектуальная недостаточность. Эти с Маркуса появились уже после Войн Магов? Или были раньше? Но раньше маги вроде бы могли их остановить... Или это брехня, что маги были какие-то необыкновенные?

Он хмыкнул.

— А то, что все живое гибло, а земля горела и плавилась? Нет, мощи магам было не занимать... Но вот когда эта красная звезда появилась впервые, никто не скажет. После Войн Магов находят только черепки и амулеты, но не летописи...

— Значит, — сказал я, — надо бы подумать и над этой проблемой.

— Надо, — согласился он, — но... когда? У всех есть дела поважнее.

— Поважнее? — спросил я. — Если с приближением Маркуса все погибнет?

— Не важнее, — поправил он себя, — а... поближе. Звезда далеко, точное время прибытия неизвестно, зато известно, что стадо соседских коров перешло мелкую речку, где граница, и учинило потраву на поле! Это нужно решать срочно, это оскорбление, все к оружию, не позволим унижать нашу гордость и нашу честь...

Я взглянул на него искоса, этот новоиспеченный герцог далеко не дурак, смотрит вглубь. Мне понравился еще тогда, когда увидел впервые. У нынешних модных башмаков носки настолько длинные и загнутые кверху, что записные щеголи привязывают их за кончики шелковыми шнурками и крепят к поясу. Мидль при дворе оказался один в нормальных башмаках, а когда я его спросил ехидно, чего это он не как люди, он сослался на свою провинциальность, мол, из медвежьего угла, там так не носят.

Вообще-то я сам ссылался да и теперь еще иногда ссылаюсь на свою медвежесть и темноту, когда хочется от чего увильнуть, так что у Мидля есть и чувство юмора, и чувство меры.

— Я рад, — сказал я, — что мы поговорили. Я вас уважаю, сэр Мидль. Вы достойный человек и... можете быть хорошим другом. Надеюсь, когда-то и у нас это получится, а пока я завидую тем, с кем вы дружите... Сказать честно, я намеревался отбыть сегодня сразу же после завтрака, однако некоторые неожиданные дела задержали...

Он проговорил медленно:

— Не связано ли это с тем... что несколько благородных лордов отбыли в великой спешке, вон граф Ланкашнер даже шляпу обронил и не стал терять время, чтобы вернуться и подобрать...

— Вы проницательны, — похвалил я, хотя что тут проницательного, но нам в нашей ситуации лучше

всего почаще нахваливать друг друга. — Замечаете такие важные мелочи и умело связываете причины и следствия!..

— Значит...

— Вы угадали, — сказал я с одобрением, стараясь сделать его заметным. — Но не огорчайтесь, через неделю они вернутся.

Он слегка наклонил голову.

— Это... приятно. Барон Томлинсон прекрасный рассказчик, а граф Ланкашнер вообще незаменим. Да и... друзья они мои, ваше высочество.

— Ричард, — сказал я. — Можете, сэр Ричард. Мы с вами в некотором роде родня, сэр Мидль. Леди Франка, сама того не желая, свела нас... Думаю, Господу это было угодно.

Он перекрестился и пробормотал:

— Во имя Господа...

— Во имя, — повторил я. — Так что я вынужден буду погостить еще у вас с неделю, пока вернутся благородные лорды Томлинсон, Ланкашнер, а также, предполагаю, Джигес Крейст и виконт Кэвин Майкл. Собственно, если уж совсем честно, но это между нами, я мог бы их и не ждать, но все равно жду еще несколько... да, очень несколько человек...

Он проговорил ровно, не выказывая недоумения:

— Сколько приготовить постелей?

— Мы не будем ночевать в замке, — ответил я. — Я их встречу и... поедем дальше.

Он пробормотал:

— Звучит очень таинственно. Сэр Крейст сразу же предположил бы, что у вас свидание с очень знатной дамой, у которой дико ревнивый муж...

— Но вы так не думаете, — заметил я.

Он пожал плечами:

— Нет, конечно. Я не понимаю большинства ваших мотивов, но это свидание с дамой... да еще с такими трудностями... нет, это были бы уже не вы, сэр Ричард!

— Спасибо за комплимент, — сказал я. — Но не раскусывайте меня слишком глубоко, сэр Мидль. В чем-то мы должны остаться такими, какими показываемся публике.

Он сдержанно поклонился.

— Я бы не осмелился, сэр Ричард. Редко кто из нас появляется на людях без хотя бы панциря. А многие вообще в доспехах с головы до ног. Я редко вижу людей полностью открытых. Они доверчивы, но их так легко обидеть!

Я посмотрел на него внимательно, стараясь делать это не слишком явно, на кого намекает, кандидатур несколько.

— Да, сэр Мидль. Увы, сэр Мидль... Что-то я устал сегодня. Отправлюсь-ка на отдых, я от ожиданий устаю больше, чем от самых кровавых сражений.

Он сказал учтиво:

— Позвольте пожелать вам спокойной ночи, ваше высочество.

— И вам, ваша светлость.

Мы старались не смотреть друг на друга, понимая, что у нас обоих за спокойные ночи, но рыцари о таких вещах вслух не говорят.

На вторую ночь Франка не стала стесняться меньше, скорее — больше. Мне показалось, что начинала вдумываться, в каком простом, с точки зрения ее отца, браке состоит, и в каком очень не простом, на ее взгляд.

Не знаю, как Мидль, но мои мысли заняты тремя армиями, что сейчас идут через Шателлен, и когда

трепещущая от стыда Франка вошла в комнату и в полной темноте разделась, чтобы тут же шмыгнуть ко мне под одеяло, я переключился на лирику с некоторым трудом, что тоже было как-то истолковано в том духе, что я страдаю и мучаюсь, ага, еще как, кто спорит...

С утра, быстро позавтракав и не глядя на сгорающую со стыда Франку, что не смеет поднять глаза ни на Мидля, ни на меня, ни на кого из гостей, я вышел из замка, где свистнул Зайчика, а толстого жруна и звать не нужно, прибежал и начал подпрыгивать в нетерпении, ну что за черепахи две такие медленные...

Я выехал шагом, затем, как уже привыкли, пустил вскачь, в галоп, карьер и затем в то безумство, когда ломимся сквозь встречный ветер, медленно разогреваясь, как входящий в атмосферу болид, и сам ощутил, что не только озверел от безделья, но даже играть безумного меджнуна уже неохота, приелось, чего-нибудь бы рыбного... Может быть, сделать вид, что увлекся другой ледей?.. Нет, так оборву крылья бардам, уже все корпят над складыванием слов в строфы, а струны пощипывают, томно закрывая глаза. Кто я такой, чтобы мешать становлению зачатков куртуазной культуры... Меня забудут, а удачную песню — нет.

Видимо, я что-то слишком разогнался, Шателлен уже позади, а я ни одной армии не встретил... Впрочем, мы сами прем не по тем дорогам, что наметили с Найтингейлом, иначе бы подавили массу народа, а когда проскакиваешь в сторонке, то могли и не заметить даже армию, особенно если ту отделила полоса леса, а вдоль дорог часто растут деревья...

Сильно раздосадованный, я хотел уже повернуть Зайчика, но впереди выросли величественные стены Савуази, равных которым нигде не видел, ими можно охватить целое королевство, а высокие и неприступ-

ные настолько, что о взятии столицы до сих пор говорят в королевстве с почтительным ужасом, крестятся, когда упоминают мое имя, сплевывают через левое плечо.

— Вперед, Бобик, — сказал я с неохотой, — раз уж промахнулись... мимо станции, то заглянем, погоняем всех, как без этого.

Во дворце моментально все задвигались быстрее, едва я, красиво и гордо подбоченясь, промчался по аллее сада к королевскому дворцу.

Стражи у входной двери не сдвинулись с мест, я бросил повод одному из придворных и велел строго:

— Отвести в конюшню, но не привязывать!.. Бобик, а ты со мной.

Едва вошел в холл, навстречу бросился сэр Ортенберг, на лице тревога и готовность принять все меры, которые я сочту нужным, но я лишь сказал величественно:

— Всем вольно!..

И прошел через залы и переходы в свой кабинет, здесь свежо, поверхность стола блестит, словно только что вытерли мокрой тряпкой, а затем тщательно протерли сухой, убирая следы от пролитого кофе.

Возможно, кто-то из моих старается проникнуть в тайну моих внезапных исчезновений и появлений, ибо зеркало тоже протерто тщательно, все завитушки на раме блестят надраенные.

Я подошел к двери, распахнул и сказал негромко:

— Сэра Вайтхолда ко мне!

Стражи только вздрогнули, а из слуг один тут же сорвался с места и унесся бесшумный, как летучая мышь, что ухитряется летать в полной темноте, не задевая натянутых на разной высоте веревочек с колокольчиками.

Сэр Вайтхолд появился буквально через пять минут, точно не валялся в постели, глаза начитанные, а

вид умный, словно в поте лица работает над моими проектами.

Я окинул его внимательным взором: глазки опустил, как и голову, вся фигура выражает полную подчиненность, хотя это один из гордых баронов Армландии, его хорошо укрепленный замок находится на самом рубеже Армландии, где земли граничат с королевством Шателлен.

— Сэр Вайтхолд, — произнес я.

Он вскинул голову и посмотрел на меня такими преданными сияющими глазами, что мне стало неловко за мысли политика, а не рыцаря, кем без сомнения является сэр Вайтхолд.

— Ваше высочество!

— Сэр Вайтхолд, — сказал я, — не буду спрашивать, что вы делали все это продолжительное время, пока я отсутствовал... наверняка ничего полезного.

Он тяжело вздохнул:

— Ваше высочество в своей занятости великими делами изволили забыть, что последний раз вы были здесь вчера... или не вчера? Словом, будто и не исчезали. И чинили всем допрос и разгон, вопрошая, почему бездельничаем! А мы и все маковые зернышки, что вы рассыпали из трех мешков, вперемешку с пшеном и просом, разобрали и разложили обратно по мешкам...

Я спросил с интересом:

— Я так велел?

— Примерно, — ответил он. — Когда велели рассчитать новые пути передвижения товаров в связи с открывшимися границами между Сен-Мари, Армландией, Турнедо и Варт Генцем.

— И Скарляндами, — добавил я.

Он тяжело вздохнул:

— Вот-вот. А еще принять и распределить воинские гарнизоны по крепостям. Мне чувствуется, перебирать маковые и пшеничные зерна было бы легче!

— В следующий раз так и сделаю, — пообещал я. — А то мозг от безделья тупеет. Кстати, насчет гарнизонов. Армию, которую вел сэр Будакер, я перехватил и срочно отправил в другое... место.

Он перекрестился.

— Говорить об этом не стоит? Я имею в виду, в приличном обществе?

— В смысле?

— Место хоть приличное? — поинтересовался он опасливо. — А то вы можете в такое отправить...

— Я и обе победоносные туда же отправил, — сказал я зловеще. — С миротворческой миссией насчет побуждения к вежливости, корректности, благородному отношению к дамам...

Он охнул:

— Ну, тогда там точно камня на камне не останется!

— Да? — спросил я. — Это если бы на моем месте были вы, дорогой друг. Но я... неужели похож на человека, который будет драться за женщину?

Он подумал, оглядел меня и кивнул:

— Похож. Если эта женщина — королева и у нее есть эти... ну...

Глава 6

Он начал показывать руками, словно простолюдин. Рыцарь тем и отличается от простого кузнеца, что умеет описать достоинства женщины, не описывая круги вот так передними конечностями.

— Эти, — уточнил я, — вы имеете в виду ресурсы?

— Ну да, — согласился он, — хорошее слово вы подобрали, ваше высочество! Если женщина с выдающимися ресурсами.

— Ресурсы там есть, — согласился я, — по крайней мере, человеческие... Уточните-ка, какова была численность троллей, когда мы привели их в тот лес, что нынче наш, и сколько их там теперь? Не наблюдается ли демографический взрыв?

Он посмотрел на меня внимательно.

— Пора принимать меры насчет их грабежей? Хорошо, быстро. Сейчас я покажу на карте... Нет, на этой мелковато все, зато на этой... ее составляют заново, руководствуясь вашими несколько странными завышенными требованиями и непомерными запросами.

— Но-но, — сказал я, — никакой критики! Пусть протестуют те, что на площади, а мы вроде бы одна команда, если не слишком присматриваться... И что на карте, только лес?

— Вот тут стрелки, сперва зеленые, потом красные. Их все больше и больше...

Я сказал раздраженно:

— Какой же дурак поселил их в таком огромном лесу и так близко к магистральным дорогам... Даже не знаю, что теперь. И перегнуть бы куда-то... Но куда?

— В Шателлен? — спросил он, ничуть не удивившись, что грозных троллей можно куда-то передвинуть. — Это сравнительно близко.

— Они оттуда и пришли, — возразил я. — Из леса, что на стыке Шателлена и Армландии.

— В Бурнанды? — спросил он. — Слева от нас Шателлен, справа королевство Бурнанды. Граничат также Мезина и Гиксия, но к ним от леса далековато... Может, попытаться их как-то истребить?

— Об этом и думаю, — огрызнулся я. — Например, сманить обещаниями легкой жизни и богатой добычи

в Бурнандах, к примеру, а по дороге перебить, когда попрут через чистое поле...

Он посмотрел с укором:

— Предать?

— Тролли же, — буркнул я.

Он сказал с достоинством:

— Странные у вас шуточки, ваше высочество. С таким серьезным видом, что, не зная вас как рыцаря и паладина, кто-то может поверить и ужаснуться вашей... натуре.

Я вздохнул, быть свиньей среди хороших и порядочных людей очень удобно, масса дополнительных возможностей, которые есть только у меня, а у них из-за благородного воспитания нет, однако, с другой стороны, есть и серьезные ограничения, с такими людьми и самому приходится быть лучше, чем есть.

— Да, — ответил я, — но лучший юмор, когда все серьезно. Тем более что троллям я временно нашел применение, сманив самых задиристых в дальний поход, но когда-то да вернутся... И вообще надо им дать постоянную работу, а за работу — корм. В общем, принесите карту, где я наметил прокладку дорог. Самые тяжелые, где через болота, поручите троллям. Только озаботьтесь насчет своевременного подвоза продуктов, инструменты чтоб всегда в наличии, плюс запасные, если сломают, они ж такие ювелиры...

Он смотрел внимательно, я чувствовал, что запоминает и уже прикидывает, какие работы им поручить. Он и в Армландии был известен как умелый и рачительный хозяин, что ухитрялся сдерживать аппетиты могучих соседей, но не повышал налоги в своих землях, напротив — развивал все, что мог, начиная от добычи железной руды, разведения овец и производства вина, что давало ему возможность нанимать и со стороны крепких ребят для охраны своих рубежей.

— Хорошо, сэр Вайтхолд, — сказал я наконец, — идите и действуйте. А я пока поразмыслию.

— Чем-чем займетесь? — переспросил он в недоумении.

— По-раз-мыс-лю, — повторил я по складам. — Я же мыслитель, еще не знали?

Он тяжело вздохнул.

— Ну, как вам сказать... Очень удобная профессия, верно?

— Бесподобная, — согласился я. — Особенно хорошо мыслить о высоком, всяким простым свиньям недоступном.

Он всмотрелся в меня внимательнее.

— Что-то в вас странное, лихорадочное... Вы побудете здесь или же снова... фью?

— Сэр Вайтхолд, — сказал я с неудовольствием, — какие-то совсем легкомысленные слова употребляете. Не пристойные, даже непристойные, можно сказать, чтобы акцептировать мое отношение или акцентировать, не помню. У нас сейчас ситуация, которая в силу нашего бурного натиска развивалась слишком стремительно и застала нас врасплох.

— Ваше высочество?

— У нас была Армландия, — пояснил я, — да и та вся разделена на сотни сражающихся друг с другом земель. А теперь у нас есть две столицы могучих королевств по обе стороны Большого Хребта!.. И как везде успеть? А если не успевать, то может рухнуть, мы еще не установили свою власть полностью, мы всего лишь завоевали!.. Вот потому и фью-фью сам, потому что еще не знаю, как других посылать, как вообще связать все воедино!

Он выслушал поток горячих слов, вскинул одну бровь.

— А ваши реформы... по созданию армии?

— Первый шаг, — ответил я. — Только первый! И то едва-едва успеваем... Ах да, вот еще что нам нужно просто до зарезу. Хорошая разведка! А у нас вообще пока никакой. Срочно! Хотя я не король, а земли нельзя назвать даже королевством, но, боюсь...

Он ждал, но я заколебался, он спросил тревожно:

— Что, ваше высочество?

— Боюсь, — сказал я со вздохом, — что слухи обо мне уже дошли до ушей императора Карла или императора Вильгельма Блистательного. Пока так, как мелкий курьез о некоем рыцаре, что до смешного быстро вскарабкался по лестнице титулов аж до князя... но если буду и дальше так, на меня обратят более серьезное внимание, чего мне очень не хотелось бы...

Он сказал с некоторым осуждением:

— Даже сейчас, когда у вас наконец-то такие армии, которые вы и желали?

Я покачал головой:

— Но я не знаю, что за армии у этих императоров! Я не знаю, какими силами располагают эти сволочи. Я даже не знаю очертания земель империи Вильгельма, хотя мой первый замок Амальфи расположен под его властью... Мне кажется, если там и была империя, то постепенно все связи ослабели, и уже когда я там ехал, все королевства были сами по себе. Однако у Вильгельма вполне могло сохраниться ядро земель, что ему верны, и готовы выставить вполне боееспособную армию.

Он буркнул:

— Так уж получилось, что в Армландии в разведке надобности не было, а здесь, в Сен-Мари, мы сперва все порушили... Может быть, поспрашиваете у короля Барбароссы?

Я отмахнулся в безнадежности:

— Его королевство слишком далеко от тех мест. Это разве что в Варт Генце что-то знают, в Бриттии, Ираме...

Он подумал, никогда я не видел его таким серьезным и встревоженным, наконец проговорил в сомнениях:

— А не лучше ли создавать в Сен-Мари? Там люди подлее, хитрее, изощреннее...

— Я уже распорядился, — сказал я.

Он взглянул с удивлением:

— Тогда зачем...

— Не знаю, — буркнул я, — у себя там слышал, нужно несколько разведок. Чтоб конкурировали друг с другом. Тогда результаты лучше... Но на самом деле, конечно, у сен-маринской другая задача...

— Ваше высочество?

— Юг, — ответил я коротко. — Юг! Он уже начинает... Боюсь, не самый крупный начинает интересоваться моей персоной, а о крупных страшно и подумать. А вы пока собирайте сведения о соседях здесь, на севере. Ну и соседях соседей. Нужно заслать своих людей ко дворам королей Горланда, Гиксии, Ирама, Бриттии, Бурнандов...

— У вас какие-то планы?

Я покачал головой:

— План у меня — Юг. Но я хочу быть уверенным, что в отсутствии основных сил никто не ударит в спину.

Судя по размерам королевства Шателлен, армии Клемента двигаться к границе Ламбертинии еще несколько дней. Армия под руководством Альбрехта вступит в герцогство позже еще на два дня. Больше всех опередил Будакер, но я велел ему подождать остальных, чтобы вторгнуться одновременно.

Я сердито свернул карту в рулон. Для всех продвижение армий выглядит чуть ли не молниеносным, для герцогства это будет вообще как снег на голову, но я привык двигаться и жить быстрее!

Некоторое время бродил взад-вперед по кабинету, мелочовкой дел заниматься очень уж не жаждется, да и Вайтхолд чувствует, не тащит кипу бумаг на подпись.

Некоторое время, проверяя новую способность к перемещению предметов, снимал со стены мечи и швырял себе рукоятью в руки, но выдохся уже на третьем клинке, упал в кресло, чувствуя, как бешено забилося сердце, а легким недостает воздуха.

Ерунда какая, а не перемещение. Дело даже не в том, что невероятно тяжело, проще поднять задницу с кресла и снять этот меч со стены. И вообще слишком много ограничений, ну нигде в этом мире человек не обретет свободу!.. Я не могу не то чтобы украсть, но даже переместить монету из одного кармана сэра Вайтхолда в другой, вынуть из петли на корсете леди Франки шнурок или даже просто качнуть пламя свечи в красивой растопырке прямо передо мной.

Такое можно проделывать только с моими лично вещами, но так как вещи тупые и сами не знают, кому принадлежат, то телепортация срабатывает только с так называемыми древними, что достались от прежних эпох. Тех, что были до Великих Войн. Видимо, у тех были свои маркеры, которых сейчас не замечаем.

А остальные мечи оставались на местах, как бы я ни сосредотачивался, также и прочая мелочь. Внезапно в ладонь с силой впечатался браслет, который не сразу и узнал. Ага, это же браслет Гонца, подаренный мне в том затерянном и умирающем племени эльфов...

Покрутив его перед глазами, я надел его на руку, ничего не случилось, затем словно бы услышал дале-

кие голоса, сосредоточился, странное состояние, когда начинаешь ощущать нечто, будто оно рядом и в то же время далеко, очень далеко...

— Ну же, — сказал я, — давай... Ну?..

Задержав дыхание, я напрягся, сосредоточился, от кольца на пальце пошло острое покалывание. Под кожей понеслись огненные муравьи, кусая нервы.

Я все еще в кабинете, что-то не так, закрыл глаза и ощутил, что меня облекла вязкая масса, овеществленное время, что ли, скорее всего, спрессованное пространство, позволяющее вот так сразу сотни миль за один шаг...

В голове раздался пронзительный свист, я сжался в ком, и моментально наступила тишина, а через мгновение я услышал беспечный птичий щебет.

Торопливо распахнул глаза, сперва не понял, что вижу, затем сообразил, что это Эльфийский Лес, хотя очень смутно, перекошенно, постоянно колышущийся, словно нарисованный на полотнище огромного флага.

Стоит чуть двинуть головой, и к горлу подступает тошнота, все колышется, и впечатление такое, что сейчас упадет, если не ухвачусь за что-нибудь устойчивое, но такого нет, все качается вместе со мной.

Стараясь не двигать головой, я всматривался в зеленую массу, что местами исчезает, превращаясь в серые пятна, но кое-где горит изумрудными огоньками. Я сосредоточился на самом ярком, всмотрелся, он приблизился, я уловил смутное присутствие эльфов.

— Хочу, — прошептал я, — туда... Ну, давай!.. Поехали... Старт! Пошло, ну?.. Прыжок!.. Непонятно?.. Тогда скачок... Перемещение... Ну, чего тебе еще?

После безуспешных попыток я уже хотел снять браслет, подумал со злостью, что так хотелось увидеть Гелионтэль и потыкать пальцем малышке в бока, что

всегда так смешно хохочет, и тут вспомнил, что браслет, как объяснил Барноэль, вождь их племени, из двух колец, их нужно сдвигать по отношению друг к другу...

Я торопливо сдвинул на одно деление, послышался едва слышный щелчок. Моментально во всем теле снова возникло странное щекочущее ощущение, словно под кожей опять забегали муравьи. Я застыл, со страхом и радостью ощущая, что нечто получается, браслет Гонца заработал. Ему то ли требуется время, чтобы подзарядиться, то ли медленно загружается, но пошло, пошло, я чувствую, как пересчитывает мои косточки, суставы, эритроциты, ганглии...

Перед глазами все поплыло, я поспешно зажмурился, не упасть бы, снова тошнота, жар в теле и удары молота в черепе...

Ноздри уловили иной запах, а уши поймали женские голоса, мягкие и щебечущие. Я попытался сделать шаг, неведомая сила вскинула меня под небеса, так почудилось, я падал и падал оттуда, и грохнулся вроде бы с огромной силой о землю, но ничего не ощутил, торопливо вскочил и огляделся.

Серый, словно наполовину стертый лес, знакомые хижинки с наполовину увядшими листьями. Что-то мелькнуло за деревьями, но не рассмотрел, то ли зверь, то ли человек, в смысле, эльф...

Постепенно серость стала зеленой, затем появились красные и оранжевые листья на хижинах, словно там вечная унылая осень, и наконец все проступило с предельной резкостью.

Я торопливо шагнул в это марево. Пахнуло лесными запахами, подошва уперлась в непривычно мягкое после твердых мраморных плит пола.

Деревья великанские, справа и слева стволы, словно горы, а на зеленой поляне я с огромным удивлени-

ем обнаружил горящий костер. На расстоянии от него четверо эльфов в зеленой одежде тыкают в огонь длинными палками.

В королевстве Синтифаэль я ни разу не видел костра, там самобытные эльфы, а эти несчастные вынуждены перенимать привычки могущественных людей, что теснят их всюду.

— Привет! — сказал я дружелюбно и заулыбался пошире, чтоб не всадили с десятков стрел. — Это я, конт Астральмэль, посол Ее Величества королевы Синтифаэль, рожденной из Света и Солнца, а самое главное — член вашего племени!

Эльфы вскочили, лица перепуганные, один из них перевел дыхание и произнес:

— Уже? Как вы быстро, конт...

— Ага, — сказал я слегка ошарашенно, потом подумал, что в самом деле для эльфов, живущих тысячи лет, эти жалкие полгода — как один миг. — Я такой, все делаю моментально!.. Где благородный вождь Барноэль?.. Есть определенные подвижки в нашем нелегком и трудном деле...

Двое эльфов умчались, как я понял, разыскивать вождя, а я пытался вспомнить, какое у меня дело и какие в нем могут быть подвижки хотя бы в принципе.

Двое оставшихся смотрели на меня со смесью неприязни и надежды, странное вообще-то сочетание, я старался разговаривать дружелюбно, но все никак не мог попасть в тон, все-таки эльфы не совсем тролли, еще как не совсем, с ними надо как-то мягше или тоньше, но никак не нашупаю....

К счастью, бегом вернулся эльф, посланный за вождем, прокричал:

— Барноэль ушел в город, будет к вечеру! Сейчас придет Верховная Жрица.

Я наморщил нос:

— Женщина?

Мне сказали четче, как глухому:

— Жрица! Верховная!.. Откуда женщина?

— Ах да, — пробормотал я виновато, — ну да, ну да... Жрица — какая из нее женщина? А из женщины — жрица... Хотя в некоторых аксептариях я слышал краем уха...

Эльфы переглянулись, вот уж дети леса, ничего не понимают, таких даже дразнить неинтересно.

За деревьями послышались звонкие красивые голоса, показались эльфы. Я молча восхитился, с какой грацией они носят даже старую поношенную одежду, как гордо и с каким достоинством держатся, смотрят, произносят даже простые и ничего вроде бы не значащие слова.

В окружении десятка эльфов, среди которых я узнал и Ирладельрэзля, члена Совета Мудрых, старого и даже древнего, вот песок сыплется, но с прямой спиной и чересчур ясным, даже неловко, взглядом нечеловека. А посередине идет эльфийка, нет, даже эльфиня, прекрасная и величественная, вид молодой, хотя по глазам и очень даже молодому лицу чувствуется, годов ей побольше, чем всему этому лесу.

Я вскочил, поклонился и сказал со всей учтивостью:

— Конт Астральмэль, посол Ее Величества королевы Синтифаэль, рожденной из Света и Солнца, а самое главное — член вашего племени — к вашим полнейшим услугам, Ваше Святейшество!

Она остановилась шагах в пяти, чтобы не смотреть слишком уж снизу вверх, некоторое время всматривалась настолько пристально, что я заподозрил, не читает ли мои мысли и всего меня, кто их знает, она ж не просто эльфиня, но и жрица, наконец она произнесла строгим голосом:

— Я знаю о тебе. Какие-то новости?

— Ага, — сказал я с радостным вдохновением, — знаете ли, я только что из великого королевства, даже империи эльфов, что просто ого-го, но с ликованием и удивлением вижу, что вы не только не уступаете им... а превосходите!

Они заволновались, все с радостными лицами и блестящими глазами, всем нравится, когда их хвалят, а великая жрица спросила с некоторым недоверием:

— Превосходим? В чем?

— Вы закаленнее, — объяснил я. — У вас условия были труднее, у вас от всего народа осталась горстка, но эта горстка — лучшие!.. Сильнейшие, умнейшие и, самое главное, умеющие выживать в самых неблагоприятных условиях. Последнее — самое важное.

Она ответила довольно, но и чуточку настороженно, все-таки верховная, должна быть бдительной:

— Спасибо...

— Я знаю, — сказал я, — как снова возродить древнюю и великую славу вашего народа! Вы станете примером для эльфов всей планеты... В общем, для всех эльфов, где бы они ни отыскились.

Эльфы волновались, поглядывали на меня огромными блестящими глазами, даже у мужчин с такими ресницами, что просто красавец на красавце, пусть и в лохмотьях.

— Как? — спросила она.

Глава 7

Я собрался с духом, наступает очень неприятный и шекотливый момент, заговорил с тем подъемом, что должен у них заранее создать благоприятное отношение к любой чуши, какую бы я ни сочинил прямо сейчас:

— Вы единственные из эльфов, кто выходит из леса и бывает в городе!.. Знаю, это далось вам нелегко, но... вы же облегчили себе этим жизнь?

Она ответила с усталостью в голосе:

— Ради одного облегчения мы бы не вышли...

Ирладельзраэль сказал невесело:

— Мы решились, когда от племени осталась четверть... Да и то немногие.

Я сказал со вдохновением:

— В этом и есть ваше спасение!.. Я эльф, конт Астральмэль, но я и великий вождь людей. Что я могу сделать для вас? Очень многое. В самом деле многое. От вас потребуется лишь некоторое участие... или даже просто присутствие. Да, там, среди людей.

Эльфы зашумели, я видел на лицах испуг и отвращение, некоторые вообще попятились, явно намереваясь выйти из толпы и забиться в свои норы.

Верховная жрица, она обязана быть крепче других, спросила угрюмо:

— Это как? Мы не можем среди людей... долго.

— Потому и заходите в город только для торговли? — спросил я. — Но я предлагаю иное. У меня великолепные дворцы. Если в них поселить хотя бы по эльфу, это неимоверно поднимет мой престиж в глазах подданных и соседских королей. Можно и больше, чтоб одному эльфу не было скучно и тоскливо. Таким образом эльфы будут не только защищены, но впервые ощутят от людей уважение и даже почтение.

Они переглядывались, большинство сразу отвергают эту идею, вижу по лицам, остальные принимают, если только это коснется не их лично, а, скажем, соседей.

Я подумал, что идея, которую придумал, такой умный, изобретательный и вообще золотце, в самом деле тянет на премию. Почему бы в самом деле не растыкать эльфов повсюду? Дурацкий браслет Гонца пере-

брасывает только от эльфов к эльфам, но человек — хитрая скотина, не может не ломать голову над тем, как обойти возникшее ограничение, даже если это ему не нужно вовсе.

Правда, это потом, пока стоит промолчать, пусть переварят идею насчет появления какого-то особо отчаянного смельчака во дворце человека.

— У вас будут отдельные помещения, — объяснил я, — куда никто из людей не посмеет войти. Вы можете там прятаться хоть все время, если люди вам так ужасающе противны, но, думаю, привыкнете и начнете общаться. Не со всеми, конечно, но разве мы, люди, общаемся со всеми людьми?

Жрица думала, вздыхала, наконец вскинула на меня ясный взгляд крупных удлинённых глаз.

— У меня есть дочь и сын, — проговорила он невесело. — Дочь я вам почему-то не доверю, такое вот у меня странное чувство, а вот сына... да, отправлю. Я жрица и в отсутствие вождя правлю племенем, потому должна все опасное на себе... но покинуть племя не могу, так что рискну с тяжелым сердцем любимым и так дорогим мне сыном.

Я сказал громко и с подъемом:

— Благодарю! От себя и будущего союза людей и эльфов, который мы закладываем!.. В смысле, камень закладываем.

Она повернулась и сказала одному из эльфов:

— Или в дом и скажи Мухтаэлю, что он отправится с контом Астральмэлем. Пусть приготовится, совершит обряды и очистит свои мысли и чувства.

Эльф кивнул и унесся, только размытая полоса мелькнула и пропала на том месте, где он пробежал.

Жрица повернулась ко мне, лицо серьезное и очень усталое, словно только что отдала единственного сына на заклятие, в жертву, но и в то же время гордое, все-

таким отдала, в то время как другие отводят взгляды и поджимают хвосты.

— Я ценю, — ответил я серьезно.

— Мы должны цепляться за любую возможность выжить, — объяснила она.

— Это не худшая из возможностей, — сказал я.

— Хочется верить...

— Вы убедитесь, — заверил я.

Держался я с нею чистосердечно и открыто. В жизни главное — искренность, если научитесь изображать ее достоверно, успех обеспечен.

— Надеюсь, — проговорила она, продолжая приглядываться ко мне очень пытливо.

— У вас великий народ, — сказал я. — А что племя сократилось... Размеры — самый ненадежный критерий величия человека или страны!

Она наконец наклонила голову.

— Пойдемте. Надеюсь, Мухтаэль уже совершил обряд прощания с лесом.

— Ну что вы, — запротестовал я, — совсем уж как-то! Я же не на смерть или заклятие его беру, а на разведку! Где он соберет ценные сведения о мире людей и все в большой коробочке принесет вам!

Она вздохнула, но больше не произнесла ни слова, мы углубились в лес, тут ни протоптанных тропок, ни дорог, некому топтать и дорожить, кое-где хижины, часть эльфов живет в дуплах, как я понял, некоторые в гнездах, как гориллы, но жрица повела меня хоть и к хижине, но размером с приличный дом, разве что сплетенный целиком из живых веток.

Там же молча вошли, я остановился у порога, вдруг да нарушу какое-то местное табу. Жрица огляделась, будто не у себя дома, властно хлопнула в ладоши.

— Мухтаэль, — сказала она громко и властно, — ты готов?

Приоткрылась дверь соседней комнаты, в щелочку почти просочилась стройная фигура в темно-зеленом плаще и с капюшоном, закрывающим лицо до самого подбородка.

Длинные рукава спускаются до середины кистей, но и те эльф подобрал, словно улитка, втягивая рожки, будто я даже взглядом обожгу или, хуже того, испачкаю.

— Мой сын, Мухтаэль, — сказала жрица печально, — мой единственный и любимый...

— Очень приятно, — пробормотал я, в такой торжественной обстановке можно только бормотать, и вообще все как в храме, когда ни лишних движений, ни громких голосов. — Я конт Астральмэль.

Жрица сказала строго и торжественно:

— Расстаюсь с ним с великой скорбью, мое сердце обливается кровью...

Я чувствовал себя последней сволочью, хотя вроде бы и всех эльфов стараюсь спасти от вымирания, и этого робкого сына жрицы буду беречь, чтобы он даже пальчик в носу не сломал. И все равно почему-то чувство вины есть, вот такой я чувствительный, чуткий, трепетный, отзывчивый, замечательный, великолепный, золотце...

— Да все будет путем, — заверил я. — Не навеки же! Он будет навещать, честное слово!.. А не понравится — больше не вернется в мир людей. Может быть, кто-то его заменит вполне добровольно.

Она покачала головой:

— Не думаю.

— Тяжело быть вождем, — сказал я. — Да и верховной жрицей...

— Тяжело.

— Мне это знакомо, — заверил я. — Правда, жрецом еще не был. Может быть, попробовать?.. Нет, не

стоит. Наверное. Хотя кто знает, я весь такой пробовательный. Это у меня от этих, как их... ага, людей!

Она повернулась к замершей в скорбном молчании фигуре.

— Мухазель, ты готов?

Я услышал тяжелый вздох, эльф робко подошел ко мне. Я посмотрел на нее в некотором изумлении.

— Мне казалось, — сказал я, — что мы договорились... как бы о самом принципе. То есть эльф или группа эльфов, что еще лучше, прибудет ко мне во дворец... Но сейчас я прибыл сюда с помощью браслета Иедумэля, он же браслет Гонца...

Она произнесла строго:

— Я чувствую вашу мощь, что превышает силу простого эльфа. Если вы обхватите моего сына и будете держать очень крепко, воля великого Иедумэля, что заключена в его браслете, в состоянии перенести вас обоих...

— Здорово, — сказал я, — это же просто великолепно! Какие возможности!

— Держите его крепко, — предупредила меня жрица. — Это будет очень тяжело. Очень.

Я переспросил с недоверием:

— Прямо щас?

Она кивнула:

— Лучше так.

— Ну, — пробормотал я, — вам виднее. Хотя, может быть, без торжественных проводов и лучше.

Похоже, мы подумали одно и то же: мальчишка может испугаться и передумать, опозорить мать в последний момент перед глазами всего племени.

— Мухтаэль, — сказала жрица строго, — будь достойным. Выдержи все.

Эльф наклонил голову еще печальнее. Мне показалось, что прошептал что-то, но так тихо, что я не слы-

шал, и, похоже, верховная жрица тоже не разобрала его шепот.

Я смерил самоуверенным взглядом тонкую фигуру.

— Он такой тощенький, а я и слона перетащу!.. Это же не на себе тысячу или больше миль!..

Жрица сказала невесело:

— Это будет тяжело. Очень тяжело.

Я хмыкнул, обнял эльфа, прижимая к себе с такой силой, что тот вспикнул, повернул одно из колец браслета обратно на прежнее деление и крепче сцепил пальцы в замок.

В ушах зазвенело, страшно обрушилась тьма. Руки потяжелели, налились тяжестью, тело эльфа начало выскальзываться из рук. Я стиснул челюсти и ухватил покрепче, придавил, даже ноги поднял, чтобы поддерживать, но эльф стал тяжелее стада слонов, я простонал в ярости и бессилии, ухитрился опрокинуться на спину и теперь хрипел, раздавливаемый непомерной тяжестью, но это лучше, чем разожму руки...

Все это время нас несло через ужасающий мертвый космос, сердце мое остановилось, а дыхание то сперва вырывалось с хрипами, то оборвалось полностью.

Блеснул невысказанно-яркий свет, я ослеп, в спину больно ударило. Я ощутил, что тяжесть сползла с груди, вздохнул с хрипами и клекотом в легких, помотал головой.

Эх, ну почему я, великий мыслитель, сперва думаю тем местом, где спина уже называется как-то иначе, не помню, а головой потом? Почему я решил, что меня вернет обратно в кабинет, откуда и стартовал, если кольцо носит только к эльфам?

После черноты все сверкает зеленью, чирикают птички, я в центре сверкающего мира эльфийского леса, вон там за деревьями откроется поляна с домика-

ми, где в третьем слева моя Гелионтэль... или не моя, а конта Астральмэля, а дальше ее сестры... гм...

Эльф медленно поднялся на колени, капюшон свалился с головы, там копна золотых волос, туго перевязанных лентами, мордочка чистая и очень юная, с громадными невинными глазищами дивно фиолетового цвета, ресницы густые и длинные, идеально выточенный нос, нежные алые губы бантиком...

Нехорошее подозрение стукнуло в голову, то-то этот эльф попытался отстраниться, когда я его прижал к себе крепко, да и я ощутил, что при всей хрупкости он не должен бы оказаться впереди таким нежно-мягким.

Я спросил хрипло:

— Ты... кто?

Эльф ответил нежным голосом

— Я Лалаэль, дочь верховной жрицы. Мухтаэль очень боялся идти с тобой.

— А ты...

— Я и сейчас боюсь, — прошептала она, — но мама любит больше его, так что я решилась.

Я огляделся, рывком надвинул ей капюшон на голову и сказал торопливо:

— Нам нужно выбиратья отсюда!

Она пискнула:

— Зачем?

Я оглянулся на деревья, за которыми домик жены Астральмэля и остальных его жен по праву левирата.

— Надо, и все!

Она боязливо вздрогнула, когда я ухватил ее за руку и потащил в сторону выхода из леса.

Через кусты я ломился, как лось, сокращая расстояние, пока обо мне не распространилась весть и не дошла до королевы. Да и перед Гелионтэль с ее сестрами объясняться что-то вот ну не хочется как-то даже. Хотя ничего не украл, а бывают ситуации, когда чув-

ствуешь себя виноватым уже потому, что на тебя могут что-то подумать не совсем то, что хочется, чтоб о тебе думали.

Запыхавшись, она пропищала:

— Почему убегаем?.. Разве там не эльфы?

Я сказал строго:

— Лапушка, раз уж рискнула подменить брата, то... должна просто повиноваться. Не спрашивая! Ты теперь зольдатэн! Можно просто, по-нашенски: зольдат.

Он бежала, задыхаясь не от усилий, легкая, как белка, а от ужаса.

— Нас кто-то преследует?

— Да!

— Кто?

— И не спрашивай, — отрезал я. — Ты ищщо маленькая. Тебе сколько, всего лет сто-двести?

Она наморщила нос и не ответила, а я подумал в удивлении, неужели эльфиек тоже непристойно спрашивать о возрасте. Если так, то они впишутся в человеческое общество, точки для соприкосновения уже нашупываются.

Я покосился на ее грудь, небольшую и аккуратную, но как у козы, выдвинутую вперед острыми кончиками. Да, основные из этих точек я уже ощутил.

Кое-где мелькнули силуэты эльфов, у опушки я заметил затаившихся в кустах часовых, удержался от желания злорадно сказать, что прячутся плохо, почти бегом пробежал мимо, волоча за руку Лалаэль, пока ничего не спросили.

Вообще-то я влип, сглупил с этим браслетом, слишком ненавижу сидеть без дела и чего-то ждать, когда у меня такие возможности. Вот и свозможностил так, что язык на плече, а глаза враскоряку: ну и что теперь?

Эльфийка испуганно съежилась, когда после леса я затащил ее в первый же попавшийся овраг. Лицо стало совсем несчастным, губы задрожали, а на длинных чудесных ресницах повисли крупные жемчужины слез.

Я сказал сварливо:

— И не мечтай, поняла?

Она пискнула:

— О чем?

— Знаешь, — огрызнулся я, — о чем. Уж картинки всякие смакуешь, жертва несчастная, посмотрите на нее!.. Нет уж, тебе предстоит нечто похуже и позабавнее.

Она вздрогнула и съежилась, глаза стали совсем как блюдца. Маленькая, худенькая, смотрит на меня снизу вверх, как зайчик даже не на волка, а на некого монстра, нависающего над нею всей громадной тушей.

— А-а... что будет?

— Мы забрались очень далеко, — сказал я. — Были в Морданте, хотя тебе это вряд ли что говорит, а теперь мы в Турнедо. Понятно, это говорит еще меньше. То есть с минусом. До Ламбертинии рукой подать, но все равно рука должна быть длиной в полтора королевства: половину Турнедо и целиком Шателлен... К счастью, не вдоль, а оба поперек, но все равно такие руки вряд ли отрастить сумею даже на усиленном питании... Ты не прислушивайся, это я сам с собой, люблю поговорить с умным человеком и потому такую чушь несу...

Глава 8

На самом деле выход только один: превратиться в дракона, взять ее в лапы и отнести в земли сэра Мидля, а там снова в человека. Эльфийка упирается от ужаса, но это ничего, я же на загровке ее понесу. Лишь

бы не померла с перепугу. Нужно только предупредить, что превращусь в дракона...

Потом, правда, придется ее ловить по степи, чтобы ухватить лапами, но, думаю, поймаю. Даже если будет отстреливаться из ее игрушечного лука.

Да, самая верная идея...

Я вздохнул и сказал громко:

— Зайчик, ко мне!.. Бобик, ко мне!.. Ну, кто быстрее?

Эльфийка вздрогнула, быстро обернулась, глядя по сторонам дико расширенными глазами. Никого не обнаружив, снова начала с подозрением присматриваться ко мне.

Я сказал наставительно:

— Лапочка, я — крупный государственный деятель. Видишь, какой у меня рост и какие плечи? Можешь и бицепсы пощупать, чтобы убедиться, тебе разрешу... Бицепсы есть и на руках. А у государственного деятеля, особенно крупного, всегда много важных государственных тайн, так что не делай глазки, когда что-то не понимаешь. Медленно и постепенно будут открываться и тебе, поняла?

Она замедленно, но послушно кивнула.

— Да... если так у людей.

— Именно так, — подтвердил я. — Это вы там все бесхитростные, дети природы прям, а мы... сложные в общем. Что такое сложные, объяснять не буду, тебе еще нельзя, ты совсем маленькая.

Она надула губы, но возражать не стала. Возможно, почуяла провокацию, женщины спинным мозгом чувят то, что понять не в силах, а эльфы тоже в некотором смысле люди. Во всяком случае, эльфийки — точно.

После долгой паузы, когда я только лежал на спине и ее даже не укусил, она осмелела и спросила задиристо:

— Почему ты решил, что я еще маленькая?

— По бесстрашию, — ответил я честно. — И самопожертвованию. Взрослые уже знают, мир опасен. Даже твой брат знает... он ведь старше? Ну вот. А ты еще не знаешь. Доверилась даже мне, еще не предполагая, какое я чудовище.

Она опасливо отодвинулась, вся собралась в комок.

— Правда?

— Истинная, — подтвердил я. — Но тебя не обижу. Ты мне доверилась, тебя буду защищать. Всех других буду жрать, обижать и мучить. А тебя нет.

Она смотрела серьезно и пытливо, глаза чистые, искренние.

— А... зачем?

Я изумился:

— Как это зачем? Обижать и мучить — приятно! Ты бабочкам отрывала крылышки?

Она замотала головой:

— Никогда. А ты?

Вопрос прозвучал неожиданно, я вздохнул и развел руками.

— Вообще-то и я не отрывал. Ладно, это у людей называется шуточки. Не всегда они умные, да от шуток этого и не требуется.

Раздался далекий треск, что мгновенно оказался близко. Над оврагом пронесся ветер и повалил траву. Через секунду к нам спрыгнул Бобик, показал эльфийке зубы, а меня повалил и начал облизывать в полном восторге, что отыскал, что я его позвал, что мы снова вместе.

Над головой послышалось презрительно-обиженное фыркание. Арбогастр, стоя на краю оврага, свесил голову и рассматривает нас с любопытством. От его тела идет не пар, а поднимается сухой накаленный воздух, что так и струится мощным потоком, стадо ленивых орлов сможет парить, растопылив крылья.

Я протянул руку эльфийке:

— Пойдем. Это друзья.

Она сказала боязливо:

— Только оба такие страшные..

Бобик показал ей зубы и неожиданно лизнул в нос, едва не свалив, как изяшную куклу. Она завизжала и упала, отмахиваясь обеими передними лапками.

Он отпихнул головой ее верхние конечности и снова лизнул мощно, так что она чихнула во весь голос. Бобик сел на задницу и начал ее рассматривать внимательно и с интересом.

Я подхватил ее за руку, эльфийка не успела и пикнуть, как я выдернул ее из оврага. Арбогастр подставил бок, я вскочил первым и легко вздернул к себе это ушастое существо, посадив впереди себя.

— Попадет тебе, — предупредил я, — когда мать узнает.

— Может, попадет, — согласилась она, — а может, и нет.

— Почему?

— Она больше любит Мухтаэля...

— Не ревнуй, — сказал я отечески. — Она и тебя любит. Но не выказывает, чтоб ты не задавалась. Ты же задавучая?

Он подумала, ответила серьезно и озадаченно:

— Вроде бы нет...

Я поднял капюшон, сделан непонятно из какого материала, но чувство такое, что ничем не продуть, а тепло в нем сохраняется прекрасно.

Она вздрогнула, когда я надвинул капюшон ей на голову.

— Зачем?

— Мы очень быстрые, — объяснил я. — Все трое. А ты?

— А я очень-очень быстрая, — заявила она независимо.

— Смотри, — пригрозил я, — у нас все проверяется быстро... Зайчик, вперед! Можно без песни.

Эльфийка повернула голову, чтобы посмотреть, где там большая ужасная собака, что чуть ее не съела. Зайчик сделал мощный рывок, я придержал ушастика, она вскрикнула, чувствуя, что голова едва не оторвалась.

Арбогастр начал стремительно набирать скорость, и встречный ветер превратился в ураган. В моих руках что-то протестующе попискивает, я навалился на это существо, закрывая от напора воздушной массы, сквозь которую ломимся, земля внизу превратилась в серо-зеленое нечто, по сторонам мелькают то лес, то быстро появляющиеся и так же мгновенно исчезающие гряды скал и холмов, под копытами то глухо гремит камень, то за спиной сплошной чавк, а в воздухе висит, растянувшись на милю, длинная дуга черной земли, выброшенной копытами.

Я время от времени приподнимал голову, надеясь увидеть стены Савуази, где во дворце оставлю эльфийку под заботой сэра Вайтхолда и охраной всегда бдительного Ортенберга, но мимо скользят бесконечные леса, ненадолго прерываемые полями, наконец я сообразил, что мои зверюки приняли решение за меня, посчитав, что маленькой эльфийке среди незнакомых людей будет страшнее, а здесь хоть и неудобства, но все-таки я же конт Астральмэль, посол Ее Величества королевы эльфов, Блистательной и Рожденной...

Я не успел поворчать, как Бобик, что резво несется впереди, ухитряясь подпрыгивать и что-то хватать, в какой-то миг слегка изменил направление.

Я понял и сразу же крикнул Зайчику:

— Помедленнее, друг мой, помедленнее!

Далеко впереди появилось желтое облачко пыли и быстро увеличивается в размерах. Я придержал Зайчика еще, из желтого марева вынырнули и мчатся в сторону границы с герцогством легкие всадники, целый отряд дюжины в две.

— Наконец-то! — сказал я. — Бобик, не спеши, это свои.

Бобик посмотрел на меня с укором, дескать, сам знаю, я ж не копытное какое, подпрыгнул и ринулся навстречу скачущим.

Кони круто подались в стороны, едва не сбрасывая всадников. Я видел, как те старательно удерживают их и стараются уверить, что это хорошая собачка, ее уже все знают.

Во главе сухой, как прожаренное на солнце тощее дерево, молодой парень, но когда приблизились, я понял, что совсем не молодой, просто фигура поджаро молодая, и движения резкие, порывистые, чем-то похож на Норберта Дарабоса.

Наконец нас увидели, начали придерживать коней. Зайчик еще сбросил скорость, но все равно, когда мы приблизились, передний вскрикнул с восторгом:

— Что за конь, ваше высочество!

— Хороший воин, — сказал я саркастически. — На этом коне мое высочество и прекраснейшая женщина, а вы комплимент коню? Тогда уж и моей собачке...

Бобик повилял хвостом, готовый слушать комплименты и похвалы, а всадник жутко смутился:

— Простите, ваше высочество...

Я хотел было соскочить и снять эльфийку, но решил поступить проще и всего лишь откинул капюшон с ее лица на спину. Командир отряда икнул, остальные ахнули, у всех глаза расширились так, что хоть шас всех до единого принимай в эльфы.

Лалаэль сидит, вжавшись узенькой спинкой в мою широкую, надеюсь, грудь, дивные золотые волосы за время скачки растрепались, голубые ленты не удержали это богатство, и вся эта роскошь ниспадает по ее плечам. Вообще у этого существа в самом деле нечеловеческая красота нежнейшего создания, далекого от нашей грубой жизни, тонкого, изящного и гордо выпрямленного, как суслик возле норки.

Она пугливо смотрела на страшных людей, а у них на лицах такое, что сейчас преклонят перед нею колени, ибо все мы охотнее всего поклоняемся женской красоте.

— Вольно, — сказал я громко у нее над ухом, из-за чего она съежилась, а они все моментально меня возненавидели. — Докладывайте!.. Да-да, захлопните пасти и докладайте!

Передний всадник, что похож на Дарабосу, с трудом удерживал бешено пляшущего под ним коня, которому страстно хочется мчаться дальше, романтик, видно.

— Ваше высочество, — крикнул он срывающимся голосом, — я сотник Керш. Послан вперед приготовить место для лагеря! Конница лорда Будакера будет здесь через час уже к вечеру!..

Я выдохнул с облегчением:

— Ну, наконец-то...

— Ваше высочество! Нам какие-то распоряжения?

— Да, — сказал я. — Здесь земли сэра Мидля, это шателленский лорд, так что проходим, не останавливаясь и не чиня вреда. Вы с отрядом этим же галопом к реке, там граница с герцогством Ламбертиния. Там я и сам заметил неплохое местечко для лагеря всей армии.

— Надолго остановимся, ваше высочество?

— На ночь, — отрубил я. — Всего на одну ночь.

Он выкрикнул звонко и молодо:

— Разрешите выполнять?

— Да, — ответил я. — Выполняйте. Разрешаю. Весьма. И быстро!

Он вскинул руку, все развернули коней, все еще не отрывая восторженных взглядов от нежной юной эльфийки, и помчались. Вернее, их помчали мудрые кони, что знают — красивой может быть только молодая трава и отборный ячмень.

Я тронул Зайчика, он пошел шагом, а Бобик сразу начал нарезать вокруг нас все расширяющиеся круги: чего ищем, ну чего ищем?

— Видишь, — сказал я эльфийке, — с каким восторгом на тебя смотрят? Как на волшебную фею.

Она чуть изогнулась, стараясь вывернуться и посмотреть мне в лицо, голос ее прозвучал неуверенно и сдавленно, словно она польщена и перепугана еще больше:

— Ну да, вы же любите отрывать всем крылья...

— Не все, — протестовал я. — Есть такие, что не отрывают!

— А как их отличить?

Я развел руками:

— Увы... Более того, даже те, что не отрывают, могут под горячую руку оторвать и голову, не только крылья.

Она зябко поежилась, придвинулась ко мне ближе. Глаза оставались испуганными, она зябко ежила и без того узенькие плечики.

— Как у вас все страшно.

— Держись ближе ко мне, — посоветовал я, — и никто тебя тронуть не посмеет.

Она зыркнула исподлобья, но сказать ничего не сказала, а что подумала, ладно, в женских мыслях сами женщины не разберутся, у них чуйства всякие, а

это существо хоть и маленькое, но все равно женщина. Как мне иногда кажется, они даже маленькие — женщины тоже.

Я настоящий мужчина! Все больше в этом убеждаюсь, когда общаюсь вот с этим пищашим существом, что не человек, а вроде бабочки, а какие бабочки умные, все знаем, бабочки — это те же бабы, только мелкие и поизящнее, однако же умело черпаю знания даже из такого сосуда, даже сосудика, ибо великий, хоть и кончивший в сумасшедшем доме мудрец сказал: кто не хочет умереть от жажды, должен научиться пить из всех стаканов.

Оказывается, если не брешет, ей так хотелось, чтобы мама любила ее больше, чем Мухтаэля, что постоянно с ним соперничала, потом научилась побеждать, а затем уже шла во всем с большим отрывом, так что сейчас она лучший стрелок из лука во всем племени, а также искун и прятальщик.

Народ ее, по рассказам стариков, когда-то был великим и многочисленным, но если так пойдет и дальше, скоро они вовсе исчезнут с лица земли.

Исчезнут, подумал я молча, это несомненно. Но исчезнуть можно по-разному. Либо как чудь, что при наступлении жестоких славян ушли в глубокие пещеры, можно, как гордые нарты, что не пожелали поклониться Богу и все погибли, а можно и как киммерийцы, что были разбиты скифами и стали скифами, а те, в свою очередь, исчезли, ставши славянами...

Так племена и народы исчезали, превращаясь в новую общность и новый народ, но сами люди продолжали жить, и в чертах моих соратников можно увидеть этруска, хетта, печенега и даже гондванина.

— Старики считают, — попискивала она грустным голосом, — что надо довериться тебе во всем...

— Мудрые у вас старейшины, — согласился я великодушно.

— ...потому что больше вообще некому, — продолжила она, — а возможности племени исчерпаны. Ты либо погубишь всех, что вернее всего...

— Хорошая у меня репутация, — пробормотал я.

— ...либо как-то поможешь выжить, — закончила она. — Но это почти невозможно. Однако все согласились на Совете, что лучше уж погибнуть быстро, чем угасать еще жалкие сотни лет.

Я сказал ей в ухо с горделивой надменностью:

— Лапушка! Я как раз то чудо в перьях, для которого нет слова «невозможно».

Она встрепенулась, как птенчик в тесном гнездышке, вывернулась и посмотрела на меня через плечо несколько диким взглядом.

— А какое, — спросила она с великой надеждой, — есть?

Я ответил высокомерно:

— Например, «нельзя». А невозможно — какое-то... слишком длинное. Есть слова: не под силу, не по плечу, исключено, утопично, неприемлемо, иллюзорно, нежизненно, нереально, неосуществимо, и речи быть не может, да ты чё, невыполнимо, неумоготу, где там, выше сил, пустой номер, а можно и вовсе —дохлый, несбыточно, химерно, отпадает, да ты чё...

— Вы это уже говорили, — напомнила она.

— Правда? — изумился я. — Так ты что, слушала?

— Да, — ответила она серьезно. — Вы же... говорили.

Я отмахнулся:

— Мало ли что я говорю женщине. Вас, главное, уболтать. На вас монотонные и очень умные речи действует гипнотически, у вас сразу отключается мозг, не

выдерживая перегрузки, а затем отключаются и средства защиты.

Она спросила очень серьезно:

— А зачем убалтывать?

Я подумал, как-то нехорошо детям врать, вздохнул и ответил тоже серьезно и честно:

— Инстинкт. Ты видела, как тетерев пляшет перед тетеревиной? Это он ее убалтывает танцем. Гипнотизирует. А инстинкт действует... ну, инстинктивно, понимаешь?.. Это как бы обязанность, вписанная нам где-то глубоко, но действующая как программа, обязательная к исполнению. Меня это убалтывание уже не раз доводило до беды. Начинаешь убалтывать, хотя тебе это совсем не надо, а потом уже сам не знаешь, как вырваться из той ловушки, куда сам себя загнал...

Зайчик, не чувствуя направляющей руки, начал набирать скорость, но когда впереди показалось облако пыли, я спохватился и придержал, даже подумывал остановиться где-нибудь под роскошным дубом и дожидаться Будакера, но сотник Керш сообщил, что рыцарская конница движется за ними с отрывом всего в час, так что позволил идти Зайчику шагом, пока не увидели вдаль широкую речку, а на этой стороне поспешно натягиваемые людьми разведывательного отряда шатры.

— Прекрасно, — сказал я горделиво. — Вон тот шатер, самый большой, берем себе.

Она спросила недоверчиво:

— А не выгонят?

— Смотря на кого нарвемся, — ответил я.

Разведчики сразу бросили работу и уставились восторженными глазами. Я погрозил пальцем, половина сразу опустила головы, а когда показал кулак, остальные тоже вспомнили, что мужчина создан для работы, а не для.

В шатре, как понимаю, для сэра Будакера, теперь уже графа, ничего лишнего, только легкий стол и большое бревно, на котором так удобно сидеть, оно тут и лежало наверняка, просто шатер натянули над ним, очень практично, военный совет можно проводить сидя, как бабки на завалинке.

Эльфенок так и остался стоять столбиком у входа. Я вздохнул, сказал терпеливо:

— Лапушка, ты, конечно, права, что не решаешься и пальчиком шелохнуть, когда не знаешь, как это воспримут. Так жить безопаснее, но что это за жизнь?.. Так что держись свободнее.

Она пискнула:

— Это как?

— Делай все, — сказал я, — что хочешь, только старайся этим не задевать других людей. Будь толерантной.

— А это что?

— Толерантность, — сказал я, — это когда вот тебе люди не нравятся, но ты свое мнение держишь при себе. Просто оставляешь их там, где они есть. И такими, какие они есть. Иначе говоря, плюй на всех и занимайся собой.

Она смотрела озадаченно, слишком уж какое-то извращенное мировоззрение, потом решила явно, судя по ее выразительной мордочке, что я придумал такое специально для нее, чуточку успокоилась, прошла к бревну и чинно села, ровненькая такая, кукольно красивая, даже прекрасная, глазища необыкновенные настолько, что только бы и смотрел в эту дивную манящую глубину, бесподобно удлиненную к вискам, лес ресниц густой, длинный и с чарующе загнутыми кончиками, глаза в их обрамлении выглядят особо таинственно мерцающими, как утренние звезды, чистые и омытые росой.

— Что-то случилось? — спросила она встревоженно и оглядела себя, вдруг да где сопля повисла. — Я где-то испачкалась?

— Лапочка, — сказал я, — тебе надо привыкать к таким взглядам. Люди будут откровенно любоваться тобой! Женщины... вряд ли, но люди... гм... мужчины будут смотреть вот так. Это восторг и трепет в сердце, ясно, дурочка? Будь к этому готова, но... не иди навстречу. Или всякий раз спрашивай меня, как строгого родителя, что можно, а что еще как можно. Я побуду папой, будь ты хоть в сто раз старше меня.

Она посмотрела на меня искоса, мне показалось, что готова улыбнуться. Уже хорошо, а то просто ледышка, все время ужасающаяся своему благородному порыву, что привел ее к этим чудовищам.

Глава 9

Через час, как и ожидали, раздался далекий тяжелый гул. Я вышел из шатра, эльфийка поспешила следом и зачарованно смотрела, даже ротик распахнула, как голодный галчонок, что просит у мамы червячка, на великолепную рыцарскую конницу, где во главе скачут прекрасно одетые рыцари в сверкающих доспехах с перьями на шлемах и в красивых плащах, гордо ниспадающих с плеч на конские спины.

Кони убраны не хуже всадников, все под цветными попонами, со стальными налобниками с укрепленными на них рогами единорогов, украшенными золотыми нитями уздечками, под стать хозяевам рослые, гордые и величественные, несокрушимые в стальной броне, любую оборону проломают, как забор из тонких щепочек...

Будакер остановил коня, оруженосец перехватил повод, а Будакер соскочил и преклонил передо мной колено.

— Ваше высочество!

Лалаэль зачарованно смотрела на него, потом с удивлением перевела взгляд на меня.

Я сказал царственно:

— Встаньте, дорогой друг. Вы сумели привести армию на сутки раньше, чем я ожидал! Это прекрасно.

Будакер поднялся, суровый и серьезный, как всегда, не умеющий улыбаться и шутить, на эльфийку лишь метнул взгляд, а потом смотрел только на меня и отвечал строго и четко:

— Ваше высочество, но пехота все-таки подтянется через несколько часов.

Я кивнул:

— Хорошо. Но вы и кони отдыхайте эту ночь, утром нам всем долгий марш.

— Как скажете, ваше высочество.

— И чем дольше, — добавил я, — усидите в седлах, тем лучше.

— Усидим, — ответил он серьезно. — Сколько надо.

Я улыбнулся.

— А теперь прошу вас в ваш шатер. Поговорим о деталях операции «Спасение благородной дамы».

Он последовал за мной, а эльфийка, как существо, которому я велел быть рядышком, засемила задними лапками, держась так, чтобы между нею и этим человеком в железе с головы до ног был я.

В шатер мы вошли одни, за это время здесь поставили еще стол и две лавки, Будакер немного задержался, а когда появился, на нем уже не было железа, кроме блестящих поножей из прекрасной вестготской стали, но их не стал снимать, как понимаю, чтобы не заставлять меня ждать.

— Вы быстро, — сказал я одобрительно. — Уверен, вы так же вели и всю армию. Итак, дорогой друг, вот вам карта герцогства Ламбертиния. Вы пойдете вот по

этой дороге... У вас на пути крепости, вот я их отметил, а это города... Большие пометил красным, синим помельче, зеленым совсем мелкие. Крепости обходите с осторожностью, города можете захватывать, но только если ворота распахнуты, я не хочу терять людей там, где можно обойтись без потерь...

Он следил внимательно за моим пальцем, даже не погладил Бобика, что прибежал и подставил голову под его пальцы, помня этого рыцаря как соратника по охоте.

Бобик сделал вид, что обиделся, подошел к застывшей столбиком эльфийке, подышал на нее жарко, она вытянулась и закрыла глаза, Бобик фыркнул и выскочил из шатра.

Будакер измерил пальцами расстояние от города до города, задумался. Эльфийка из уголка следила за ним настороженно, эти непонятные и грозные люди такие странные, наконец он проговорил с осторожностью:

— Ваше высочество, к герцогу гонца посылать будете?

Я насторожился:

— Зачем?

— Ну, — проговорил он несколько неуверенно, — насчет объявления войны... Так принято...

Я покачал головой:

— Сэр Будакер, какая война? С чего бы я стал воевать с герцогством, что мне ничего не сделало?.. Никакой войны!.. Мы просто явились освободить мою жену, королеву Мезины Ротильду Дрогонскую. Надеюсь, что герцог тут же, устыдившись своего недостойного поступка, выедет навстречу и передаст мне ее с извинениями. Мол, был не прав, вспылил, такая уж у нас фамильная черта, горячий нрав, простите...

Он спросил с недоверием:

— А вы... простите?

Я изумился:

— Конечно!.. Ради этого и пришли.

— Гм, — сказал он.

— И войско, — сказал я твердо, — именно для этого! Явись я один, вряд ли надменный герцог отдал бы мне пленницу. Он стал почему-то слишком самоуверенным в своем герцогстве... Подумал бы, что у меня своих проблем хватает, да еще королевство Шателлен отделяет его от Турнедо...

Он поразмыслял, лицо оставалось серьезным.

— Думаю, — сказал он наконец, — отдал бы. У вас достаточно грозная слава. Однако вы правы с этим вторжением. Герцог будет намного сговорчивее. И кланяться станет ниже.

— Кланяться не станет, — возразил я, — у него уйма предков, что никому не кланялись. Но сговорчивее ему стать придется. Утром поднимайте всю армию и, перейдя границу, продвигайтесь вглубь. Придерживайтесь пути, обозначенного на карте, но помните, это пожелание, а не приказ. Если надо — отклоняйтесь в сторону. Но не слишком, потому что справа ведет армию Клемент Фицджеральд, а слева — граф Альбрехт.

Он поежился:

— Да, соседи...

— Какие-то трудности?

Он пробормотал:

— Оба опытные воители. Не опозориться бы с такими рядом.

— Не такие уж и опытные, — возразил я. — По-настоящему опытные на серьезных участках, а у нас здесь прогулка. Еще раз смотрите сюда: обойдете эту крепость и вот эту, они чересчур... а дальше смотрите сами. Вообще старайтесь обходить по широкой дуге, чтобы со стены не докинули камнем и не поцарапали никого стрелой.

Он смотрел на меня испытующе.

— А если нам загородят дорогу?

— Вступить в бой только в этом случае, — сказал я. — Но у герцога нет таких войск наготове. А то, что соберут наспех местные лорды, вы легко сметете, как солому.

— И снова вперед?

— Да.

— До какого места?

Я указал на карте.

— Вот. Граница с королевством Фарландия. Но, думаю, на сам кордон выходить не придется. Там дальше за городом Краканц уже нет ничего особенного, только несколько сел и густые леса.

Он внимательно прикинул расстояние, лицо стало задумчивым.

— Придется двигаться очень быстро, — наконец проговорил с расстановкой. — Чтобы местные не опомнились и не успели собрать совместное войско.

— Это да, — согласился я. — Мыслите верно, а еще говорите, что лишены стратегических способностей! В общем, действуйте по обстановке. Если будет необходимость, пускайте конное войско вперед с большим отрывом от пехоты. Та в любом случае отобьется. А вы захватывайте города, что сами откроют вам ворота, замки и крепости, но, повторяю, если там заперто, никакой осады и никакого штурма!..

Он покосился на эльфийку:

— Ваше высочество, этот шатер в вашем распоряжении. А мне нужно будет показать карту командирам и обсудить все детально.

Я ответил милостиво:

— Хорошо. Только все равно успеете и выспаться.

Он поклонился, распределяя поклон строго между нами, вышел, а эльфийка впервые зашевелилась, спро-

сила тихо и одновременно звонко, таким голосом, словно заговорил крохотный лесной ручеек:

— Война из-за женщины? Враги похитили твою жену?

Я запнулся с ответом, вроде бы благороднее согласиться, таким образом поднимаем на недостижимую высоту женщин, из-за которых вон перекраивается карта мира, но это связать мне руки, и когда на карте либо общественное, либо личное, я, конечно же, выбрал общественное, ну да, а как же.

— Какая жена?.. — буркнул я. — То был всего лишь деловой договор. Я обычно не женат. Но это ничего не значит, ты ложись вон там, а я здесь.

Она смотрела, стараясь держаться бесстрастно, как я с сопением снимаю сапоги и наконец заваливаюсь на грубо сколоченное ложе, а когда в блаженстве отдыха развалился на спине и вздохнул, что наконец-то переведу дух, она подошла ближе и сказала, глядя сверху вниз:

— Но ты же сказал, держаться к тебе поближе?

— Ты еще маленькая, — возразил я.

— Я не маленькая, — возразила она. — Просто вы крупнее эльфов.

— Эльфы мельче?

— Нет, — уточнила она, — мы нормальные, это вы крупнее!

— Значит, просто мелкая?

— Я не мелкая, — сказала она с достоинством. — И не маленькая.

Я буркнул:

— Пока не скажешь, сколько тебе лет... Нет, женщины все врут, сперва покажи свидетельство о рождении, что с печатями и подписями...

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Тогда лягу с Бобиком. Он спит здесь?

— Ага, — сказал я злорадно, — уже перестала бояться?

— Нет, — ответила она, — не перестала.

— Так чего?

— Просто боюсь меньше, — сказала она, — а он такой теплый и толстый. Просто горячий.

— Он не толстый, — сказал я сердито. — Он весь из мышц. Просто мышцы широкие!.. У меня тоже мышцы, кстати. Но не посматривай такими глазами, в постель не пушу. Это слишком большой соблазн, а я еще тот Бобик.

Она начала готовиться лечь на полу, я ей сбросил туда все шкуры, что приготовили для Будакера, а сам поглядывал на то, как копошится это трусливо-отважное существо, и думал, что сейчас все мы непримиримы и нетерпимы, это хорошо и ценно, нетерпимость — важнейшее качество для выживания рода, вида или цивилизации. Но как-то забываем, что человечество не только из белых, черных, желтых и красных, а еще узкоглазых, толстомордых, хохлов, интеллектуалов и бодибилдеров, но также из давно забытых кроманьонцев, неандертальцев, питекантропов и синантропов, без которых цивилизация была не просто другой, а, возможно, ее вообще бы не было.

Так что хотя всякого ужасает даже мысль о сосуществовании с троллями, хотя против эльфов мало кто против, только бы те жили по нашим правилам, но я буду взывать к прекрасному чувству жадности и рационализма в человеке: тролли смогут выполнять тяжелую и грязную работу с большей легкостью, чем люди, а платить им можно намного меньше.

И гномам никаких утеснений, мы даже насекомых делим на три группы: полезных, нейтральных и вредных, так что идеология идеологией, но если от троллей, эльфов и гномов увидят пользу, я сам берусь отыскать, если другие не сумеют, нужную строку в Ветхом

или Новом Завете, доказывающие необходимость тесного сотрудничества в совместном построении Великого Царства Небесного на земле, аминь.

Несмотря на страх и напряжение, она заснула первой, а я долго лежал, глядя в купол шатра, и прикидывал, как все-таки решить проблему коммуникаций в быстро разрастающемся образовании.

Пожалуй, первым делом надо наладить почтовую службу. Это никуда не годится — посылать гонцов, что загоняют десятки лошадей, пока доставляют поздравление с днем рождения от короля Барбароссы к королю Найтингейлу.

Да, пора учредить платную самоокупаемую службу. Государственную, это важное дело не рискну отдать в частные руки...

...с почтовыми ящиками на воротах всех знатных домов, с перекладными лошадьми, станциями, почтовыми отделениями...

Я открыл глаза, в шатре сереет рассвет, на шкурах разлегся Бобик, эльфийка во сне прижалась к его теплему боку, а он ее прикрыл огромной толстой лапой.

Бедняжка пустит под себя лужу, когда увидит, как она спала. Я начал потихоньку подниматься, а в голове все еще мельтешат почтовые станции, перекладные, ящики на воротах дворцов и замков, всю ночь мерещилось, вот как работаю, осталось только Периодическую систему элементов увидеть или как нечистая сила делает философский камень...

Глава 10

Убедившись, что мы проснулись, оруженосцы принесли зажаренное на вертеле мясо. Я машинально поблагодарил, безмерно их удивив, а когда они вышли из шатра, мясо отдал Бобику, а для себя и нежной эль-

фийки сотворил настолько тонкие ломтики буженины, шейки и карбоната, что сквозь них можно читать линии судьбы на ладони, а также две вазы с разными невиданными здесь фруктами.

Лалаэль ела сперва трусливо, женщины незнакомаго боятся гораздо больше мужчин, это у нас в крови выходить из пещеры и топать в чужой лес за мамонтом, а они прячутся в самом дальнем углу пещеры потому, что обычно оберегают не только себя, но ту жизнь, что зарождается в них... или когда-то родится.

Я закончил большой чашкой крепкого и горячего кофе, ей не стал даже предлагать, дети не поймут, как взрослые могут пить такое горькое, создал для нее изящное нежно-вздутое мороженое снежными шариками.

Она осторожно лизала, потом лопала, едва сдерживаясь, от удовольствия теряя манеры, а когда поймала мой заинтересованный взгляд, смутилась, посерьезнела.

— Вы воюете... Вас очень много, что убиваете друг друга?.. А что делать мне? Зачем ты хотел, чтобы Мухтаэль пошел с тобой в твой жестокий мир?

— Не поверишь, — сказал я.

Она ответила очень серьезно:

— А ты попробуй.

— Хорошо, — сказал я. — Но ты лопай, лопай! Можно есть и говорить. Мне от эльфов ничего не нужно. Ну... не больше, чем вот от тех бабочек, видишь?

Она оглянулась на распахнутый вход в шатер, откуда влетели две бабочки и тупо шарахаются по всему пространству, пытаясь понять, почему все так изменилось и куда исчезли цветы.

— И... что?

Я проследил взглядом за их рваным дерганым полетом.

— Красивые?

— Ну... да...

— И хотя мне от них ничего не нужно, — сказал я, — но хочу, чтобы эти вот порхалки существовали. Да, потому что красивые. На них смотреть приятно. Может быть, хотя в это сам не очень-то верю, когда смотришь на красивое, сам вот хоть на чуть-чуть становишься красивее? Или лучше?.. Во всяком случае, пусть бабочки и всякие там эльфы будут. Но в лесу вам не выжить. Для развития металлургии понадобится много угля, а тут еще не имеют понятия о каменном, предпочитают древесный, для чего пережигают деревья. Так что эльфам придется либо умереть с деревьями вместе, либо научиться жить среди людей. Ну ладно, пусть не среди, пусть отдельными резервациями, но уже не прячась, не скрываясь, а под защитой моего всемилостивейшего и нещадно карающего авторитарного закона о зрелом либерализме.

Когда я справился и со второй чашкой кофе, армия четко и красиво начала переходить реку. Выучка в учебных лагерях чувствуется в каждом движении, а отдохнувшие кони, попав в холодную воду, стремятся пойти вскачь, чтобы побыстрее выбраться на тот берег.

Сэр Будакер даже не спрашивал, буду ли с ними, уже все мои соратники привыкли, что перемещаюсь достаточно быстро, и как бы они далеко ни ушли, догнать моментально, если мне это понадобится.

Эльфийка стоит рядом с Зайчиком, все еще напряженная, посматривает исподлобья, а я наблюдал за переправой, расположившись на камне, как на троне. Наконец из реки выбрались последние всадники и, нахлестывая коней, помчались догонять отряд.

Я перевел дыхание, никто не утонул, слава богу, а то даже в мелких реках захлебываются, когда переправляется такая масса.

— Жребий брошен, — сказал я, — Рубикон пройден.

Эльфийка посмотрела вверх, выискивая подброшенную монету, потом на мой кулак.

— Эта речка называется Рубиконом?

— У меня они все рубиконы, — пояснил я. — А если подумать, то у людей каждый шаг — переход через Рубикон. А то и через Альпы.

Она чуточку отступила, когда я поднялся.

— Что теперь?

— Вперед, — сказал я, — покой нам только снится...

Бобик подбежал и запрыгал вокруг, показывая, что он готов хоть шас и куда угодно, Зайчик подошел степенно и, не переставая мерно двигать нижней челюстью, подставил бок, где позвякивает украшенное серебром стремя.

Я поднялся в седло, вздернул к себе ушастое существо, но Бобик повернул голову и требовательно гавкнул, привлекая внимание.

Вдали начало разрастаться облако пыли, приближалось, пока не вынырнули скачущие рыцари на красивых запопоненных конях, с налобниками из металла, только без декоративных рогов на лбу и красивых султанчиков между ушей.

Во главе несется граф Уильям Ланкашнер, которого можно и Вильямом, за ним группа особо нарядных всадников, остальные скачут, выдерживая некоторую дистанцию.

Он на скаку отсалютовал, довольный и с сияющими глазами. Я милостиво улыбнулся и чуть наклонил голову.

— Ваше высочество!.. — прокричал он счастливо, но смотрел расширенными глазами не на меня, а на эльфийку. — Мы прибыли к замку, но нам передали, что вы отбыли сюда, и мы сразу поспешили...

— Разумно, — согласился я.

— Готовы, — выкрикнул он приподнято, — участвовать во всем, что вы предложите!

Рыцари его отряда приблизились, окружили нас широким кольцом, но они тоже, как и сэр Ланкашнер, смотрят больше на эльфийку, чем на меня.

Я картинно улыбнулся, взглянул на солнце.

— Вы вернулись быстро, — сказал я милостиво, — но немного опоздали. Правда, не намного.

— Ваше высочество?

— Моя армия, — объяснил я, — только что переправилась вон там через реку. Герцог тяжело и смертельно оскорбил меня, что непростительно в рыцарском мире благородных людей. В общем, догоняйте армию. Вам там расскажут, почему мы здесь и что предстоит делать. Это не война! Ни в коем случае. Просто демонстрация нашей мощи в ответ на оскорбление.

Сэр Ланкашнер слегка обалдел от такого поворота, но тут же сказал твердо:

— Оскорбление нужно смывать кровью!

— Нет-нет, — возразил я, — человек я настолько мирный и гуманный, что самому противно, но ничего со своим либерализмом поделаться не могу, он так и прет, так и прет, требует твердо и непреклонно нести в мир базовые ценности христианства и нашей кроткой церкви! Я же Ричард Строитель вообще-то. Кровь пусть прольется только по вине противника. Я имею в виду, если он сам нападет на моих людей. Или на ваших. Действуйте, сэр Ланкашнер. К сожалению, я должен отбыть срочно!

Я вскинул руку в прощании, коня на дыбы поднимать не стал, женщин нет, а перед мужчинами красоваться неинтересно, да и эльфийка может свалиться, как ее ни держи, ветер рванул навстречу, а когда быстро скрылись из поля зрения, я пустил Зайчика еще быстрее, а потом еще и еще.

Будакер справится, он человек немолодой, осторожный и предусмотрительный, его никто не отвлечет от выполнения моего приказа и не собьет с пути, потому я некоторое время якобы ехал по его следу, пусть так думает сэр Ланкашнер со своими рыцарями, а потом резко свернул и долго несяся, пока впереди не заблистала под суровым северным солнцем железнобокая конница под пышными знаменами Победоносной и Познавшей радость побед.

До границы с герцогством что-то около двух дней пути, ладно, не получилось одновременное вторжение, но это для меня не получилось, а для местных с их восприятием времени разрыв даже в неделю — одновременное...

Бобик бежал вдоль колонны, пугая коней и создавая беспорядок, мы на Зайчике спешили следом, эльфийка извертелась в моих объятиях, рассматривая огромными пугливыми глазами массу огромных страшных людей, с головы до ног закованных в толстое железо.

Во главе армии движется, как и положено, все руководство. Их издали видно не только по знаменам, что везут за ними гордые оказанной честью прапоросцы, но и по великанским коням, укрытым особо красивыми попонами, между ушами торчат красивые султанчики, а на шлемах рыцарей развеваются пышные хвосты разноцветных перьев.

Бобик пронесся вперед, сразу по запаху учуял своего друга.

Конь сэра Клемента сперва шарахнулся в испуге, но Фицджеральд удержал, погладил Бобика, для этого почти не пришлось наклоняться, оглянулся в удивлении:

— О, ваше высочество!

— О, — сказал я, — кого я вижу!

Ко мне повернул коня сияющий граф Меганвэйл, поклонился, а за ним его неизменные соратники: граф Арнубернуз, Фродвин и Буркгарт, чуть позже подъехал барон Хельмут, еще громаднее, чем обычно, в боевых доспехах, могучий и широкий. Под ним тот же брабант, что не брабант по месту рождения, но все-таки брабант, великанский и толстоногий, однако уже доказавший, что может долго и без видимой усталости идти хоть шагом целые сутки, хоть галопом, пусть и недолго.

Я сказал весело и приподнятым тоном:

— Дорогой граф, как вам ваше войско?

Меганвэйл вскрикнул счастливо:

— Выше всяких ожиданий!.. Но, правда, командующим по моей просьбе остается доблестный и благороднейший сэр Клемент. Он лучше знает ваши планы, а я, с вашего позволения, вступлю в права, когда будем возвращаться в Варт Генц...

Я сказал с видимым огорчением, хотя именно на такую реакцию и рассчитывал, она вообще-то и заложена в моем далекоидущем замысле:

— Жаль, граф, но вы, как всегда, принимаете самое мудрое и осторожное решение, что неизменно приводит к блистательным победам!

Его соратники подъезжали по одному, я приветствовал всех, как друзей, с которыми так давно не виделся и с которыми так много вместе пережито, как в войне с королем Гильбертом, так и в событиях в самом Варт Генце.

Приблизились и остановились в стороне Габрилас, Елиастер, Фитцуильям и другие командиры отрядов. Я приветствовал их так же сердечно, мы все — рыцари, а значит — один класс, одна семья, пусть даже наши королевства и называются по-разному.

Ничего, мелькнула мысль, герцог Ульрих уже послал эмиссаров ордена в Варт Генц и Скарлянды. Дисциплина и строгий устав спаяют наше образование еще крепче...

Позади всех я заметил барона Бальдфаста Бредли. Уже немолодой, но самый бедный из военачальников Меганвэйла, битый и повидавший жизнь, из некогда очень знатного и богатого рода, но давно растерявшего все земли и влияние.

Я кивнул ему дружески, но ничего не сказал, продолжал общаться с высшими военачальниками, сообщил им, наконец, изнывающим от нетерпения, что отныне в нашем войске будут и эльфы, это у меня пробный образец, пока на должности пажа, а после распробования решу, как их лучше встроить в наш мир, чтобы и они строили, хотят этого или нет, Царство Божье на земле.

Наконец, сообщив, что еще раз взгляну на войско, пустил коня вскачь, отыскал барона Бредли и кивком отозвал в сторону.

Тот подъехал, настороженный и собранный, поклонился:

— Ваше высочество?

— Барон, — сказал я доверительно, — я никогда не забуду вашу доблесть и то гражданское понимание ситуации, которое вы проявили в те трудные дни во время зарождавшей смуты в Варт Генце...

Бредли поклонился снова, но смолчал, не зная, что можно сказать, а чего нельзя, ибо он в самом деле действовал хотя и строго по моему приказу, но не всякий лорд, даже преданный мне, решился бы зачистить королевский дворец с такой решительностью и решимостью не оставлять проблем на будущее.

— Сейчас самое время вознаградить вас, — сказал я, — тогда было бы слишком явно, а сейчас... вполне.

Пока ничего определенного сказать не могу, но вы получите в герцогстве обширные и богатые земли.

Он воскликнул оторопело:

— Ваше высочество!

— Только держите это в тайне, — предупредил я.

— Да, ваше высочество... конечно, ваше высочество!

— Вы не задаете лишних вопросов, — сказал я, — и строго выполняете все приказы. Потому, сэр Бредли, по окончании этой... кампании вы будете повышены в звании. Это будет несколько запоздалая плата за вашу стойкость и твердость в Варт Генце, где у меня было не так уж много опоры.

Он выдохнул со всей искренностью:

— Ваше высочество!..

— А сейчас вернитесь в войско, — велел я, — и будьте готовы, если понадобится, для нестандартных боевых действий. Я не хочу проливать лишнюю кровь, как этого удалось избежать в Варт Генце! И хочу обойтись и здесь самыми малыми потерями. А если удастся, то и без них.

Он поклонился:

— Ваше высочество, я выполню все, что прикажете.

Я кивнул:

— Отлично. Возвращайтесь в строй, барон.

Глава II

Эльфийка иногда извертывалась, чтобы посмотреть мне в лицо, очень уж добросовестно старается понять мотивы и поступки людей, чтобы было о чем доложить по возвращении. Я только хмыкал, мы сами не знаем, что нами движет, куда уж эльфам или всяким простым ангелам нас понять.

— А сейчас куда ты? — пропищала она навстречу свирепому ветру.

— А я Бобика изображаю, — ответил я ей в оттопыренное ухо. — Человеческого бобика, что на побегушках.

— Почему?

— А больше некого, — пояснил я. — Но над этим работаю. Очень даже усиленно. Мы добросовестнее и с полной отдачей работаем над тем, как тяжелую и неинтересную работу перепихнуть на кого-то, кто еще дурнее нас...

Она пикнула:

— Странные вы существа.

— Потому и цари природы, — пояснил я.

Она недовольно завозилась, пропищала:

— Кто вам такое сказал?

Я хотел привычно сослаться на Господа, но у эльфов это вызовет отторжение и неприязнь к Творцу, потому сказал с твердостью в голосе и звучностью в тембре:

— Это самоназвание!.. Которое, кстати сказать, мы уже отстояли и доказали.

Она пискнула:

— Ты сам сказал, что величие народа не измеряется его размерами!

— Подслушивала? — изумился я. — Вот поросенок... Лапушка, я понимаю твой детский эльфийский национализм, все здоровые особи проходят через этот стаз, но когда начнешь взрослеть, то обязательно откажешься от него, хотя сейчас мне и не поверишь... Потому не буду с тобой спорить, а то в процессе дискуссии пооткусываю твои торчащие длинные ушки, что так и лезут мне в рот.

Она съежилась, но через некоторое время кончики ее нежных розовых ушек снова начали задевать мои губы, и я опять напоминал себе, что надо держаться и

не хватать их, как голодная рыба хапает всей пастью сладкого червячка.

Зайчик идет могуче, разогрелся, как и эльфийка в моих руках, что вроде бы не двигается. Бобик отрывается иногда так далеко, что видим только черную точку.

Однажды почувал нечто и вообще исчез, я встревожился и хотел поторопить Зайчика еще, но далеко впереди открылась долина с дорогой, по которой движется колонна пеших воинов.

— Ура, — сказал я. — А вон и Бобик...

Бобик промчался вдоль колонны, оттуда оглянулся на меня с некоторой растерянностью.

— Вперед, — велел я, — но теперь уже по дороге!

Мы свернули и снова мчались достаточно долго, пока далеко впереди не показался арьергард конного войска.

— Эй, — сказал я эльфийке над ухом, — а ну марш мне за спину!

Она спросила испуганно:

— Что случилось?

— А то, — сказал я сварливо, — что все на тебя смотрят, а не на меня!.. Завидно.

— Завидовать нехорошо, — сказала она по-детски серьезно.

— Ладно, — уточнил я, — мне нужно отдавать им указания и приказы, и я хочу, чтобы запомнили именно их, а не какие у тебя прекрасные глаза... а они в самом деле... ну, ничего, и какие у тебя ресницы!

Она испуганно попискивала, когда на полном скаку я взял ее в объятия и пересадил за спину, где она сразу ухватилась, как клещ, и прижалась к спине, укрываясь от ветра.

— Натяни капюшон, — предупредил я. — И не строй глазки! Это может сорвать военную операцию. И не из-за таких, как ты, начинались войны...

Она послушно надвинула капюшон на голову, надеюсь, достаточно глубоко, так приблизились к железному потоку, я вскинул руку в приветствии и промчался вдоль всей чудовищно длинной колонны тяжелых всадников, а затем и рыцарей, что всегда возглавляют любую армию.

Во главе на как всегда безупречном коне теперь уже граф Альбрехт Гушмельсберг, для которого этот поход исключительно благоприятен: еще не начавшись, уже принес титул графа, за ним Шварцкопф и Ханкбек с их вождями племен, ставшими ныне военачальниками.

Все повернулись на грохот копыт, я вскинул руку и заулыбался до ушей вполне искренне.

Альбрехт воскликнул счастливо:

— Ваше высочество!.. Ой, что это у вас за спиной?

Я отмахнулся:

— Не обращайтесь внимания. Это принцесса эльфов, будет у меня пажом, когда прибудем во дворец. А пока она просто второй седельный мешок. Вы молодцы, уж пересекли рубеж и успешно двигаетесь в глубь... э-э... территории?

Он сказал с некоторым сомнением:

— Мы оставили позади, как вы и велели, пограничную крепость Орлиное Гнездо, но там, говорят, большой отряд...

Я отмахнулся:

— Пусть... Дорогие мои Армин, Ханкбек... давайте я всех вас обниму!.. Ну как вы?

На глазах скарляндских вождей слезы счастья и восторга, даже не мечтали о такой грозной и многочисленной армии, прекрасно вооруженной и обученной как для сражений в поле, так и умеющих штурмовать крепости.

Мы обнялись, но они то и дело оглядывались на этот железный поток, который несет гордо развевающиеся по ветру знамена Великой и Победоносной армии Скарляндии, овеянной славой побед, а еще их же и познавшей.

Альбрехт доложил гулким голосом:

— Ваше высочество, я передал руководство армией графу Шварцкопфу. Его первый заместитель — граф Ханкбек.

— Отлично, — ответил я.

Шварцкопф сказал поспешно:

— Сэр Ричард, благородный граф остается руководителем данной операции!.. Коней на переправе не меняют, я пока присматриваюсь и вникаю в особенности устройства данной армии.

— Весьма разумно, — одобрил я. — Вообще я всегда восторгался вашим умом и проницательностью, граф! Недаром же вы стали вождем крупнейшего и сильнейшего племени, где выбирают не за личные достоинства, а за заслуги предков. Но обратно армию поведете уже вы!.. Граф Альбрехт мне нужен и в Савуази, и в Геннегау.

Шварцкопф расплылся в довольнейшей улыбке.

— Ваше высочество!.. Никто столько не сделал для моей многострадальной страны за всю ее историю.

— Это наш общий долг, — ответил я значительно. — Мы ведь строим сообща Царство Небесное на земле, где все будет открыто и справедливо!..

— Ваше высочество, — спросил он, — вы пойдете с нами?

Ханкбек пояснил:

— Мы слышали, на герцогство идут еще две армии!.. Как бы не опоздать, а то и без нас все успеют...

— Не опоздаете, — успокоил я. — Просто Будакер, когда получил приказ, был ближе. А граф Клемент еще даже не перешел границу.

Он просветлел лицом:

— Прекрасно! Не хотелось бы опозориться.

— Нет позора прийти вторым или даже третьим к победе, — возразил я. — Мы все делаем общее дело!

— Но вся слава достанется тому, — напомнил Шварцкопф, — кто первым поднимется на стену вражеской крепости и водрузит знамя своего лорда!

— Дорогой друг, — сказал я несколько нервно, — какие вражеские крепости? Какое водружение знамен?.. Мы же не войну затеяли!

— А что?

— Испытание боевой техники, — объяснил я, — в полевых условиях, приближенных к боевым! Мы проверяем мобильность наших армий, их умение двигаться на большие расстояния с боевой выкладкой... ну, в доспехах и с оружием! Нам важно знать, сколько миль они в состоянии пройти за первые сутки, сколько за вторые, и смогут ли петь боевые песни на десятый день марша?.. Дело не в численности войска и даже не в его вооружении, а в выносливости!..

Они смотрели немножко обалдело, потом переглянулись, Шварцкопф сказал с глубоким уважением:

— Вот что значит родиться среди ратных битв, что гремели каждый день, когда с молоком матери впитываешь эту мудрость!

Я сказал бодро:

— Ну да, я же с конца копыта вскормлен, из шолома вспоен, а родился вообще на седле бешено скачущей в бою лошади... нет, коня!

Глава 12

Три армии двигаются в глубь герцогства быстро и стремительно. Главный удар я нацелил на Истанвил, столицу Ламбертинии, где и должен находиться герцог

Эсмунд Блекмур. Хотя, конечно, от отсутствия связи страдаю не только я, и потому правители имеют в своем королевстве, а здесь в герцогстве, несколько замков в разных концах.

В идеале три армии, сшибая немногочисленные и наспех выставленные заслоны, должны пройти к столице. Захватить, конечно, с ходу не получится, но хотя бы перекрыть все дороги и взять в плотную осаду.

Я торопил, заставлял измученные долгими переходами армии продвигаться вглубь, пока там не успели организовать оборону. Отдохнуть успеем, заверял я всех, когда герцог выставит какие-то крупные силы. Усталых людей не погоню в бой, это будет не просто смертоубийство, любая война — самоубийство, а гораздо хуже — поражение.

Когда я был в армии Будакера, что продолжал оставаться наиболее подвинувшимся в земли герцогства, примчался запыхавшийся гонец на взмыленном коне.

— Ваше высочество! — прокричал он сорванным голосом. — Ваше высочество!

Я обернулся:

— Ну, это я оно самое. Говори!

Он крикнул:

— Герцог!.. Сюда едет герцог!

— Блекмур? — спросил я и тут же подосадовал на свою тупость, это у меня в Сен-Мари целая толпа герцогов, а здесь и одного... — Далеко?

— Подъезжает!.. Он очень торопится!

Будакер молча поглядывал на меня, лицо встревоженное, но помалкивал.

— Ну, — ответил я с некоторым затруднением, — что ж, примем его светлость в надлежащей походной обстановке...

— В моем шатре? — предложил Будакер.

Я покачал головой:

— Ни в чем. В вашем — тем более.

— Ваше высочество?

— Там эльфийка, — объяснил я. — Да еще с Бобиком. Не хочу, чтобы нас что-то отвлекало. Да и вообще, мы в походе или как бы где?

— Ваше высочество?

Я распорядился строго:

— Быстренько приведите Зайчика...

Я как раз успел взобраться в седло и отдавал Буда-керу последние наставления, когда раздался громкий стук копыт, в нашу сторону мчатся семеро всадников, все в полных рыцарских доспехах, но забрала подняты, а передний вообще без шлема, ветер треплет его русые волосы.

Двое из рыцарей держат развевающиеся на ветру знамена с гербом герцогства, там многовато орлов и львов, хорошо хоть короны не видно.

Я повернул Зайчика и ждал с холодным и спокойным лицом человека, у которого на руках все козыри, но он не считает достойным ими кичиться.

Герцог остановил коня, отвесил учтивый поклон. Лицо образцового самца, не случайно Ротильда влюбилась: мужественно красивое, грубоватое, но с правильными чертами рожденного для войны — ширококостное, с выступающими скулами, тяжелой нижней челюстью, а взгляд прямой и, как говорят о таких, рожденного повелевать.

Рыцарь слева взял шлем из его рук, а герцог тяжело, но с легкостью соскочил на землю.

— Ваше высочество, — проговорил он церемонно.

— Ваша светлость, — произнес я без всякой издевки, ибо он хоть и всего лишь герцог, но его владения втрое больше, чем у короля Шателлена.

— Ваше высочество, — сказал он, — я в крайнем недоумении...

— Слушаю вас.

— Чем вызвано вторжение ваших войск в мои земли?

Я взглянул на лица лордов за его спиной, ответил вежливо и очень внятно, чтобы эти, даже если они просто тупые рубаки, запомнили и передали другим:

— Вы предерзостно пленили и бросили в темницу мою жену, Ротильду Дрогонскую. Этому поступку я не нашел оправданий, хоть искал долго и тщательно. Должен признаться, хотя признаваться хоть в чем-то очень не люблю, за исключением моих выдающихся достоинств, что советовался с лордами своего Совета. Увы, даже они, такие мудрые, такие мудрые, но как ни пытались найти какие-то... в общем, наше вторжение — это вынужденная, но мера необходимая. Так решили мои лорды!

Лица его лордов оставались неподвижными, но, надеюсь, и в Ламбертинии те же нравственные нормы, моя позиция будет по меньшей мере понятна.

Герцог чуточку дрогнул лицом, а уголки рта слегка опустились.

— Ваше высочество, — сказал он вежливо, — но мы осведомлены, что эта женщина просто использовала вас в своих интересах.

— В самом деле?

— Она не королева, — объяснил он с напором, — и не имела права заключать брак как королева! К тому же брак, как нам стало известно, временный.

Я ответил с холодной улыбкой:

— Герцог, если бы вы захватили ее по окончании срока брачного договора, я бы и слова не сказал!.. Но теперь, как вы прекрасно понимаете, задета моя честь.

— Ваше высочество, — ответил он предельно вежливо, — если этот пустяк вас как-то задел... хотя вы теперь государь и руководствуетесь только государствен-

ными интересами, как я слышал... я готов каким-то образом возместить...

— Как?

— Ну, постараться загладить...

— Герцог, — сказал я, — вы задели на этот раз не просто рыцаря. Вы схватили и бросили в темницу жену достаточно могущественного лорда, который печется о своей репутации. Влияние в регионе напрямую зависит от репутации, что для вас никак не является секретом.

— Ну... это да...

Я начал объяснять со вздохом, как верховный лорд верховному лорду:

— Если я не покажу твердость, вы же понимаете, кто будет считать меня достойным быть сюзереном? Скажут, это не мужчина, а тряпка, да еще мокрая.

Он ответил понимающим взглядом, он тоже обязан всюду показывать твердость, так что наши позиции в этом схожи.

— И что вы хотите?

Я развел руками, а Зайчик, ощутив этот жест, беспокойно переступил копытами.

— Как, по-вашему, могу ли я довольствоваться простыми извинениями с вашей стороны?..

Он спросил с напряженной улыбкой:

— А какое удовлетворение вы сочли бы соразмерным?

Я вздохнул и сказал виноватым голосом:

— Лично я, дорогой герцог, удовлетворился бы и легким извинением. Недоразумения случаются и с королями! Нельзя же в самом деле всякий раз объявлять войну!

— Нельзя, — согласился он с готовностью.

Лорды за его спиной, однако, не расслабились, а продолжали всматриваться в меня и моих людей очень пристально.

Я вздохнул, снова развел руками:

— Увы, мы живем не в своем мире, а... в общем. И короля играет свита. Мы все остро зависим от мнения и поддержки своих лордов, не так ли? Моя свита чувствует себя крайне оскорбленной за своего сюзерена, герцог! Они кипят, они требуют отмщения. Я не сразу решился на такой шаг, а сперва пытался отговорить от такого... слишком уж неадекватного поступка, как ввод нашей армии в ваше герцогство. Вы, как я понял, уже слыхали, что я человек очень практичный и везде ишу выгоду.

Он спросил напряженно:

— Я слышал, ваша власть крепка.

Я вздохнул:

— Конечно, но только потому, что я всегда поступаю в согласии со своими лордами. Я и силен их поддержкой!

Ламбертинские лорды смотрят все так же, но я вижу, как мои слова западают им в уши.

Герцог скривился:

— И на чем вы сошлись в споре с воинственными лордами?

— Увы, — ответил я со вздохом, — отстоять мне удалось не так уж и много. Большинство требовали вообще полного захвата герцогства, но я сумел убедить, что это чересчур. Нам нужно только освободить леди Ротильду...

Он сказал быстро:

— Читайте, это уже сделано!

— И получить некоторое моральное удовлетворение, — сказал я, — которое не уронит меня в глазах окружающих государей, иначе перестанут со мной считаться, а это недопустимо.

Он подумал, сказал неохотно:

— Я в присутствии ваших и моих лордов готов признать, что поступил опрометчиво.

Я сказал с удовлетворением:

— Ну тогда на этом можно будет считать конфликт исчерпанным. Я человек мирный и воевать очень не люблю, так как это весьма затратно. Просто иногда приходится, потому что этого все ждут, а других путей видеть не желают.

— Тогда, — сказал он и оглянулся на своих лордов, — я готов хоть сейчас...

Я вздохнул.

— Это сочтут... недостаточно доказательным. Нужно больше лордов с вашей и моей стороны... ну, чтобы никто не сказал, что ничего не было! Кроме того, некоторые формулировки нужно уточнить. К примеру, «опрометчивым» не то слово, а еще только признания самого факта недостаточно, всем нам услышать также извинения, а не только признание, что поступок был... неправильным. Извинения за эту неправильность.

Он морщился и кривился сильнее, я делал лицо сокрушенным и разводил руками.

Сэр Будакер кашлянул и сказал внезапно:

— Позвольте, ваше высочество, как одному из ваших лордов, вставить слово?

Я сказал с готовностью:

— Прошу вас, лорд Будакер! Вы обычно очень точно выражаете мнение всех могущественных лордов наших королевств, от которых и зависит моя власть.

Все, в том числе и герцог, повернули голову к Будакеру. Он кашлянул и сказал вежливо:

— Мы, лорды Армландии, Сен-Мари и Турнедо, избрали сэра Ричарда гроссграфом, потому что он был самый безупречный из командиров отрядов. И сейчас идем за ним и поддерживаем его, потому что он не позволяет уронить честь ни свою, ни нашего рыцарского

братства. В случае с пленением его супруги... подтверждаю, это мы, его соратники, настояли весьма требовательно, чтобы он повел нас сюда! Мы — рыцари, честь превыше всего!

Герцог слушал, набычившись и темнея все больше, а его лорды переглядывались и смотрели на Будакера хоть и враждебно, однако с одобрением.

— Я понял, — ответил герцог сумрачно. — Это должно быть в виде... некой церемонии, скажем так.

Я ответил, чуть опередив Будакера, сделал свой голос почти извиняющимся:

— Да, конечно. Можно по самому минимуму, однако... гм... чтобы в рамках. То есть вы должны понимать, что важнее удовлетворить моих гордых лордов, чем меня.

Он кивнул, вернулся к коню и легко поднялся к седлу.

— Ваше высочество...

— Ваша светлость, — ответил я.

Они развернули коней и унеслись обратно. Будакер даже не стал провожать их взглядом, лицо встревоженное, а глаза почти виноватые.

— Я все правильно сделал...

— Вы все сделали великолепно, — ответил я с чувством. — Честно говоря, даже не ожидал такого понимания и поддержки! Спасибо, сэр Будакер. Это было нечто!

Он выдохнул с облегчением:

— Ну, слава богу... А то я сперва, хоть и слушал очень внимательно, долго не мог понять, что за игру вы с ним ведете.

Несколько военачальников, что наблюдали за нашими переговорами с герцогом, в ожидании поглядывали то на меня, то на Будакера.

— Герцог давно не получал по рогам, — объяснил я хладнокровно, — и в этом разговоре допустил еще одну ошибку. Очень серьезную. Нужно было сейчас сразу обещать нам все, что потребуем! А в обмен договариваться, чтобы мы остановили движение войск. Увы, нам бы это пришлось сделать: жена моя возвращена, извинения получены... честь спасена! Нужно возвращаться.

Кто-то радостно вскрикнул:

— Значит, двигаемся дальше?

— И как можно глыбже, — сказал я твердо. — Даже, когда я пришлю приказ остановиться, можете сделать вид, что не расслышали... или гонец припозднился, но продвинуться еще немного.

Лицо Будакера прояснилось.

— Ваше высочество! — воскликнул он воспламененно.

— Действуйте, — сказал я.

— Тогда я поднимаю своих сейчас же, — сказал он, — потом отдохнут.

Глава 13

Еще два дня, и передовые отряды легкой конницы, которые я рассылал вперед и в стороны, неожиданно захватили, пользуясь беспечно распахнутыми городскими воротами, богатый и крупный Аслеикр.

Будакер поспешно послал тяжелую конницу, что вошла в город следом, пока легкие всадники охраняли ворота. Победное знамя я велел не поднимать, у нас не война и не захват, как терпеливо объясняем населению, а карательная экспедиция с целью принуждения к соблюдению рыцарских обычаев и церковных заповедей.

— Ваше высочество, — сказал он победно, — уже вечер, заночуем в городе?.. Или в лагере?

Я подумал, поколебался, но ответил подчеркнуто твердо:

— В городе. Пусть герцог видит, как и все его лорды, что население отнеслось к нам без особой вражды.

— Население вообще ничего не поняло, — сказал Будакер. — Затаились в домах и сидят, как мыши.

— Следите, — сказал я, — чтобы никаких грабежей. Если, пользуясь случаем, преступники оживятся, то хватать и передавать в руки местных властей. А сами войска во избежание... в город не вводить.

Он кивнул:

— Да, ваше высочество. Все верно, ваше высочество. Мудрое решение, ваше высочество. Горожанам достаточно и того, что со стен увидят наш лагерь, что, как море, заполнил всю долину от края и до края...

Примчался всадник на быстром тонконогом коне, крикнул, стараясь удержать разгоряченного коня на месте:

— Ваше высочество, дом для вашего ночлега уже приготовлен, осмотрен, выставлена охрана!

Я переспросил:

— Чей дом? Я никого не хочу тревожить.

Он крикнул, очень довольный собой:

— Дом городской управы!.. Там никто не живет!

— А-а-а, — сказал я, — ну, неплохо придумали.

У вас сметливые люди, лорд Будакер.

Он чуть-чуть наклонил голову.

— Спасибо, ваше высочество. Я стараюсь понимать желания лорда, которому служу, и действовать...

Он остановился на миг, подбирая слово, я пришел на помощь:

— ...как одна команда! Спасибо, барон. Надеюсь после успешного завершения этой операции... увидеть вас с титулом графа.

Он поклонился, не зная, что сказать, а я кивнул гонцу:

— Давай, води к управе.

Дом городской управы ничем не отличается от подобных в других городах и даже королевствах: крупный, но не слишком, массивный, добротный, сложен из каменных глыб, что простоят в таком положении не века, а тысячелетия, а расположен почти в самом центре, что весьма удобно.

Еще удобнее, что к нему не примыкает ни одно строение, так что стража может прогуливаться вокруг всего дома, замечая всякого, кто посмеет приблизиться.

На небе догорает кроваво-красный закат, но на землю мягко опускается ночь, по обе стороны входа в бочках горит смола, освещая все вокруг на несколько ярдов, а стражи встретили нас с горящими факелами в руках.

Когда мы подъехали ко входу, стражи тотчас же ухватили за повод Зайчика, стараясь не смотреть на ужащающего громадного черного Пса с распахнутой пастью, где клыки размером с кинжалы, а я соскочил и снял закутанную в плащ Лалаэль.

— Ну, посмотрим, что здесь...

Эльфийка промолчала, стражи посмотрели на нее, но она голову наклонила, пряча даже подбородок, и мы так прошли на второй этаж, где комната достаточно приличная, чистая, с большой кроватью под неизменным балдахином, старинная добротная мебель, два стола, десяток кресел, стены в шкафах и полках с раз-

ной канцелярской утварью, а также немалых размеров зеркало в старинной раме на стене, мне почти до пояса.

Стражник доложил преданно:

— Ваше высочество!.. Дом проверен, никого нет, а если что понадобится, мы за дверью.

Я сказал отечески:

— Негоже мне доблестных воинов использовать как слуг! Отдыхайте. Утром нам всем двигаться дальше.

Страж довольно улыбнулся:

— Спасибо, выше высочество! Но мы все-таки будем начеку.

Когда за ним закрылась дверь, Бобик сразу улегся посреди комнаты, а эльфийка откинула капюшон и сбросила плащ, оставшись в легкой, но, как я уже заметил, очень удобной одежде из удивительно прочной ткани, что никогда не рвется и не пачкается.

— Разве это не война? — спросила она тоненьким голоском.

— Много ты понимаешь, — буркнул я, — существо. Иди ешь.

Она посмотрела на стол, где я очень сосредоточенно творю мясо, сыр, пирог, фрукты и две чаши с мороженым, самый громадный кусок мяса швырнул Бобику.

— Ты мне еще на пол поставь мисочку, — сказала она язвительно. — И бросай, как своей собачке.

Я изумился:

— Ты чего?

Она надула губы:

— Я что, щенок, которого ты подобрал?

— Нет, — сказал я, — ты мой паж. Давай, стягивай с меня сапоги!

Она посмотрела исподлобья, но я серьезен, она опустила на колени и начала пытаться стащить с моих громадных конечностей своими тонкими изящными лапками эти вот сапожищи.

Когда достаточно помучилась, я небрежно поддел носком под пятку, сбросил один, потом и второй.

— Так, это не умеешь, — определил я безжалостно. — А поднять и поставить возле кровати сможешь?

Она поднялась, злая и надутая.

— Смогу...

— Но тогда поставь. А я посмотрю. А то и это вдруг не сумеешь.

Сапоги она поставила рядышком один с другим, носки в сторону двери, пятками к кровати.

Я мотнул головой:

— Ну, а теперь, когда потрудилась, как никогда в жизни, у тебя аппетит будет лучше.

Она ела мороженое молча и сердито, зыркала исподлобья. Я почти не обращал на нее внимания, она здесь лишь как якорек для браслета Иедумэля. Чтобы из Эльфийского Леса или вообще, где бы ни странствовал, мог одним поворотом колец оказаться здесь, возле нее.

Судя по виду из окон, город достаточно спокоен. В том смысле, что горожане просто сидят по домам. Никаких баррикад и нападений на отряд, взявший власть в свои руки.

— Прекрасно, — сказал я. — А утром уходим.

Она смотрела, как я раздеваюсь и ложусь, потом так же точно, копируя меня, сбросила одежду и легла рядом прежде, чем я успел выставить шлагбаумно руку.

— Эй-эй, — сказал я наконец строго, — брысь с постели, существо чирикающее!

Бобик поднял голову и посмотрел на нее ревниво и сердито. Она повернулась ко мне, глаза огромные и сердитейшие, не такое уж и трусливое существо.

— Это почему? — спросила она требовательно.

— Потому что ты, — объяснил я, — еще несовершеннолетняя. Тебе сколько лет? Еще и ста нет?.. Ну вот!

— Я не сказала, — возразила она, — сколько мне лет.

Я вытарашил глаза:

— Ну, в самом деле все женщины одинаковы... Тем более, тебе нельзя спать со мной в одной постели.

— Почему?

Я вздохнул:

— Я обещал твоей матери, что верну тебя в целости и сохранности. И что будет, если вернешься с вот таким пузом?

Она охнула, глазища, и без того огромнейшие, стали как два блюдца, заискрились восторгом.

— Правда? Так можно?... Это же здорово!

— Ну, — пробормотал я, — знаешь ли, о таком лучше твоим родителям знать, здорово это или не совсем. У нас за такое вообще-то морду бьют.

Она в изумлении ухитрилась распахнуть глазища еще шире, вообще на полмордочки.

— Что за странный выверт культуры? Это у людей что-то ритуальное, да?

— Еще как, — согласился я со вдохом. — Непременный ритуал. Обязательный. С красочными формулировками, богатыми экспрессией... Если не побить морду, народ скажет насчет отсутствия заботы о дочери. Пусть и запоздалой. Мол, да, не уследили, но зато потом вон как убиваются...

— Странно как, — проговорила она озадаченно, — у нас все наоборот. Те эльфийки, что сумели родить, нарасхват.

— Ну, — сказал я, — вы же высшая раса и, как слоны, беременеете в нормальных условиях раз в сто лет, а то и в тысячу!.. Ну, а с ненормальными... это я о людях, у вас все ускорится. Потому я и берегу тебя.

— Разве это оберегание? Это издевательство!

Я сказал мягко, но твердо:

— Слушай, кролик крупноглазый. Мы в мире людей. Значитца, руководствуемся их правилами. Эльфам тоже в какой-то мере придется... ну, за исключением, когда они входят в свой дом и закрывают за собой двери. Там да, вступают в действие ваши местные, ах-ах, правильные законы.

Она сказала озадаченно:

— Погоди... но ты же конт Астральмэль?

Я кивнул, хотел было сказать, что я еще и тролль, но это будет слишком, с испугу обмочит всю постель, проговорил с достоинством урожденного эльфа:

— Во мне эльфизма больше, чем в ста тысячах эльфов...

И троллизма, добавил молча, чем в ста тысячах троллей. И огризм в наличии, все огры бы ахнули, и вообще всего-всего и много, потому что я человек, во мне все, целая вселенная, широк человек, широк, сузить бы, но Творцу виднее, нам ширь для того и дадена...

Она покопошилась в постели, потом положила мне на плечо голову, закинула почти на грудь заднюю лапку, согнув в колене, и тут же засопела, по-детски приоткрыв рот с пухлыми, даже толстыми, но безупречно вырезанными губами.

Я в недоверии прислушался, но в самом деле существо столько насмотрелось и наслушалось, что спит, как убитое, даже лапками не дрыгает.

Ладно, пусть спит, пока подумаем, что надо сделать... В пределы герцогства уже наверняка вторгся и отряд сэра Растера, а в нем тролли, новая головная боль. В Сен-Мари за это время должна идти активная работа по укреплению позиций герцога Готфрида на трон, даже император вынужден будет пойти навстречу волеизъявлению лордов королевства... особенно если и Кейдан поддержит кандидатуру герцога, властелина Бранбанта... деятельность ордена Марешаля долж-

на распространяться на все территории, где я имею влияние, но я тоже должен быть в его руководстве, это слишком огромная сила, чтобы действовала вне моего контроля...

Бобик поднял голову, глаза моментально вспыхнули страшным багровым огнем. Я не успел даже моргнуть, как он из положения лежа совершил длинный прыжок в мою сторону, я инстинктивно напрягся, ожидая встретить удар тяжелого, словно стального тела в мягкой шкуре...

Адский Пес в прыжке наткнулся на что-то незримое для меня, что остановило его, однако придавил это нечто и грозно рычал, глядя в пустоту под собой.

Я ухватил меч у изголовья и соскочил к нему. Под его лапами проявился распростертый мужчина, руки раскинул крестом, а Бобик прижал его лапами и, страшно оскалив зубы, рычит прямо в лицо с прямой и недвусмысленной угрозой.

Я быстро посмотрел на дверь, по сторонам, следов никаких, нет сомнений, что это лазутчик высшего класса, проник вообще как-то неведомо, что пугает больше всего.

— Лежать, — велел я жестко. — Не двигать даже пальцем. Губами не шевелить. И даже не думать что-то сделать...

Он не шевелился, я осторожно обыскал его одежду, прощупал не только карманы, но и складки жипона, штанов.

— Ладно, — сказал я наконец. — Бобик, отпусти, но следи. Как только он... в общем, рви на куски. А ты — сними сапоги. Не вставая! И — медленно, осторожно! Чуть ускоришься...

Я убрал меч, взял в руки малый арбалет, который все считают игрушечным.

Ему пришлось повозиться, снимая тесные сапоги в положении лежа, но Бобик всякий раз порывивает, а я держал арбалет нацеленным в грудь незваному гостю.

Его глаза расширились, арбалет вроде бы знаком, хотя все мои рыцари посмеиваются над его несерьезным видом.

Когда он остался босым, я велел зло:

— А теперь раздевайся!

Он впервые подал голос:

— Но... зачем?

Я рыкнул не хуже Адского Пса:

— Вопросы задаю я! Если холодно, вот на спинке кресла мой халат. Больше ничего тебе не понадобится.

Он ничего не сказал, послушно разделся и влез в халат, что, конечно, не мой, но приготовленный для меня. На нем висит, я все-таки покрупнее, однако в одежде он чувствует себя намного лучше. Давно замечено, что мужчину можно лишиться присутствия духа, всего лишь раздев его, он это воспринимает как унижение, а вот женщину раздевать в таких ситуациях не стоит, она лишь становится наглее, уверенная в своих достоинствах, и, кроме того, не сама же разделась, она приличная женщина, это ее насильно...

Довольно высокий, хотя и ниже меня, крепко сложенный, жилистый, даже с виду могу ощутить, что хорош и в бою, и в прыжках с крыши на крышу, как и то, что прикидывается насмерть перепуганным, но уже старается оценить, как со мной справиться.

— Бобик, — сказал я громко, — если он хоть подумает что-то не то, что ему позволяем, можешь его сожрать сразу. Он еще молод, у него печень должна быть здоровая и вкусная. Можешь вырвать ее сразу... нет-нет, не сейчас, а как только, понял?.. Итак, имя, звание, чин, титул, войсковой номер и девиз части?

Он смотрел на меня несколько обалдело.

— Войсковой номер?.. У нас не номера...

— Клички?

— Да, — ответил он удивленно. — У вас тоже так?

— Спрашиваю только я, — сказал я лютю. — Еще раз: имя, титул, кто, откуда, зачем, с какой целью, кто послал?.. Не советую врать или ошибаться хотя бы в самой малости. Мой Пес чувствует, когда лгут. Я, кстати, тоже, но я могу притвориться, что верю, а Пес — существо бесхитростное, сразу вырвет печень, как он обычно и делает.

Он побледнел, сказал быстро:

— Дональд Дарси, выше высочество, ваш пленник.

— Дарси, — спросил я, — это имя или фамилия?

— Фамилия, ваше высочество.

Я кивнул. Дарси означает «тот, кто родом из Арси», типичное название маленьких городков, но Дональд — тоже фамилия, хотя часто используют и как имя, потому не сразу сообразишь, перед каким именем ставить «сэр».

— Слушайте, Дарси, — сказал я с нажимом. — Я не буду из вас вытягивать ответы клещами. У меня для этого есть другие люди. Либо вы начнете отвечать предельно полно и четко, либо я прямо сейчас вас передаю в руки других специалистов. Скажу прямо, палачей. Калекой станете сразу, уверяю вас. А потому будете долго и мучительно умирать.

Он сказал быстро:

— Дональд Дарси, виконт, командир отряда дворцовых лазутчиков, из королевства Брандерия, послан сэром Алленом Гелдофом, начальником среднего звена разведки с целью собрать о вас информацию.

— Какую?

Он ответил снова без запинки:

— Любую. Просто о вас ничего не знают, но в последнее время начали доходить разные слухи. Вами заинтересовались.

— Очень?

Он хотел было помотать головой, но посмотрел на внимательно наблюдающего за ним Адского Пса с оскаленными зубами, ответил, едва шевеля губами:

— Нет, тогда бы послали из главного звена.

— Гм, — сказал я и уставился на него долгим обречающим взглядом.

Он молчал, как и я, наконец сказал тихо:

— Если не вернусь, там поймут, что я схвачен.

— И что? — спросил я, хотя понимал, что он ответит.

— В следующий раз будут намного осторожнее, — сказал он именно то, что я и ожидал, а он, глядя на меня, понял, что я тоже понимаю эту игру, и в его глазах я прочел уважение, пусть и тщательно скрываемое. — И, возможно, задействуют какие-то иные возможности...

— Какие?

Он ответил ровным голосом:

— Как вы догадываетесь, разведчики знают очень немного. Это сделано намеренно...

— ...чтобы под пытками рассказывали именно немного, — прервал я. — Все это мы проходили в детстве, не надо азбучных истин. Вы намекаете, что я должен вас отпустить, дабы там думали, что этот канал не раскрыт...

Он поглядывал исподлобья, дошло, не на того попал, в глазах беспокойство растет вместе с уважением.

— Разве это не лучший вариант?

— Неплохой, — сказал я, — но подстраховаться нужно. Сперва пообщаюсь со своими умельцами. Мно-

го ли у вас таких агентов? В каких королевствах своя резиденатура? Как работают зеркала?

Он пробормотал:

— Ну, работают, думаю, везде одинаково... Это ж старые предметы, сейчас такие сделать невозможно.

— Я хочу послушать, — сказал я твердо, — и, предупреждаю, не ври мне!

Глава 14

Он начал рассказывать, не врет, как я понимаю, потому что еще не знает, где можно соврать, а где нельзя, а я слушал внимательно, сердце начало стучать чаще, я то чесался, то кривил рожу, чтобы движениями затушевать изумление.

Оказывается, проник все-таки через зеркало. Только и того, что не прошел во весь рост, а пролез, как через трубу. И вообще зеркала дают огромные возможности быть там, где об их скрытых свойствах не догадываются, нужно только в правильной последовательности касаться узоров на раме, там их тысячи, и тогда можно отправиться в любое из них, а, главное, никогда не промахиваться.

Более того, сперва можно посмотреть на то место, куда намерен попасть, а уж потом, чтоб никто не видел и не слышал...

Когда он умолк, я кивнул с равнодушным видом и сказал разочарованно:

— Да все такое же. Жаль. Хорошо... сейчас подумаем, как поступить.

Стражи явились, грозные и с неподвижными лицами, никто и бровью не повел, что в тщательно охраняемом крыле, где личные покои властелина, появился неизвестно как проникший сюда человек, но ухва-

тили его и, завернув руки за спину, скрутили довольно немилосердно.

— В комнату, — велел я, — что рядом. Двери охранять тщательно.

Когда его уже вытаскивали, я оглянулся на кровать, где все так же спит эльфийка, спросил вдогонку:

— Что использовали?

Он правильно понял вопрос, ответил послушно:

— Коркандр. Вы тоже должны были заснуть.

— Так же надежно?

Он кивнул:

— Да.

Его вытащили, пиная втихую, чтобы я не видел, я сел за стол и задумался, как и что, но умного ничего в голову не лезет, а дурью маяться могу до бесконечности.

— Логирд, — произнес я тихо, — ты говорил, что услышишь меня, где бы ни находился.

Через пару мгновений за спиной прозвучал негромкий, но сильный голос:

— Но я не говорил, что брошу все и тут же примчусь!

Я повернулся, Логирд даже призраком всегда чисто выбрит, с роскошными седыми волосами, крупнолицый, с массивной и тяжелой даже на вид нижней челюстью, широкий и могучий, отпрыск древнего рыцарского рода, что битвам и воинской славе предпочел сомнительную славу некроманта.

— Но ты явился моментально, — сказал я.

Он поморщился:

— Только потому, что был не занят. Ваше высочество?

— Ричард, — напомнил я. — Просто Ричард.

— Ваше высочество, — возразил он. — Я остаюсь вашим вассалом. И предпочитаю им оставаться. Это

обязывает. Мне только дай волю, я таких дров наломаю... Ваше высочество?

Я вздохнул и сказал с надеждой:

— Ты в таких делах хитрее, подскажи что-нибудь. Час назад пойман разведчик императора Вильгельма, как я предполагаю, хотя прибыл он из королевства Брандерия. Ну, это в тех краях. Если не вернется, наверняка пришлют других, а выявлять их трудно. Если бы не чутье Бобика...

Он задумался на долгое мгновение, медленно проплыл по комнате, исчез на минуту, снова появился, уже явно повеселевший.

— Есть вариант, — сказал он бодро. — Можно заставить его выпить долго действующий яд, а противоядие давать только после того, как выполнит ваши указания.

Я посмотрел на него с великим уважением.

— Знаешь, я думал, ты интеллигент, а ты, оказывается, интеллектуал... Тебя можно поставить во главе отдела секретных разработок для тайных агентов. Какое простое и весьма изящное решение! Нет, я о твоём, хотя и я, конечно, сам верх изящества, особенно если надо увертываться от чего-то или увиливать... А яд как действует?

Он сказал ровным голосом:

— Первые две недели никак, на третью начинают-ся легкие расстройства желудка, на четвертую — слабые боли в животе. Смерть наступает только через два месяца.

— А обратимость?

— В любой момент, — заверил он. — За минуту до смерти можно принять противоядие, и все вернется в норму.

— Отлично, — одобрил я, — тогда мы этого сможем использовать как двойного агента. Однако он бу-

дет передавать то, что мы сами для него соберем. Погоди, а там не могут составить противоядие?

Он покачал головой:

— Для этого надо знать, чем отравили. Кроме того, я один из лучших специалистов по ядам во всем мире! К тому, что будет составлено по моим рецептам, никто не подберет противоядие...

Я покосился в сторону зеркала, если плечи сузить, то смогу протиснуться.

— Прекрасно, — сказал я с сильно бьющимся в возбуждении сердцем, — ты готовь состав, а я пока прогуляюсь...

Его зрачки расширились.

— Ваше высочество? Вы хотите... через то зеркало?

— Угадал, — ответил я. — Не волнуйся, у меня уже есть опыт ходить по чужим крышам.

Он улыбнулся скабрезно, но только чуть-чуть, один намек на то, что да, понимает, на что изволил игриво намекнуть сюзерен, все мы гордимся, а то и бахвалимся этими победами больше, чем теми, которые в боях, уж и не знаю, что за дурость.

— Все прекрасно, — ответил он, — только я, как догадываетесь, ничего делать не могу в реальном мире. Вам придется либо готовить самому...

Я поморщился:

— Яды? Ни за что!

— Либо поручить кому-то, — закончил он.

Я кивнул:

— В каждой моей армии по моему распоряжению, кроме походных кузниц всегда находятся двое-трое священников и не меньше трех алхимиков.

Он сказал с уважением:

— Вы предусмотрительны, ваше высочество. Записывайте все ингредиенты, а также сколько чего. Когда

вам все доставят, я проинструктирую вас лично, как составлять...

— Нет уж!.. Знаешь, Логирд, тайны — это увлекательно, но утомительно. А я борюсь за либеральные ценности прозрачного общества. Так что, думаю, одному-двум алхимикам можно доверить составить эту штуку под твоим надзором. Алхимики не священники, будут только в восторге от общения с призраком.

— Думаете? — спросил он с сомнением. — Ладно. Только, ваше высочество...

— Что?

— Лень, — сказал он серьезно, — это не совсем... хорошо.

Ингредиенты собрали за рекордный срок, в течение ночи, утром был составлен раствор, я пожалел, что нельзя прямо в вену, все-таки желудочный сок часть напитка расщепит и сделает безвредным, можно бы как-то заставить держать во рту, пока не всосется прямо в кровь, но как, есть еще вариант залить ему в задницу, в этом случае тоже все попадет по назначению, так как всасывается не в желудке, а в кишках, но Логирд, выслушав, сказал с великим уважением:

— Ваше высочество, вам бы к нам магистром!.. Вы так много знаете, как действуют яды...

— Не яды, — огрызнулся я, — а как переваривается, всасывается, абсорбируется и выводится!

— Однако, — закончил он, — мы делаем то, что проделали до нас. Это сработает!.. А если прямо в вену, то да, наверное, хватило бы и капли, вы правы...

Дональд Дарси смертельно побледнел, когда увидел чашу с напитком зеленого цвета.

Я сказал деловито:

— Мы утром должны быть на марше, Дональд. Церемониться некогда. Либо сейчас выпьешь этот медленно... очень медленно действующий яд, либо зальем тебе в глотку, но при этом выьем зубы и порвем губы. Выбирай! Господь всем нам всегда дает выбор.

Бледный, он поглядел на меня с ненавистью, я кивнул, подтверждая, что да, не тяни, ты же знал, на что идешь, а эта чаша с ядом для тебя не худший выход.

— Противоядие тебе обеспечено, — добавил я. — Но, сам понимаешь, при условии, что буду знать, какие именно сведения передаешь императору. Кое-какие даже сам подкину. И, конечно, будешь рассказывать лично мне, как там у него и что. А если учесть, что работы тебе удвоится, то, как двойному агенту, тебе будет положена и двойная оплата. После окончания твоей службы тебе будет дан титул повыше и, возможно, небольшое имение. Но, конечно, это когда я решу.

Ему подали чашу, он выпил всю, не дрогнув, крепкий духом, молодец, но на меня взглянул с прежней ненавистью.

С утра армия, наскоро отдохнув, продолжила стремительное продвижение в глубь герцогства. Я с великим трудом подавил жажду сунуться в зеркало, нужно заниматься мелочовкой вроде захвата городов и умиротворения населения, а когда разведчики, заранее предупрежденные мною, донесли, что с той стороны, где расположена столица герцогства Истанвил, в нашу сторону движется большая группа богато одетых всадников во главе с Блекмуром, я ухватил эльфийку, бросил в седло и сам прыгнул следом.

— Скажете, — крикнул я, — что я отбыл еще два часа назад!..

Будакер спросил быстро:

— Если спросят, куда?

— Вы не знаете! — прокричал я, уже разворачивая коня. — Лорд вам не докладывает!

Зайчик ринулся чуть ли не с полной скоростью, чувствует мое желание, а Бобик так и вовсе превратился впереди в темную точку.

Эльфийка за спиной пропищала:

— Убегаешь?

— Да!

— Зачем? Ты трус?

— Я победитель, — ответил я оскорбленно. — А побеждают чаще те, кто не бьется лбом о стену. Сиди там, синичка, и учись мудрости.

Еще неделю я передвигался от одной армии к другой, проверяя и инспектируя, что естественно, так это и понимали все. Надеюсь, так понимает и герцог Блекмур, что безуспешно старается меня поймать и сказать, что все мои условия... вернее, условия моих заносчивых лордов, приняты.

Я находился в армии, которую ведет барон Альбрехт, ради такого случая удостоенный титула графа, когда решил, что хватит прятаться, а то герцог еще подумает, что скрываюсь, а это совсем не так вовсе как бы.

Мелькнула мысль, что можно потянуть время, начиная торговаться по мелочи и, затягивая время, все глубже продвигаться ускоренным маршем в герцогство, однако, как мне кажется, я перерос, что ли, мелкие хитрости или хитрости по мелочи, я за это время уже созрел, чтобы дурить не отдельных людей, а народы или хотя бы нации. Ну, пусть племена, но не по отдельности, много их тут всяких, а я один...

Когда часовые сообщили, что к нам направляется целая кавалькада высших лордов герцогства, а вот прибыл от них гонец, я приятно удивился:

— Гонец? Очень разумно!.. А то я, знаете ли, вынужден носиться, как загнанный пес, а лошаденка у меня хоть и старая, но все еще резвая...

Гонец поклонился:

— Ваше высочество! Вы готовы принять герцога Ламбертини Эсмунда Блекмура?

Я вскрикнул:

— Готов ли? Да я жажду! Возвращайтесь и скажите, что жду его с нетерпением!.. Это же здорово, что он уже в пути! Я, как истинный миротворец и весь из себя либеральный гуманист, буду счастлив увидеть герцога и быстро разрешить это неприятное недоразумение, столь омрачающее взаимопонимание между нашими весьма даже братскими народами!

Альбрехт, что наблюдал, стоя поблизости, фыркнул громче любого коня в армии.

Гонец поклонился:

— Ваше высочество...

Я отпустил его милостивым наклоном головы. Альбрехт поинтересовался мрачно:

— Что-нить особое понадобится?

Я покачал головой:

— Нет. Пора кончать эту комедию.

— То есть, — спросил он с недоверием, — вы решили опустить несколько звеньев, что дали бы нам дополнительное преимущество?

Я кивнул:

— Точно, граф. Мы уже такие слоны, что даже и не знаю. Стоит ли нам пищать мышиными голосами и хитрить по мелочи?

— Но вы же политик, — напомнил он язвительно.

— Я крупный политик, — ответил я с достоинством.

Для встречи герцога и его лордов срочно оставили свои дела и прибыли граф Фицджеральд, Будакер, граф Меганвэйл, граф Арнубернуз, Фродвин, Бургарт, барон Хельмут, Габрилас, Елиастер, Фитцуильям — все в дорогах доспехах из вестландской стали,

почти у всех с благородным синеватым оттенком, какой придают только в тайных кузнях гномов. Тут же присутствуют Шварцкопф и Ханкбек со своими военачальниками.

Герцог прибыл с пышной свитой в пятьдесят знатнейших лордов, но удаленность от Сен-Мари сказывается: ни у одного из его людей нет таких великолепных доспехов, даже у самого герцога, несмотря на позолоту и вычурность отделки, панцирь и все остальное уступает нашим, я видел это по их довольным рожам.

— Ваше высочество, — произнес он, — со мной прибыли знатнейшие люди герцогства!.. Они будут свидетелями и впоследствии могут под присягой подтвердить, что я полностью признал свою вину и готов сам, положив руку на библию, признаться перед вашими и моими людьми, что поступил дурно и раскаиваюсь в своем поступке!

Я воскликнул торопливо самым сокрушенным голосом:

— Герцог, моя честь вообще-то была удовлетворена еще в прошлый ваш приезд! Правда-правда. Я человек миролюбивый и всегда избегающий... Что делать, ну не люблю военные баталии!.. И вообще люблю, когда меня уважают и чтят, и не люблю, когда боятся. Однако взгляните на моих лордов...

Герцог бросил взгляд на моих полководцев, они группируются вокруг графа Фицджеральда и смотрят со злобной неприязнью.

— Я собрал военачальников всех трех армий, — сказал я упавшим голосом. — Сообщил, что я вполне удовлетворен вашей готовностью извиниться и признать, что поступили дурно... Однако взгляните на них, все так же настоятельно требуют... Господи, мне даже выговорить такое трудно!.. чтобы вас отстранить от

правления... разумеется, оставив вам все ваши земли, дворцы, имения, богатства и все-все, чем владеете...

Он вскрикнул в благородном негодовании:

— Что?.. Я никогда на это не пойду!

Я развел руками:

— Понимаю вас, как благородный человек благородного человека. Я бы тоже ни за что, но мои лорды...

Его лицо перекосилось яростью.

— Да что у вас, — крикнул он мощно и зло, — за такие кровожадные лорды? Мои меня целиком поддерживают, почему ваши постоянно от вас чего-то требуют и заставляют делать то, что нужно им, а не вам?

Я снова развел руками:

— Зато я пользуюсь их полной поддержкой. Они видят, что я — их сюзерен!

Краем глаза я видел, что его лорды смотрят на меня без всякой вражды. Похоже, они в герцогстве не пользуются такой властью, какой, судя по моим полным мудрости и красивой печали словам, лорды в моих землях. И, конечно, хотели бы тоже намного большей свободы и льгот.

Я хлопнул себя по лбу:

— Кстати, герцог... Хорошая новость! На днях в армию по моей настоятельной просьбе приезжает верховный инквизитор кардинал Дитрих. Он великий миротворец, вы наверняка о нем могли что-то слышать. Он и думать не хочет о войнах между христианскими королевствами! И без колебаний ставит вопрос об отлучении от церкви наиболее воинственных. Думаю, он будет всецело на вашей стороне... В смысле, на стороне быстрого погашения конфликта извинениями и покаянием. Ну, вы же знаете церковь с ее всепрощением!.. Для нее раскаяние в грехе — самое важное, за раскаяние прощается все.

На бледном лице герцога вспыхнули глаза, я видел в них безумную надежду, что да, церковь все остановит и спасет его за признание вины и щедрый дар монастырем.

— Тогда, — сказал он, — я откланиваюсь и постараюсь дождаться великого инквизитора.

— Разумно, — сказал я, — со своей стороны постараюсь притормозить с продвижением войск... Мне вообще-то не нравится топать обратно слишком уж издалека!

Герцог отвесил учтивый поклон и вернулся к своему коню. Лорды ждали, рассматривая моих военачальников, а когда герцог развернулся и послал жеребца рысью прочь, двинулись за ним следом, с моими раскланивались очень учтиво и без признаков вражды.

Я наблюдал, как они красиво уносятся на запад, Альбрехт подошел и встал рядом, следом подошли и другие лорды и военачальники.

Граф Меганвэйл сказал с неудовольствием:

— И зачем вы себя так принижали перед герцогом? Мы от вас требуем того, мы вас бесчеловечно заставляем делать это...

— Я говорил герцогу, — объяснил я, — но адресовал его лордам.

Он хмыкнул:

— И что?

— А вы думаете?

Он пожал плечами:

— Побурчат, позавидуют, что у вас лордам такое своеволие, тем и кончится.

— Вряд ли, — сказал я. — Не в этих условиях. Они и так втихомолку винят герцога за неразумное поведение, из-за чего наше вторжение стало неизбежным.

— Надеетесь на раскол?

— Очень, — ответил я.

— Да, это нам бы облегчило, — согласился он.

— Я на это не просто рассчитываю, — сказал я наставительно, — я над этим работаю.

Глава 15

Армия продолжала двигаться тремя мощными клиньями. Иногда местные бароны успевали собрать дружины и выставить навстречу, но их сшибали, практически не замедляя ход.

Я подумал, что сэр Растер с его вспомогательным контингентом троллей будет очень доволен, большими войсками руководить не силен, а вот во главе небольших отрядов он просто незаменим.

До столицы, Истанвила, осталось трое суток пути, когда сторожевые отряды сообщили, что примчался на взмыленном коне очень знатный ламбертинец и просит срочной аудиенции.

Я с Альбрехтом и Меганвэйлом рассматривал карту, намечая, как сомкнуть кольцо вокруг столицы. Они оба насторожились и посмотрели на меня.

— Выйду навстречу, — сказал я. — Не стоит, чтобы он видел нас за картой. Пусть наша операция возмездия выглядит все еще прогулкой.

— Не перехитрите себя, — сказал Альбрехт, — ваше высочество.

Я вышел на свежий воздух, успел отойти к костру, где усталые после изнурительного перехода воины жарят мясо, переговорил с ними.

Прогредел сухой стук копыт, в лагерь влетел на взмыленном коне всадник в легких доспехах, без шлема, ветер красиво треплет волосы, с плеч ниспадает плащ с вычурным гербом.

Он спрыгнул на скаку и, бросив повод одному из воинов, бросился к нашему шатру. Я наблюдал настороженно, прикидывая, что могло случиться, если вдруг не то, на что рассчитываю в коварных планах, далеких от рыцарского разрешения ситуации, и выстраивая доводы веером, как карты, чтобы в нужный момент выхватывать самые подходящие.

Через некоторое время, когда ему объяснили, что мое замечательное высочество не сидит в шатре, а отечески заботится о воинах, он выскочил и оглядывался так судорожно, словно от того, увидит меня сейчас или через минуту, зависит существование всего герцогства.

Кто-то из воинов указал ему в мою сторону, как я видел краем глаза, он бросился ко мне со всех ног.

— Ваше высочество! — вскричал он загнанным голосом. — Граф Дэниэл Чарльз, лорд Кандорска и Святой Пустоши...

Я прервал:

— Да, вы были в свите герцога. Вижу, вы крайне спешите, что случилось? И оставьте церемонии ввиду чрезвычайных обстоятельств, можете говорить без предисловий.

Из шатра вышел Альбрехт и посмотрел на меня с укором, но я ответил взглядом, что, дескать, полминуты ничего не дадут, зато покажут меня демократом и продемонстрируют мою готовность все бросить и внимательнейшим образом слушать этого графа, что ему, несомненно, польстит, а мою репутацию приподнимет еще выше, хотя она и так уже выше некуда, в небосвод уперлась.

Граф вскричал с благодарностью:

— Спасибо, ваше высочество!.. Я спешу сообщить вам, что после вашей проникновенной и столь мудрой речи мы задумались еще больше о действиях нашего сю-

зерена. Он был не прав, схватив вашу жену и заключив ее в темницу. Это мы говорили и раньше, но он не хотел слушать. А теперь мы видим, к чему это привело...

— И? — спросил я.

Он сказал жарко:

— Мы собрались и решили устранить его от трона!..

Я сказал медленно:

— Да, он это заслужил. Но... что вы ждете от меня?

Он сказал быстро:

— Чтобы вы остановили продвижение ваших войск!.. Герцог больше не сюзерен Ламбертинии. Мы выберем более достойного, мудрого и осмотрительного государя.

— Простите, сэръ Чарльз, — сказал я с сильнейшей неловкостью в голосе, — у меня нет оснований не верить вам, безусловно достойному патриоту Ламбертинии! В вашем лице я вижу черты благороднейшего человека, а в ваших глазах горит огонь веры в справедливость и демократические ценности донельзя гуманного общества, которые мы все, естественно, а как же, разделяем. Однако, чем общество гуманнее и демократичнее, тем меньше доверия честному слову, а также слову чести. Требуются неопровержимые доказательства подлинности случившегося, уж извините, но таковы правовые процедуры в правовом обществе.

Он вспыхнул, но сдержался, спросил отрывисто:

— Какие еще вы хотите гарантии, если моего слова чести недостаточно?

— Мне достаточно, — заверил я, — потому что я сам рыцарь и даже паладин! Но я еще также избранный рыцарством Армландии на высокий пост гросс-графа, потому я и подотчетен, и контролируем, и отвечаем. Именно армландские лорды спросят у меня, а где... ну, пусть не голова герцога, то хотя бы он, связанный и в кандалах?

Он стиснул челюсти, сказал с усилием, подавляя гнев:

— Нам кажется, вы слишком много дали воли... своим подданным.

— Много, — согласился я с печалью. — А это такое тупое быдло, что ни о чем, кроме бабс и выпивки, знать не желает! Но, увы, у нас правовое гуманистическое государство с базовыми либеральными ценностями, ничего не могу поделать, ибо не получил этот трон по наследству, а был избран... а что значит, увы, подотчетен. Потому войдите в мое положение, я вам верю, но моим лордам нужны доказательства. Где сейчас герцог?

Он сказал с неохотой:

— В своем дворце. Но он ощутил наше недовольство... очень серьезное недовольство, ваше высочество! Говорят, даже усилил охрану своих покоев.

— Да, — пробормотал я, — это серьезно.

— Очень серьезно, — подтвердил он.

— И все-таки, — сказал я, стараясь, чтобы это звучало как бы через силу, — я не могу игнорировать волю мои лордов и моего рыцарства. Для нас этого недостаточно, как вы понимаете...

— А что достаточно?

Я тяжело вздохнул:

— Как я вас понимаю, граф. Но давайте сделаем так. Вы пока отдохните, а я сейчас решу кое-какие неотложные дела, после чего поговорим подробнее, как нам без потерь прийти к компромиссу.

Он ответил с учтивым поклоном:

— Как вам будет угодно, ваше высочество.

У многих моих рыцарей есть амулеты и талисманы, а также различные вещи с необыкновенными свойствами, как вон сэр Герцлер владеет дивным мечом, что

днем меч как меч, а ночью горит дивным светом, освещающая вокруг на десятки ярдов, у Паланта особые сапоги, по любому болоту пройдет, как по паркетному полу, но на этот раз я подозвал оруженосца и шепотом велел срочно разыскать и доставить мне сэра Ульриха.

Тот примчался, быстрый и взволнованный, с бледным лицом и горящими глазами.

— Ваше высочество!

Я огляделся по сторонам и сказал совсем тихо:

— Я постоянно слышу, что ваш конь не уступит моему в скорости...

Он вскрикнул шокированно:

— Ваше высочество! Если бы так было...

— Проверим, — сказал я. — Вам поручаю особое задание. Срочно мчитесь в-Истанвил, это здешняя столица. Там, не привлекая к себе внимания посторонних, добейтесь срочной встречи с герцогом Блекмуром. Сообщите, что граф Дэниэл Чарльз сейчас у меня и договаривается о его пленении и свержении с трона.

Он слушал, прибалдев, наконец спросил шепотом:

— И... что?.. Зачем?

Я чуть поморщился, вот что значит, когда не послушные солдатики, а соратники, их надо сперва убедить, но зато такие выполняют приказ в любом случае, что бы и как им ни мешало.

— Лорды, предающие своего сюзерена, — сказал я, — не заслуживают, чтобы с ними вели дела.

Он воскликнул:

— Как это верно!.. Вы поступаете очень благородно, ваше высочество! Об этом будут петь...

Я прервал:

— Потому я, как сюзерен сюзерена, предупреждаю герцога об опасности.

Его лицо прояснилось, судорожно вздохнул и сказал светлым голосом:

— Понял! А сперва чего только не подумал. Вы блюститель самых благородных идеалов рыцарства!.. Так поступить с человеком, гнусно оскорбившим вас!..

— Это по-христиански, — сказал я строго.

Он покачал головой, глаза сияют небесным огнем, как у ангела.

— Нет, ваше высочество, — возразил он, — вы действуете не из жалости, а из высокого благородства! Вы правы, нельзя поощрять предательство, а также иметь дело с предавшими своего сюзерена!

— Идите, — сказал я сердито. — Скажите герцогу, что я рекомендую ему выйти через запасной ход, а потом либо укрыться в дальних крепостях, либо вообще уехать в соседнее королевство.

Он подумал, кивнул, лицо стало решительным.

— Все сделаю, ваше высочество!

— Торопись, дружище, — сказал я тепло. — Ты тоже... рыцарь! Исполненный. Да, исполненный.

Он унесся, очень довольный моим благородством, но Альбрехт хмыкнул и спросил мрачно:

— А на самом деле?

Я ответил в удивлении:

— Но я же объяснил...

— То ему, — возразил он, — а мне?

Я спросил недовольно:

— Разве мои объяснения не были убедительными?

Он кивнул:

— Даже очень. Я чуть не прослезился, когда вы рассказывали о своем благородстве, справедливости и чести. Почти поверил, правда! У вас же голос дрожал в нужных местах, а глаза сияли так чисто, так возвышенно, хоть ангела с вас рисуй.

— Ну-ну, — буркнул я. — А что я преследую на самом деле?

Он подумал, сказал несколько неуверенно:

— Зная вашу злокозненность, изворотливость, лживость и недостойные благородного человека хитрости, однако весьма необходимые политику и государю, рискну предположить, что вам сейчас не с руки пленение герцога местными лордами.

— Почему?

Он пожал плечами:

— Пришлось бы с ними заключать договор, как с равными... почти союзниками. А это не позволит захватить все герцогство.

Я взглянул на него зло.

— Знаете, барон, мне придется к чему-нибудь придраться и... того, устранить вас. Вы слишком хорошо понимаете политику. Опасно даже. Но в данном случае все верно, раз уж мы сюда пришли, то герцогство нужно ликвидировать. Еще Барбаросса и Джон Большие Сапоги мечтали как-то разделить эти земли между своими королевствами...

Он сказал осторожно:

— Но... эти земли отделены от наших королевством Шателлен...

Я перехватил его прошупывающий взгляд, предостерегающе погрозил пальцем

— Барон, барон... Я политик только с теми, кто этого заслуживает. Найтингейл мой друг, несмотря на разницу в возрасте и во всем прочем.

— Но как тогда?

— Думаю, — сказал я дипломатично, — Найтингейл не будет противиться постепенному вовлечению его королевства в наш общий рынок. Он реалист. Увидит несомненную выгоду...

— А с другой стороны, — добавил он ехидно, — увидит вашу армию нового типа.

Я сказал сердито:

— Сплюньте, барон! Даже слушать о таком не хочу.

— А что? Победоносная, даже всепобедоносная армия рейхсфюрста... Кстати, поправьте меня, если мне память изменяет, но вы, как мне показалось, ни разу даже не потребовали от герцога немедленной выдачи Ротильды Дрогонской!

Я изумился:

— Правда, что ль?

Он поморщился:

— Понимаю, Ротильда — основная карта герцога, он предпочел бы расстаться с нею в последний момент... но помню и то, что с вами едет настолько прелестная эльфийка, что даже я за сердце хватаюсь!

— Граф, — сказал я с тоской, — вы будете смеяться, но я целомудрен, как Иосиф в покоях жены фараона, как ее там... И Ротильда — это не брак, а деловое соглашение. Хотя догадываюсь, какие обо мне завистливые слухи.

Он сказал ядовито:

— Да не стесняйтесь! Рейхсфюрсту позволено все. Или почти все.

Я поморщился:

— Знаете, барон... простите, граф, что-то мне осточертели эти различные фюрсты. Есть такие заковыристые, язык сломаешь!

Он хмыкнул:

— И что придумали?

— А не пора ли ломать традиции? — спросил я. — Почему это меня, как куклу какую-то, обзывают, как хотят, надевают на голову короны фюрстов, выбирая подходящие на свой вкус?

Он насторожился, глаза сузились.

— Ну-ну, что в вашей голове?

— В этот раз, — сказал я решительно, — выберу себе титул сам!.. К примеру, принц!.. Звучит? Самому нравится... Нет, принц нельзя, принцем у нас будет маленький Родриго, сын Готфрида.

— А вы?

Я повел плечами:

— Эрцпринц! Красиво? То-то. Я ж эстэт! Кстати, эрцпринцу и позволено больше...

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	52
Глава 7	61
Глава 8	70
Глава 9	81
Глава 10	90
Глава 11	99
Глава 12	110
Глава 13	121
Глава 14	128
Глава 15	136

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	147
Глава 2	155
Глава 3	163
Глава 4	172
Глава 5	182
Глава 6	191

Глава 7	198
Глава 8	208
Глава 9	215
Глава 10.	225
Глава 11.	231
Глава 12.	241
Глава 13.	249
Глава 14.	256
Глава 15.	267

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	279
Глава 2	288
Глава 3	296
Глава 4	303
Глава 5	312
Глава 6	322
Глава 7	333
Глава 8	342
Глава 9	354
Глава 10.	361
Глава 11.	369
Глава 12.	374
Глава 13.	382
Глава 14.	393
Глава 15.	404

Литературно-художественное издание
БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий
РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — РЕЙХСФЮРСТ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *И. Топоровская*

В оформлении переплета использован
рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 14.05.2012. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 65 000 экз. (1-й завод 50 000 экз.) Заказ 8701.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.оомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-57278-6

9 785699 572786 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: International@eksmo-sale.ru

**International Sales: international wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanс@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanс-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, д. 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-57278-6

9 785699 572786 >

